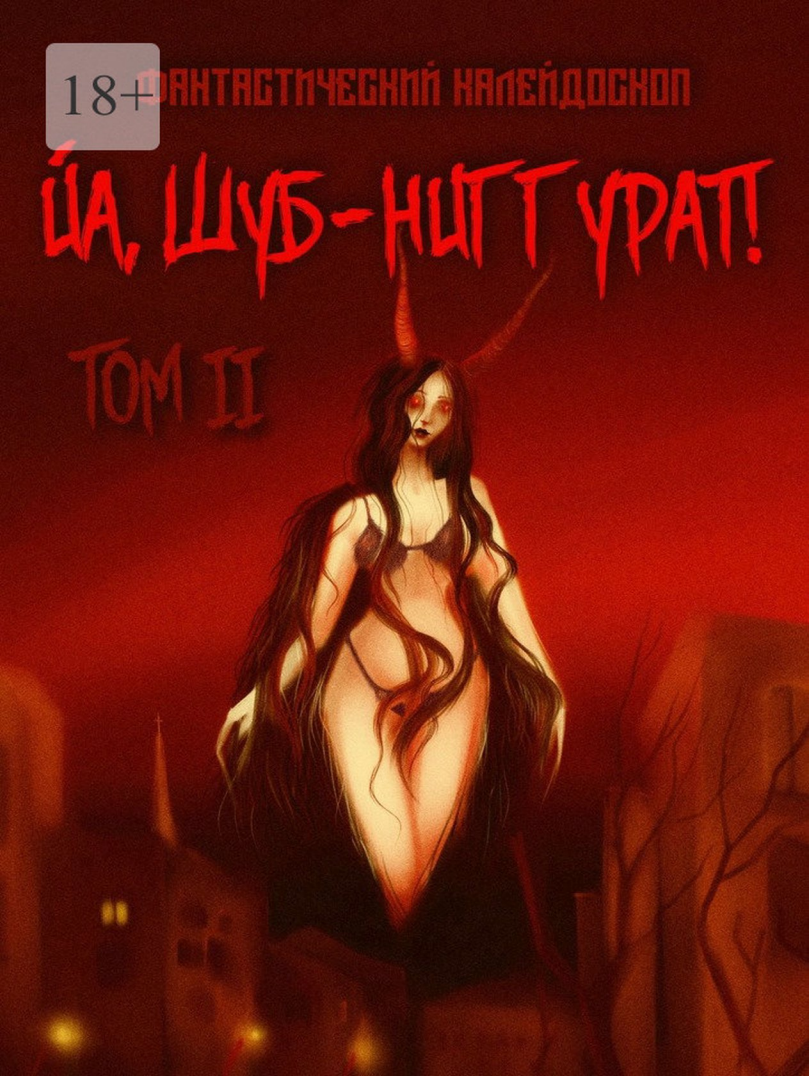
18+

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ЙА, ШУБ-НИГГУРАТ!

ТОМ II



Фантастический калейдоскоп: Йа, Шуб-Ниггурат! Том II

Станислав Романов, Владимир Михайлович Волков, Андрей Станиславович Каминский, Александра фон Лоренц, Марина Витальевна Румянцева, Вадим Николаевич Громов, Валерий Алексеевич Цуркан, Максим Ахмадович Кабир, Юлия Саймоназари, Андрей Скорпио, Евгения Игоревна Юрова, Андрей Волохович, Вадим Вербицкий, Даниил Лукьянченко, Дарья Равина, Александр Лещенко, Светлана Ремельгас, Ольга Леонидовна Вербовая, Кирилл Свидельский, Гог Гогачев, Георгий Акбаа, Павел Рязанцев, Маргарет Руан, Александра Зырянова, Елена Калугина, Ирина Новгородская, Анна Рэйвен

Аннотация

Фантастический калейдоскоп: Йа, Шуб-Ниггурат!. Том II
Ужасный жребий. Вадим Вербицкий
Семь чёрных кошек. Ольга Вербовая
Ид ерв. Андрей Волохович
Во славу Древних. Александр Лещенко
Запах из соседнего номера. Павел Рязанцев
Тётушка. Александра Зырянова
Сияние. Андрей Скорпио
Morti proximus. Светлана Ремельгас
Павлик Морозов, внук колдуна. Станислав Романов
Когда выключается свет. Анна Рэйвен
Ужас в песках. Георгий Акбаа
Речной-3. Максим Кабир
Нахурлинтц. Кирилл Свидельский
Тёмная сторона творчества. Александр Лещенко, Марина Румянцева
Город Чёрной Козы. Андрей Каминский
Волосы Шивы. Дарья Равина
Тень-убивай-весь-день. Вадим Громов
Река памяти. Ирина Новгородская
Столбняк. Гог Гогачев
Дороже денег. Павел Рязанцев
Дар моря. Евгения Юрова
Притаившийся ужас. Маргарет Руан

Грех. Елена Калугина
Неизведанный. Даниил Лукьянченко
За предел. Андрей Скорпио
Проект «Зэйрос». Вадим Вербицкий
Норы. Кирилл Свидельский
Хранитель, одетый в красный панцирь. Валерий Цуркан
Свет вдалеке. Влад Волков
Нигур. Алекс Лоренц
Чалгаевск. Юлия Саймоназари
На ритуале «Йа, Шуб-Ниггурат!» выкрикивали
(Об авторах)
Наши книги

Аннотация

Из-под пера Говарда Лавкрафта появилось множество самых разнообразных чудовищ. Но больше всего впечатляют боги-монстры. Ктулху. Дагон. Йог-Сотот. Шуб-Ниггурат. И другие.В двух томах этой антологии владычествует Шуб-Ниггурат – Чёрная Коза Лесов с Легионом Младых.Кроме того, здесь можно последить за тайными сектами и кровожадными культами; посетить мрачные особняки; совершить экскурсии в маленькие деревеньки и городки, чьи жители скрывают страшные тайны.Неведомое ждёт…Йа, Шуб-Ниггурат!

Фантастический калейдоскоп: Йа, Шуб-Ниггурат! Том II

Авторы: Лещенко Александр, Вербицкий Вадим, Вербовая Ольга, Волохович Андрей, Рязанцев Павел, Зырянова Александра, Скорпио Андрей, Ремельгас Светлана, Романов Станислав, Рэйвен Анна, Акбаа Георгий, Кабир Максим, Свидельский Кирилл, Румянцева Марина, Каминский Андрей, Равина Дарья, Громов Вадим, Новгородская Ирина, Гогачев Гог, Юрова Евгения, Руан Маргарет, Калугина Елена, Лукьянченко Даниил, Цуркан Валерий, Волков Влад, Лоренц Алекс, Саймоназари Юлия

Редактор-составитель Александр Лещенко
Иллюстратор Ольга Краплак
Дизайнеры обложки Ольга Краплак, Александр Лещенко
Вёрстка Александр Лещенко

© Александр Лещенко, 2024
© Вадим Вербицкий, 2024
© Ольга Вербовая, 2024
© Андрей Волохович, 2024
© Павел Рязанцев, 2024
© Александра Зырянова, 2024
© Андрей Скорпио, 2024
© Светлана Ремельгас, 2024
© Станислав Романов, 2024

© Анна Рэйвен, 2024
© Георгий Акбаа, 2024
© Максим Кабир, 2024
© Кирилл Свидельский, 2024
© Марина Румянцева, 2024
© Андрей Каминский, 2024
© Дарья Равина, 2024
© Вадим Громов, 2024
© Ирина Новгородская, 2024
© Гог Гогачев, 2024
© Евгения Юрова, 2024
© Маргарет Руан, 2024
© Елена Калугина, 2024
© Даниил Лукьянченко, 2024
© Валерий Цуркан, 2024
© Влад Волков, 2024
© Алекс Лоренц, 2024
© Юлия Саймоназари, 2024
© Ольга Краплак, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0062-3742-1 (т. 2)
ISBN 978-5-0062-3743-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ужасный жребий
Вадим Вербицкий

Прошёл уже без малого год, а я всё ещё не способен отделаться от мучительного опасения, что где-то среди толпы, может быть, на шумном рынке или в глухом переулке мне снова повстречается одна из проводниц таинственного поезда. Тогда, вне всяких сомнений, я брошусь бежать, сломя голову, только бы скрыться от этих безжизненных глаз и никогда больше не слышать её нечеловеческий голос.

Несомненно, все эти непрекращающиеся, изводящие меня страхи являются следствиями глубокой психической травмы. Я точно знаю, что дни мои сочтены, и всё, что мне пока остаётся, это находить ложное и непродолжительное успокоение в алкоголе и сильнодействующих успокоительных.

Я расскажу всё, что со мной произошло, вплоть до того момента, когда я очнулся на пустыре, в пятистах километрах от родного города — лежавшим на сырой почве, вдали от железной дороги и к великому сожалению своему, не утра-

тившим подробных воспоминаний об ужасном чёрном поезде и о последних страшных словах той твари из неведомых областей вселенной.

Откуда выехал поезд, и в котором часу он начал своё движение по четвёртой железнодорожной ветке, остаётся для меня загадкой по сей день. Впрочем, я бы ни за что не осмелился сорвать покров с этой ужасной тайны. Мне только известно, что первым пунктом отправления, где ужасный состав из девяти вагонов распахнул свои скрежещущие двери, была станция «Восточная», первая остановка при въезде в город.

Это было сырое холодное утро, в сером небе кружили снежные хлопья, которые таяли ещё в воздухе и оставляли на асфальте мокрые пятна, словно от крупных капель дождя. Ветер гудел в проводах высоковольтных линий, тянувшихся вдоль железнодорожных путей. Над головами ожидавших электричку людей эхом разносилось трескучее карканье ворон. На покорёженных, выщербленных шпалах темнели комки бурой глины, а среди них в живописном изобилии валялись куски кабелей и прочий мусор.

Начало рабочей недели ознаменовалось приходом ночных заморозков и первым снегом. Прошли Рождественские святки, и празднич-

ные настроения будто сдуло этим леденящим, промозглым ветром. Люди были мрачны и угрюмы. Разглядывая их по своему обыкновению, я удивлялся, насколько удручающе гармонировали их одинаково хмурые лица и мрачные насупившиеся фигуры с наступившим ненастьем и окружающей серостью, словно станция «Восточная» наполнилась призраками, обречёнными пребывать здесь в вечном ожидании своего поезда.

Меня всегда завораживал вид уходящей вдаль железной дороги, наводящий на представление о пути в пугающую неизвестность. Как будто там, в недостижимо отдалённом месте, где сужается пространство, а время, точно застывшая в полёте капля воды, есть нечто недоступное пониманию человека. В той нулевой точке, где сходятся воедино три оси физического пространства, быть может, существует некий неведомый фактор, непостижимый нумен…

Давая, таким образом, волю воображению, я представлял пульсирующую червоточину, являющуюся чем-то вроде пространственной аномалии, или своего рода окна, сквозь которое можно было бы заглянуть в иной мир. С необыкновенной внутренней дрожью, я думал о том, что могло

скрываться от наших глаз за пределами известной действительности. Неизречённое священное «нечто» или же неописуемый космический ужас, столь любимый Лавкрафтом? В конце концов, я заключил, что едва ли нашёл бы в себе смелость посмотреть за завесу измерений.

Всё ещё пребывая под впечатлением собственных макабрических размышлений, я отошёл от края платформы, потянувшись в сумку за пачкой сигарет, как вдруг услышал протяжный гудок.

Сначала я решил, что это был всего лишь отдалённый шум ветра в проводах, поскольку до прибытия электрички, согласно расписанию, оставалось не менее четверти часа. Но потом я заметил, что звук этот насторожил не только меня.

Большинство людей, которые явились на станцию столь же рано, стали подходить к краю платформы, пытаясь высмотреть приближающуюся электричку. И я в свою очередь опять устремил взгляд в серую бездонную даль железнодорожных путей. Но ни единого признака того, что электричка находилась на том расстоянии, что соответствовало бы сигналу, который к тому времени прозвучал уже совершенно отчетливо, я не обнаружил.

Я посмотрел в противоположном направлении, но и там ничто не свидетельствовало о её приближении.

Какая-то старуха со сморщенным лицом вдруг поднялась со скамьи и демонстративно перекрестилась. Кто-то из толпы над ней посмеялся, а она тем временем судорожно шевелила губами и опять размашисто накладывала на себя крест. Перекрестившись трижды, она вдруг обвела всех испуганным взглядом и скрипучим старушечьим голоском вымолвила:

— Не та электричка! Не вздумайте сесть!

Конечно, слова её никто не принял всерьез.

«Чокнутая», — подобно остальным, решил я и снова стал выглядывать поезд.

Следующий сигнал прозвучал так громко, будто поезд подъезжал к станции. Задрожала земля. И вместе с тем, стал явственно слышен стук колёс и пронзительный скрип тормозов. Но к всеобщему изумлению, самого состава было всё ещё не видать.

Меж тем старуха что-то непрерывно бубнила. Потом она осенила воздух крестным знамением, как бы обращая его на стоявший на платформе народ, и поспешно засеменила прочь. Через минуту она исчезла из виду. И теперь я жалею, что

не последовал её примеру.

Ошеломлённые люди разводили руками и обменивались испуганными взглядами. Шум подъезжающего состава и дрожь под ногами свидетельствовали о том, что электричка прибыла на станцию, но её всё ещё не было видно.

Именно в тот момент, когда раздался металлический лязг раскрывающихся дверей, на глазах у поражённых очевидцев, словно по щелчку пальцев мага-иллюзиониста, внезапно возник чёрный вагон.

Как выяснилось, он являлся замыкающим в составе, поскольку в следующую секунду, будто насмехаясь над уязвимостью человеческого разума, стали появляться один за другим остальные вагоны — точно такие же, чёрные, как жерло бездны, с красными, наполовину стёртыми надписями на корпусах.

Очевидно, между словами *«Креатон»* и *«Меларум»* недоставало нескольких букв.

Странное зеленоватое свечение выплеснулось из открытых дверей, но к своему сугубому удивлению, я вдруг понял, что вагон не отражается на влажной поверхности платформы. Окна были сильно затемнены, и свет сквозь них почти не проступал.

И из этой бледно-зелёной дымки выплыл, будто призрачный фантом, стройный женский силуэт.

С первого же мгновения, когда я увидел его, меня посетило какое-то неясное волнение. Это определённо была женщина… здесь я затрудняюсь описать это странное и непонятное для меня чувство или какое-то смутное сомнение, сопровождаемое страхом, появившимся, когда я вгляделся в белое лицо проводницы.

Несмотря на тонкую талию и впечатляющую стройность фигуры, лицо девушки, обрамлённое прядями длинных чёрных волос, напоминало лицо трупа, и от взгляда её блеклых, как будто невидящих глаз, меня пробрало ледяным холодом.

Девушка разлепила свои серые губы, и мне показалось, что это далось ей с трудом. Затем она вымолвила что-то, чего я не разобрал, вымолвила таким голосом, глубина и тембр которого только укрепили моё подозрение в том, что она представляла собой ходячий труп.

Люди застыли в каком-то нелепом оцепенении, и страх на их лицах был очевиден. Я обратил внимание на то, что в проёме каждого вагона появилась проводница подобной наружности, стройная, с красивыми чертами на бледном

с впалыми щеками лице и серыми онемевшими губами, которые не желали двигаться, чтобы обращение её звучало достаточно внятно.

Тем временем люди стали подтягиваться к краю платформы, толпясь у раздвижных дверей. И так на протяжении всей станции, мужчины и женщины словно посходили с ума, ожесточённо толкаясь, чтобы попасть в поезд.

Сказать, что внезапная перемена, произошедшая в настроении толпы, поразила меня, значит не сказать ничего. Я был просто ошеломлён, и тревожная настороженность моя мгновенно переросла в глубочайший шок. Недоверие моё возросло безмерно, и я понемногу стал отходить, осторожно пятясь короткими шагами.

Вероятно, какое-то гипнотическое внушение заставило их потерять здравый смысл и утратить всякую человечность, поскольку первоначальный внезапный ажиотаж мало-помалу перерос в настоящий хаос. Только что они обменивались оскорблениями и раздраженно кричали, щедро раздавая пинки и пихаясь локтями, как вдруг стали набрасываться друг на друга с какой-то слепой животной яростью, кусаясь и рыча, точно безумные зомби.

Напуганный происходящим, я засеменил уве-

реннее, но зачем-то оглянулся и поймал на себе пристальный взгляд проводницы — и в страхе вздрогнул.

Её окоченелый рот искривила злобная улыбка, сквозь которую проглядывали острые тёмно-серые зубы. Мне снова показалось, что это простое действие далось существу с большим трудом. В ту секунду я вспомнил старуху, что удалилась со станции, прежде чем началось это безумие. Я перебросил лямку своей дорожной сумки через голову и уже набрался решимости бежать, что было мочи, прочь от этого страшного поезда. Но то, что случилось в следующий миг, заставило меня застыть на месте, позабыв обо всём на свете.

В третьем окне слева от входа, отодвинув край матерчатой занавеси, показалось нечто, от одного омерзительного и невероятного вида которого, я ощутил слабость в ногах и тошноту.

С огромной конической головы на меня таращились тусклые рыбьи глаза, смотрели они немигающим матовым взглядом. Голова сужалась книзу и была обрамлена множеством коротких извивающихся хоботков, с маленькими зубастыми ртами на конце каждого из них. Когда я рассмотрел эти жуткие детали через оконное стекло, безрассудный страх лишил меня послед-

них сил.

Видимо, пребывая в глубоком обмороке, я видел нездоровый сон или галлюцинации, вызванные психическим потрясением. Иначе, как ещё охарактеризовать ту череду странных видений, которая проносилась перед взором, всё глубже погружая меня в тёмные пучины неописуемого ужаса?

На протяжении видения меня сопровождал странный прерывистый звук, напомнивший мне ритмичное постукивание метронома.

Мой ум не утратил ясность, и картины, предстающие предо мной, казались потрясающе реальными. Их характер был неимоверно пугающим и временами почти невыносимым.

Я обнаружил себя на маленьком островке света, источником которого был обыкновенный уличный фонарь. Под ногами моими бледнел клочок покрытого оспинами асфальта, его края резко заканчивались там, где чёрной стеной стояла непроницаемая тьма.

Чувство страха боролось во мне с внезапно возникшим любопытством, и я протянул руку, чтобы коснуться этой плотной черноты, как вдруг увидел слабые блики микроскопических огоньков, появившихся повсюду в одно мгновение. Бесчис-

ленным множеством они рассыпались вокруг, но их холодный мерцающий свет был неспособен рассеять этот незыблемый стигийский мрак.

Мириады звёзд словно наблюдали за мной из безмерной космической пустоты.

Загадочный гипнотический стук, упомянутый мной ранее, был непрерывен, однако с появлением звёзд, высыпавших на чёрном полотне мрака, появился далёкий беспорядочный грохот, идущий откуда-то из космических глубин. По мере его приближения, свет фонаря заметно тускнел, пока, наконец, он не погас совсем, оставив меня в кромешной темноте.

Итак, я, словно заключённый в объятия абсолютного небытия, стал ожидать появления чего-то непомерно ужасного, мчащегося с чудовищной скоростью сквозь безымянный космос.

Только благодаря тому, что звёзды вдруг меркли и вновь загорались, мне удалось заметить приближение огромного продолговатого объекта. Через несколько коротких мгновений он остановился на некотором расстоянии от того места, где посреди бесконечности располагался мой нелепый эфемерный островок.

С металлическим скрежетом и тем характерным звуком, который можно было принять

за распределение воздуха в тормозной системе поезда, объект прекратил своё движение.

Теперь, рассмотрев его вблизи, у меня не осталось сомнений в том, что это был поезд. На корпусе его вагонов выделялись крупными красными буквами уже знакомые мне маркировки, только теперь надписи имели завидную чёткость и гласили:

«Креатон-Сотот-Меларум».

Возможно, следующий эпизод моих видений способен превзойти даже самую бредовую фантазию сумасшедшего.

Двери вагонов разошлись. Жуткое фосфоресцирующее создание выскользнуло из прямоугольного проёма, направляя перед собой свои тонкие шевелящиеся усики-антенны, словно гигантская креветка с круглой белёсой головой. Когда существо полностью оказалось снаружи, из его отвислого брюха вывалилось несколько пар конечностей, которые мгновенно принялись ощупывать под собой пустое пространство, делая это быстрыми рывками.

Вслед за кошмарным пассажиром показалась паукообразная тварь вдвое меньше его размером, однако же и вдвое его безобразнее. Раздутый тёмный овал с шестью лапами, освещённый хо-

лодным тусклым светом звёзд, нырнул в бездну космоса и исчез из виду.

Моё внимание привлекло движение на другом конце вагона. После выхода трёх ящеровидных чудовищ, которые расправили свои необъятные переливчатые крылья, показалась человеческая фигура. По крайней мере, это могла быть фигура гуманоидного существа, облачённого в тёмно-зелёные одежды. На месте, где должно было быть лицо, у него находился отвратительный нарост в виде конуса, переходящий в длинный изгибающийся хобот или щупальце, увенчанное светящейся жёлтой сферой, которая являлась глазом.

Множество и других, не менее ужасных существ, внешний вид которых не представится даже в горячечном бреду сумасшедшего, покинуло тот чёрный, едва различимый на фоне космической тьмы, поезд. Но к тому моменту, когда из окна последнего в составе вагона протиснулось нечто, напоминающее длинного бесцветного слизня, покрытого множеством жёлтых глаз и зубастых ртов, мой разум уже бился в конвульсиях безрассудного ужаса.

С истошным криком я вырвался из омута кошмарного сюрреализма. И первое, что я различил

при пробуждении, было ритмичное убаюкивающее постукивание. Когда я понял природу этого звука, что непрерывно слышался мне во сне, от которого я только что освободился, то едва сдержал себя, чтобы не закричать снова. Поскольку, сбежав от ужаса видений, я очутился в кошмаре наяву.

Стук колес и мелькающие за окном угрюмые поля, припорошенные грязным сероватым снегом, заставили меня усомниться в том, что я действительно проснулся. Напротив меня с абсолютно отсутствующим видом сидели двое молодых мужчин, которых я сразу узнал, поскольку они принадлежали к числу несчастных, кто ждал поезда на станции.

Темноволосый широкоплечий парень в светлом плаще отупело пялился в пол, одна его щека была расцарапана, на нижней губе запеклась кровь. А тот, что располагался на краю сидения, то есть ближе к проходу, отрешённо смотрел в окно; левый рукав его пальто был почти оторван, волосы и лицо выпачканы грязью, а одна бровь рассечена.

Я не помнил, чтобы по своей воле входил в поезд. Но то, что открылось моему взгляду за мгновение до потери сознания (определение

это не совсем верное — я вполне осознанно наблюдал те ужасные картины), мне не забыть никогда. Так что, в смятении и страхе я спрашивал себя, как сюда попал.

Лёгкое покалывание в кончиках пальцев и холодок, идущий вдоль позвоночника, а также учащённое биение сердца уже окончательно уверили меня в том, что я не спал.

Я размял затёкшую шею и опасливо осмотрелся.

Плацкарт был по большей части пуст. Немногочисленные пассажиры, напоминавшие безвольных кукол с пустыми стеклянными глазами, имели отвратительный бледно-зелёный оттенок кожи. Как я понял, такой эффект создавался из-за света ламп, разливавшегося по салону — это было похоже на повсеместную взвесь ядовитых грибковых спор. Моё раннее сравнение с зомби казалось справедливым, но всё же я понимал, что все эти пострадавшие пассажиры, угодившие в эту странную и загадочную историю, оказались жертвами какого-то коварного внушения.

Их сгорбленные неподвижные фигуры покачивались в такт движения поезда. Доносился приглушённый стук колёс, и на стёкла, казалось, давила внешняя темнота.

Меня охватила крупная дрожь, когда за окнами замелькали белые и синие звёзды. Нет, это не были огни города или другие источники электрического света. Но эти звёзды из неведомых миров, живые и бдительные, они будто наблюдали за тем, чтобы поезд неуклонно следовал своей цели. Это объяснение дала мне интуиция, и у меня не было оснований ей не верить.

Возможно, минуты две назад я ещё видел что-то напоминающее окраины города с их неказистыми домиками, с крышами из замшелого серого шифера, самые обычные виды, однообразные и знакомые. Когда же я покончил с осмотром салона и перестал разглядывать присутствующих странно нахохлившихся пассажиров плацкарта, то вновь обратил взгляд в окно. И уже ничего, что в моём представлении могло вписаться в рамки привычного, я там не обнаружил.

И сколько бы я не вглядывался в темнеющий сумрак снаружи, никак не мог различить в нём знакомый загородный пейзаж из унылых грунтовых дорог и испещрённых рытвинами тропок, голых полей и щербатых полесьев; не представлялись вниманию моему и высоковольтные вышки и столбы, и тёмное небо, казалось, таило теперь в себе что-то новое, чуждое и нездешнее.

Пока я старался постичь происходящее, появился жёлтый сферический объект, вначале ошибочно принятый мной за луну. Он возник на странном небе после появления красных звёзд, от яркого сияния которых белые и синие их предшественницы померкли и приобрели вид чёрных точек — определенно таких же, что наблюдал я в своём кошмарном видении. Я сказал «жёлтый», но цвет его скорее напоминал кровавый отблеск закатного солнца на поверхности тёмных вод. И сфера эта росла, раздуваясь, как пульсирующее жерло, готовое вот-вот извергнуть огненную лаву.

В тот самый миг, когда раздался резкий лязг сомкнувшихся дверей, гигантское солнце, звезда или, быть может, огненный глаз самого сатаны, мгновенно исчез — и всё вокруг, снаружи во внешнем изменившемся мире, и внутри самого поезда, погрузилось в кромешную тьму.

Присутствие проводницы, невидимой в темноте, выдал едва уловимый шелест, раздавшийся рядом в проходе. Задыхаясь от волнения, я вжался в спинку кресла, отказываясь верить всему, что меня окружало — верить в моё физическое присутствие в этом дьявольском поезде среди невероятных химер, в мелькающие за окном

странные звёзды… и красные светящиеся глаза, только что вспыхнувшие надо мной.

Как описать тот отвратительный голос, что издавало это ужасное создание? Возможно, некоторые сравнения, которые могут показаться вам нелепыми и вызывающими скептический смех, помогут мне, автору этих невероятных и химерных строк, в этом нелёгком деле.

Представьте себе деформацию какой-нибудь громадной металлической конструкции, например, моста, переброшенного через реку, и стон, что издаёт он под воздействием высоких температур в то время, когда по нему происходит движение тяжёлого транспорта. А теперь вообразите, как этот металлический звук сливается с пронзительным скрежетом попавшего под пресс автомобиля, и вот этот невыносимый для слуха диссонанс в какой-то мере может быть сравним со звучанием ужасного голоса проводницы.

— *Этот маршрут не твой,* — вымолвила она с почти нестерпимым металлическим визгом. — *На следующей станции ты сойдёшь с поезда. Ты вернёшься в свою обитель, ты будешь медленно умирать… тебя убьёт не Он и не Оно, и Вечный Мрак не наградит тебя блаженным безумием,*

как всех прочих в этом составе и вне его. Тебя поглотит пучина беспощадного одиночества и отстранённость от всех и всего, что было тебе дорого.

Утратив связующую нить с самой жизнью, ты станешь пленником непостижимых страхов, пока Прародитель ужаса не явится за тобой в своём временном обличии, чтобы отнять у тебя и тебе подобных последнюю тлеющую крупицу света. Всё услышанное тобой запиши, чтобы помнить и ждать в мучительном страхе, ибо Ползучий Хаос питается страхами и отчаянием людей.

Вот, я записал всё, что было со мной, и обращение жрицы Ньярлатхотепа отныне приурочено к этой реальности — нам с тобой известной и привычной. Ты, прочитавший моё послание, которое суть не моё, но самого Ползучего Хаоса, раздели же со мною жребий.

Семь чёрных кошек
Ольга Вербовая

Ночной город спал. Придорожные фонари провожали взглядом одиноко шагающую по двору девушку. Марина знала этот район с детства и не боялась ходить вечером одна. Хулиганы и пьянь здесь особо не шастали, сумочек не вырывали.

Он вынырнул из темноты неожиданно — в полицейском мундире, с сильным запахом перегара. Марина его знала — Пётр Филиппов из соседнего дома. Она хотела было пройти мимо, но он преградил ей дорогу.

— Далеко собралась, цыпа? — спросил он, обнимая её.

— Пустите, пожалуйста! Вы пьяный! — запротестовала Марина, пытаясь сбросить его руки со своей талии.

— Не груби старшим, девочка! — пьяно ухмыльнулся Филиппов. — А то найдут у тебя целую сумку марихуаны. Хрен докажешь, что это не твоё!

— Что вам от меня нужно?

— Ну, ты же знаешь! Знаешь!

Руки Филиппова уже не лежали на талии девушки — теперь они бесстыдно шарили по её джинсам в поисках застёжки.

— Пустите! Я буду кричать!

— Давай! Кричи! А я тебе наркоту в карман суну — и в отделение. Сядешь по двести двадцать восьмой. Так что давай раздевайся — и без фокусов…

***

— Мариш, ну, покушай! Хоть немного!

Ласковый голос матери, запах свежеиспечённых блинчиков. Раньше Марина набросилась бы на них и, намазав клубничным вареньем (мама его и сейчас не забыла поставить на стол), уплела бы почти полстопки. Это раньше. А сейчас она искренне не понимала, зачем мать их испекла. Какое отношение эти блинчики имеют к тому, что произошло? Как они теперь могут помочь её горю?

Снова и снова сознание девушки прокручивало кадры произошедшего в тот вечер, который разделил всю её жизнь на до и после. До была настоящая жизнь обычной молодой девушки. Была учёба в институте, мечта стать экономистом,

встретить достойного молодого человека, были встречи с друзьями и подружками, вечеринки. А что после? Ничего. Только боль, стыд, грязь. И нет от этого спасения, как нет и выхода. Жизнь сломалась, покатилась под откос.

— Ты бы встала, прогулялась. Чего целыми днями на диване лежишь?

Марина не ответила. Если бы мама знала, что с ней случилось! Но она не узнает, как не узнает никто другой. Филиппов ясно сказал, что если она кому-нибудь пикнет, сядет за наркотики.

Мать тем временем включила телевизор, чтобы послушать последние новости. Показывали какой-то несогласованный митинг в центре. Полиция его разгоняет. Вот трое полицейских схватили какого-то парня и ведут в автозак.

Как ошпаренная, девушка вскочила с дивана и принялась исступлённо колотить костяшками пальцев по экрану телевизора, крича:

— Сдохни, тварь! Сдохни! Сдохни!

— Что же он тебе сделал, что ты его так ненавидишь? — спросила мать, с удивлением и испугом таращась на Марину.

Но не задержанному парню предназначались эти слова. Одним из тех, кто его задерживал, был никто иной, как Пётр Филиппов. Депрессия

и безнадёга сменилась жгучей, как огонь, ненавистью.

Новости уже закончились, а Марина продолжала повторять, как заклинание, одно лишь слово:

— Сдохни!

***

«Наказать врага», «отомстить насильнику», «навести порчу» — Интернет выдавал одну ссылку за другой. Порча на смерть по фотографии, которую после наговора зарывают на кладбище… Порча криком в окно, когда, позвав врага со двора, нужно быстрее убегать на то же кладбище и читать заговор… Булавки и восковые куклы… Земля с кладбища под порогом дома врага… Или более современные — порча по телефону на могиле тёзки, порча через компьютерную программу, кодирующая врага на смерть.

Мозг кипел от обилия информации. Если первые ссылки Марина читала с интересом и любопытством, то следующие она уже бегло просматривала, сравнивая с уже знакомыми. Проштудировав около сотни способов наведения порчи, она так и не смогла выбрать, какой же использовать.

Ритуал «Семь чёрных кошек».

Хотя девушка порядком устала от обилия способов магическим путём свести врага в могилу, странное название не могло не привлечь её внимания.

«Если враг мешает вам жить, семь чёрных кошек помогут вам избавиться от него раз и навсегда».

Ритуал оказался несложным, равно как и подготовка к его проведению. За три дня нужно купить на птичьем рынке голубя (только не белого!). Это будет кровавая жертва, которую нужно принести кошкам. Также до проведения ритуала нужно сшить балахон из чёрной ткани с прорезями для головы и для рук. В день проведения ритуала ни с кем не разговаривать…

«Отлично!» — подумала девушка, дочитав до конца.

Впервые за неделю она почувствовала себя не раздавленной и униженной жертвой, а человеком, у которого есть силы действовать. Такие подонки недостойны того, чтобы жить! И она избавит мир от этой гниды!

***

Чёрная ночь давно уже опустилась на спящий город. Где-то внизу свет фонарей вырисовывал

фрагменты улиц, домов, дорог со спешащими куда-то автомобилями, которые сверху казались маленькими, словно муравьи.

На крыше девятиэтажного дома стояла девушка с распущенными волосами, одетая в чёрный балахон. В её руке трепыхался, пытаясь вырваться на волю, сизый голубок. Но Марина держала его крепко. Маме так и не удалось узнать, для чего он понадобился. Иначе она бы непременно выпустила птицу из клетки и испортила бы весь ритуал.

Балахон, голубь… Всё есть… Все слова заклинания выучены наизусть… Осталось начертить круг мелом и встать вовнутрь, что Марина тотчас и сделала.

Ветер разносил над городом слова заклинания, которые девушка старалась произнести как можно громче, чтобы семь чёрных кошек её услышали и явились на зов.

Услышали. Вот они по балконам карабкаются на крышу. Первая… вторая… Но останавливаться нельзя, иначе могут разорвать. Вот уже семь пар зелёных глаз глядят из темноты, ожидая жертву.

— Замбара, яви! — закончила Марина.

С этими словами она резким движением свернула голубку шею. Тот дёрнулся в последний раз

и затих.

Кошачьи глаза смотрели не мигая. Марина бросила безжизненное птичье тело за круг. Семь чёрных, как сама ночь, кошек тотчас же набросились на него, кромсая острыми зубами нежное мясо и урча от удовольствия. Хороший знак! Теперь осталось три раза назвать имя врага и трижды его проклясть.

Только девушка это сделала, как раздалось дружное мяуканье в семь кошачьих голосов. Это значит, демонические кошки приняли заказ, и враг будет уничтожен. Теперь можно спокойно уходить с крыши, оставив их доедать птицу.

***

На следующий день по району разнеслась новость: Петра Филиппова нашли мёртвым в собственной квартире. Его тело было настолько изуродовано зубами и когтями неизвестного животного, что на нём буквально не осталось живого места. Собственно, и опознали Филиппова после тщательной экспертизы. По факту его гибели возбудили уголовное дело, но что за животное его убило, и как оно проникло в квартиру на двенадцатом этаже, ответа на эти вопросы эксперты так и не нашли.

Марина была счастлива. Душа её, избавленная от груза стыда и ненависти, пела и порхала. Сама она чувствовала себя бабочкой, пробудившейся от тяжёлого сна с первыми лучами весеннего солнца. Хотелось пуститься в пляс, как в детстве, когда под ёлочкой оказывался подарок, о котором она мечтала.

Пребывая в самом радостном расположении духа, девушка пошла на рынок, купила утку, апельсинов, после заскочила в супермаркет за красным чилийским вином и любимым тортом с суфле и черносливом «От Палыча».

— Ой, Мариш, у нас что, сегодня праздник? — удивилась мать.

— Да, притом большой.

— И какой же?

— Да какая разница?

— И вправду никакой, — согласилась мама, впервые за долгое время увидевшая дочь в прекрасном настроении. — Если ты счастлива, это уже праздник.

Запечённая с апельсинами утка в этот раз была особенно вкусной. Вино источало такой приятный аромат, что казалось божественным нектаром. Торт был сладок, как никогда. А итальянская группа «Рикки и Повери», которую

включила Марина, своими бодрыми весёлыми песнями делала атмосферу ещё более праздничной.

Ванна с ароматом персика действовала расслабляюще, и заснула Марина в самом что ни на есть прекрасном расположении духа.

***

— Просыпайся, просыпайся, сестра Батильда! Иди к нам!

Сотни кошачьих глаз светились в темноте зелёными лампочками.

— Вы ошиблись, — испуганно шептала девушка. — Я не Батильда. Меня зовут Марина.

— Ты была Мариной. Теперь ты Батильда, наша сестра. Просыпайся и иди к нам!

— Нет!

Открыв глаза, Марина вскочила. Остатки сна мигом улетучились.

«Фу! Приснится же такое!»

Но что это? Девушка вдруг обнаружила, что прекрасно видит в темноте, так, словно за окном не тёмная ночь, а ясный солнечный денёк. А звуки, а запахи! Прежде не слышимые и не ощущаемые, они врывались в мозг Марины с неистовой силой.

Неожиданно её взгляд упал на руки… Руки… Не может быть! Вместо них, таких знакомых и привычных, девушка увидела покрытые шерстью чёрные лапы с острыми, выглядывающими из-под подушечек когтями.

«Мама, что это?» — хотела было закричать Марина, однако вместо слов из горла вырвалось испуганное мяуканье.

«Не может быть! Этого просто не может быть!»

Соскочив с кровати, девушка опрометью бросилась в прихожую, заметив, что бежит на четвереньках, и запрыгнула на трюмо. В большом зеркале отразилась кошачья морда со светящимися зелёными глазами. Шерсть с головы до хвоста была чёрной, без единого пятнышка.

«Я стала кошкой! Но как же так?»

«Ты вызывала нас, — услышала она вдруг голос в своей голове. — Ты принесла нам кровавую жертву. Мы расправились с твоим врагом. Теперь ты наша сестра, и имя твоё Батильда — Огненная Битва. Иди к нам!»

«Иди к нам, сестра! Иди к нам!» — вторили в её голове тысячи голосов.

Марина хотела было спросить, куда идти, но в следующую минуту поняла, что в этом нет необходимости. Она и так знает, куда.

Выпрыгнув в открытую форточку, новоиспечённая кошка слезла по балконам на землю и побрела по ночной улице к своим новым братьями и сёстрам — демонам, среди которых ей теперь предстоит жить.

Ид ерв
Андрей Волохович

— А ко мне на выставку сегодня заявился Денис Юрич Верховцев, представляешь? Изъявил желание купить «Причастие».

Артём провёл рукой по волосам лежавшей у него на коленях сводной сестры. Между пальцев заструилась угольно-чёрная река.

— Ах да, я же, наверное, не рассказывал о нём. Один из этих, богатых. Олигарх, во. Приватизировал, значит, наш завод. Вообще, процесс ещё идёт, но уже всё решено, остались какие-то мелочи, так что будем теперь работать не на государство, а на одного жирного богача-капиталиста.

Сестра молчала, безучастно глядя в окно.

— Он, поверь, Еване, действительно необъятный, — через силу усмехнулся Артём. — Помнишь, смотрели с тобой «Кавказскую пленницу»? Вылитый Бывалый.

Они посидели в тишине ещё немного. Снаружи погас последний фонарь. На улице валил непрерывным потоком снег, еле слышно посвистывал ветер в невидимых щелях.

— Так вот, — опять нарушил вязкое молчание Артём. — Пришёл я, значит, в ДК, развесил картины, народ ходит, смотрит, всё как в прошлый раз. Лидка, из упаковочного цеха, похвалила «Оленя». Приятно. Не зря, значит, замерзал, пока рисовал его, не зря выписывал пастель из Нарьян-Мара. Жаль, в нашем захолустье её не достать.

А затем подошёл он. Представился. Я даже не сразу понял, что это именно он, но когда-таки дошло, аж затрясло всего. Чего, говорю, желаете, товарищ Верховцев? А он, значит, в ответ: «Не товарищ я тебе уже почти десяток лет, ты что-то совсем от жизни отстал». Вот наглая рожа! — Артём сжал кулаки. — Эх, был бы он простым мужиком, я бы ему вломил… А так я мигом вылечу с завода, и всё, больше некуда податься, только и останется к ненцам прибиться. Рыбу ловить.

Артём усмехнулся своим мыслям, легонько толкнул Еване в плечо:

— Что, примут нас твои родичи? Заодно, может, расскажут, что с тобой сотворили…

— Ид ерв, — ответила она.

— Чёрт, ты опять…

— Ид ерв.

— Еване, не надо.

— Ид ерв!

Девушка вскочила с кровати, подбежала к окну, и, вцепившись ногтями правой руки в край створки, принялась дёргать её в попытках открыть. Обрубок левой при этом бился о стекло, оставляя на нём красные следы. Артём один прыжком пересёк спальню, и крепко обнял сестру, не давая ей пораниться. Бросил случайный взгляд на улицу… И вздрогнул. Под окном стоял человек. Свет из окон первого этажа окрашивал охрой стоящего на улице приземистого и широкого старика в тёмной малице и меховой шапке. Он смотрел прямо на Артёма и улыбался.

Воспользовавшись заминкой, Еване врезала ему локтем под дых, вывернулась из захвата и побежала прочь, однако тут же, запнувшись о собственную ногу, упала и захныкала. Артём подхватил лёгкое тело на руки и перенёс на диван.

— Ну-ну, тише, что ты опять начинаешь, — шептал он ласково. — Только посмотри на себя, теперь вся зарёванная, и шов опять кровоточит. Сейчас я перебинтую твою культю и отдыхай. А я пойду, посижу немного с бутылкой, отмечу, значит, первый успех. Хотя, честно говоря, теперь отмечать не слишком хочется.

Еване тихонько всхлипывала в ответ, узкие

глаза смотрели жалобно и печально. Проходя мимо окна, Артём не удержался и глянул на улицу. На первом этаже погасили свет, и теперь казалось, будто вся вселенная состоит из кружащегося, серого в темноте, снега. И в этой вселенной нет никаких улыбающихся стариков-ненцев из рыбацкого поселения.

***

Он оторвался от бутылки, после полуночи, когда даже ветер, словно устав гонять по улицам снежные барханы, перестал насвистывать заводные мелодии под козырьком окна. Провёл мутным взглядом по кухне.

Алкоголь выделил неприглядные детали, выставил напоказ пожелтевшие драные обои, сквозь прорехи в которых виднелся растрескавшийся мёрзлый бетон. Старая плита, краска облупилась, превратилась в изрезанное засухой пустынное плато. Можно, конечно, подкрасить, но куда денется ржавчина, господствующая под её поверхностью? А новую где достать? За огромные деньги заказывать из Нарьян-Мар — ближайшего крупного города, расположенного сотней километров западнее.

Ради чего вообще приходить каждый день

на этот хренов завод и по десять часов разделывать рыбу, если платят копейки, да и те некуда тратить?

Нет, понял Артём, хватит. Так дальше продолжаться не может, это не жизнь. Нужно что-то делать, как-то выбираться отсюда, из этой дыры, болота, где нет ничего, кроме снега и рыбы. И картины могли бы стать отличным подспорьем для новой жизни.

Он взял «Причастие», поставил перед собой на стул. Простейшая грубая рамка, дерьмовый, но купленный втридорога холст, немного потрескавшаяся в одном углу краска. Но всё это было неважно. От картины веяло неудержимой силой. Там, на плохоньком холсте поднималось из озера… Нечто.

Нечто настолько объёмное и живое, что, казалось, руку протяни — и коснёшься блестящей сапфировой кожи, розоватой присоски на осклизлом щупальце, выпуклого круглого глаза с двумя зрачками. Контрастом озёрному идолу служили обезличенные схематичные фигурки коленопреклонённых людей в одинаковых серых робах. Многие ряды фанатиков выстроились на берегу пенящегося озера, наблюдая явление своего божества.

Верховцев, конечно, прав, написано мастерски, тут Артём был абсолютно согласен. Смущало лишь одно: он совершенно не помнил, как нарисовал эту вещь. Картина словно появилась однажды утром сама собой. Впрочем, это не было веской причиной, чтобы отказываться от открывшихся возможностей.

Кивнув своим мыслям, он кое-как встал из-за стола. Пошатываясь, отирая плечом стену, чтобы не упасть, поплёлся в свою комнату. Проходя мимо спальни сестры, не удержался и заглянул в приоткрытую дверь. Еване лежала лицом к стене и дышала размеренно и глубоко. Перебинтованная культя была вытянута вдоль тела белёсым червём, слишком коротким, чтобы кто-нибудь мог спутать его с полноценной рукой. Артём зажмурился, на глазах выступили слёзы.

— Я найду эту мразь, — прошептал он, сжав кулаки. — Непременно найду.

***

Художник спал. Но сон его был неспокоен. Тяжелое, прерывистое дыхание служило аккомпанементом странному танцу, исполняемому, словно находящимся в руках кукловода, телом. Руки и ноги дёргались резко и беспорядочно. Паль-

цы царапали грудь, пытаясь выпустить что-то находящееся внутри. Веки трепетали крыльями бабочек.

С раскрытых губ сорвался протяжный, наполненный болью, стон, и тело художника поднялось с кровати. Оно подошло к окну, туда, где треногим идолом высился мольберт с уже готовой бумагой. Осторожным и плавным движением пальцы обняли кисть. Другая рука доставала краски. Мелькнувшая в рваной дыре посреди тяжёлых чёрных туч луна осветила на мгновение тёмную комнату, посеребрила лицо художника, чьи глаза были закрыты, а руки с поразительной лёгкостью сновали по мольберту, творя новый шедевр.

***

За кружевными занавесками агонизировал ноябрь, рассыпался очередной вьюгой, хотя ещё утром небо было ясным. В кабинете же стояла жара, Артём явственно ощущал, как она давит на виски, перемешивает мысли, кипятит мозги, превращая содержимое головы в дымящуюся кашу, неспособную к размышлениям. Ёрзая на чудовищно неудобном стуле, он терпеливо ждал, пока, ежеминутно вытирающий сырой

от пота лоб, лейтенант соизволит обратить на него внимание.

Среди волнообразных завалов папок и бумаг, в углу массивного, под стать хозяину, стола примостилась скромная табличка с надписью: «Участковый инспектор милиции, Анискин В. И.».

— Сейчас-сейчас, — пробормотал Анискин, заполняя какую-то форму. — Ещё немного, и я займусь вами, гражданин…

— Сычёв.

— Да, верно, помню ваше заявление. Но, честно сказать, порадовать нечем. Расследование, конечно, ведём, но подозреваемых пока не имеется.

— Как это не имеется, — выдохнул Артём. — Вы чем вообще занимались почти три недели?

Участковый оторвался от бумаг, глубоко вздохнул и снова вытер лоб тыльной стороной ладони. Потянулся до хруста в спине, выдернул из розетки шнур от обогревателя. Тряхнув короткой, но густой бородой, уставился на Артёма тяжелым взглядом из-под кустистых бровей.

— Слушай, парень, давай начистоту, я понятия не имею, кто мог покалечить твою сестру. Городок маленький, никаких маньяков тут не имеется точно. Если, как ты говоришь, сама

она не пила и не имела любящих выпить друзей, то зацепок у нас никаких. То есть, совсем. Не мог же случайный человек с улицы сотворить такое без каких-либо причин. Сам подумай.

Ярость захлестнула мгновенно, огромной удушливой волной. Артём вскочил, ударил по столу, одним движением смёл на пол стопку бумаг. Голос сорвался на крик.

— Это всё? Моей сестре оторвали руку! Она видела что-то настолько жуткое, что тронулась умом! Почему вам плевать? Она постоянно бормочет про какого-то Ид ерва, кто или что это такое? Выяснили? Это ваша работа! Никаких, сука, подозреваемых и зацепок? Да у вас под боком целое стойбище этих подозреваемых живёт!

Лицо Анискина побагровело. Сжались огромные кулаки, хрустнул в руке карандаш, но участковый сдержался и продолжал говорить показательно спокойным тоном.

— Ненцы? С чего бы мне их подозревать? Они — миролюбивый народ. Насколько я знаю, Ид ерв у них — нечто вроде духа хранителя, озёрный повелитель, но это ничего не даёт.

— Не даёт? Да у них же все бабы увечные, вам ли не знать! Кто без носа, кто без глаза, ничего не напоминает? Тем более, оказывается, сестра

говорила о каком-то ихнем духе. Если вы не видите здесь связи, то в милиции вам делать нечего.

— Ты мне ещё тут поуказывай, щенок, — прорычал Анискин, вставая из-за стола. — Предлагаешь мне всех их арестовать? Заходить в каждый чум, вытаскивать целые семьи — и на скамью подсудимых, отличная мысль. Да, ненцы странные, дикий народ, свои обычаи, но я ни за что не поверю, что они могли сделать это с твоей сестрой, пусть даже она сама из их рода.

— Да послушайте…

— Нет, не стану! Они просто ловят рыбу. Поставляют её на завод. Всё. А твою сестру медведь подрал, вот официальная версия следствия. Теперь выметайся отсюда, пока сам в обезьяннике не оказался, за хулиганство и вандализм.

***

Снизу дома казались маленькими серо-чёрными коробками, хотя до них было рукой подать — достаточно подняться на холм, и снова окажешься в городе. Здесь, у подножья, ветер с каким-то особенным наслаждением вздымал клубы снега, кружился в безумной пляске, образовывая миниатюрные вихри, то вдруг затихал, позволяя увидеть искрящуюся тундру с её редки-

ми скелетами деревьев на многие сотни метров вперёд.

Холод проник своими цепкими пальцами даже под тёплую ушанку, заставив Артёма поёжиться и перевязать тесёмки, прижав наушники поплотнее к ушам. Да, определённо становилось прохладнее, скоро придётся заменить перчатки на столь нелюбимые варежки, а место удобных ботинок на ногах займут валенки. Пропустив очередной резкий порыв ветра, Артём чертыхнулся, подтянул опоясывающий полушубок ремень и продолжил двигаться к казавшимся нелепыми кочками посреди бескрайней снежной пустыни чумам.

Возле неспешно гниющих пустых деревянных бараков, куда советское руководство хотело переселить ненцев, он остановился, прижался к стене одного из них. Выглянул из-за угла, осторожно, как заправский шпион.

Ближайшие чумы, внешне очень похожие на индейские вигвамы, находились всего в паре десятков метров от бараков, но Артём был уверен в безопасности своего временного укрытия — ненцы почти никогда не покидали своё стойбище без особой нужды. Алкоголь ещё властвовал над разумом, раздувал тлеющий огонёк неприязни

и подозрений в настоящее пламя. Полупустая бутылка с огненной водой оттягивала карман.

Где-то вдалеке заухала сова, и её тревожный крик будто послужил сигналом. Встряхнувшись, Артём сбросил задумчивое оцепенение, оторвался от стены барака и уверенно зашагал вперёд.

В поселении было удивительно тихо и безлюдно. Россыпь небольших остроконечных чумов, окружавших три объёмных, метров десять в диаметре, купола казалась безжизненной, словно какой-то великан налепил куличиков из снега, воткнул туда прутики и ушёл, оставив своё творение на милость ветров. Сбившиеся в кучу ездовые олени спали, изредка всхрапывая во сне. На другом конце стойбища послышался детский смех, но и тот сразу же стих.

Скорее всего, мужчины были на охоте или рыбалке, как и подходящего возраста подростки. Это значительно облегчало дело. Артём перелез через нарты, выставленные вокруг поселения на манер ограды и, осторожно отогнув у ближайшего чума нюки — оленьи шкуры, служившие как стенами, так и дверьми, заглянул внутрь. Пустая люлька, обшитая шкурами, кухонная утварь, тлеющий очаг возле вертикального центрального шеста, выполнявшего, очевидно, функцию несущей бал-

ки. И ни одного человека. Несколько следующих жилищ также оказались пусты.

Удача улыбнулась ему спустя пару минут. Из ещё непроверенного чума вышла пожилая женщина с розоватым кровоточащим шматом мяса в руках. Цветастый пояс колыхался на ветру, словно был сделан из бумаги. Услышав скрип шагов по снегу, она повернулась к Артёму, и он скривился от отвращения: у ненки отсутствовала часть нижней губы, сквозь прорехи виднелись розоватые после недавней трапезы зубы, а левую щёку обвивали убегающие вниз, на шею и под ворот расшитой узорами ягушки, уродливые черви шрамов.

Поняв, что незваный гость не собирается уходить, она что-то вопросительно прошамкала, между зубами скользнул рваный, словно кленовый лист, язык.

Подойдя вплотную, Артём навис над коренастой женщиной и угрожающе прошипел:

— Кто и зачем изувечил Еване? Отвечай!

— Не, не, рушский, не, — ненка замотала головой, тихо звенели пришитые к шапке резные монеты.

Резким ударом он выбил из её рук мясо, окрасившее при падении ближайший сугроб оттенка-

ми розового. Схватил женщину за ворот, затащил её в чум, не обращая внимания на сопротивление и жалобные выкрики.

Внутри было жарко, от перепада температур на мгновение закружилась голова, и мокрая от растаявшего снега ягушка выскользнула из рук. Ненка попыталась воспользоваться шансом, на четвереньках поползла к выходу, подволакивая ногу, но оправившийся Артём, коротко рыкнув, пнул её в бок. Возмущённо звякнули монеты, шапка слетела с начинающей седеть головы и приземлилась в углу пёстрым меховым свёртком. Артём перевернул хрипящую от боли женщину на бок, оседлал, прижав коленями бордовые от мяса руки.

— Всё вы, с-сука, понимаете. Хитрые твари. Когда удобно, так «русский не-не», а как почуете наживу, сразу «да-да».

Кое-как стянув перчатку, он залепил ненке пощёчину. Взвизгнув, она дёрнулась, сплюнула кровью на дощатый пол. По изуродованной щеке потекла мутная слеза. Узкие глаза округлились от страха.

— Ещё раз, тварь, — прорычал ей в лицо Артём. — Моя сестра. Еване. Кто с ней это сделал и зачем?

— Еване… Еване отдалась Ид ерв. Ид ерв принял её. Выполнил желание…

— Где обитает этот Ид ерв? Где его найти? Даже не думай врать — убью!

Он замахнулся снова, теперь уже кулаком. Однако ненка, открывшая было рот, вдруг закусила окровавленную губу и уставилась куда-то через плечо Артёма. А потом сильные руки обхватили его поперёк туловища, подняли в воздух, швырнули на доски.

От падения перехватило дыхание. Тело выгнулось, приподнялось на локтях, пальцы заскребли по полу. В поле зрения показались две коренастые широкие фигуры, укутанные в оленьи шкуры.

— Идите… Сюда. Твари, — прохрипел Артём, сжимая кулаки, но сильный удар по голове прервал готовящуюся тираду.

Следующий удар пришёлся в живот. Третий он уже не почувствовал.

***

— Ты прости молодых, — бормотал старик, протирая лоб Артёма мокрой прохладной тряпкой. — Не рассчитали силы. Горячая кровь. Хоть и холодное время.

Лёжа на дощатом полу чума, Артём бессмысленно смотрел вверх, на сотканный из шкур, словно из лоскутов, купол, изредка переводя взгляд на казавшегося знакомым старика. Как и у многих других, его лицо было загорелым от мороза, морщинистым, но каким-то неуловимо добрым, расслабленным, в отличие от вечно сосредоточенных соплеменников.

— Но и ты дурак. Зачем полез? Ещё и пьян. Мог бы спросить у меня. Всё бы рассказал, как есть. Думал сам зайти, да не решился.

— Погоди, — прохрипел Артём. Каждое слово провоцировало вспышку боли в затылке. — Так это ты под окнами стоял позавчера ночью?

Старик кивнул, отжимая тряпку в наполненную водой посудину.

— Надо беречь Еване. Она много просила и много дала. Ид ерв был доволен. Но для неё это оказалось чересчур. Не выдержала.

С трудом приподнявшись, Артём схватил старика за рукав и притянул к себе. Узкие разноцветные глаза остались спокойны.

— Что с Еване? Кто такой Ид ерв? Что вообще происходит? — шёпот переходил в крик и обратно.

Ненец покачал головой.

— Нет времени. Слишком долго объяснять. Лучше поймёшь сам.

Он вырвался из слабых пальцев Артёма, взял его за грудки и одним движением поставил на ноги. Положил ему на плечи свои тяжёлые ладони, встряхнул, приводя в чувство.

— Идти можешь?

Прислушавшись к ощущениям, Артём вяло кивнул.

— Тогда иди на озеро. К утёсу. Там всё узнаешь. Торопись, уже почти началось.

***

Ветер норовил толкнуть в бок, в грудь, в спину. Жестокими злыми порывами сбить с ног, повалить в снег и не давать подняться. Щёки и голые пальцы — перчатки остались в чуме — горели, словно на них пролился кипяток. Изредка ветер забирался под капюшон и принимался свистеть и выть, громко, тоскливо, и от этого хотелось завыть самому, упасть на колени, проклиная бескрайнюю молочную тундру, давящую своими размерами, заставляющую чувствовать себя единственным человеком на земле.

Темнело. В оставшемся позади стойбище ненцев спали олени. Запорошенные остроконечники

чумов искрились, как новогодние гирлянды. В городе закончилась смена «Рыбпромсева», и люди, должно быть, уже расходились по домам, шагали по единственной улице, обсуждая… Скорее всего, ничего не обсуждая, спешили в квартиры, в тепло — отдохнуть от тяжёлого дня, чтобы завтра с новыми силами начать очередной, в точности такой же. Тусклое, как лампочки в цехах, солнце готовилось быть поглощённым частоколом деревьев на горизонте.

Неожиданный порыв ветра царапнул лицо, высек из левого глаза слезу, неспешно покатившуюся вниз по щеке каплей раскалённой лавы.

Шатаясь, то и дело припадая на одно колено, Артём медленно продвигался к цели. Уже виднелось впереди множество движущихся фигурок, маленьких и жалких, словно массовка «Причастия». Одна из фигурок стояла на вершине бугристого, уродливого, сужающегося к основанию, утёса, остальные же выстраивались в шеренгу у самой кромки воды.

Озеро казалось большим, неровным по краям зеркалом. Для него будто не существовало ни снега, ни бушующего ветра — поверхность воды была идеально гладкой. В озере отражалось небо. Гораздо темнее, чем настоящее, почти чёрное, ка-

кое бывает глубокой ночью. В озере отражалось солнце. Белый, чуть сплющенный круг — он колыхался и рябил, едва заметно меняя очертания и цвет. В озере отражались звёзды. Созвездия, не существовавшие прежде, не отмеченные ни на одной астрономической карте…

Озеро манило. Приглашало разгадать какую-то тайну. Артёму пришлось закрыться капюшоном словно шорами, чтобы не видеть чёрную непрозрачную воду, не ощущать тянущего чувства в животе, побуждающего окунуться туда и больше никогда не выходить на берег.

Обойдя по широкой дуге скопление опустившихся на колени ненцев, Артём спрятался за снежным барханом по другую сторону утёса так, чтобы оставаться незамеченным для остальных, но самому видеть всё. На каменистой вершине утёса, в трёх метрах над уровнем воды, на самом краю стояла ненка, и, когда она переминалась с ноги на ногу, из-под подошв её пимов летели вниз мелкие камушки. Падали в воду и будто растворялись в ней, не оставляя после себя ряби или кругов.

Ждать пришлось недолго. Выстроившееся вдоль берега племя затянуло не то песню, не то молитву на одной низкой грудной ноте. В это

время женщина на утёсе не спеша разулась, отставила пимы в сторону, а затем одним движением скинула ягушку, оставшись полностью обнажённой. Пышная, высокая, полногрудая, с развевающимися на ветру длинными распущенными волосами и приятным молодым лицом, она неизменно притягивала взгляд, как бы Артём не пытался сосредоточиться на чём-нибудь другом.

После того, как соплеменники замолчали, женщина выкрикнула несколько непонятных слов и, взяв заранее приготовленный нож, быстро полоснула им по ладони.

— Твою мать! — выдохнул Артём, и тут же закусил губу, надеясь, что никто этого не услышал.

Ненка вытянула руку над озером, и алые капли сорвались с растопыренных пальцев.

Вода в месте их падения пошла рябью, забурлила, вспучилась горбом, непроглядным и чёрным, как космос. Этот горб рос, высился, словно вода перестала быть жидкой — превратилась в расплавленное стекло, которое теперь осторожно формировал опытный стеклодув. Достигнув высоты третьего этажа, волна качнулась назад, беря разгон, а затем обрушилась на дрогнувший от такого напора утёс.

Когда вода схлынула, разбросав вокруг чёрные капли, плавящие снег и лёд до самой промёрзшей земли, людей на утёсе стало двое. Одним из них являлась совершенно невредимая ненка, что, опустившись на колени и прижав руки к груди, тараторила какие-то заговоры. А перед ней стояла хрупкая светловолосая девушка в белом одеянии. Тонкие пальцы её усыпали перстни, а черты лица были столь прекрасны, что их хотелось разглядывать бесконечно, забыв о своей миссии, о Еване, о еде и питье, о воздухе для дыхания — обо всём на свете, лишь бы наслаждаться созерцанием абсолютного совершенства как можно дольше…

Но вот она пошевелилась, и наваждение исчезло. Тени, полутени ложились на щёки как попало, складки одежд казались неестественными, похожими на мятый картон, повёрнутая на бок голова была почти треугольной — тот, кто сотворил эту голову, явно имел слабые понятия о перспективе. Намётанный глаз Артёма улавливал мельчайшую фальшь раньше, чем мозг успевал её осознать. Пустышка, подделка, реплика. Талантливая зарисовка неопытного художника, выдаваемая за подлинное произведение искусства. Совсем как… все его картины. Кроме последних, написанных в беспамятстве.

Подделка под человека схватила ненку за волосы, дёрнула наверх. Вскрикнув, та подчинилась. Они стояли друг напротив друга — и разница между настоящим живым существом и, пусть искусным, но лишь подобием становилась всё более очевидной — удивляло лишь, почему ненцы не замечали этой неправильности, продолжая поклоняться ей.

Тем временем фальшивка взяла ненку за руку и, растянув на мгновение губы в холодной безжизненной улыбке, распахнула пасть — это была именно пасть, полная коротких острых зубов, разрезавшая снежно-бледное лицо поперёк от уха до уха — и с хриплым воплем вгрызлась в её пальцы.

— Что за херня! — вскрикнул Артём, не заботясь уже о том, что кто-нибудь может услышать.

Это казалось фантасмагорией, кошмаром, настолько неправдоподобным выглядело происходящее. Неужели Еване тоже…

Мысли прервал громкий стон боли. Ненка всхлипывала, баюкая на груди искалеченную руку. Из обрубка безымянного пальца под напором хлестала красная струя. Она попадала на белоснежные одеяния облизывающей перепачканный рот девушки и тут же впитывалась,

не оставляя на ткани ни малейших следов.

Слизнув с губ необычайно длинным и тонким языком последнюю каплю крови, фальшивый идол вновь потянулся к женщине. У Артёма перехватило дыхание. Не в силах больше смотреть, он опустил взгляд на озеро.

На озеро, теперь ставшее безупречно прозрачным. На озеро, у которого не было дна, а внизу, под толщей воды находилось то, что являлось истинным совершенством, в отличие от своей бездушной академической аватары, то, что предпочитало скрываться от чужих глаз, не надеясь найти человека, который поймёт суть вещей, осознает истинно-божественную красоту, достойную поклонения, и примет её в своём сердце. И божество посмотрело на человека тысячей прекрасных глаз.

***

Вскрикнув, художник рухнул на снег, задёргался, словно в припадке. Взгляд Бога обжёг тело, глаза, разум. В голове замелькали разные образы, полные немыслимых сочетаний цветов, изображающие странные, несуществующие вещи, иные миры, один из которых был родиной высшего существа, сошедшего в своей бесконечной мило-

сти на Землю, чтобы принести людям счастье, и застрявшего здесь, вместе с этими дикарями.

Божество транслировало в разум художника свои мысли, свои желания и мечты, как прежде, когда его тело, само по себе, принималось зарисовывать фантасмагорические образы. И теперь художник молил только об одном — стать проводником воли своего нового повелителя, положить всю свою жизнь на служение Ему. И бог милостиво согласился.

***

— Ид ерв не любит, когда на него смотрят. Удивительно, что ты жив, — произнёс знакомый уже старик, присаживаясь на снег рядом с Артёмом.

— Так вы всё-таки знаете, что девушка не настоящая? — удивился лежащий на спине парень.

Ветер утих. Снежинки, неспешно кружась, опускались на лицо и столь же неспешно таяли. Перед глазами таяли образы, показанные Богом. По всему телу разливалось приятное тепло, приносящее неодолимое желание жить. Жить и творить, запечатлеть, задокументировать Его величие.

— Конечно. Старики всё знают. Она для молодых. Иначе боятся. Не чтут традиций. Хотят

уйти.

— Как давно он здесь?

— Очень. Русские пришли за годы до моего рождения. Ненцы за века до русских. Ид ерв был раньше. Ид ерв манит, хочет поклонения. Мы охраняем, не даём.

Старик замолчал, растирая щёки. Где-то в стороне слышались разговоры возвращающихся к стойбищу ненцев, скрипели салазки единственных нартов, в которых везли окровавленную, но гордо улыбающуюся женщину. Глупые аборигены, если бы они только знали…

Откашлявшись, старик продолжил:

— Ид ерв принял тебя. Ты теперь можешь желать. Только подумай, сможешь ли оплатить цену. Мы — народ скромный. Нам бы рыбы побольше. Да чтобы русские не трогали лишний раз. Вот этого и желаем. Взамен отдаём то, что нужно ему. Обычно это немного.

— Ну да, — усмехнулся Артём. — Пальчик-другой, ухо, язык. Ни хрена вы не понимаете. То, что вы даёте — просто объедки, унизительная сделка, богу приходится творить чудеса, лишь бы не умереть с голоду. С другой стороны, а как иначе? Других людей здесь нет. Но ничего, я это исправлю…

С этими словами он поднялся и зашагал к городу, не обращая внимания на возгласы оставшегося позади старика. Во рту стояла горечь. На глаза наворачивались слёзы от злости, от иррациональной обиды на ненцев, сотни лет назад обнаруживших Бога и посмевших оставить его себе.

Нет, так нельзя! Всё это время на земле жило настоящее божество, которое, в отличие от Иисуса и Будды, можно увидеть, в которое можно не только поверить, но и лично убедиться в его существовании, а они скрывали это от человечества. Еретики! Все они будут наказаны. Но это потом. Сейчас Богу нужны люди, нужна паства, нужна… пища. И Артём готов помочь, готов стать мессией, проводником Его воли. Готов стать Его первым иконописцем.

***

Едва он переступил порог, Еване кинулась на шею, зашептала, покрывая лицо горячими поцелуями:

— Живой, живой! Ид ерв принял тебя, как же хорошо, я так волновалась! Я ведь это всё ради тебя. Не могла смотреть больше, как ты мучаешься, как угасаешь, становишься таким же, как

остальные. Пустым и никчемным. Ты не такой, я знаю, ты талантливый и видишь мир совсем иначе, у тебя большое будущее, и нужен был лишь небольшой толчок…

— Я знаю, Еване, — улыбнулся Артём, ничуть не удивившись её чудесному выздоровлению.

Божество одаривает своего апостола и его близких, это очевидно. Теперь он действительно видел иначе, благодаря своему покровителю. Видел её желание: помочь брату открыть новые грани таланта. Видел безграничную сестринскую любовь.

Он крепко обнял её, прижал к себе хрупкое тело.

— Больше ни о чём не беспокойся, Еване. Меня действительно ждёт великое будущее, нас обоих.

В спальне затрещал телефон. Звонил человек Верховцева, спрашивал, можно ли забрать картину на следующей неделе.

— Конечно, — ответил Артём, улыбаясь. — Пускай он подыщет целый выставочный зал. Работ будет ещё много. Одна лучше другой. Люди должны это увидеть. Люди должны узнать.

Во славу Древних
Александр Лещенко

Год подходил к концу. Николай прожил его так, как хотел — во славу Древних.

Во имя Шуб-Ниггурат!

Во имя Дагона!

Во имя Ктулху!

Во имя Йог-Сотота!

Весной Николай принёс в жертву свою девушку. Они поехали в лес, занимались любовью. Насладились друг другом сполна. А потом Николай вонзил ей в грудь кинжал. Вырезал сердце. Мерзко. Но всё равно не удержался и откусил кусочек. Палатка погрузилась во тьму, а когда вернулся свет, то ни девушки, ни сердца нигде не было. Зато появился чёрный медальон, на котором был изображён изогнутый рог.

Во имя Шуб-Ниггурат!

Летом Николай принёс в жертву своего лучшего друга. Заманил на утёс, столкнул вниз. Парень разбился, упав на чёрные острые камни. Николай затянул протяжную песню на древнем языке. Набежала волна, подхватило изломанное

тело, утянула в воду. Вторая волна вынесла на берег зелёный медальон. Кто-то вырезал на нём трезубец.

Во имя Дагона!

Осенью Николай принёс в жертву своего отца. Арендовали катер для рыбалки. А когда заплыли достаточно далеко, то Николай вырубил отца, привязал к ногам мешок с песком и столкнул за борт. Стал читать богохульные молитвы.

Спустя какое-то время ему показалось, что снизу поднимается гигантская тень. Солнце скрылось за тучей, катер закачался на волнах, норовя перевернуться. Но тень исчезла, словно канула в глубину, откуда и появилась, а в борт лодки что-то тихо застучало — синий медальон с щупальцем.

Во имя Ктулху!

Зимой Николай принёс в жертву свою мать. Долго выбирал место для жертвоприношения, пока не остановился на арке под пешеходным мостом. Вечером они пошли гулять по вечернему парку. Вокруг не было не души. Оглушив мать, Николай перерезал ей горло и кровью нарисовал отвратительные символы на стенах арочного прохода. В центре возник портал из ослепительного света. Жертву затянуло туда, а на каменную

плитку упал белый медальон. В центре его был ключ.

Во имя Йог-Сотота!

И вот Николаю снился сон. Он оказался перед гигантским храмом, вокруг возвышались снежные горы. К величественному зданию вела мощённая дорога. По обеим сторонам от неё стояли статуи Древних: Ктулху, Дагон, Шуб-Ниггурат, Йог-Сотот, а также множество других — знакомых и совершенно неизвестных. Дорога была в снегу, но, судя по множествам отпечаткам ног, гигантский храм не испытывал недостатка в посетителях.

Николай вошёл внутрь. Стены были исписаны богохульными фресками: на них запечатлены люди, поклоняющиеся Древним и приносящие им жертвы. В центре зала находился алтарь. От него вверх, к внутренним воротам, уходила лестница. Подойдя к алтарю, Николай достал из карманов медальоны и вставил их в круглые отверстия.

Раздался скрежет, створки ворот распахнулись. За ними была первозданная темнота. Но вот оттуда показался худой, долговязый мужчина и стал спускаться по лестнице.

Он был одет в чёрный деловой костюм, в руках

держал книгу в кожаном переплёте. Мужчина напоминал скорее бухгалтера или учителя, а уж никак не главного жреца Древних. Но Николай понял, кто перед ним.

— Приветствую тебя, о, великий Затворник из Провиденса!

Он начал наклоняться, чтобы стать на колени, но жрец Древних иронично улыбнулся и жестом остановил его.

— Привет-привет. Давай обойдёмся без скучных формальностей и перейдём сразу к делу.

Взгляд Николая упал на книгу, и он не смог удержаться:

— Это та самая книга?

— Нет, конечно, — улыбка Затворника стала шире. — Это даже не «Культ Гулей». А «Некрономикон» стоит там, где ему и полагается — на отдельной полочке в моём книжном шкафу. А здесь, — главный жрец Древних похлопал по книге, — собраны все записи о тех, кто приносит нам жертвы.

Зашелестели страницы.

— Так-так, Николай. Весной — девушка, летом — друг, осенью — отец, зимой — мать. Что ж, ты хорошо потрудился, — Затворник захлопнул книгу. — Самое время получить награду!

Главный жрец Древних сделал паузу.

— Шуб-Ниггурат!

Медальон с рогом взлетел в воздух. Из него ударил чёрный луч энергии, прямо в Николая. Он упал, на голове выросли рога, на ногах копыта, кое-где проступила шерсть.

— Дагон!

Теперь медальон с трезубцем присоединился к первому медальону. На Николая излился зелёный луч. Кожа позеленела, рот превратился в зубастую рыбью пасть, глаза выпучились.

— Ктулху!

Медальон с щупальцем, синий луч. Голова Николая стала изменяться, пока не трансформировалась в голову осьминога, у рта теперь змеились щупальца.

— Йог-Сотот!

Последний четвёртый медальон с ключом закружился в воздухе вместе с остальными. Из него ударил белый луч. С телом Николая не происходило больше никаких изменений, но он почувствовал, что из него что-то вытягивается, а внутри становится всё холоднее и холоднее.

— Почему?! — из последних сил выкрикнул он.

— Почему? — переспросил Затворник из Провиденса и вздохнул. — Ты думаешь, что принёс

в жертву Древним свою девушку, своего друга и своих родителей? Но на самом деле ты постепенно приносил им в жертву себя. Шуб-Ниггурат — Любовь, Дагону — Дружбу, Ктулху и Йог-Сототу — Семью.

Между четырёх летающих медальонов появился сверкающий портал. Николая затянуло внутрь. С громкими хлопками медальоны поочередно взрывались, разлетаясь яркими искрами. Портал исчез.

Запах из соседнего номера
Павел Рязанцев

1

Ночь в пустыне всегда наступает внезапно. Казалось бы, в семь вечера между оранжево-розовым диском вечернего солнца и рябящей линией горизонта ещё довольно большое пространство, и вдруг — словно разом задули все свечи. Впрочем, не все, а лишь небесные. В городе-то по-прежнему светло.

С наступлением темноты жизнь в нём только начинает закипать.

Из полудюжины гостиниц на Хакикат, главную улицу Старой Бухары, высыпались сотни туристов, блестя голыми лодыжками и лоснящимися загорелыми лицами. Вся эта бубнящая и пищащая на русском, немецком, английском и узбекском языках масса выплеснулась на ощетинившуюся бликами мостовую и наводнила всё, что можно было наводнить. Перед прилавками с воздушной кукурузой выстроились очереди из взрослых с нетерпеливо дёргающимися детьми; в ресторанах рядом с прудом и каналами

расселись девичьи компании, щебечущие о местной одежде; мужчины же обступили памятник Ходже Насреддину.

Великая красота, доступная всем, но трогающая немногих.

Гул ночной жизни не принёс радости семье Сардора сегодня. Из окна старенького дома, в котором проживали сам Сардор, его жена Асмира и их дети Азиз и Мадина, открывался вид на потрескавшуюся каменную стену точно такого же обиталища.

Сардор ждал. Сидел на скамье, защищённый от холода хмурыми стенами, и ждал. Во взгляде Асмиры, мывшей посуду после ужина, упрёк смешался с беспокойством. Восьмилетняя Мадина молча зашивала братику прореху в рубахе, пока шестилетний Азис отстранённо глядел в стену. Он не знал причин, по которым отец был не в духе весь вечер и весь предшествовавший день, но мрачно-апатичное ожидание оказалось заразительным, и мальчик следовал примеру перед глазами.

— Не надо было соглашаться, — Асмира устала повторять эту фразу словно заевший старый магнитофон, но та сама вырвалась вместе со вздохом, исполненным сожаления. — Аллах свидетель,

оно того не стоит.

— Аллах свидетель, нам нужны её деньги, — угрюмо пробормотал мужчина, мельком взглянув на жену.

Та не ответила, лишь опустила глаза и вернулась к своему занятию. Всё, что можно было высказать, не единожды высказывалось в течение дня.

— Может, лучше было бы отправить детей к твоей маме?

Детей, разумеется, не спрашивали, желают ли они погостить этим вечером в доме на соседней улице, но их ответ был вполне предсказуем. Не зная даже, что повергло родителей в такое уныние, Мадина была совсем не против вывести Азиса — да и себя тоже — из-под сгущавшихся над домом туч куда подальше.

— Может быть… — неопределённо протянул Сардор, как вдруг в дверь постучали.

Всё семейство замерло — от неожиданности и от смутного ощущения чего-то рокового. Чего-то, что разделит жизнь на «до» и «после».

Несколько неуютных секунд спустя стук повторился. Выйдя из недолгого замешательства, Асмира выразительно взглянула на мужа и кивнула на дверь.

«Давай, открывай! Это ведь твоя затея!»

Мадина с плохо скрываемой тревогой взирала на черневший в стене прямоугольник двери и робко, страшась лишний раз даже моргнуть, попятилась вглубь комнаты, пока не очутилась позади брата, нервно сцепившего руки. Тот, ощутив на плечах тоненькие руки сестры, невольно накрыл одну из них ладонью. Отец медлил. Боялся. Значит, есть чего бояться. Вернее, кого.

Сардор осторожно, почти крадучись, приблизился к двери и потянулся к замку. Опустив руку на щеколду, мужчина прислушался. Возможно, он надеялся услышать посетителя, его нетерпеливое сопение и раздражённое ворчание. Возможно, он дожидался новой серии ударов колотушки о лакированное дерево, хотел удостовериться в серьёзности намерений посетителя. Возможно… Но правда такова: в глубине души он лелеял по-детски наивную надежду, что это лишь шумная возня бездомной собаки, случайно забредшей к ним во двор, и больше никаких звуков из-за двери не раздастся.

— Открывай! — шикнула Асмира, перебираясь поближе к детям.

Неопределённость оказалась слишком тяжёлым испытанием для натянутых нервов.

Обречённо вздохнув, Сардор отворил дверь.

На голубоватом от небесного света пороге стояла человеческая фигура. Зловеще молчаливый силуэт в полутьме казался кровожадным призраком с глазами, горящими мёртвым пламенем, но Мадина сумела разглядеть колеблющиеся на меланхоличном ветру складки то ли паранджи, то ли плаща.

Сардор не нашёл слов, чтобы поприветствовать пришельца. Когда это чёрное привидение приблизилось к мужчине, он невольно отступил и, зацепившись за дверной порог, едва не ввалился в дом затылком вниз, чем напугал свою семью до одновременного вскрика. Обошлось.

Безразличная безмолвствовавшая фигура степенно проплыла в освободившийся проход; лишь танец складок тёмных одежд в мягком серебристом свете, выдававший движение ног, доказывал испуганному семейству, что это лишь человек из плоти и крови, а не джинн или иное порождение кошмарного шайтана пустыни. Это слегка успокаивало.

Войдя внутрь, чужак закрыл за собой дверь. Капюшон, как теперь стало ясно, плаща надёжно скрывал лицо от глаз. В неосвещённой прихожей посетитель легко мог бы слиться с дверью.

Отчасти поэтому на подоконнике стояла старая масляная лампа, хотя уже довольно давно она служила скорее украшением, чем светильником.

«Надо было зажечь свет, — запоздало спохватилась Асмира, бросая суетящийся взгляд на крошечное оконце рядом с выходом».

Масло со шнуром были на своих местах и в хорошем состоянии, но вряд ли ночной визитёр мог заметить похожий на потускневший жестяной чайник сосуд, не то что догадаться о его предназначении.

Гость отбросил капюшон, и кроме пары мрачных серых глаз хозяева могли наблюдать гриву чёрных волос, окаймлявших бледное, словно вырезанное из гранита, лицо. Исполненный то ли презрения, то ли безразличия взгляд заставил Сардора отступить к семье, пока незнакомка шарила по подоконнику в поисках светильника.

Никто не заметил, чтобы у женщины хоть на секунду в руках появилась спичка, и не услышал характерного треска, однако факт остаётся фактом: уже через мгновение незнакомка держала в руке горящую лампу. Вспыхнул ли шнур, когда светильник ещё стоял на подоконнике, или это произошло уже в руках визитёрши, ни глазастая Мадина, ни Асмир, ни их родители

сказать бы не смогли.

Понимая, что из ступора своими силами муж может и не выйти, Асмира рискнула проявить инициативу.

— Добро пожаловать! — робко вылетело из её рта.

Парализующий взгляд с холодной злобой вперился в узбечку, зароняя в душу раскаяние в столь необдуманном шаге. Со стороны казалось, что незнакомка намерена приблизится и придушить свою жертву, упиваясь предсмертными хрипами последней под испуганные крики окружающих.

Дети всхлипнули. Жуткая женщина мельком взглянула на малышей и неожиданно ослабила хватку. Теперь её внимание сосредоточилось на них. На мрачном, но по хищному красивом лице появился интерес, который был непонятен Мадине и Азису. Он и вывел главу семейства из оцепенения.

— Я… Я всё приготовил! — выпалил Сардор и добавил шёпотом: — Не трогай их.

Ещё с две секунды женщина, наклонив голову, глядела в сторону трясущихся мелкой дрожью детей, но не на них, а как будто сквозь них, словно размышляя о чём-то или вспоминая. У Мадины

пересохло горло, а напуганный Азис чуть ли не обнял сестру, прижимаясь к ней, как измождённый путник к столбу. Наконец, эта недолгая, но изматывающая пытка прервалась. Незнакомка резко изменилась в лице и с неожиданной прытью подошла к взрослым.

В серых глазах блеснул вопрос, и его не требовалось озвучивать. Сардор бросился к пыльному шкафу и принялся лихорадочно рыться в сваленном на дно платьевого сегмента тряпье. Во все стороны летели обрывки потерявшей цвет ткани и беспорядочных фраз. Сумрачная женщина не сводила взгляда с перепачканной футболки, но мать с детьми по-прежнему боялись лишний раз пошевелиться, словно незнакомка видела всё, что происходило у неё за спиной.

— Вот! Всё здесь! Вот!

В уши врезался раздражающий звук стучащих по полу колёс. Тусклый свет лампы выхватил из тьмы контуры грязно-коричневого чемодана. Свыше метра высотой, эта пропахшая пылью глыба могла вместить, не будь она сейчас загружена чем-то объёмным и массивным, Азиса, а если очень постараться, то и его сестру. Бок чемодана топорщился — из него, едва не прорезая в одряхлевшей ткани дыру, выпирало нечто

твёрдое и угловатое.

— Очень торопились, — оправдывался Сардор.

На секунду его лицо озарилось привычной извиняющейся улыбкой, как если бы сейчас был день, а он стоял за прилавком и объяснял возомнившему себя гениальным купцом туристу, почему нельзя продать шафран дешевле. Женщина в чёрном расстегнула молнию на чемодане и, бегло осмотрев содержимое, застегнула обратно. Кажется, всё было в порядке.

Мадина заметила, как вспыхнули глаза родителей, когда незнакомка извлекла из недр плаща целлофановый свёрток. Мать просияла, отец тоже повеселел. Девочка вспомнила недавний диалог, и вопрос о содержимом свёртка отпал.

Незнакомка наклонилась к Мадине и, пристально глядя девочке в глаза, приложила палец к губам, после чего опустила ладонь на ручку чемодана и собралась уходить. Не успела она дойти до двери, как Сардор с Асмирой убежали вглубь комнаты — проверять содержимое пакета.

«Не могу поверить, что эта ослица так дорого оценила дедушкино барахло!»

Слишком увлечённые пересчётом богатства, чуть ли не свалившегося на них с неба в момент нужды, они не заметили, как женщина в чёрном,

пересекая порог, обернулась и поманила Азиса пальцем.

Мадина сама не понимала почему, но вместо того, чтобы позвать Азиза, маму или пронзительно завизжать, она замерла и молчала, будто беспристрастно наблюдала за тем, как её братик робко, но послушно затрусил за незнакомкой.

Дверь захлопнулась. На полу неровно горела лампа.

Мадина почувствовала, как холод, зародившийся в желудке, распространился по всему телу. Она попыталась осмыслить случившееся, соотнести его с окружавшей её реальностью, но родители, продолжавшие пересчитать купюры номиналом в сто тысяч сум, сводили все усилия на нет. Девочка закричала, но внезапно её глаза округлились от ужаса.

Она не услышала собственного крика!

«Нет… Нет!!!»

Мадина бросилась к родителям и крикнула снова, изо всех сил размахивая руками, но тщетно: звука не было. Родители заулыбались как верблюды: «Ох, как она радуется! А мы-то как рады, ты не представляешь!»

«Мама! Папа!» — силилась выкрикнуть девочка и тыкала пальцем в сторону двери, но слова

словно раздирали горло изнутри, а родители не понимали смысла жестов.

— Да, хорошо, что эта ведьма ушла!.. — и продолжали считать деньги.

Задыхаясь, Мадина выбежала во двор и затравленно огляделась в отчаянной попытке увидеть брата и эту жуткую женщину. Улочка оказалась пуста, и девочка бросилась в сторону освещённой ночными огнями туристической зоны, совершенно не подумав, что похитительница могла завести маленького Азиса в глубины города, в настоящий лабиринт из узких улочек и глухих тупиков, где заброшенных домов больше, чем жилых…

С всё нараставшим отчаянием Мадина вглядывалась в лица и спины прохожих. С каждой секундой надежда найти маленького Азиса становилась всё меньше, но — о чудо! — Мадина заметила вдалеке чёрное покрывало плаща, по одну сторону от которого катился невзрачный чемодан, а по другую — зачарованно шёл братик.

«Я должна спасти его!»

2

— Ну и где кровать?

Заходящее солнце разливало свой розово-красный свет по внутреннему двору, но до окон номера его лучи доставали с трудом. На самом деле, эти отверстия чуть выше порога и окнами-то назвать язык не поворачивался, скорее бойницами, которые кто-то додумался застеклить. Архитекторы былых времён, конечно, не могли и подумать, что возведённое ими медресе спустя века превратят в колоритную гостиницу, а в тёмных и тесных помещениях с выходом во двор обустроят жилые комнаты с ванными, а также прачечную, столовую и ресепшен.

Тем не менее, «Амулет» пользовался значительной популярностью, и Саша с Алиной, не долго думая, выбрали его в качестве опорного пункта на время пребывания в Бухаре. В конце концов, есть ли смысл приезжать в один из известнейших исторических центров Узбекистана, чтобы жить в обыкновенном отеле?

— Как где? Да вот же!

Проследив за рукой подруги, Саша действительно обнаружил придвинутую к стене кровать, да ещё и с вышитыми на покрывале мудрёными этническими узорами.

«Напоминает настенный ковёр в бабушкиной квартире».

У изголовья стояла резная тумбочка с настольной лампой, прайс-листом прачечной, крохотной бумажкой с паролем от вай-фая и…

— Ого! — Алина спешно разулась и босиком побежала по каменному полу, покрытому не самыми новыми и слегка выцветшими коврами, к тумбочке.

На ней, кроме перечисленного, красовался поднос с сервизом с характерным бело-синим орнаментом «пахта». Часть подноса, не оккупированная сервизом, была отведена под треугольные лоточки с наватом, варенным в сахаре арахисом, джутом и парвардой. Не удивительно, что девушка совсем не обратила внимания на одноразовые белые тапочки на крышке сундука у входа.

Пока Алина пробовала местные радости, Саша освободился от пыльных шлёпанцев, с трудом натянул на ступни узкие тканевые чехлы, по чистой случайности названные тапочками, и попытался понять: что же с этой кроватью не так?

Несвежее бельё? Да нет, из-под покрывала скромно выглядывала белоснежная простыня. Может, не по росту? Было бы странно, ведь Саша не такой уж долговязый. Клопы или тараканы? Вряд ли…

— Не зевай, а то ничего не достанется! — лег-

комысленно блеснув голыми ляжками, Алина вальяжно развалилась на кровати.

Как раз напротив той, что Саша так внимательно разглядывал.

«Односпальная, зараза, — наконец осознал парень и покачал головой, пытаясь краем глаза увидеть, чем занята его девушка: та крутила в руках пульт от висевшего на стене телевизора. — И ещё эта дурацкая тумба прямо между койками…»

— Что-то не так? — Алина оставила пульт в покое и придвинулась к тумбе, чтобы разлить чай по чашкам.

Сладостей на подносе всё ещё было в избытке.

— Всё нормально, — Саша улёгся на свою кровать и устало оглядел противоположную часть комнаты.

На другой стороне зиял дверной проём. Ванная комната. Судя по бликам на плитке и отражению в зеркале над раковиной, довольно большая, даже больше спальни с коридором. И всё это в их с Алиной распоряжении? Недурно!

Пока Саша высматривал в черноте контуры душевой кабины или ванны, Алина распаковывала чемодан и ворошила пакеты с одеждой и бельём. После двух утомительных часов езды в «жигу-

лях» из Карши в Бухару неплохо бы переодеться во что-нибудь сухое и менее пахучее.

— Сейчас ополоснусь, и пойдём смотреть Пои-Калян! — Алина не стала брать с собой полотенце, прекрасно понимая, что с такими вещами у отеля всё в порядке — она читала отзывы.

Длинноногой девушке так шли мини-шорты, что Саша невольно привстал с кровати. Возникло сильное желание проследовать за Алиной и разделить с ней душевую кабинку, но дверь за её спиной закрылась, и замок многозначительно щёлкнул. Похоже, довольствоваться предстояло лишь смазанным силуэтом в непрозрачном стекле на двери.

«Эх, Алинка, Алинка… — расстроился Саша и опустил голову на подушку, ощущая, как его собственные шорты становятся тесными. — Лето, тепло, Восток, загорелые ножки на солнце сверкают… м-м-м… И вдруг — одноместные кровати! Зачем так со мной?»

Потратив минуту на разглядывание скучного потолка, Саша перебрался на соседнюю кровать и включил телевизор. Российских каналов оказалось больше, чем местных.

В дороге разморило, да и бурчание с экрана убаюкивало. Саша задремал, а когда очнулся,

Алина уже стояла над ним в майке с шортиками, широкополой шляпе и солнцезащитных очках.

3

Женщина вкатила чемодан в номер и, дождавшись, когда мальчик минует порог, заперла дверь. Словно очнувшись от транса, Азис растеряно озирался, пытаясь понять, где он и почему рядом нет его родителей и сестрёнки. Освободившись от плаща, хозяйка номера открыла чемодан и начала выгружать его содержимое на стол.

Оказавшись у изножья кровати, Азис посмотрел на стол из-за облачённой в тёмно-серую рубашку-поло спины. Теперь там лежало множество толстых и пыльных книг с непонятными названиями, отдельные листы, инструменты, флаконы с разноцветными маслянистыми жидкостями и какие-то порошки. Папа никогда не скрывал от Азиса, что и как он делает с растениями, чтобы получать специи на продажу, и мальчик точно видел у него ступку с пестиком, очень похожие на те, что лежали на столе. Только у папы они были деревянные, а эти как будто вырезаны из камня.

«Может, эта тётя — папина *кал… кол… коллега*? Тогда почему я здесь?»

Вдруг женщина прервалась.

«Ты уйдёшь домой, когда я удостоверюсь, что твой отец не обманул. — Азис не мог понять, раздался ли низкий женский голос со стороны этой мрачной тёти, или же прозвучал лишь в его голове, словно фраза из недавнего воспоминания. — Если не обманул…»

— Папа хороший, он не обманывает! — воскликнул ребёнок.

Ответа не последовало, но Азис заметил, как продолжившая перебирать и перелистывать книги женщина вздохнула.

— Тётя, можно мне попить?

— …

— Пожалуйста! — жалобно протянул мальчик.

После недолгой паузы хозяйка номера оставила книги и направилась к стоящему в противоположном углу комнаты холодильнику. На то, чтобы взять оттуда пол-литровую бутылочку воды, понадобилась лишь пара секунд, но их же хватило и Азису, чтобы взгляд его загорелся, рот наполнился слюной, а желудок мучительно скрутило. В недрах дальнего потомка погребов хранились истинные сокровища: сыр, ветчина и масло, инжир и нектарины в синем и зелёном целлофановых пакетах, тарелка с виногра-

дом, тёмная стеклянная бутыль и, конечно же, несколько пластиковых бутылочек, точно таких же, как у незнакомки в руке.

Перехватив восторженный, но полный горечи взгляд ребёнка, женщина остановилась. Подумав ещё с секунду, она вернулась к холодильнику и взяла оттуда тарелку с виноградом.

***

Пока ребёнок шумно осушал бутылку, Тёмная Анна, сидя в плетёном кресле, молча наблюдала, как подёргиваются детские горло и живот во время питья, и ловила быстрые, чуть пугливые взгляды в свою сторону.

«Интересно, был ли у меня такой в прошлой жизни?»

— Хочешь? — Анна покосилась на тарелку с «дамскими пальчиками».

Дитя нетерпеливо закивало.

Анна сорвала виноградину и поднесла ко рту Азиса. Преодолев нерешительность вперемешку со смущением, мальчик приоткрыл рот. Горячее дыхание жизни заставило Анну вздрогнуть, и она продержала свои бледные пальцы во рту ребёнка чуть дольше, чем было необходимо. Азис раздавил виноградину и ощутил на языке липкий сок.

— Нравится?

— Нравится.

— Сладко?

— Сладко.

— Сладко… — задумчиво повторила Анна, отводя взгляд в сторону, словно вспоминая что-то.

Но ребёнок вновь её окликнул.

— Почему у тебя такие холодные пальцы?

— Я играла со Смертью, а у неё холодные руки. Это заразно.

— Разве ты не можешь согреться?

Анна криво улыбнулась и сорвала ещё одну виноградину. Азис с готовностью открыл рот. Тёмная снова пронесла плод за зубы мальчика, но вела себя при этом по-другому. Медленно и аккуратно, повторяя своими губами движения губ Азиса, словно мать, кормящая младенца с ложечки — это то, что можно было бы увидеть со стороны. Но лишь мальчик мог почувствовать, как кормившие его пальцы ласкались о влажный язык и нежные губки; с каким напряжением Анна возвращала пальцы наружу, как смотрела на тёплое, словно свежая рана, горло. Как, сама того не замечая, облизывала собственные губы.

«Много ли эссенции я смогу добыть из него?.. Впрочем, он совсем ребёнок, у него и железы ещё

толком не работают».

— Тебя когда-нибудь любили? — Анна запустила свои по-прежнему холодные пальцы в короткие чёрные волосы мальчика.

— Меня любит мама, и папа, и бабушка. И сестра, — неуверенно перечислил Азис, стараясь убрать голову из-под ладони чужой ему тёти. — А тебя?

— Добровольно — нет. Обычно.

Щекой и мочкой уха Азис ощутил прикосновение сухих губ и шершавого языка.

В горле мальчика встал ком.

— Не хочешь принять душ? — шёпот лился ему в ухо вместе с неровным дыханием. — У меня столько горячей воды, сколько ты захочешь.

Сознание Азиса оказалось мухой в липкой паутине гигантского паука. Язык с трудом шевелился из-за приторного виноградного сока, в желудке словно начался сквозняк, стремительно поднимавшийся к рёбрам. Как будто что-то внутри разорвалось. Внизу живота похолодело.

— Я не… я не…

Или это были *её* холодные пальцы?

— Тс-с-с…

Пока женщина в чёрном и Азис пробирались сквозь толпу ночных гуляк, Мадина разрывалась между страхом за брата и страхом перед его похитительницей. Нельзя было упустить их из виду, но даже если она их и догонит, то что она сделает? Нужна помощь взрослых, и Мадина кидалась ко всем, кто только попадался на пути. Однако…

Раз за разом потоки детского сознания разбивались о гримасы замешательства. Казалось, посреди дороги разыгралась какая-то жуткая в своей дикости пантомима. Девочка с выпученными глазами хваталась за горло, нервно кивала в сторону дороги и заламывала руки, словно умоляя пойти за ней, но она не то что не произнесла ни единого слова — она не издала ни единого звука. Туристы сочли за благо не задерживаться рядом с беспризорницей, дети с родителями оглядывались на неё, а одна старушка даже попыталась всучить Мадине тысячу сум, но девочка лишь закатила глаза и убежала.

«Не поможет! Никто мне не поможет! Она ведьма! Она меня заколдовала!»

Ноги Мадины налились тяжестью. Колени сами собой подогнулись, а губы растянули в гримасу отчаяния. Пазухи носа ощущались как две крохотные дождевые цистерны, в которые долгое

время стекали капли, и вот теперь вода поднялась до краёв. Мадина согнулась в беззвучных рыданиях и опустилась на колени, закрывая лицо ладонями. Горячие капли тихо проливались на пыльные плиты.

«Помогите же мне! Помоги-ите же мне-е-е!!!»

Порыв ветра бросил в лицо горсть пыли. В глазах защипало ещё сильнее. Хотелось разреветься, но звук застрял в горле. Казалось, что поразившая Мадину немота распространилась на всё вокруг; только что шумевшая музыка стихла, голоса перешли в тихий бубнёж на грани шёпота; отзвуки шагов потеряли гулкость, словно под ногами у сотен людей не асфальт и каменные плиты, а спортивные маты.

На фоне увядающего, чем-то напоминавшего белый шум в сломанном телевизоре, мира яркой вспышкой высветилась мысль:

«Они мне не помогут».

— Азис… братик…

Упёршись ладонями в землю, Мадина проползла на четвереньках около метра, оставляя под собой слёзный след. В этой отчаянной попытке сбежать от реальности она бы проползла ещё не один метр, но коленка угодила в выбоину. Боль заставила девочку всхлипнуть, но каверны

под глазами уже опустели. Рубеж преодолён. Размывшийся было мир вновь обрёл чёткость, и Мадина рискнула поднять голову.

Ведьмы с мальчиком в зоне видимости уже не было. Однако страх и желание просто лечь и больше никогда не вставать на время спрятались куда-то глубоко-глубоко, и на их место пришла странная уверенность. Уверенность в том, где нужно искать брата.

Естественно, Мадина видела уведшую Азиса женщину впервые, но почему-то ей казалась, что эта бледная сероглазая *гадина* не местная. А значит…

«Братик! Ты вернёшься домой! Вернёшься! Даже если я не вернусь…»

***

Алина зашмыгала носом уже на обратном пути к «Амулету». Сочетание газировки со льдом и столика под кондиционером оказалось серьёзным испытанием для организма, хотя, казалось бы, температура воздуха не опускалась ниже двадцати двух градусов.

— Да ничего страшного, — успокаивал Саша, протягивая девушке одноразовый платок. — За ночь под одеялом согреешься — утром будешь

как огурчик.

«Может, убрать эту чёртову тумбочку куда-нибудь в коридор и сдвинуть кровати? Что я, в самом деле, переживаю? Всё же легко поправить…»

Использованный платок отправился в ближайшую урну. Идти до «Амулета» оставалось совсем немного. На дороге, у края тротуара, туристы заметили полупустой мешок с пёстрыми заплатками. Присмотревшись, Саша смог различить худые ноги и руки и маленькую чернявую головёнку. Мешок оказался сжавшейся в комочек девочкой лет восьми-девяти.

Пока парень разглядывал это чудо, Алина уже успела добежать до входа в гостиницу. Встав к лакированным дверям вплотную, она с усилием втянула ноздрями воздух.

Что-то не так. Девушка отошла к стене и вдохнула снова…

— Саша, я запахов не чувствую!

— Чего?

— Пыль на стене и лак на двери. Я их не чувствую! — и ещё раз шмыгнула носом.

— Не торопись, — попытался успокоить подругу Саша, — это может быть от нервов.

«Вот только *короны* ей не хватало! И так грёба-

ная *принцесса*, блин».

— Идём внутрь, там разберёмся.

Оказавшись в тесном, но аутентичном «перевалочном пункте», Алина, не замечая ничего вокруг, принялась рыться в чемодане, карманах и сумке и подносить к носу самые разнообразные пахучие предметы: денежные купюры, бельё — свежее и ношеное, вдыхать пудру из косметички. От последней девушка предсказуемо чихнула, но было сложно сказать, ощутила ли она запах или нет.

Затем Алина бросилась к холодильнику и проверила обоняние на палке колбасы. То ли запах полуфабриката действительно сумел пробиться к рецепторам, то ли самовнушение так подействовало, но надежда, что Алина не подхватила пресловутый «ковид», а всего лишь простыла, забрезжила с новой силой.

— Да не должно же быть такого! — подбадривая себя, девушка закрылась в ванной.

Одного носового платка явно оказалось недостаточно.

Саша тоже не терял времени зря. Пресловутая тумбочка отправилась в угол напротив холодильника. Пришлось, правда, переставить настольную лампу в выемку в стене. С кроватями

пришлось повозиться чуть дольше. В конце концов, усталый, но довольный собой Саша рухнул на теперь уже двухместную кровать.

…То недолгое время, пока Алина носилась по коридору с палкой колбасы и потными майками, а красный от натуги Саша пыжился, сдвигая и выравнивая кровати в центр комнаты, в дверях молча стояла грязная и заплаканная девочка с разбитой коленкой. То ли насмотревшись на эту бессмысленную суету, то ли очнувшись от наваждения, словно вакуумом затянувшего её в переделанное под отель медресе, она оглядела. В одной из семи оставшихся непроверенными комнат находится чужеземка с холодными глазами, затягивающая на шее маленького Азиса губительную петлю.

Мадина не могла этого знать, могла лишь почувствовать. Но такие чувства не врут.

5

Град слабых, но настойчивых ударов обрушился на потемневшую резную дверь. Колотили словно в истерике. Находившиеся в комнате сразу заметили — кто-то осознанно, кто-то подспудно — что били немного выше уровня замка и дверной ручки, а не туда, куда люди стучат

обычно…

Тёмная не терзалась размышлениями на сей счёт. Без видимого беспокойства она оставила дрожавшего мальчика.

«Сейчас вернусь» — услышал он шёпот у себя в голове.

Тёмная подошла к двери и, дождавшись перерыва между сериями ударов, открыла её, уже зная, кто стоял за несколькими сантиметрами дерева.

На пороге тяжело дышала покрасневшая от напряжения и выплаканных слёз девочка в перепачканном платье. На коленке переливалась ещё не засохшая гранатовая кровь.

В открывшемся проёме Мадина увидела просиявшего Азиса; он сидел на застеленной кровати. Губы израненной девочки расплылись в мученической улыбке, но вспышка радости не была долгой: сумрачная тень вынырнула из-за двери и встала между детьми. Мадина испуганно подняла глаза.

Увидев уже знакомое лицо с невозмутимо взиравшими на неё двумя призрачными огнями, Мадина собралась с духом, оскалилась и закричала:

— Верни мне моего братика!!!

Вернее, попыталась закричать. Исполненные злобы и отчаяния слова застряли в горле, раздирая его изнутри, словно разбитое стекло. Острая боль заставила девочку закашлять, словно после первой затяжки. Скрючившаяся Мадина не могла этого увидеть, но блеклые глаза мучительницы злорадно сверкнули, а уголки рта чуть натянулись. К тому моменту, как девочка справилась с подавившим её кашлем, улыбка с лица Тёмной уже исчезла, и над Мадиной вновь нависало безэмоциональное чудовище с горящими бледным пламенем глазами.

На такое детского самообладания уже не хватило.

«Пожалуйста!»

Мадина опустила голову, хотя изо всех сил старалась смотреть в лицо похитительнице Азиса, но слёзы беспомощности возобновились. Мальчик тем временем вскочил с кровати и собирался броситься к сестре, но Тёмная, даже стоя к Азису спиной, остановила его — жестом, медленным и жутким. Даже приветственный крик, готовый вырваться наружу, застрял в горле.

Неужели *она* заколдовала и Азиса тоже?

В одном из соседних номеров сонно зажёгся свет. Времени на раздумья не оставалось, и Анна

вцепилась в запястье девочки и рывком втащила её внутрь. Дверь за спиной Мадины захлопнулась, а сама она сразу же угодила в жаркие объятия младшего брата. Мадина почувствовала, что по её продрогшему телу мягко разлилось тепло. На веки словно упали комки ваты, и невероятно сильно захотелось пристроить щёку на макушку маленького братика — и заснуть. Пусть даже и стоя.

Однако для мира и покоя время ещё не настало. Вспомнив, где она и почему, Мадина резко обернулась. Ведьма стояла между детьми и выходом.

«Два ребёнка. Их исчезновение создаст проблемы, — размышляла Тёмная, не обращая внимания на Мадину, в глазах которой страх мешался с отвагой. — С другой стороны, работа ещё не закончена…»

«Возьми меня вместо него».

Вздрогнувшая от собственной мысли Мадина снова опустила голову, готовая принять любую незавидную участь на себя. Азис, изо всех сил вцепившись в сестру, старался оттащить её подальше от жуткой женщины.

Анна, похоже, поняла, о чём подумала девочка. Она приблизилась к детям и наклонилась к Мадине.

— Вы мне не нужны, — бесцветно прошелестела Тёмная и прикоснулась к тонкому горлу девочки. — Когда всё закончится, ты и твой брат сможете уйти. Сидеть тихо и ждать! — Анна ушла к столу.

Мадина почувствовала, что спазм, не позволявший говорить, начал ослабевать. Чувство *ватного*, подавленного звука вокруг как будто тоже проходило. Она осторожно попробовала обратиться к брату, но вместо имени изо рта раздался сухой кашель. Звучный кашель!

— Ты меня… ты меня слышишь? — Азис коротко кивнул в ответ на сиплый шёпот сестры.

Глаза Мадины блеснули от радости, и она невольно усмехнулась.

Тем временем Тёмная Анна готовила в каменной ступке некую смесь, похожую на молотый красный перец. Дети перевели взгляд на спину женщины.

Книги и большая часть прочего содержимого Сардорова чемодана уже были на кровати, в то время как на столе лежали противогаз и туристическая горелка.

Мадина не могла видеть лица своей мучительницы, но была уверена, что ведьма улыбается.

***

Накопившаяся за день усталость взяла своё: едва Сашина голова коснулась подушки, тот уже с трудом мог пошевелиться. Шум проточной воды и звук, с которым Алина прочищала нос в ванной, терялись в зыбком мареве дремоты. Втайне жалея, что не пошёл на прогулку в одних трусах, Саша кое-как стряхнул с себя шлёпки и попытался освободиться от шорт с майкой, но запутался в процессе.

«Ну и чёрт с ними!» — мелькнула в голове мысль, и веки, тяжёлые как крышка крипты, закрылись, погрузив парня в плотную темноту.

Время потеряло значение: что пять секунд, что десять минут…

Запах то ли стирального порошка, то ли хлорки жёг ноздри. Морщась, Саша приоткрыл глаза, ожидая увидеть под боком контуры Алины: должна же та рано или поздно успокоиться и лечь спать! Увы, под боком лежало лишь одеяло. Под другим боком тоже было пусто. Тусклый свет пробивался сквозь полупрозрачное мозаичное оконце в двери ванной комнаты.

— Ты так себе нос до мяса прочистишь, — зевнул Саша и, решив всё-таки разобраться с шортами, потянулся к ширинке.

Вдруг Саша понял, что не только его пальцы

снуют по бёдрам. Ловкие, почти бесплотные пальцы тоже пытались нащупать молнию и освободить парня от тяжкого груза. Встрепенувшись, Саша сфокусировал зрение. Слабый свет из ванной вычерчивал силуэт, напоминавший голову и плечи Алины. Волосы стоявшей на коленях девушки касались голеней специалиста по сближению кроватей, пока руки медленно, но верно стягивали шорты.

— Не думал, что ты решишься, — повеселевший Саша мягко ухватился за плечи подруги, чтобы помочь вскарабкаться на кровать.

Но Алину, похоже, мало интересовало что-то, кроме содержимого Сашиных трусов, которые уже показались из-под джинсовой ткани и обнажили красную полоску кожи, всё это время скрывавшуюся от посторонних глаз под тугой резинкой.

В предвкушении Саша опустил ладони на затылок пассии.

Свисавшие со лба Алины пряди скрыли от глаз Саши дальнейшие манипуляции девушки, так что теперь он всецело полагался на свои тактильные ощущения.

И они его не разочаровали. Восклицания слетали с губ, пока руки, начавшие было гла-

дить шелковистые волосы подруги, сползали на простыни. Казалось, почти вся кровь, которой полагалось циркулировать по телу, перетекла в член. Саша почувствовал, что превратился в белёсую студенистую массу, желеобразный кисель, и его легко поддевают изогнувшимся языком, словно десертной ложкой.

— Сладко, — донеслось до ушей со стороны Алины.

— Наслаждайся, ласковая моя… — простонал парень, терзаемый возбуждением, — ха-ах, ещё чуть-чуть… — и вцепился в края кровати.

Губы девушки аккуратно, но плотно сомкнулись на плоти, и напряжение вдруг спало. На секунду появилось ощущение, как при вхождении в воды тёплого Чёрного моря: зуд, словно солёная влага чуть пощипывает из-за микроскопических трещин на коже. А затем тело ниже живота онемело.

«Что-то не так».

Саша открыл глаза.

Первым, что он увидел в полумраке, оказалось заполнившее комнату красное марево. Отблески уличного света в глазах Алины делали её взгляд похожим на взгляд оленя, внезапно выросшего перед машиной посреди ночи: столь же бессмыс-

ленный и жуткий. На стенах плясали бесплотные тени. Камень потерял свою вечную неизменность и покрылся рябью. Она сползалась в волнующиеся сгустки, и те меняли свою форму, выпирали из стен, словно нечто материальное.

Ткань мироздания истончилась, и из будто бы жидкого камня выступили лица. Гримасы отчаяния, похожие на отлитые из глины формы, проминали стены и становились всё более выпуклыми. Десятки голов смотрели перед собой ничего не видящим взором, и, казалось, силились закричать: Саша почти слышал замогильный вой стен.

Алина подняла голову и наклонила её набок. Её пухлые щёки казались пухлее прежнего. Тревога, до сего момента смутная как в сюрреалистическом сне, теперь проклёвывалась наружу сквозь потрескавшуюся скорлупу дремоты. Промежность онемела. Глаза Саши медленно опустились, ибо он боялся того, что мог увидеть.

Понадобилось ещё несколько мгновений, чтобы парень поверил своим глазам: он стал похож на Кена, парня знаменитой куклы Барби.

Алина сглотнула.

Ужас смешался с горьким чувством обиды, и Саша не смог закричать; из его дрожащего горла

вырывались лишь всхлипы, а глаза заслезились.

«За что ты так со мной?»

Девушка облизнулась. Чуть отодвинувшись от Саши, Алина взглянула на свою правую руку. Даже завывания голов на стенах не могли заглушить мерзкий звук рвущейся кожи, с которым ухоженный ноготь на указательном пальце разросся в уродливый коготь, окрашиваясь кровью у корня.

Дождавшись, когда коготь, естественное оружие, выступил из пальца на сантиметр или больше, Алина уперлась им в лобок *теперь-уже-не-парня*. Саша ощущал боль как сквозь деревянную дощечку, словно ему *туда* ввели анестетик. Кровожадная бестия не останавливалась на достигнутом; когда в тело упёрся кулак, Алина с трепетом вынула окровавленный палец и, хищно сверкая глазами от брызнувшего ей на грудь кровавого фонтана, с видимым наслаждением облизала его.

Трясясь от горя, Саша повернулся на бок и закрыл лицо руками. «Не реветь при девчонке» — больше в нём от мужественности ничего не осталось.

***

— Бедный Саша! Надеюсь, тебе не очень страшно.

Измотанная борьбой с заложенным носом Алина вернулась в спальню и обнаружила, что та сильно преобразилась: тумбочка очутилась в углу, а две узкие кровати сдвинулись в одну широкую, двухместную. И на этой двухместной кровати лежал Саша. Глаза его были закрыты, лицо напряжено, а брюки приспущены. Ночь нельзя было назвать совсем уж тихой; пока Алина разбиралась со своим носом, снаружи занялась какая-то возня, — но до ушей девушки всё равно донёсся… скулёж?

«Это что же такое должно присниться, чтобы такой храбрец как Саша скулил во сне?.. Ой, да он ещё и описался!»

Из ступора Алину вывел пронзительный визг, она вышла из номера, чтобы посмотреть, что же за балаган развернулся во дворе.

Ночь встретила туристку шумом и криками: отель стоял на ушах. Во всех окнах горел свет, где-то со звоном бились стаканы и зеркала; в отворённые настежь ворота неслись постояльцы в неглиже и работники ночной смены. Хозяйская чета замерла, прижимаясь спиной к стене между прачечной и кухней. Из распахнутых дверей

валили клубы красного то ли пара, то ли дыма. А распахнутыми оказались практически все двери — кроме одной. К ней Алина и направилась, сама не зная зачем. Может быть, за ответами.

По мере того, как девушка приближалась к цели сквозь обжигающий ноздри воздух, реальность обрастала всё более и более жуткими деталями. Тени на стенах обернулись гигантскими комарами, что кружили над хозяевами, готовые в любой момент напасть. Лицо повара, с воплем ретировавшегося с кухни, напоминало пережаренную пиццу. От его рук валил дым, а сами они шипели, словно жирное мясо на сковороде.

Горничная, заметив появление нового участника безумного кордебалета, взвизгнула и ткнула пальцем в сторону Алины. Но та, казалось, не верила своим глазам: не ощущая запахов, она как будто не чувствовала и страха. Мир вокруг был странным и гротескным, но каким-то ненастоящим.

Оказавшись перед манившей её дверью, Алина почувствовала слабый запах хлорки. Или средства от тараканов, не понятно. Губы сами собой растянулись в улыбке.

«Всё-таки не „ковид“!»

Туристка постучалась, и в том месте на двери, которого она коснулась, моментально образовалась заполненная слизью дыра, и из неё как по команде хлынули крошечные, но очень быстрые мохнатые пауки. За доли секунды они облепили всю дверь. В мыслях Алины сверкнуло короткое ругательство, но голова боится — руки делают, и девушка резко надавила на ещё не опутанную сетью тонких ножек ручку и потянула её на себя. Дверь поддалась.

К тому моменту, как Алина ввалилась внутрь, резкий запах дезинфектора уже окутал её с ног до головы и, возможно, впитался в одежду. Сердце девушки ёкнуло.

В глубине перепачканной кровью и желчью комнаты стояло человекоподобное существо. Его тело скрывал грязно-бурый балахон, а из спины торчали шипы и ребристые трубки, сходившиеся там, где на сером лице должен был быть рот — вместо него зияла кошмарного вида щель с сочащимся из неё гноем. Существо обернулось, и на Алину уставились бельма незрячих глаз. На усеянной обглоданными костями кровати, свесив кривые ноги, сидели существа поменьше. Их шкуры были покрыты жёсткими волосами цвета болотной тины. Из приоткрытых пастей

выпирали огромные жёлтые клыки.

Заметив Алину, твари на кровати замерли, а затем та из них, что покрупнее, встрепенулась и гаркнула на меньшую. Не успела Алина с округлившимися от ужаса глазами, податься назад, как маленькие чудовища спрыгнули с жуткого ложа и бросились к ней. Фигура в балахоне не шелохнулась.

Неудачный шаг — и Алина споткнулась о порог. Едва зацепившись за край дверной рамы, она чуть не приложилась затылком о каменный пол. Твари приближались. В ужасе, Алина закрыла лицо руками и отвернулась.

«Ма-а-а-ама-а!!!»

Однако вместо жестоких ударов когтями по мало прикрытому телу и беспощадных укусов, девушка ощутила лишь слабый, словно бы случайный толчок. Твари пробежали мимо неё, нырнув в свободное пространство в дверях, и почти моментально скрылись из виду.

Обернувшись, Алина увидела, что последний монстр уже направился к ней рваной походкой, посверкивая бельмами.

Во второй раз могло не повезти, и девушка, неловко переставляя ноги, вывалилась на улицу и бросилась наутёк.

***

Закрыв дверь на замок, Анна поправила противогаз и вернулась к столу. Из-за необходимости поскорее избавиться от детей, ей пришлось проводить испытания впопыхах и почти без подготовки. Тёмная не была уверенна, что ей удастся покинуть Узбекистан и вернуться домой с таким… специфическим грузом, но кое-что можно сказать точно: книги, инструменты и реагенты, купленные у местного торговца специями, были настоящими. Предок Сардора действительно был практикующим алхимиком, достигшим в своих изысканиях немалых успехов.

Значит, Тёмной не придётся оставлять сбежавших детишек сиротами. По крайней мере, не в этот раз.

Тётушка Александра Зырянова

Я приехал к тетушке Мэриголд, чтобы скрасить ее последние дни, — хотя это чепуха, потому что, во-первых, тетушкой она приходилась моей матери, а во-вторых, ненавидела молодежь, поэтому визит молодого племянника, даже самого почтительного, ее не радовал.

Мне самому этот визит был в тягость. Помимо отношения тетушки, мне не нравится Аркхэм и дом, где проживает тетушка Мэриголд. Он очень старый, и хозяйка не озаботилась даже тем, чтобы провести в него электричество. Мебель в нем тоже старая, вся рассохшаяся, полумрак, — так и хочется распахнуть все окна, чтобы впустить хоть немного солнца, но тетушка Мэриголд не желает об этом и слышать. Она, видите ли, боится сквозняков. Я гадал, почему она отбила нам телеграмму в Бостон, требуя моего приезда, наконец решил, что ей требуется сиделка (я изучаю медицину в Бостоне).

— Тетя Мэриголд, — сказал я после того, как мы поприветствовали друг друга — надо сказать,

весьма формально, — вот подарки. Надеюсь, вам понравится.

— Книга, — буркнула тетушка. — Одна из этих непристойных книг, которые вы почитываете, да? Еще и за подписью женщины? В мое время дамы не позволяли себе…

— Ну что вы, тетя, — поспешно сказал я. — Это исторический роман, все благопристойно.

— А это еще что такое? Трикотаж?

Мама действительно передала ей отрез модного трикотажа.

— Ну да, — продолжала брюзжать тетя, — представляю себе мою дражайшую племянницу! В трикотаже, в траншейном пальто[1], в шляпе клошаров[2]… ужас! Джоселин совершенно не уделяла внимания ее воспитанию…

Я отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

Кухарка, добродушная негритянка по имени Топси, назвала меня «масса Чарлз» и подала обед, каких я не едал отроду.

— Пицца — это бесовская выдумка черномазых

---

1 Примечания: 1

«Траншейное пальто» — тренчкот (длинное непромокаемое пальто или плащ свободного покроя с поясом).

2 Примечания: 2

«Шляпа клошаров» — клоше, клош (дамская шляпка в форме колокольчика, модная в 1920-х годах).

макаронников, — категорично заявила тетушка в ответ на мои робкие вопросы, — сырный соус излишество, а гамбургеры еда голодранцев!

Я поспешил согласиться, про себя прикидывая, где тут поблизости пиццерия. Не то чтобы мне не нравились эти старомодные сложные блюда…

— Тетя Мэриголд, а какой вы порекомендуете кинотеатр?

— Что? Ты что, потакаешь этим безумным зрелищам? — возмутилась тетка.

На мое счастье, у Топси был сын Джим, парень лет двадцати, который тоже называл меня «масса Чарлз», — он-то и указал мне и пиццерию, и кинотеатр.

— Вы только по ночам не смотрите на соседний дом, масса Чарлз, — сказал он под конец.

— Что не так с этим домом, Джим? Вы там складируете спиртное?

— Скажете тоже, — обиделся Джим, — я не бутлегер какой. А только там жила бабка хозяйки, и с тех пор там нехорошие дела творятся.

— Бабка? Это, получается, моя прапрабабка? Ух ты! А расскажи поподробнее…

— Будет вам, масса Чарлз, — перебила нас Топси, вернувшаяся из лавки. — Такой родней я бы на вашем месте не гордилась. Хотя хозяйка гор-

дится. Вы, Мэйсоны, издавна своевольничаете, но в тот дом лучше не суйтесь, вот что я скажу, масса Чарлз!

Она относилась ко мне как к барчуку, а не как к гостю, и я волей-неволей начинал видеть в ней строгую няньку. Но Джима я таки припер к стенке, улучив момент, когда никого не было рядом.

— Да я и сам ничего толком не знаю, — сказал Джим, и выпуклые глаза его забегали. — Поговаривают, что старая леди, Кеция Мэйсон, с самим чертом зналась. Вы на тот дом не пяльтесь, а то возле него до сих пор иногда появляется черт в виде морской свинки.

Мне стоило труда не расхохотаться. Черт в виде морской свинки! А почему не броненосца?

— Хорошо, Джим, не буду я смотреть, — пообещал я, а сам, как только меня оставили в покое, побежал к забору и уставился на злополучный дом.

С островерхой крышей, одно время он сдавался, но сейчас стоял заброшенным. Сквозь грязные окна, половина из которых была выбита, виднелись ободранные обои…

«Ничего интересного», — подумал я, но, стоило мне отвернуться, как со стороны дома послышался невыносимо мерзкий писк.

Я с досадой повернулся и увидел что-то вроде морской свинки. Она собиралась юркнуть в заросли сорняков во дворе, но внезапно остановилась и уставилась на меня. Взгляд у нее был очень неприятный — так смотрят хищники на добычу. Я в ответ погрозил ей кулаком.

Ночью мне приснилась эта гадкая морская свинка.

Она кружила вокруг меня, будто примериваясь, а потом появилась согбенная древняя старуха в черном. Выражение лица ее, надменное и холодное, поразило меня. А потом они ушли куда-то, — я успел рассмотреть дом, к которому они направлялись.

Наутро я сходил в пиццерию, рекомендованную Джимом, а на обратном пути остановился как вкопанный. Я видел этот дом во сне! Старый, но подновленный хозяевами; во дворе виднелись качели и детские игрушки.

Сейчас во дворе рыдала женщина, а несколько других утешали ее. Из бессвязных возгласов несчастной я понял, что у нее пропал маленький сынишка.

По возвращению я услышал, как Топси разговаривает с молочником.

— Беда, — сказала Топси, — и ведь даже богатые

семьи это не обошло!

— А я слышал, — понизив голос, отвечал молочник, — что хоть в том доме и нашли скелет Бурого Дженкина, то был не он! А он жив, и жива старая Кеция…

— Ох, не надо!

Они увидели меня и резко замолчали.

Вопреки советам Джима я снова взглянул на дом прапрабабушки, чтоб ей провалиться к дружку-черту! — туда как раз входил полисмен. Я запомнил его необычно светлые усы и волосы.

Следующей ночью я снова видел сон.

Надменная старуха и ее питомец окружили стол, на котором лежало что-то длинное. С другой стороны стола стоял какой-то неизвестный человек в черном. Внезапно я отчетливо рассмотрел на шее старухи странгуляционную борозду, какие нам показывали в морге во время практических занятий. Черная, сочившаяся темной кровью, она почти перерубала ее глотку.

Как человек с такой травмой мог находиться в сознании, да еще и резво двигаться? Тут я вспомнил, что это сон, — и проснулся.

На следующий день чуть ли не весь Аркхэм поднялся на поиски пропавшего малыша, а полиция без лишнего шума разыскивала некоего

лейтенанта Смита.

— Этот Смит… он был блондин с усами? — спросил я, и внутри у меня все замерло.

— Да, — ответила Топси.

Я сразу же сложил два и два. Кто бы ни окопался в проклятом заброшенном доме, используя старые дурацкие суеверия, он убил и ребенка, и полицейского. По крайней мере, Смит оттуда не выходил.

Сейчас, в зрелом возрасте, я бы, конечно, просто сообщил в полицию, но в те годы, молодой и горячий, я мечтал о приключениях — вот и вздумал влезть в этот дом самостоятельно и найти улики, а то и, как знать, живых узников. Просить о помощи кого-либо мне было не с руки, судя по трепотне Джима. Но, поразмыслив, я все же переговорил с одним из полицейских, лейтенантом Коппелом, другом и напарником Смита.

— Вы думаете, он в заброшенном доме? О'кей, — этот толстый лысоватый тип будто говорил всем своим видом «Я не очень в это верю, однако ваш сигнал я проверю, так и быть». — Давайте завтра с утра, а то у нас рабочий день кончается…

Очередной сон был гаже предыдущих. Старуха, тетя Мэриголд, чертов зверек и человек в черном окружили тот самый стол, а затем сбросили

с него простыню.

На столе лежал обнаженный и связанный лейтенант Смит!

Судя по многочисленным кровоподтекам, он подвергся жестокому насилию — может быть, сопротивлялся, а может быть, его и пытали. Однако он был жив и что-то мычал, несмотря на кляп во рту.

Тетя Мэриголд попыталась то ли урезонить остальных, то ли заступиться за полисмена, но старуха, при всей ее видимой немощности, с удивительной силой оттолкнула руки тети — и подняла огромный кривой черный нож над горлом несчастного лейтенанта Смита…

Проснулся я совершенно разбитым и больным. Сердце у меня колотилось, будто это меня должны были убить невесть за что.

Завтрак проходил в молчании.

— Тетушка Мэриголд, — заговорил я.

— Да, дитя мое?

Обычно меня раздражала ее манера называть меня «дитя» и «мальчик», — я-то знал, что ее бесит молодость, в том числе и моя собственная, но сейчас я не обратил на это внимания.

— Куда делся тот пропавший ребенок?

— А кто его знает, — вклинилась Топси.

— Если полиция не знает, то и мы не узнаем, — рассудительно заметила тетушка.

— Но он же был в соседнем доме, да? Там, где старая Кеция, ее этот, как его…

— Бурый Дженкин, — подсказала Топси.

— Вот. И еще черный человек.

Тетушка уставилась на меня в каком-то паническом ужасе.

— Что ты такое говоришь, мальчик мой, — воскликнула она. — В соседнем доме уже лет десять никто не живет, после того, как там убили этого бедного студента! Как его звали, Топси?

— Мастер Джилмен его звали, мэм, — отозвалась Топси.

Ее черные глазищи навыкате так и буравили меня.

— Даже если бы кто-то похитил невинное дитя, злоумышленники нипочем не стали бы прятаться в доме, где произошло этакое злодейство, — убежденно заявила тетушка.

На часах уже было без пяти девять. Я поднялся и вышел, выглядывая Коппела.

Он явился не один — с двумя детективами.

— Если уж проверять, то по всем правилам, — заявил он, похлопав меня по плечу.

Дверь оказалась запертой изнутри. Один

из детективов высадил ее плечом. В нос ударил отвратительный запах — мы безошибочно распознали застарелую мертвечину. Однако выглядело все не только нежилым, но и нетронутым, разве что отпечатки пары мужских ботинок виднелись на пыльном полу. И тут нам послышался шедший откуда-то из глубины дома слабый стон.

Мы вбежали внутрь, и у меня оборвалось сердце.

Я видел эту комнату.

Видел черные свечи, расставленные вокруг. И нарисованную чем-то коричневым — Господи! это была не краска! — пентаграмму посреди пола.

Видел стол, похожий на медицинскую каталку.

Видел черный стеклянистый нож с изогнутым лезвием…

Коппел сорвал простыню в бурых пятнах со стола, а детективы в это время перерыли все вокруг, и один из них воскликнул:

— Вот он, лейтенант, я нашел его!

Он имел в виду пропавшего ребенка. Малыш был в глубоком обмороке, но жив, и Коппел немедля командировал детектива к врачу. А на столе перед нами лежал обнаженный и связанный, покрытый кровоподтеками, лейтенант

Смит.

Мы привели его в чувство. Серьезных повреждений у бедняги не было, но его жестоко избили; по-видимому, у него было сотрясение мозга, так как он плохо помнил случившееся.

— Я не помню, — ответил он на вопрос, что с ним стряслось. — Я шел сюда, искал ребенка, этого, который пропал… Потом не помню ничего!

Я захватил с собой флягу с запретным виски; поколебавшись, я достал ее и поднес к губам Смита — Коппел сделал вид, что ничего не заметил.

Тем временем Коппел и второй детектив обыскивали подвал, стараясь найти улики. Внезапно детектив пробежал мимо меня, зажимая рукой рот. Я встал и взглянул…

Я буду жалеть о том, что взглянул, до конца жизни. Ибо моя нынешняя хирургическая практика, конечно, подразумевает лицезрение тяжелейших травм, однако то, что я увидел, травмами не назовешь.

В больших коробках из-под мебели были аккуратно уложены человеческие тела, в основном детские, однако я заметил и несколько взрослых. Каждое из них было изобретательно расчленено, однако просматривалась закономерность:

у всех жертв удалили глаза, половые органы, пальцы рук и ног. Далее, у каждой была вскрыта грудина.

Неведомые злоумышленники вырезали странные и сложные фигуры на телах несчастных. В этом тоже была некая последовательность, а сами фигуры напомнили мне знаки, подчас являвшиеся в страшных снах, как если бы некто писал кровью и болью определенное послание… кому?

— Видел я уже такое, — буркнул Коппел. — Верно, Уэйтли?

— Точно, — подтвердил детектив. — Когда мы нашли мертвыми Рози Хопкинс и Долли Джойс.

— И когда мы нашли труп этого младенца, Хоппера, — подал голос Смит и закашлялся. — У него было… вырвано сердце, — проговорил он сквозь кашель.

— Так и у этих, — морщась, сказал детектив.

Он приглядывался к трупам, зажимая нос. Многие из тел уже порядком разложились, и в них копошились опарыши, а от смрада можно было сойти с ума.

— Поднимаемся, — заторопил нас Коппел. — Надо сообщить…

Смит вышел из проклятого дома и вдруг пошат-

нулся, и упал на колени.

— Старая миссис Мэйсон, — прошептал он.

— Что? Она вас видела?

— Нет. Она хотела меня спасти…

— Миссис Мэриголд Мэйсон? Моя тетя? Вы точно ничего не путаете?! — взволнованно вскричал я.

— Да. Она просила не убивать меня… Она даже хотела забрать нож у той старухи…

— Достойная леди, — сказал Коппел. — Остается только узнать, как она-то попала в эту компанию.

У меня мелькнула безумная догадка, что дело в ее родственных связях с Кецией Мэйсон. Но кто же был человек в черном? И что это был за неприятный зверек с такими злыми глазами?

Я толкнул дверь тетушкиного дома — и окунулся в шум, рыдания и беготню.

— Ваша тетушка, масса Чарлз! — воскликнула Топси, выбежав мне навстречу. — Она скончалась!

Тетушке было под девяносто, и я никогда не испытывал к ней теплых чувств, однако в тот момент у меня слезы брызнули из глаз.

***

Я задержался в Аркхэме, чтобы уладить дела с наследством; как выяснилось, тетушка Мэриголд завещала дом и все свои накопления одному мне, что меня несказанно удивило. Лучше бы она этого не делала! Я бы тогда не узнал, что случилось со всеми, с кем я познакомился в Аркхэме.

Малыш, спасенный нами в проклятом доме, умер в больнице.

Спустя несколько дней умер от инфаркта и несчастный лейтенант Смит.

Детективы, сопровождавшие нас, погибли через месяц — автомобиль, в котором ехали оба, столкнулся с поездом. За рулем сидел лейтенант Коппел…

Этого было достаточно, чтобы закрыть дом, договорившись с добрейшей Топси о присмотре за ним, и уехать домой. Я бы облегченно вздохнул и забыл обо всем, как о страшных снах в доме тетушки, но вскоре мне пришло письмо от Джима. Он сообщал, что его мать, Топси, умерла от дифтерита, и спрашивал, следует ли ему принять ее обязанности. Я ответил, что нет.

Прошло семь лет. С тех пор я ни разу не бывал в Аркхэме. Медицинский колледж я закончил, имею хирургическую практику и был бы доволен жизнью, если бы не одно «но».

Во-первых, недавно мне сообщили о гибели бедняги Джима.

А во-вторых, с некоторых пор мне снова стали сниться сны, подобные тем, что я видел у тетушки Мэриголд. Я вижу сгорбленную надменную старуху и ее злобного питомца — Бурого Дженкина, вижу черного человека. Вижу комнату, уставленную черными свечами, и нарисованную кровью пентаграмму на полу. Иногда я вижу, как делаются эти свечи, — как старуха и зверек выкапывают свежие трупы на кладбище, перетаскивают их в дом, подвешивают над жаровней и вытапливают жир, собирая его в каменные плошки…

Некоторое время я утешал себя тем, что после виденного в доме ведьмы мне и должны сниться кошмары.

Но сегодня Бурый Дженкин поднял свою крысиную голову и уставился злыми глазками прямо мне в глаза.

Завещание я написал. Заменить меня в моей клинике есть кем.

Буду ли я зарезан обсидиановым ножом или умру смертью, похожей на естественную? Будет ли мой труп похищен с кладбища? Будут ли из меня вытапливать жир или вырвут сердце

из груди, чтобы принести его в жертву под руководством Черного Человека?

И долго ли мне еще ждать конца?

Сияние
Андрей Скорпио

С доктором Берни МакМиланном я познакомился много лет назад, когда попал практикантом в больницу св. Иосифа. В первый же день я вручил ему письмо от отца, который когда-то пожертвовал немалые деньги на развитие больницы.

— Ах, мой мальчик, — вздохнул доктор, усадив меня в своем личном кабинете и налив вина, — как жаль, что мистер Джейкоб разорился. Во всем виновата его идея торговать с Индией, я прав?

— Отчасти, сэр, — я пригубил напиток, — пара неудачных сделок сильно расстроили наше благополучие, но последним ударом была гибель «Виктории» во время шторма.

— Чудесный был корабль, — доктор сочувственно покачал головой, — Джейкоб так им гордился. Сколько лет прошло с тех пор? Пять?

— Семь, — поправил я.

— А вы, значит, решили пойти по стопам дяди и стать ученым?

— Меня всегда занимала природа разума, —

осторожно ответил я.

— Осмелюсь предположить, что на ваше решение повлияла семья? — видимо, на моих щеках вспыхнула краска, поскольку доктор тут же смутился. — Простите, я… не думал, что эта тема…

Повисло неловкое молчание.

— Все нормально, — я мысленно выдохнул, — прошло уже больше десяти лет.

— Джейкоб рассказывал о вашей матушке.

— Первопричина кроется в ней. Говорили, что дело в наследственности, но я в это не верю.

— Во что же вы верите? — спросил доктор.

— В причину, следствие и логику.

— И не допускаете ни одной мысли, что что-то может скрываться за пределами рациональной науки?

— Именно так! — последние слова я произнес с вызовом.

Доктор лишь усмехнулся.

Практика оказалась вовсе не такой, как я себе представлял во время учебы. Я перебирал бумажки, проверял картотеки и приводил в порядок архив. Доктор МакМиланн работал больше других. Он часто задерживался по вечерам, штудировал карточки больных или выискивал новые методики лечения. Признаюсь, я находил в его

работе то упоение, к которому стремился сам.

Стремление подражать МакМиланну омрачалось лишь двумя вещами. Первая — доктор никогда и никого не подпускал к маленькому книжному шкафу у себя в кабинете. Как-то мельком я увидел там пузатые, словно разбухшие от воды, древние фолианты. Названия их почти стерлись, однако некоторые я узнал. Странно было видеть в кабинете умудренного опытом психиатра древние «Стансы Цзяна» или «Тайны Червя» или зловещую «Черную книгу».

Вторая странность заключалась в том, что доктор подолгу сидел в кресле во время грозы. Он раскрывал окно и, глядя на яркие всполохи, прорезающие тьму небес, уходил глубоко в себя. Длилось наваждение недолго. Когда молнии утихали, МакМиланн встряхивал головой, словно отгонял морок, закрывал окно и наливал вино.

Рутина бумажной работы продлилась около года. Несмотря на доброе ко мне отношение, в профессиональной сфере МакМиланн был крайне требователен, занудлив и не терпел противоречий. В воскресный день мы пили вино, а уже на следующее утро доктор топал ногами из-за совершенно нелепой ошибки, допущенной мною от невнимательности.

Постепенно я из простого практиканта перерос в помощника и заместителя доктора. МакМиланн охотно делился со мной опытом и знаниями. Все больше наши, уже не такие редкие, вечерние беседы вращались не вокруг моей родни или морской торговли, а переходили на научную тематику.

— Социум! — горячился доктор, покраснев от лишней порции вина. — И общее дело — вот, что нужно в большинстве случаев! А не эти ваши… средневековые методы!

— Позвольте заметить, что в ряде случаев они помогли, — не отступал я, — прогрессивный метод лечения истерии избавил многих женщин от страданий.

— Пусть так, но что творили и творят эти, с позволения сказать, докторишки? По-вашему, обливание водой или розги тоже помогают несчастным?

— Не всем, — уклончиво произнес я, — но в ряде случаев видна и положительная динамика.

МакМиланн фыркнул и отмахнулся.

— За столько лет практики я видел многое, — он с тревогой глянул в окно: по небу плыли темные облака, предрекая непогоду, — и понял, что никакое физическое насилие не изменит духовного

состояния человека.

— В исключительных случаях всегда есть… особые методы, — я выдержал паузу, — известные с давних времен. Трепанация.

— Я так и знал! — вскричал он и всплеснул руками.

— Конечно, подобное лечение ужасно, но…

— Никаких, но! Те, кто пошел на поправку не идут ни в какое сравнение с сотнями и тысячами страдальцев, вынужденных коротать свой век, изгаживая простыни и роняя еду на пол, даже не в силах ее удержать!

МакМиланн с шумом поставил бокал и вытащил из письменного стола толстую тетрадь.

— А теперь полюбуйтесь, к чему привели мои методы! У половины пациентов улучшение, другие полностью излечились!

— Полагаете, что тот, кто считает себя слоном, пойдет на поправку от простого общения? — я усмехнулся.

— Не думайте, что я настолько глуп, чтобы уповать только на разговоры и игнорировать опыт профессоров в данной области. И все же, простой разговор имеет не меньшее влияние на здоровье пациента, чем удача псевдонаучных методов. Каждый из нас к чему-то стремится, часто под-

сознательно.

— К чему же стремится убийца?

— Быть услышанным, — видимо на моем лице отразилось непонимание, — у каждого есть цель. Когда что-то мешает достичь ее — нечто инородное или врожденное — то духовное стремление не получает того, что хочет. Такой диссонанс с миром грез и реальностью часто приводит к нарушениям. По сути, убийца в состоянии аффекта и разорившийся торговец, который сошел с ума — есть разные грани одного и того же состояния.

— И их обоих излечат простые разговоры, — подытожил я.

МакМиланн недовольно посмотрел, видимо заподозрив в моих словах скрытый сарказм.

— Нет. Хотя общение и является ключевым в лечении, я также применяю некоторые… духовные практики. Порой сознание скрыто слишком глубоко, и коснуться его обычным методом не представляется возможным.

— Доктор МакМиланн, — деланно возмутился я, — уж не хотите ли вы сказать, что занимаетесь шаманством?

К моему огромному удивлению он не стал спорить.

— Отчасти. Когда не помогает гипноз, то приходиться заходить куда глубже. Там, где границы между нашим миром и тем, что мы не видим, размыты.

Я отказывался верить, что столь умный человек на деле является простым язычником.

— Понимаю ваши сомнения, — словно прочитав мысли, произнес МакМиланн, — когда-то я тоже слепо верил в науку и логику. Предыдущий главный врач больницы — мистер Бернхайм — мой наставник — был отличным специалистом, но, увы, слишком узко мыслящим. И я бы стал таким, если бы не один случай около тридцати лет назад.

Где-то вдалеке прогремел гром. Мне показалось или в глазах доктора промелькнул страх?

МакМиланн покачал головой, посмотрел на часы и заявил:

— Ба, как поздно! Прошу прощения, но продолжим в другой раз. Готовьтесь, мой дорогой, завтра я продемонстрирую вам свой метод!

Методы лечения доктора сильно отличались от тех, которые я изучал. Мы закрылись в небольшой комнатке с двумя пациентами. Разложив свечи и благовония, этот убеленный сединами эскулап бормотал странные фразы, переходящие

в песнопения. Книги, которые он взял из шкафчика, пестрели незнакомыми и пугающими символами. Я со скептицизмом наблюдал, как один за другим больные впадали в транс, а затем диким гортанным голосом кричали о своих страхах. Удивление сменилось вниманием, а затем любопытством.

Что же мешало всегда применять такие практики?

Ответ доктор дал тем же вечером:

— Общество часто стояло на пути прогресса. Древние передавали знания, используя секреты и шифры. Но со временем, ушедшему вперед человечеству стали неинтересны тайны прошлого. Знаний стали бояться и презирать. Помните мистера Берроуза из больницы св. Хьюза в Нью-Гемпшире? Он совместил лекарство и давление на пациента. Три года экспериментов, из двадцати больных четверо полностью поправились. И что? Где теперь наш доктор? В соседней палате с остальными. Люди боятся нового.

— И все же, вы используете свои методы.

— Нечасто, мой друг, — усмехнулся МакМиланн.

— А вы не боитесь, что, открывшись мне, вы поставите себя под удар?

МакМиланн вздохнул.

— Может, я просто устал, а может, увидел в вас родственную душу.

— Или сказали лишнего за бокалом вина, — улыбнулся я.

МакМиланн неожиданно расхохотался.

— Вы правы.

— И все же, я не могу понять. Вы — человек с большим опытом, автор нескольких трудов и… все эти духовные практики…

— Вы наградили меня многими регалиями, но все они ничто в сравнении с истиной. Ах, если бы вы знали то, что узнал я, когда поднимался на Пик Дьявола. В тот день вера в логику нашего мира лопнула, как мыльный пузырь. И пусть я ограничен стремлением докопаться до истинной причины заболевания моих пациентов, но, видит Бог, пути, ведущие за пределы наших ощущений и восприятий не для смертных.

В тот вечер вновь прогремел гром, и доктор испуганно оглянулся. Однако, я был настойчивее и сказал, что не уйду пока не узнаю, что же именно так изменило моего наставника. В конце концов, доктор сдался.

***

Сейчас, спустя тридцать лет, отдаленный портовый городок Уэлш сильно разросся, но в тысяча восемьсот девяносто девятом году он был простым рыбацким поселением на одном из островов к востоку от материка. Торговые суда иногда заходили, чтобы купить недорогую рыбу, а раз в неделю пароход мог отвезти желающих в Бостон, дабы те могли прокатиться на трамвае или увидеть первую в стране подземную железную дорогу. С южной стороны остров зарос деревьями, а на севере оканчивался высокой горой, вершину которой прозвали Пиком Дьявола.

Все началось с сильнейшей грозы. Черное небо накрыло городок, заставив жителей в панике попрятаться по домам. Молнии прорезали небеса так ярко и часто, словно наступил Судный день.

Берни МакМиланн был тогда юным практикантом. Гроза застала его за чтением. Берни устало потер глаза, и чтобы отвлечься уставился в окно. Больница Св. Иосифа стояла на возвышенности, откуда открывался вид на городок.

Чаще всего, и это сразу показалась Берни странным, всполохи мелькали над Пиком Дьявола. Иногда казалось, что змеевидные разряды доходили до земли, а иногда, что облака принимали форму странной мифической твари. Берни

на мгновение померещился кит.

На следующий день по Уэлшу пролетела новость. Братья Сандерсы, что жили на горе в охотничьем домике, утром обнаружили разрытую землю. Джозеф, один из братьев, клялся, что это сделали светящиеся человечки. Сандерсы были недалекими, даже отсталыми в развитии верзилами. Они охотились в лесу, а пару раз в месяц спускались на рынок и обменивали вяленое мясо на предметы быта.

В городе редко случались события, поэтому бургомистр лично решил посмотреть, что же приключилось на горе. За ним увязались Бернхайм, Берни и несколько зевак.

«Светящиеся человечки» — были, несомненно, молнии. Видимо в земле было нечто, что их притягивало, ибо неподалеку от домика зияло множество ямок.

Питер, второй брат, угрюмо молчал, ковыряя землю носком ботинка. Из двоих Сандерсов именно он показался Берни более разумным.

Когда власти удовлетворили любопытство и уже собрались уходить, мимо пробежала кошка. Она запрыгала по ямкам и вдруг… провалилась под землю. Народ так опешил, что все с минуту молчали. В тот момент у Берни почему-то даже

мысли не мелькнуло об опасности. Он до безумия обожал животных, поэтому подбежал к ямке и сунул руку внутрь, в надежде вытащить испуганную кошку. Но пальцы ощутили… пустоту.

Тогда впервые выдвинули предположение, что под верхним слоем земли есть необнаруженная доселе пещера.

Бургомистр связался с геологическим обществом и уже через день городок посетили ученые. Само по себе открытие пещеры не являлось чем-то очень важным, но ученых интересовало то, что притягивало к себе молнии.

Власти предоставили рабочую силу и вскоре общими усилиями вход в пещеру обнаружили. Подобное стремление было понятно: если в горе скрыто месторождение полезных ископаемых, для Уэлша открывались огромные перспективы. Однако, не все жители радужно воспринимали находку. Кто-то в страхе крестился или недовольно бурчал под нос. Мол, что скрыто от глаз, должно оставаться скрытым.

И все же, спустя две недели группа ученых пробилась через камни у подножия горы. В ту группу вошел и Берни. Его наставник был членом совета. Бургомистр доверял Бернхайму и настоятельно просил именно его принять участие

в экспедиции.

Двенадцатого апреля пятеро ученых, мистер Бернхайм, Берни МакМиланн, несколько рабочих и братья Сандерс вошли вглубь пещеры. Последних никто не приглашал, но никто и не прогонял.

Открывшееся перед людьми пространство ошеломляло своими масштабами. Через выбоины с потолка струился мягкий свет взошедшего солнца. Его вполне хватало, чтобы осмотреться. Стены пещеры испещрили трещины, проглядывал мох. Несмотря на довольно жаркий день, внутри было очень холодно и сыро. Земля под ногами оказалась влажной, кое-где виднелись лужицы странного белесого цвета.

— Вероятно, под нами протекает река, — предположил один из ученых.

Дорога уходила вверх. Пещера сужалась, переходя в длинный коридор.

Первую странную находку сделал Берни. Он заметил, как солнечный свет чуть искажается и принимает разные цвета. Синий, красный, золотой… все они переплетались в удивительный узор, идущий по периметру пещеры.

Предположения сыпались со всех сторон, но ни одно не находило подтверждения.

— Светящиеся человечки! — вдруг громко вскрикнул Джозеф.

Берни вздрогнул. Питер мрачно покачал головой и прислонился к стене, а доктор Бернхайм с сомнением посмотрел на младшего Сандерса. Может, стоило увести его?

Подъем длился не менее получаса, когда коридор совсем сузился и закончился узким проемом. После недолгих препирательств решили продолжать путь, оставив часть оборудования, пузатые рюкзаки и мощные фонари на треногах. Также, оставили пару рабочих, двух ученых, мистера Бернхайма и Питера Сандерса. Как ни старались, они не смогли протиснуться в проход.

Поредевшая группа шла медленнее. Потолок нависал, почти касаясь головы. Берни шел первым, как самый худой, а замыкал процессию Джозеф, постоянно бормотавший что-то о светящихся человечках.

Коридор закончился неожиданно и привел в небольшую нишу с мерцающей посередине точкой. Вокруг нее были изображены столбики. Разноцветные линии, словно нити паутины, пересекали точку и тянулись к столбикам. От верхнего левого к нижнему правому, от верхнего правого к нижнему левому. Центральные

столбики тоже пересекала линия.

«Это не может быть природным образованием», — мелькнуло в голове у Берни.

Судя по удивлению ученых, не только он об этом подумал. Пока раздумывали, как разломать стену и пройти дальше, Джозеф всех растолкал и ткнул пальцем в мерцающую точку. Столбики замерцали, а каменная стенка покрылась трещинами и развалилась.

— Откуда ты узнал? — посыпались вопросы.

— Светящиеся человечки. Они приходили во сне. Они показали.

Джозеф, несомненно, тронулся рассудком.

Пройдя через обрушенную дверь, группу ждало новое шокирующее открытие. Пещера перешла в огромный каменный мешок. Свет солнечных лучей мерк перед невообразимым сиянием тысяч грибов. Росшие в каменных нишах, они странно покачивались, словно наслаждались неслышимой для людей мелодией.

Но более всего экспедицию поразили шесть высоких заостренных монолитов-колонн. Каждая имела странную форму и на каждой были рисунки, которые не походили ни на что, виденное Берни ранее. Внизу виднелись домики, а вершину венчали зигзагообразные линии,

в которых угадывалось карикатурное сходство с человеком.

Кроме колонн рисунки украшали и стены пещеры. Что-то странно екнуло в груди у Берни, когда он увидел изображение огромного кита, окруженного облаками и зигзагообразными линиями.

— Светящиеся человечки! — Джозеф вприпрыжку бросился к колоннам, опустился возле одной из них на колени и обнял.

Берни понадобилась помощь, чтобы оттащить дурачка в сторону и связать руки, так удачно прихваченной веревкой.

На обследование пещеры и колонн ушло несколько часов. Перед этим Берни вернулся назад и вкратце рассказал о находке.

Бургомистр выделил для ученых один из служебных домов, тогда как Берни и его наставник вернулись в больницу. Джозефа и его брата решили пока оставить в покое. Тем более, что младший Сандерс после выхода из пещеры вел себя гораздо спокойнее.

Почти до ночи Берни с наставником обсуждали открытие и строили предположения касательно монолитов. Ясно было, что именно они притянули молнии.

— Это изменит мир, — вдохновенно вещал Бернхайм, поднимая бокал с вином, — нам довелось оставить след в истории.

Берни не разделял восторга учителя. Он помнил реакцию дурачка Джозефа и его раболепствование перед монолитом. Что, если неизученный материал колонн как-то влиял на сознание?

Спал МакМиланн плохо. Ему снился Джозеф, исступлено плясавший возле монолитов и то и дело выкрикивающий: «Светящиеся человечки!». А где-то высоко в небе мелькали всполохи молний, освещая очертания огромного кита.

Следующие несколько дней ученые пытались достать монолиты из недр пещеры. Распилить или разобрать находку было невозможно. Камни не брала ни пила, ни шахтерская кирка, ни кислота. От идеи взорвать вход тоже отказались — в случае ошибки мог начаться обвал и пострадать городок. Тогда один из ученых мужей, изучив гору, предложил продолбить выход через верх.

После двух дней работы возле домика Сандерсов образовался широкий разлом. Ученые установили механизмы и с помощью канатов попытались поднять камни.

Скоро все шесть монолитов подняли на по-

верхность. И тут произошло еще одно открытие: чем выше поднимались камни, тем легче они становились. И если сначала требовались усилия десяти человек, то последние пару метров с монолитом легко справлялся всего один. Этот факт породил целую череду споров, понять которые Берни не особо пытался, ибо мало что понимал в геологии.

После долгих разговоров решили оставить камни возле домика, чтобы затем организовать их перевозку и доставку на материк. Однако, на следующее утро монолиты исчезли. Почти сразу выяснилось, что также исчезли и братья. Никто не сомневался, что именно Сандерсы похитили монолиты. Возможно, братья хотели продать их.

Две недели поисков не принесли результата, и люди вернулись к своим делам.

Каждую ночь небо заволакивали тучи, и яркие всполохи очерчивали небо. Большинство из них мелькало над Пиком Дьявола. Странным было почти полное отсутствие грома, а приходивший под утро дождь был таким вязким, что лужицы больше походили на желе, чем на воду.

Вскоре ученые покинули городок, а вход в пещеру заколотили как могли.

Грозы и дожди стали частым явлением. Самые

суеверные говорили, что это монолиты навлекли непогоду. А затем произошло новое явление. Из земли стали вылезать побеги невиданных растений. Первым их обнаружил мальчишка-посыльный и рассказал Берни.

Растения немного напоминали грибы, найденные в пещере. Странные зеленоватые отростки заканчивались вытянутыми шляпками. Берни надел перчатку и дотронулся до гриба. На руку брызнули белые капли. Чем-то они походили на желеобразные капли дождя.

Разумеется, странные соседи взбудоражили жизнь Уэлша. Чем только паразитов не пытались извести. Огонь, лопата, даже кислота — все оказалось бесполезным. Растения сильно дымили, при этом издавая чудовищно громкие свист и визг. Стоило выкопать один сорняк, как на его месте за ночь вырастали еще три.

Постепенно «грибы» покрыли почти весь городок. По ночам растения светились зеленоватым светом, а к утру выделяли капли, что вкупе с наступлением прохлады погрузило городок в туман. Из-за сырости начались болезни. Даже сквозь закрытые окна и двери домиков постоянно доносился кашель. Медикаменты не помогали. Небо затянули тучи, сквозь которые почти не показы-

валось солнце.

Бургомистр обратился за помощью в Бостон. Приехавшие специалисты разводили руками. Несколько образцов были доставлены в институт для изучения, а пока что людей призвали держаться в надежде на скорое разрешение возникших проблем.

Очередная напасть произошла утром десятого октября. Отправившись на рынок, Берни наткнулся на толпу зевак. Он подошел ближе и увидел кошку, зажатую в угол. Больше всего доктора поразило не странное свечение шкуры животного и даже не зеленоватые наросты возле глаз и ушей. Берни узнал в ней несчастную, которая провалилась под землю. Он не мог ошибиться, ибо запомнил косой шрам и чуть оттянутую губу, обнажавшую один из клыков.

Люди шептались между собой, указывая на зеленую проказу. Кто-то схватил палку, намереваясь забить беднягу, но тут кошка сжалась и резко прыгнула вперед. Толпа ахнула. Оказавшись на свободе, кошка стремглав бросилась наутек. Берни задался вопросом — уж не болезнь ли придала беглянке такую скорость и прыть?

Весь день люди искали кошку, но ее как ветром сдуло. Зато на следующий день нашли несколько

крыс. Сквозь их шкуру пробивались едва заметные стебельки со шляпками на конце.

Испугавшись, бургомистр издал указ истреблять любое пораженное «зеленой проказой» животное. Но как жители ни старались, а за неделю удалось убить лишь с десяток мышей, да старую кобылу.

Кроме заражения живых существ, люди все чаще стали замечать, как сельскохозяйственные растения также покрывались странной зеленью. Привкус гниения делал их непригодными в пищу даже для домашнего скота.

Из-за болезней и голода люди покидали Уэлш. Но выбраться удалось не всем. Ночью поднялся настоящий ураган, а утром обнаружили, что переправа разрушена.

Восстановление должно было занять длительное время. Берни помогал расчищать завалы, не забывая ухаживать и за своим наставником. Бернхайм последнюю неделю сильно кашлял и подолгу лежал в кровати.

Молодой врач часто возвращался мыслями к пещере и найденным там монолитам. Рациональный ум не верил в сплетни и суеверные страхи горожан, однако МакМиланн не мог не признать, что все беды начались именно

со странной находки.

В дверь постучали. Прибежала торговка миссис Ардью. Ее муж нашел одного из братьев-беглецов в воде среди обломков. Многие врачи покинули городок, так что миссис Ардью попросила откликнуться на помощь мистера Бернхайма. Берни передал ее слова своему наставнику и тот, отмахнувшись от всяческой заботы МакМиланна, поспешил на зов. Берни увязался за ним.

На койке в бессознательном состоянии лежал Джозеф. Его волосы сильно отросли и позеленели. Возле глаз и уголков рта пробивались зеленые наросты. Тело исхудало и издавало мерзостный гниющий запах.

— Что это? — испуганно спросил бургомистр. — Чума? Проказа?

— Нет, — Бернхайм покачал головой, — эти наросты похожи на грибок. Если он чем-то и болен, то я не в силах сказать, чем именно.

Джозеф пришел в себя на вторые сутки.

Сперва он исступлено завопил, а затем стал безостановочно повторять:

— Светящиеся человечки… они идут… они убьют *Его*, ибо *Он* враг им… светящиеся человечки… скоро будут… они убьют *Его*…

Бернхайм выполнил все необходимые проце-

дуры, чтобы понять, что приключилось с Сандерсом. Были сделаны уколы и даны лекарства, что еще оставались. Зеленый грибок не исчез, но заметно посветлел.

— Скорее всего, это последствия долгого пребывания в воде, — заметил Бернхайм спустя несколько дней обследования, — я изучил зараженных крыс и нашел в желудке у каждой шляпку от растения. Она и является возбудителем болезни.

— Могла ли болезнь передаваться здоровым особям каким-то иным способом? — поинтересовался мистер Бергью — бывший врач, а ныне ночной смотритель в больнице.

— Вряд ли, — покачал головой Бернхайм. — Вчера мой помощник заметил одну из крыс и убил ее. При осмотре я не обнаружил ни единого признака заражения. Известно, что крысы стайные животные и контакт с больными особями за столь долгое время в любом случае был.

Джозеф скулил, шептал, кричал, но ничего даже на йоту не приблизило к разгадке.

— Мы их дети… светящиеся человечки выбрали… они идут… шесть столбов, они придут из центра… они убьют *Его*! Мы их врата… они уже пытались… они высосут, они заберут… они

убьют…

Вот и все, что в той или иной интерпретации повторял больной. Иногда он рвался куда-то бежать. «Уничтожить, пока не пришли». Иногда затихал и рыдал.

Постепенно удалось упорядочить бредовые выкрики Джозефа, и Берни сделал следующую запись:

«Постоянно говорит о *Нем*. Рвется защитить от «светящихся человечков». Они уже пробовали убить *Его*, охотились за *Ним* со времен древности. Два раза пытались и скоро попытаются еще раз. Если у них получится, то всему конец.

Изучив историю болезни Джозефа, не берусь утверждать, что все это следствие врожденного помешательства. Возможно, помнит о какой-то легенде. Разум пытается адаптироваться к реальности. Не удивлюсь, если после кражи монолитов братья разругались и Джозеф убил Питера, а потом, не в силах принять содеянное, бросился в воду. Теперь же, очнувшись, он пытается защитить *Его* от «человечков», безусловно подразумевая под *Ним* своего брата».

Не то, чтобы Берни не верил в то, что написал, скорее он не мог дать объяснение некоторым фактам. Джозеф говорил о «человечках» еще

до обнаружения монолитов. Даже если допустить, что камни каким-то образом оказали воздействие на слабый разум из недр земли, то каким образом младший Сандерс открыл проход? Он словно знал, что нужно делать!

После того, как Берни занялся Джозефом, он почти перестал выходить на улицу. На еде старался экономить, отдавая увеличенную порцию Бернхайму.

Скоро заметили еще одну странность: грибовидные наросты едва заметно колыхались даже при отсутствии ветра. И все как один склонялись в сторону горы. Причем, у подножия растений были гораздо больше и светили они гораздо ярче, нежели в городке. Во время грозы такое странное зеленое сияние вселяло еще большую тревогу.

Не успели жители разгрести завалы, как вновь разыгралась гроза, разметав по кускам все труды за последние две недели. А в ночь на первое ноября резко похолодало, и пошел снег. Довольно быстро вода промерзла, вновь превратив людей в пленников.

Наступившая зима на время скрыла растения под снегом. Мороз заставил грибы скукожиться и усохнуть. Это дало надежду, что скоро все закончится. Говорили, что изредка виденные

животные уже не светились, что их шерсть выглядела здоровой, а наросты исчезли. Однако, Берни лично осмотрел найденный трупик замерзшей крысы и отметил, что ее шкурка все также издает слабое свечение.

Что касается Джозефа, то зима повлияла и на него. Он стал более спокойным. Ночью его еще мучили кошмары, но днем разум постепенно возвращался, и Берни добился немалых успехов.

В минуты просветления Сандерс признался, что в ночь похищения монолитов его брат был сам не свой, что он говорил с *Ними*, и *Они* приказали ему спрятать камни и ждать нужного часа. Тогда Питер унес монолиты на Пик Дьявола.

Сандерс упорно стоял на своем и винил в бедах «светящихся человечков». В конце концов, Бернхайм озвучил версию об одновременном помешательстве обоих братьев.

— Где теперь твой брат?

— На вершине. Он ждет. Они скажут ему, когда *Он* будет близко, и тогда они вернутся и завершат охоту. *Он* не должен умереть! Тогда всему конец!

Джозеф скривился и затрясся в беззвучном плаче. Бернхайм покачал головой и вышел, за ним потянулись остальные. Берни замешкался и тут Джозеф вцепился в него.

— Я пытался остановить, — плаксивым голосом произнес сумасшедший, — я ошибался, *Он* мне все рассказал. Я хотел сломать камни, но светящиеся человечки уже забрали Питера. Они поселились в его голове и заставили скинуть меня вниз. Прошу, вас, помогите мне! Если они придут… всем конец!

Берни с трудом разжал крючковатые пальцы и вколол Джозефу успокоительное.

С приближением весны Сандерс все больше расходился. Он стал буянить, пытался сбежать, кричал, взывал о помощи. Пришлось привязать беднягу к кровати.

После беседы с сумасшедшим, Бернхайм высказал опасение, что Питер мог также сойти с ума и его необходимо найти до того, как он причинит кому-то вред. Добровольцы отправились на поиски к вершине, но в тот же день вернулись напуганные и дрожавшие. Со времен открытия пещеры никто не решался подниматься в гору, теперь же она вся заросла грибовидными растениями. Чем ближе подходили к Пику Дьявола, тем выше оказывались растения. Кроме того, на дорогах и деревьях совсем не было снега, а редкие животные напоминали скорее облепленную зеленью кочку, нежели живое существо.

При попытке прорубить проход топорами, растения чудовищно визжали, а когда один из добровольцев развел костер, грибы все как один выплюнули тягучие, похожие на желе, капли. После этого мужчины бросились наутек.

Долгожданная весна пришла с сильным опозданием и только ближе к маю льды, наконец-то, растаяли. Как Берни и опасался, растения ожили, распрямились и потянулись к солнцу. Медленно, но верно Уэлш превращался в зеленое заросшее поле.

Как только переправа вновь заработала, городок покинули самые стойкие. К концу мая почти все дома пустовали.

Последними остались Берни, его наставник и Джозеф. Из-за обострившейся болезни доктор боялся, что переезд сгубит Бернхайма, и решил дождаться хоть какого-то улучшения. Но его не наступило. Ближе к ночи учитель МакМиланна покинул его навсегда.

Больше ничто не держало Берни в Уэлше. Утром должен был прибыть пароход и навсегда увезти молодого врача в Бостон.

Последнюю ночь Берни запомнил на всю жизнь.

Он уже стоял со шприцом, готовый сделать

укол, как Джозеф вдруг широко распахнул глаза, дернулся и закричал:

— Они идут! Они идут!

Берни схватил сумасшедшего за руку, но тот резко потянул на себя, а затем отпихнул МакМиланна. Что-то неистовое вселилось в Сандерса. Он разорвал веревки и, пролетев мимо Берни, выскочил на улицу.

Тогда-то и раздался первый гром. Сильный, словно чей-то зов о помощи. Берни бросился следом.

Ветер чуть не сбил с ног. Берни увидел, как впереди по улице бежит Джозеф, и ринулся за ним, держа шприц наготове. Дав в свое время клятву, МакМиланн отвечал за пациента.

Джозеф петлял как заяц, перескакивая через низенькие заборы и едва не поскальзываясь на склизких шапках грибов.

Он свернул к горе и исчез в темноте. Берни пришлось притормозить и войти в ближайший дом за фонарем. В спешке жители не заботились о безопасности жилища и оставили двери не запертыми.

Небо осветили молнии. Разум подсказывал вернуться и переждать непогоду, но фонарь ясно освещал следы беглеца на влажной земле. Чув-

ство долга победило сомнения.

Восхождение оказалось довольно долгим. Берни удостоверился, что растения на горе и правда были гораздо выше, чем в городке. Некоторые участки дороги сильно заросли. Если бы следы Джозефа затерялись, Берни мог с чистой совестью вернуться назад, но, как назло, отпечатки виднелись хорошо, словно беглец специально сильно топал, намереваясь вести за собой.

Берни почти поднялся на Пик Дьявола, когда заметил впереди сияние. Ветер стих, остались вспышки и гром. Одна из таких вспышек осветила две фигуры в окружении высоких монолитов.

Странное построение тут же напомнило рисунок на двери в пещере. Шесть камней. От верхнего левого шла линия к нижнему правому. Другая линия тянулась от верхнего правого к нижнему левому. Стоявшие друг напротив друга срединные камни также были связаны. В эпицентре стоял Питер. Его волосы и бороду покрывала зелень, из наростов на лице и шее прорастали тонкие ножки.

— Ты должен остановить их! Прошу! — кричал Джозеф. Молнии освещали его мокрое лицо. — Нельзя, чтобы они пришли! Они убьют *Его*!

Питер смотрел куда-то вверх. Когда Берни

поднялся, голова старшего Сандерса чуть повернулась в его сторону. МакМиланн с трудом сдержал крик. Глаза Питера были молочно-белыми.

— Вы слышите? *Он* уже близко, — Питер произнес это с таким одухотворенным наслаждением, что Берни стало не по себе.

— Пожалуйста, — молил Джозеф, — помогите мне! Спасите *Его*!

Вспыхнула очередная молния, и Берни увидел в небе те же очертания, что мерещились ему после обнаружения пещеры. Разум отказывался верить в то, что слова Джозефа могут быть… правдой! Как бы не гнал от себя подобные мысли, как бы не строил теории о странной форме облаков и обмане зрения, Берни не мог отказаться от того, что видел.

С каждой молнией небо принимало очертания гигантского кита. Спина, плавники, огромная пасть. Все это выплывало, словно из другого мира, становясь на мгновение осязаемым. Гром приносил дыхание левиафана, а вновь поднявшийся ветер подгонял облака так, словно кит плыл по воде.

— О, Великий! — Джозеф склонился в низком поклоне.

Очередная молния пронеслась слишком близко. Берни зажмурился и отступил на шаг, а когда открыл глаза, то увидел, что линии на земле засверкали такими же красками, как узор в пещере. Вокруг Питера стал сгущаться воздух, линии пульсировали, словно качали что-то из монолитов. Растущие поблизости растения закачались с неистовой силой, с каждым тактом склоняясь к эпицентру линий.

Из земли возникли снопы искр. Они закружили вокруг Питера. Казалось, что Сандерс стоит в центре огромного пузыря. И тут небо вспыхнуло. Молнии одна за другой били в монолиты, оставляя после себя головокружительный запах озона. Берни закричал, закрыл голову руками и осел на землю. Все закончилось очень быстро. С раскаленных монолитов поднимался пар, а линии окрасили пузырь в миллионы цветов.

— Они тут! Они пришли! — закричал Питер, он хохотал в агонии дикого сумасшествия.

Берни рискнул приподнять голову и онемел. С вершин монолитов ударили яркие лучи. Поразив Питера, они буквально взорвали его, оставив на месте едва заметное белесое облачко. Одна из молний ударила в облачко, и в «пузыре» возникло очертание существа. Оно походило

на растения, что оккупировали городок: толстый ствол оканчивался шляпкой, из которой во все стороны вились тонкие усики. Каждое с пульсирующим шариком. Из стебля виднелись отростки с зелеными наростами и острыми когтями. Вершину шляпки венчал зазубренный шип.

— Они пришли… — донесся голос Джозефа, — они охотились за *Ним* со времен появления звезд. Но *Он* нашел способ изгнать их. Чтобы попасть в одно с *Ним* измерение, они создали нас. Они смогли проникнуть в наш мир, когда создали монолиты, и вновь попытались убить *Его*. Но *Он* ускользнул, и теперь, спустя три тысячи лет, они опять вернулись. Теперь гораздо сильнее. Они убьют *Его*. А вместе с *Ним* умрет все живое.

Все это Джозеф выпалил на одном дыхании. Речь его более не казалась похожей на речь дурачка. Он поднялся и с диким криком ринулся к твари. Он ворвался в пузырь, сверкнула молния, и тело младшего Сандерса исчезло, оставив еще одно сверкающее облако.

Страх, сковавший Берни, на миг отступил, и тогда юный врач принял единственное верное для себя решение. Раскачав фонарь, он с силой бросил его в «пузырь», а сам в тот же момент всем телом навалился на монолит. Раздался сильней-

ший раскат грома, все небо засверкало. Молнии яростно били в вершину, норовя поразить незваного гостя.

В тот миг, когда камень упал и линии перестали сверкать, когда «пузырь» сомкнулся, отрезав кусок от пришельца, Берни наконец-то поразила желаемая темнота небытия.

МакМиланн пришел в себя к утру. Упавшие на землю и разломанные на части колонны, а также взрытая от ударов молний земля — вот и все, что напоминало о ночном приключении. В центре, где соединялись линии, лежала одежда братьев. Оставалось только гадать, куда подевались тела.

Когда доктор спустился в городок, то с удивлением заметил, что почти все растения скукожились и рассыпались на части. Когда прибыл пароход, Берни отправил с ним письмо бургомистру, в котором написал, что беда миновала, и зловредные растения погибли.

Оставалось последнее дело. Берни позаботился, чтобы монолиты более никогда не были собраны воедино. Часть сбросил в воду, часть спустил вниз и скинул в зиявший проем пещеры, часть закопал. Работал до ночи, затем вернулся в городок и без сил упал на кровать.

На следующий день Берни встретился с бургомистром и прибывшими с ним специалистами-учеными. Рассказал про то, как Джозеф сбежал, и как разразилась страшная гроза. Понимая, что ему не поверят, МакМиланн умолчал про неведомых тварей, предположив, что вероятно природа уступила человеку и более не станет ему докучать.

Ученые посмеивались над словами Берни, однако, обследовав Уэлш в поисках растений, так хорошо описанных бургомистром, с разочарованием вынуждены были уехать.

Убедившись, что угрозы больше нет, бургомистр с помощью МакМиланна написал письма, и жители сперва с опасением, а затем со все возрастающей радостью вернулись домой.

***

После рассказа Берни долго сидел, теребя пальцами пустой бокал. Я не мешал ему, так как мне тоже было над чем подумать. Если бы не профессионализм и уважение к этому безусловно великому человеку, я бы посмеялся над ним. Подобные россказни больше походили на бред пьяного помешанного. Но Берни… не знаю. Любой здравомыслящий человек отверг бы любую

историю, связанную с проявлением иррационального. Я всегда считал себя таковым, опирался на логику и знания.

— Вы не верите мне, — грустно произнес МакМиланн, — и я не виню вас. Три раза я пытался рассказать людям о тварях и два раза слышал в ответ свист и смех. Третьим был ваш отец. Он не смеялся, но укор, что я прочитал в его глазах, заставил меня покраснеть. Это было спустя месяц после того, как ваша матушка…

Он осекся.

— Сошла с ума? — закончил я.

— Да. Она тоже говорила о светящихся человечках, и ваш отец принял мой рассказ, как попытку оправдать ее болезнь. После чего мы стали общаться реже.

— После этого вы увлеклись странными методами лечения? — поинтересовался я, раздумывая над его словами.

— Я стал много читать, в том числе и запретные книги. Часть из них было тяжело достать, и я храню их в шкафу, редко доставая на свет. Я узнал многое, в том числе и о тварях, что видел тогда. Они принадлежат к старой, почти неизвестной расе. Более трех тысяч лет назад один египетский странник описал их. Сколько же сил я потратил,

чтобы взглянуть на древний папирус.

Джозеф не зря боялся их. Они заставили Инхтора III создать монолиты из небесного камня, а затем поработили целый город. Но их сил не хватило, чтобы завершить начатое. Охотники были изгнаны, а город исчез, засыпанный песком. Лишь одному жителю удалось бежать. Думаю, кто-то из тварей тоже уцелел, чтобы спрятать монолиты до лучших времен.

Я не знаю, что случилось бы с людьми, если бы твари добились желаемого. Мы были созданы, как врата, через которые они могли явиться в наш мир. Но, завершив охоту, оставили бы они нас в покое или уничтожили за ненадобностью?

Теперь вы знаете истину, но я вижу, что этого мало.

Он поднялся и, шумно выдохнув, поманил за собой.

Совершая ежедневную скучную работу и проживая каждый день, человечество не понимает, каким благом обладает. Те же отдельные мыслители, что пытаются осознать истоки возникновения жизни, подвергаются риску открыть древние тайны. К счастью, почти все топчутся на месте. И я рад этому, поскольку пусть на мгновение, но мне удалось заглянуть за ширму нашего мира.

Сотни, тысячи пространств, что кружат каждый день вокруг нас, населены существами, воля и видение которых сильно отличается от нашего.

Двадцать лет, как со мной нет моего учителя и друга Берни. Двадцать лет, как я руковожу больницей и являюсь не последним человеком в психиатрии. И гораздо больше, чем двадцать лет, я боюсь. Боюсь, что однажды с грозой и молниями на землю вернутся «светящиеся человечки», боюсь, что те, кто их увидит, сойдут с ума или еще хуже — подчинятся им. Что планету покроют зеленые грибовидные растения, которые выживут человечество, а охотники завершат охоту.

Я боюсь всего этого после давнего разговора с Берни, когда мы прошли в его кабинет, и он открыл потайную дверцу шкафа. Там, среди старых фолиантов и древнего папируса, под стеклом лежал вытянутый изогнутый стебель и кусок мясистой шляпки, из которой вились несколько усиков с шариком-глазом на конце. И все это издавало мертвенно бледное неземное сияние…

Morti proximus
Светлана Ремельгас

«Если ты любишь меня, но только если по-настоящему любишь...» — Не выдержав, она перестала читать. А секунду спустя продолжила, подняла к глазам истёртый листок. — *«... сделай это. Но если решишься, сделай в точности так, как я написал».*

За окном плескался ясный весенний полдень: всей зеленью, всем солнцем своим. Выждав, она, точно одурманенная, снова заглянула в письмо. Хотя письма пишут живые живым, и ей никак не удавалось прогнать эту мысль.

«Знаю», — писал он, — *«ты можешь захотеть позвать кого-то в помощники. Но хотя это принесло бы тебе облегчение, хотя ничего не хочу я больше, чем облегчить твою ношу, этого допустить нельзя. Ни один посторонний не должен проникнуть в нашу тайну».*

«Ни один посторонний...»

Она встала, беспамятным жестом расправив чёрное платье. Прошла через комнату, толкнула дверь, ступила на веранду. Пустой сад привет-

ливо лежал перед ней, пустой дом ждал позади. А ведь она и вправду могла бы кому-нибудь заплатить. Кому-то бедному, кому-то голодному, бездомному и отчаявшемуся, кто за сдельную цену осуществил бы то, о чём говорилось в письме. Она пошла бы на это. От безысходности — и от надежды, быть может. Но сделать это самой…

Дом ждал позади, пустой, но не совсем. Внутри осталось письмо. Письмо и другие бумаги. Ведь он справил всё по закону, вызвал юриста и написал завещание. Оставил ей всё: деньги, коттедж далеко в предместьях, свою квартиру в городе, автомобиль, в котором они так много катались, пока болезнь не сточила его. И тело, опустошённое этой болезнью.

Оно было сейчас в морге, разумеется. Лежало в одной из тесных камер. Но иногда ей казалось, что сам дом стал теперь частью морга, она почти чувствовала этот стылый холод. И всё никак не могла решиться.

Сначала, конечно, её реакцией был ужас. Но время шло, и ужас затих. Из-под него, как первые цветы из мёрзлой земли, проросло любопытство. Что, если это не болезнь свела его с ума. Что, если в его словах был смысл? Ведь он писал так уверенно. Писал так складно. Так

убедительно.

И этим ясным тёплым полуднем, увидев, как ранняя бабочка садится на едва покрытый листвой куст, она, наконец, решилась. В конце концов, он всё равно мёртв. Хуже ему уже не станет. И его нужно похоронить.

Сумерки только начали сгущаться, когда она забрала тело. Показала все документы, встретив не один тревожный взгляд. Ей пришлось нанять специальную машину и научиться не отвечать на вопросы. Но, только расплатившись с грузчиком и увидев, как тот, оглядываясь, заводит мотор, она поняла, что за пропасть разделила её утро и вечер. Однако она сделала выбор, и отказ теперь стал бы предательством.

Темнота опустилась на город, густая, безлунная темнота, и до утра было ещё далеко. Она купила всё, что посчитала необходимым, днём. И, разумеется, просчиталась. У неё ведь не было опыта в такого рода делах. Но магазины уже закрылись, и пришлось обходиться тем, что есть.

Надев что-то из старой одежды, она расстелила брезент и долго пилила, пока закипала вода в трёх больших чанах. Пилила усердно, но как же медленно, потому что впервые в жизни взяла в руки инструмент. Перед глазами то и дело вста-

вал отец — он всё время мастерил что-то. Хорошо, что отец уехал, думала она. И пилила, пилила снова, рыдая и вытирая лицо. На нём оставались багровые потёки.

Потом она варила, и варить понадобилось не один раз, потому что трёх чанов не хватило. К счастью, готовить она умела хорошо. Прошло время, и мясо легко отделилось от костей. Ей почти не пришлось скоблить.

«Болезнь проникла в мою плоть глубоко, мне нужно очиститься», — писал он.

Под утро она развела в саду костёр, под защитой сарая, и сожгла всё, что смогла отскрести. На пальцах налипли волосы — его волосы. Так сложно оказалось их смыть.

Наконец, она закончила. Под первыми лучами солнца разложила кости на веранде, чтоб высохли, а сама пошла умыться. Тёрла и тёрла кожу — свою, но помнила только, как клочьями отходила его. Оделась во что-то, собрала сумку, разобрала и собрала снова, опасаясь что-нибудь забыть. Всюду стоял этот запах, и она открыла окна настежь. Потом положила лопату в багажник автомобиля — того самого автомобиля, в котором они катались вместе. Потом сложила кости в мешок. И тогда поехала.

Озираясь по сторонам — потому что соседи наверняка видели. Соседи наверняка заподозрили неладное. Ей нужно было успеть.

Она и успела. Проделала весь этот путь до загородного коттеджа, и никто её не остановил. День занимался пригожий, ещё теплей предыдущего.

«Только тогда я, может быть, излечусь», — стояли перед глазами написанные слова.

Она катила по дороге, а вокруг расстилались поля. Те тоже готовы были к обновлению, ещё неделя, и посеянное взойдёт. Она думала так и смеялась, а потом плакала, и хотя ветровое стекло было опущено, запах всё стоял. Сколько ещё раз придётся помыться, чтобы избавиться от него?

Добравшись до места, она запарковала автомобиль. Дом, старый, с облупившейся краской, ждал её, такой же пустой, как тот, который она оставила позади. Фамильный дом, как рассказывал он, редко и в одиночестве возвращаясь сюда. Ей довелось побывать здесь лишь раз, да и тогда не внутри. Но сейчас она провернула в замке ключ, раскрыла ворота и въехала.

Копать пришлось долго — земля вся была перевита корнями. Словно и не желала принимать хозяина. Но принять ей пришлось. Пустой мешок

лёг рядом с лопатой, кости улеглись внизу. Она разложила их, как смогла, по порядку. Неглубоко, но он и не писал, что нужно закапывать глубоко. Дёрн накрыл тайну — их общую тайну. Тайну, которую никто больше не должен узнать.

Прощаясь, она путала слова.

Шатаясь, вернулась к воротам. Заперла их и смогла даже уехать. Достаточно далеко. Как остановилась, не помнила. Не помнила и как её нашли. Много, много чего ещё не могла вспомнить, и отец, вернувшись, зря приходил проведать её. Наконец, лечение стало давать результаты, и месяц спустя её разрешили забрать. Но всё, конечно, уже никогда не было по-прежнему.

Однажды, почти через год, гуляя с компаньонкой по Кана-Меле, она увидела на улице человека. Как две капли воды похожего на того, кого закопала. Увидела и встретила взгляд ясных глаз на свежем лице. Так много было в том взгляде.

Он исчез тут же, всё поняв без слов. Компаньонка поддержала её, когда она оступилась. Держала за руку, когда стала кричать. Решила, что это снова припадок, и спешно отвела домой. Поставила укол, потом ещё один и сидела рядом,

кляня свою и чужую судьбу. После приехал отец и долго качал головой.

Но она знала, теперь знала точно — и лекарства ни на миг не смогли разуверить её, — что это был он. И что он не солгал.

Павлик Морозов, внук колдуна
Станислав Романов

Прежде всего, я должен уведомить читателя, который примется за этот рассказ, что не являюсь автором данного произведения. То есть я в некоторой степени приложил руку к той версии текста, что опубликована ниже, но история эта — не моя. А вот чья она — на этот вопрос у меня нет уверенного ответа.

Постараюсь объяснить, как так вышло.

Исследуя тему, связанную с творческим наследием Говарда Филлипса Лавкрафта и так называемыми «Мифами Ктулху», я погружался всё глубже в источники вроде «Пнакотикских рукописей», «Библиотеки Арккхэма» и «Архивов Лавкрафта». Это целая вселенная со множеством удивительных литературных артефактов, и наряду с общеизвестными, каноническими образцами в ней также есть апокрифы, практически неизвестные широкой публике. Фигурально выражаясь, некогда эти диковины были положены на крайнюю полку в тёмном углу, а в дальнейшем, по определённым причинам, преданы

забвению.

Так, в одной из библиографий Августа Дерлета, претендующей на максимальную полноту, я увидел весьма примечательное название — «Pavlik Morozov, The Sorcerer's Grandson». Мало сказать, что данное название привлекло моё внимание, оно меня до крайности удивило. Впрочем, как оказалось, мистер Дерлет всего лишь пересказал сюжет книги советского литератора Александра Рыжевского.

Оригинальный текст повести, написанной в середине 1930-х, никогда не публиковался на русском. Рыжевский пытался переработать повесть то в пьесу, то в киносценарий, написал три или четыре варианта для патриотической драмы Сергея Эйзенштейна. Тот фильм даже был снят, но получился недостаточно духоподъёмным, и был запрещён к показу за мрачный настрой и мистицизм.

Какими путями к Дерлету попала рукопись Рыжевского, остаётся только догадываться. Вероятно, посодействовал кто-то из так называемого Круга Лавкрафта (причины их заинтересованности безвестной рукописью, как мне представляется, вполне очевидны). Должно быть, тот же неведомый друг помогал Дерлету

с переводом. Однако, не слишком усердно: английский текст носит все характерные приметы тяжеловесного стиля самого Дерлета, а описания тобольской глубинки до чрезвычайности напоминают Данвич.

Я взял на себя смелость пересказать эту историю ещё один раз — обратно на русский. Вполне возможно, что при этом не приблизился к исходной версии Рыжевского, а ушёл ещё дальше от неё. Что же, апокрифом больше — апокрифом меньше, на дальних пыльных полках ещё много свободного места.

***

Если кому доведётся сойти с поезда на станции Тавда и, переправившись на другой берег реки, отправиться дальше на восток, то вскоре Чердынский тракт приведёт того неприкаянного путешественника в самые глухие и дикие места Сибирских увалов. Деревни тут встречаются редко, они словно нарочно спрятаны в тёмных лесах. Людям, что живут в той глуши, присущ весьма угрюмый характер, под стать окружающей природе. А у некоторых в душе таится частичка древней тьмы.

В самой чаще, куда ведут лишь заветные тропы,

от века стоят резные деревянные идолы, чёрные от пропитавшей их крови — звериной и человечьей. Лики тех идолов безобразны и страшны.

***

По дороге, что подковой огибала Шкуратовское болото, понуро брела костлявая кляча, натужно тянула скрипучую телегу. В телеге было трое: крепкий старик с клочковатой седой бородой держал в руках вожжи, рядом сидел бледный мальчонка лет двенадцати, необычно беловолосый, с белёсыми, словно болотный туман, глазами. И кто-то лежал позади, с головой укрытый рогожей. Возвращались в деревню с полпути, так и не добравшись до соседнего Городища.

— Вот и до фельдшера не довезли, эх… — сокрушённо молвил старик, стянув с головы картуз. — Что же папка твой так на мамку осерчал-то? Всю жизнь бил, таки нынче забил до смерти.

— За меня бил, — тихо ответил мальчик, глядя, как лошадиные копыта тяжко ступают в серую дорожную пыль. — За то, что вот такого меня родила. За то, что жалела, заступалась.

Он внезапно метнулся назад, откинул рогожу, под которой лежала женщина, уставившаяся в небо пустым взглядом. Мальчик принялся ли-

хорадочно тянуть её за руки, пытаясь поднять, расшевелить.

— Мама, вставай, родная моя, — взволнованно говорил он. — Брось лежать, что ты? Вот, хочешь, на луг пойдём? Погляди, цветов сколько. Вставай же скорее…

— Нет, больше уж не встанет, — сказал старик. — Не тормоши её понапрасну, она своё отходила, насовсем отмучалась. Ну, будет, будет! — прикрикнул он на безутешного сироту. — Перестань. Не воротишь её, как ни выкликивай.

Старик натянул поводья; лошадь послушно остановилась. Кряхтя, старик слез с телеги, подошёл к мальчику, что стискивал холодные руки матери. Старик с усилием разжал его хватку, сложил руки покойницы на груди, провёл ладонью по лицу, закрывая мёртвые глаза. Затем снова накинул сверху сброшенную рогожу.

— Вот так.

Мальчик смотрел на него сухими, без слёз, глазами.

— А правда, дедушка, будто у тебя ведовские книги есть? — спросил он шёпотом. — И среди них особая, чёрная книга, в которой написано, как людей с того света обратно выкликивать?

Старик нахмурился, посмотрел исподлобья.

— Кто ж тебе такое наплёл?

— Данила мне рассказывал. Говорил, будто ты его по тем книгам разным заговорам обещал выучить — и тем, которые от болезни, и всяким другим…

— Брешет Данила, как сивый мерин, — сердито оборвал старик. — Девятнадцатый год парню, а разумения как у Феди-дурачка. Мелет всякое…

— Папка тоже, как напьётся, колдуном тебя обзывает и чернокнижником. И другими худыми словами.

— Трофиму брага мозги туманит. — Старик горестно вздохнул. — Уж лучше бы он вместо Тихона в плен к дроздовцам попал, беспутный.

Мальчик не отступался.

— Так что, не станешь маму обратно призывать?

— Нет, — отрезал старик. — Если б и умел — ни-почём бы не взялся. Нельзя с того света никого призывать, худое это дело.

— А я бы позвал…

Мальчик вдруг соскочил с телеги и кинулся прочь, напрямик через луг, к темнеющему вдали перелеску.

— Куда, пострел? — крикнул вслед старик. — На болото попадёшь…

Но мальчик как будто и не слышал, не остановился.

Старик проводил его взглядом, снова тяжко вздохнул:

— Эх, Павлик…

***

Трудно даже себе представить, какие есть в некоторых местах домишки. Никто не ведает, сколько им лет. Кое-какие из тех избушек походят на древних, совершенно измождённых старух, в которых непонятно как держится душа. Другие же, со слепыми окнами, с почерневшими, гнилыми стенами и провалившейся крышей, и вовсе выглядят как разлагающийся труп. И то ли мнится, то ли взаправду, но от самой деревенской улицы веет слабым, удушливым запахом тлена.

Рубленая церквушка, стоящая на пригорке, такая старая, что стены её и крест в навершии сделались совсем тёмными. На закопчённых иконах непроглядный мрак, намалёванных образов не различить. Кому тут молятся, неведомо.

***

В дальнем конце деревни, на завалинке сидел

усатый мужичок в репсовых штанах, солдатской полотняной рубахе и мятой полевой фуражке, дымил смрадной самокруткой, глядел через улицу на окна дома напротив, кривого, почти сползающего в овраг. Подле него зачем-то стоял прислонённый к стене мосинский карабин.

Павлик, словно ничего не замечая вокруг, прошёл мимо, во двор скособоченного дома, толкнул скрипучую дверь, шагнул через порог.

— Вот оно, значит, как, — задумчиво проговорил мужичок на завалинке и покачал головой.

Поплевав на пальцы, он пригасил самокрутку, окурок бережно спрятал в карман. Поднялся на ноги, взял в руки карабин и неторопливо двинулся через улицу.

В доме, куда вошёл Павлик, было грязно, неприбрано, пьяные голоса мешались в воздухе с густым табачным дымом и ядрёным сивушным перегаром. На двух лавках, друг против друга, сидели за столом четверо изрядно пьяных мужиков. Промежду ними грудились на столе синеватые бутылки с брагой, миски с квашеной капустой и огурцами, чугунок с варёной картошкой.

На печи, застеленной грязными дерюгами, сидел мальчик лет десяти, надкусывал круто посолённую горбушку и улыбался мягкой улыбкой

блаженного.

— Нет, ты поверишь, родной сын погубил, — вещал один из мужиков. — Предал отца, выдал Советской власти. — Он в сердцах хватил кулаком по столу, так, что звякнула посуда. — Какой он мне сын после этого! Не-ет, не сын. Да, поди, никогда мне родным не был. Танька-то его через семь месяцев после свадьбы родила, чуть не в чистом поле возле леса. Говорила, будто бы леший её напугал, вот и не дотерпела до срока… А я уж и не знаю теперь, что думать, может, она от какого лешего и понесла, курва.

И тут, вдруг оборотившись к двери, хозяин дома, Трофим Морозов, изменился в лице и закричал нарочито приветливым голосом:

— А-а, вернулся! Дорогому сынку, строителю новой жизни — здравствуйте-привет!

Сотрапезники, тоже повернувшись к двери, смолкли, принялись сверлить Павлика мутными взглядами.

— Ну что, сынок, — с притворной лаской сказал Трофим, — рассказывай. Кто ночью сонным прикидывался, а сам слушал, что старшие промеж собою говорят, и потом всё в политотдел донёс, а?

Павлик смотрел на отца угрюмо, ничего не от-

вечал.

— Молчишь? — нависая над ним, спросил Трофим. — Думал, я не узнаю? Промашка у тебя вышла, сыночек дорогой. Вот дядя Иван мне про тебя всё как есть рассказал.

Павлик и на это не ответил. Лицо у него побледнело сильнее обычного, но не от страха. В его опущенном долу взгляде, который никто не видел, кипел гнев.

Пригнувшись к самому его лицу вплотную, Трофим злым шёпотом осведомился:

— Тебя кто родил, кто тебе жизнь дал? Я или, может, политотдел? Знаешь, что сказал господь наш бог всевышний, когда сотворил небо, и землю, и зверей, и таких вот людей, как мы с тобой? Он сказал: плодитесь и размножайтесь, а если родной сын тебя предаст, то убей его без всякой жалости. Тут же и убей!

Павлик поднял на него глаза, и Трофим отшатнулся, встретившись с ним глазами.

— Убью! — прохрипел он, задыхаясь. — Затоплю печь… Слышишь? Вот сейчас… разрублю тебя на куски… сложу в чугун… Слышишь?.. Сварю… И съем… Сам съем и Федьку ещё накормлю… И даже твоя мать не вступится…

— Верно, — сказал Павлик. — Больше уж

не вступится. Ни за меня, ни за Федю.

В это мгновение от церкви послышался удар колокола, и монотонный, скорбный звук поплыл над деревней. Мужики, сидевшие за столом, оглянулись на окно, перекрестились.

Один из них тихонько обронил:

— Видать, по покойнику звонят.

— Что? — Трофим как-то разом сник, безвольно свесил руки. — Что ты такое говоришь? — Взгляд его лихорадочно метался по комнате. — Как это? Нет-нет, я же не нарочно, только поучить хотел, для порядка…

Эти слова уже были обращены к человеку с мосинкой в руках, который стоял на пороге.

— Будет тебе порядок, душегуб, обещаю, — сказал он. — Вот много я сволочей видел на своём веку, но такой сволочи, такого паразита не встречал. Собирайся, в сельсовет пойдём.

— Нельзя меня задерживать, товарищ уполномоченный! — вскричал Трофим. — Я жену не губил, говорю, я же не нарочно. Я всю жизнь бедняк, в Гражданскую воевал, ранение имею. У меня дети малые…

Отметая все возражения, уполномоченный Карташов выразительно качнул стволом карабина.

— Детей ты сам сиротами сделал, ирод.

Трофим бухнулся на колени перед сыном, умоляя, стал отчаянно хватать его за руки:

— Павлуша, сыночек родненький! Ну хоть ты замолви за меня словечко! Кто о вас с Феденькой позаботится, совсем ведь одни останетесь.

— Уж лучше одни, — угрюмо сказал Павлик.

Трофим протяжно вздохнул, поднялся на ноги.

— Погубил-таки отца. Ну, прощай, сирота. Засоли хоть огурцы на зиму.

И, тяжело ступая, вышел из дому в сопровождении Карташова. Следом потянулись мужики. Изба опустела.

— Павлик, а, Павлик, — позвал с печи брат Федя.

— Чего тебе?

— А мама скоро домой вернётся?

— Нет, — сказал Павлик. — Она совсем не вернётся.

И заплакал.

***

Но она вернулась — предстояло отбыть дома последние две ночи. Дед Сергей привёз её во двор, бабка Аксинья привела соседок, чтобы обмыть и по чести обрядить покойницу для похорон. Павлика с Федей дед Сергей увёл к себе в дом,

потому что в родительском доме их оставлять не следовало. Накормил внуков кашей, потом, чтобы было им где спать, набросал разной ветхой дерюжки на лавках в летней половине дома, где стояли окованные железом сундуки. Там же, за загородкой в углу, был конторский стол с ящиками, что запирались на ключ. К столу дед Сергей не велел подходить.

Ну и грех было не послушаться, нрав дед Сергей имел суровый. Про него в деревне всякое говорили, но только за спиной и потихоньку, с опаской. Причин для тех опасений хватало.

***

В Герасимовку Сергей Морозов перебрался в тот год, когда в столице короновался последний царь, а до того жил в Тобольске, служил в жандармском отделении, присматривал за ссыльными. Был среди тех злоумышленников один нигилист по фамилии Бессонов, который утверждал, будто является потомком самого Якова Брюса, знаменитого чернокнижника петровских времён.

Бессонов и сам питал страсть к оккультным наукам, за что и поплатился. В Тобольск он был сослан за святотатство и предполагаемое ритуальное убийство одного из аколитов своего

тайного кружка. История была тёмная: якобы они творили чернокнижный ритуал на кладбище в Малой Гатчине, окончившийся крайне скверно.

Бессонов оказался единственным выжившим, кто мог дать показания полицейским расследователям. Однако его слова были настолько фантасмагоричны, что их сочли смесью бреда и лжи. Другой участник ритуала пропал практически бесследно, от него осталось только несколько окровавленных клочков одежды. Труп полицейские не нашли, несмотря на все усилия. Молодой аколит происходил из знатного семейства, так что ищейки старались на совесть, впрочем, безрезультатно. В общем, только отсутствие неопровержимых улик спасло Бессонова от виселицы.

Однако даже студёные сибирские зимы не охладили интерес Бессонова к тайному знанию. Изысканий своих он не оставил, продолжал вести какие-то маловразумительные записи в толстых тетрадях. Будто бы по памяти пытался перетолковать таинственный чёрный гримуар.

С собой он привёз несколько старых книг, но запрещённых среди них не числилось. То была весьма необычная подборка, в которой «Астросо-

фия» Петера Крюгера соседствовала с травником Иоганна Цвельфера и «Брюсовым календарём», испещрённым загадочными пометками.

Похоже было, что после всего пережитого нигилист слегка тронулся умом. Сообщали, что Бессонов приходил с расспросами ко многим местным, про кого шла молва, будто умеют колдовать или хотя бы знают наговоры. Впрочем, никаких кощунственных ритуалов он, кажется, не совершал и от кладбища держался на изрядном расстоянии. Вероятно, отныне его интересовала исключительно теоретическая сторона оккультных знаний.

А потом Бессонов пропал. Обстоятельства происшествия были жутковатые: как-то ночью хозяйку дома, где жил Бессонов, разбудил доносившийся из комнаты постояльца страшный шум. Из-за запертой двери доносился грохот опрокидываемой мебели и леденящие душу крики. Призвали городового, но когда он пришёл, всякий шум уже прекратился. Бессонов из комнаты не отзывался, и было решено ломать дверь.

Комната оказалась в полном разгроме, сам же постоялец исчез непонятно куда. Морозов побывал там наутро и также остался в изрядном недоумении после осмотра. Причём более об-

стоятельств самого исчезновения его озадачил сундучок с принадлежавшими Бессонову книгами.

За исключением «Брюсова календаря» это были совсем не те книги, которые ссыльный привёз с собой в Тобольск. Обнаружились истрёпанные до невозможности «De occulta philosophia» и «Theorie und Anwendung des thierischen Magnetismus als die allgemeine Heilkunde zur Erhaltung des Menschen», наполненный жутковатыми рисунками фолиант «Cultes des Goules», непонятный том на арабском и, в довершение, лишённый названия, таинственный манускрипт, по виду очень древний.

Оставалось загадкой, каким образом и у кого Бессонов обменял привезённые книги на эти мрачные диковины. В том же сундучке лежали шесть коленкоровых тетрадей, рукой Бессонова плотно исписанные от корки до корки. На время разбирательства Морозов реквизировал и записи Бессонова, и его зловещую библиотеку. Разбирательство, впрочем, окончилось ничем; в столицу сообщили, что ссыльный, по всей видимости, совершил побег.

Морозов, прочитавший часть записок Бессонова, по поводу исчезновения нигилиста имел

другое мнение. Но почёл за лучшее никому его не высказывать, всё равно не поверили бы. Лишь раз обмолвился, что ссыльный сгинул. Ну, сгинул — и ладно, в сибирской тайге каждый год люди пропадают.

Год спустя ссыльного Бессонова признали погибшим. Дело закрыли, списали в архив. Про записки Бессонова и его сундучок с книгами все и думать забыли.

Все, кроме Сергея Морозова. Видать, недаром у него в роду бытовали сказки о предках-волхвах.

***

Ближе к ночи, когда уже отвечеряли, в дом к деду Сергею завалился Данила Морозов, сильно хмельной. Бабка Аксинья его совестила, но без особой строгости, жалеючи. Данила тоже был вроде как сирота, отца у него в Гражданскую убили. Дед Сергей послушал немного да и велел Даниле отправляться спать в летнюю половину, к двоюродным братьям. Павлик с Федей уже было засыпать начали, но тут вмиг стало не до сна. Данила рассказал, что видел, как ихнего папку отправили в уезд под конвоем, знамо дело, теперь сошлют на строительство Беломорканала, а то

куда ж ещё из Сибири сослать можно…

Потом Данила и вовсе околесицу понёс, начал плести страшные небылицы про деда Сергея да про его колдовские книги. Но тут уж даниловы байки стали совсем невнятные. Лёжа на лавке с закрытыми глазами, он бормотал, словно в полусне, перескакивал с пятого на десятое, язык у него заплетался.

— А где дед Сергей книги держит? — спросил Павлик.

— Не, в столе только тетрадки, — сонно ответил Данила. — Книги в сундуке.

— В котором?

— Там…

Данила едва махнул рукой, указав куда-то в угол. А мгновение спустя захрапел.

Рядом тихо сопел давно заснувший Федя. От Павлика сон бежал. Обхватив себя руками, он пытался унять дрожь. Долго лежал, слепо таращась в темноту. Ему мерещилась всякая жуть — безобразные, безглазые лица, жадно распахнутые рты, костлявые руки, извивающиеся, как черви, пальцы…

Потом он всё-таки уснул, но сны ему снились страшные. Будто достаёт он из сундука тяжёлую чёрную книгу, берёт в правую руку острый нож

и режет себе левую ладонь, а потом, стиснув кровоточащий кулак, читает из раскрытой книги незнакомые слова. И голос у него совсем чужой, звучит словно прямо из груди. И каждое слово гремит как колокольный набат. И множество злобных, внушающих ужас глаз наблюдают из темноты. Ждут.

Этот мучительный сон был как будто и не сон, скорее запретное воспоминание. Чуждое, принадлежавшее совершенно другому человеку. Пришедшее неведомо откуда…

***

Утром Павлик держался нелюдимее обычного, но никто не обратил на это внимания. После чая Данила, покряхтев и помявшись, вдруг сообщил, что с дедом Сергеем хочет повидаться дядя Арсений, вчера ещё просил передать просьбу.

— Так что же ты вчера мне об этом не сказал? — упрекнул дед Сергей.

— Забыл, — сказал Данила простодушно.

Арсений Кулуканов был дальний родственник Морозовых, имел самый зажиточный дом в деревне.

— Чего это ему от тебя вдруг понадобилось? — спросила бабка Аксинья.

— Должно быть про трофимов двор хочет поговорить, — сказал дед Сергей, пристально глянув на Павлика с Федей. — Пока колхоз там не утвердился.

— Да зачем Арсению пропащий клин на косогоре?

— В хорошем хозяйстве ничего не пропадёт.

Дед Сергей поднялся из-за стола, взял картуз и, наказав Даниле присматривать за младшими, ушёл.

Бабка Аксинья занялась кутьёй, братья отправились на улицу. Данилу после вчерашнего мучила хмельная жажда и он, отговорившись, вскоре двинулся искать, где мужики бражничают. Павлик с Федей остались во дворе. Они сидели возле поленницы, на деревянных козлах. Неподалёку стояла вросшая в землю колода, на которой дед Сергей колол дрова и здесь же рубил курицам головы. На иссечённом торце виднелись бурые пятна и прилипшие остатки перьев.

— Павлик, а, Павлик, — позвал Федя.

— Ну, чего ещё?

— А мы скоро обратно домой пойдём?

— Не знаю. Завтра, наверное.

Федя вздохнул.

— Я не хочу домой, там есть совсем нечего.

Может, мы у деда Сергея жить останемся?

— Ты совсем дурак, что ли? Кто же нас оставит? Зачем им лишняя обуза?

Павлик отвернулся, стал напряжённо вглядываться в окна летней половины дома. Он как будто прислушивался к чему-то, слышному только ему.

Вдруг вскочил на ноги, отрывисто сказал брату:

— Пойдём в дом.

— Зачем?

— Надо у деда из сундука одну книгу достать.

— Нет, ты что, — заупрямился Федя. — Дед узнает — ругаться будет. И прогонит сразу. А дома есть нечего, я же тебе говорил…

— Ладно, тогда здесь сиди. Жди меня, я скоро.

Павлик вернулся в дом. Сначала прошёл в тёплую половину и спросил у бабки Аксиньи большое лукошко и ножик. Сказал, что они вместе с Федей решили пойти на Шкуратово болото за ягодами. Может, и грибов ещё наберут. После ненадолго наведался в летнюю половину. Он знал наверняка, что ещё ему нужно взять и где это лежит.

А затем братья заторопились в лес. Павлик вёл Федю за руку, тащил почти силой. А в другой руке

у него было лукошко. Судя по весу, не пустое.

***

— Ребятишки-то где? — спросил вернувшийся от Кулуканова дед Сергей. — С Павликом потолковать нужно.

— Так они на болото пошли, — ответила бабка Аксинья. — За клюквой.

— Неужто и Данила с ними?

— Какое там. Похмелился с мужиками, теперь дрыхнет в летнем дому.

— Вот послал же бог помощничка.

Дед Сергей нахмурился, пошёл в другую половину. Намётанный глаз сразу приметил неладное. Досадливо чертыхнувшись, дед Сергей растолкал храпящего внука.

— Зачем по сундукам шарился?

— Что? — глупо вытаращился Данила. — По каким сундукам? Дед, ты чего?

— Ох, напасть. — Дед Сергей протопал в угол, к заветному сундуку. Взялся за замок — он раскрылся у него в руке. — Да как же это… Не может быть. — Он откинул крышку, торопливо перебрал содержимое. Застонал сквозь зубы: — Ох, беда, беда-а.

— Что случилось-то? — не выдержал Данила.

— А то, — обернувшись, дед Сергей злобно сверкнул глазами. — Пригрели в доме змеёныша.

Данила побледнел.

— Де-ед…

— Да не про тебя речь, — отмахнулся дед Сергей. — Павлик, бесово отродье, до запретной книги добрался. И вроде не для его она разумения, но что-то у меня на сердце неспокойно. А я ведь велел тебе за братьями приглядывать, — упрекнул он внука.

Данила отвёл глаза.

— Ну так это… кто же знал.

— Знал — не знал, — проворчал дед Сергей. — Я тебе велел, а ты не исполнил. Теперь натягивай сапоги, в лес пойдём. И ножик возьми, которым свиней режешь.

— Это ещё зачем?

— На всякий случай.

К лесу они двинулись не по улице, а коротким путём, через деревенские задворки. И дальше — по неторной тропинке, что уводила в самую глухомань.

— Я думал, мы на Шкуратово болото идём, — буркнул Данила.

— Нет, — сказал дед Сергей, — не на болото.

Нам Павлика нужно сыскать. А если мелкий поганец ту книгу стащил, значит, не за клюквой отправился. Наверняка задумал идти на капище.

Данила сбился с шага.

— Зачем ему на капище?

— Сам-то как думаешь? Волшбу станет делать, идолам кланяться, тёмных духов заклинать. Просить, чтоб мамку ему с того света вернули.

— Так он же не знает как.

— Это меня и пугает.

Дед Сергей вышагивал как молодой, Данила даже весь взопрел, пытаясь за ним угнаться.

Через полчаса взмолился:

— Дед, не гони так. А то я сейчас сдохну.

— И сдохнешь, коли не поспеем, — не оборачиваясь, бросил дед Сергей.

Шаг он так и не сбавил.

Они не успели.

Поляна в лесной глуши была небольшая, ограниченная кругом вертикально поставленных, замшелых камней. Внутри круга деревья не росли, лишь высились грозные идолы, высеченные из вековой лиственницы. Один идол фигурой походил на человека с головой лося, другой — на медведя с человечьей головой, безухий, но с тремя глазами. Ещё была змеептица с жен-

ским лицом. Последний, самый безобразный, и вовсе не имел с людьми ничего общего.

И каждый из идолов уже получил подношение. Посреди поляны, у подножия алтарного камня, лежал Федя, мёртвый. Живот у него был распорот и внутренности вывалены наружу. Павлик стоял над братом, держа в опущенной левой руке нож. Перед ним, на плоской вершине камня, лежала раскрытая книга. Павлик водил по страницам окровавленными пальцами и приговаривал что-то неразборчивое. Глаза его были закрыты.

Дед Сергей и Данила остановились на границе каменного круга, в нескольких шагах от алтаря.

— Павлик, — сказал дед Сергей хрипло, — ты книгу-то закрой. Не для твоего она разумения. Тебе и не прочесть, что там написано…

Павлик распахнул глаза, и дед Сергей с Данилой отпрянули. В нечеловеческом взгляде мальчика светились жуткие зеленоватые отблески болотных огней.

— Есть такие книги, которые совсем не книги, — произнёс Павлик утробным, потусторонним голосом. Слова, что звучали из его рта, казалось, принадлежали не ему. — Они лишь имеют форму книги. Они сами себя пишут и сами себя читают. Они принадлежат другим измерениям и другим

временам. Они суть врата.

Дед Сергей узнал эти слова. Он читал их в одной из тетрадей сумасшедшего нигилиста и чернокнижника Бессонова.

— Старый дурень, — сказал Павлик, презрительно глядя на деда. — Эта книга не для твоего разумения. — И рассмеялся негромким, шелестящим смехом, напоминающим шорох гадюки в сухой траве.

У деда Сергея мороз пошёл по коже.

А Павлик, повернувшись лицом к женскому идолу, воззвал громко и звучно:

— Йоли-торум-сянь, нижнего мира мать, владычица ушедших душ, заклинаю, возверни лиль моей матери, пусть она очнётся от сна смертного и восстанет…

Дед Сергей, наконец, одолел внезапную слабость, наклонился, вытащил из-за голенища засапожный нож.

Пихнул локтем оцепеневшего Данилу, сипло рявкнул:

— Режь гадёныша! Режь!

И первым кинулся вперёд, ткнул Павлика ножом в правый бок, куда-то под рёбра.

Павлик всхлипнул, пошатнулся, но не упал.

Сделал несколько шагов в сторону, приник

к идолу, обхватил руками, прошептал:

— Заклинаю те… бя…

Подскочил Данила, ударил ножом в спину. Аккурат под левую лопатку.

***

Оперуполномоченный Карташов сидел на завалинке, смолил деревенский самосад. Мосинский карабин был рядом, только руку протянуть. Не для какой-то специальной цели, а просто так оно было спокойнее.

Он смотрел через улицу, на скособоченный морозовский дом, окна которого были плотно занавешены, а дверь второй день была распахнута настежь. Приходили, в основном, одни скорбные старухи в чёрных платках. Их тоскливые причитания было слыхать даже издалека.

И вдруг что-то случилось. Из дома послышался непонятный гвалт, затем понеслись душераздирающие вопли и жуткий, нечеловеческий вой. Карташов, после войны привычный ко многому, непроизвольно поёжился.

— Что за чертовщина?..

Из дверей в панике стали выбегать люди. Их лица выражали неописуемый ужас. И вроде бы у некоторых на одежде были видны кровавые

брызги.

— Да что там происходит?

Оперуполномоченный Карташов поднялся, подхватил карабин и зашагал через улицу. К дому, из дверей которого омерзительно несло гнилой мертвечиной и свежей кровью. Вблизи страшное зловоние буквально валило с ног. Карташов ступил на порог, он был настороже и почти не боялся. Он думал, что повидал в жизни всяких кошмаров.

Он ошибался.

Когда выключается свет
Анна Рэйвен

— Лея, не выключай свет, — Тимка — маленький, взъерошенный, испуганный, натягивает одеяло до самого носа, хочет спрятаться под ним, словно оно защит от всех бед.

Вздыхаю, сажусь рядом — постель у Тимки большая, гораздо шире, чем моя, но он всё равно умудряется забиться в самый уголок кровати, боится.

— Почему? — я знаю ответ, но всё равно должна спросить.

Так нужно. Для него же самого и нужно.

— Там… — Тимка боязливо возится, осторожно указывает рукой в сторону, — там кто-то есть.

И это уже пройдено. Мне не надо следить за рукой моего младшего брата, чтобы понять, куда он указывает. На шкаф. Большой деревянный платяной. В нём и мои вещи, и Тимкины, и даже кое-что от мамы с папой осталось. Но если точнее, то брат указывает не столько на сам шкаф вообще, сколько на его центральную дверцу, в которой заключено большое овальное зеркало.

Именно что заключено. Вокруг него тяжелая рама, похожая на клетку.

Мне не надо смотреть за рукою Тимки, чтобы понять, куда он указывает, и вызывать образ зеркала в памяти. Мне не надо смотреть и на зеркало, чтобы вспомнить, что оно уже немного истертое слева, что внизу оно слегка поцарапано (это Тимка случайно задел поверхность солдатиком, когда бегал по дому). Не касаясь стекла, я чувствую его холод — руки леденеют почти мгновенно.

Я надеюсь, что мне удаётся сохранить спокойное выражение лица — у Тимки плохой сон, не стоит ему даже мысли допускать, что его старшая сестра, единственный родной ему человек, может бояться.

— В шкафу? — я делаю вид, что не понимаю.

— Нет, — Тимка нервно облизывает губы, — в зеркале.

Пытаюсь улыбнуться. Выходит криво, и я радуюсь, что в комнате царит полумрак, и свет ночника не показывает моё лицо полностью, поэтому для Тимки моя натужная улыбка выглядит настоящей. Во всяком случае, я надеюсь на это.

— В зеркале ты, в зеркале я… в зеркале будет только то, что ты ему покажешь, — вдохновенно

лгу я.

Тимка смотрит испуганно, с недоверием. Вздох мне удается сдержать, но в сердце щемит. Моя бы воля — я бы вытащила этот шкаф отсюда, но он слишком тяжелый и без мастеров не обойтись, а на это нужны деньги, которых, конечно, всегда не хватает. Но что поделать, я работаю одна, у меня проблемы со здоровьем, еще нужно Тимку содержать, приходится экономить.

Можно было бы и поменяться с ним местами, но в моей комнате есть вещи похуже зеркала, например, там живёт призрак. Благо, он тихий, но Тимке такое соседство тоже вряд ли понравится. Прости, братик, я пытаюсь сделать все, что могу, но у меня иногда нет сил. Но я знаю, что ты храбрый, и что большая часть тех, кто окружает нас, безобидны. Просто нужно смириться.

— Там есть еще кто-то, — спорит Тимка.

Он всегда очень упорный и настойчивый. Не то, что я.

— Никого там нет, — снова лгу я, — я старше и лучше знаю.

Помнится, именно так ответила мне когда-то мама. Прости, Тимка, так нужно. Ты еще не готов.

Это работает. Тимка как-то успокаивается, на-

верное, даже начинает ругать себя за трусость. Братик, ты не трус, просто ты пока не должен знать того, что знаю и очень желаю забыть я.

— Послушай, — мне с трудом удается подобрать нужный тон, чтобы он звучал мягко и дружественно, а не наставительно или снисходительно. — Все не так, как кажется. Иногда мы просто слишком много фантазируем, но реальность от этого не меняется. Кто-то, например, может думать, что у него в шкафу живут монстры… или под кроватью.

«Под кроватью! Боги, а я вообще кормила сегодня подкроватного жильца? Утром, пока завтракала, уронила печенье на пол, и, тотчас рука, высунувшись из-под кровати, утянула его к себе, и раздалось чавканье…

— Но тебе нельзя, — попыталась возразить я, однако чавканье стало громче.

А больше-то и не кормила! Забыла. Надо исправиться. Только Тимку уложить и идти. А в шкафу… ну, в шкафу никто не живет, но вот ящик с крупами проверить придется, давно не заглядывала, а то последний раз, когда я вытаскивала рис, пакет был надорван, и на нём были видны следы маленьких зубов.

— Или в ванной, — продолжила я примиряю-

ще. — Но всё это — нереально.

Вот чем мама всегда гордилась, так это отсутствием существ у нас в ванной. У всех были, даже у папиного брата, мир его праху, были, а у нас — нет. Плесень только, но это не то…

Тимка успокаивается. Ложится в кровать, одеяло теперь укрывает его до подбородка. Кажется, еще один раунд за мною!

— Если хочешь, я могу закрыть зеркало какой-нибудь простыней или одеялом, — предлагаю я.

— Нет, — Тимке очень хочется, чтобы зеркало было закрыто, но он отказывается.

Может быть, пытается показаться храбрецом, а может быть, давно понял, только интуитивно, что *Ему* не нравится, когда обзор закрыт.

Как-то давно я закрыла зеркало сама. Как пережила ту ночь — сама не знаю. Шорохи, скрежет когтей по стеклу, шипение, похожее на змеиное. Змей я очень боюсь, но в те минуты я бы лучше предпочла встретиться с ползучим гадом, чем слышать все те звуки из собственного зеркала.

— Мне надо идти, — я поправляю одеяло, подушку.

Правда надо. Как минимум, необходимо покормить подкроватного монстра и проверить ящик с крупами.

— Да, — Тимке не хочется, чтобы я уходила, но он не попросит, чтобы я осталась.

Он считает, что сегодня и так уже слишком уж струсил передо мною.

— Спокойной ночи? — на этот раз я улыбаюсь по-настоящему.

— Спокойной ночи, — напряженно отзывается Тимка.

Я протягиваю руку к ночнику и выключаю его. Тимке хочется света, но он не спорит. Он зарывается в одеяле с головою и закрывает глаза, надеясь поскорее провалиться в сон.

Мне не нужно света, чтобы выйти из комнаты. Я знаю здесь каждую скрипучую половицу и без труда прохожу мимо шкафа и мимо заточенного в тяжелую раму зеркала.

Услышав шелест в зеркале, я понимаю, что теперь, когда выключен свет, ночь полностью вступила в свои права, и *Отражение* может делать то, что ему захочется.

Ужас в песках
Георгий Акбаа

1

С ужасом вспоминаю тот день, когда я мчался во весь дух по плато Устюрт. Тогда я чуть не лишился рассудка, чудом избежав гибели от неизвестной твари. Менее повезло моим коллегам по экспедиции, с которыми я прибыл в это, забытое Богом, место.

В состав группы меня, специалиста-геолога, взяли научным консультантом. Крупный концерн собирался строить новый нефтепровод. В наши задачи входило разведать местность, подготовить наиболее оптимальный маршрут, изучить ландшафт для ведения строительных работ.

Экспедиция была пешая, маршрут пролегал по труднодоступным и глухим местам. Нужно было идти, преодолевая палящий жар пустыни и зыбкий песок, по которому едва ли когда ступала нога человека. Но все тяготы принимались без ропота, ведь фирма-заказчик обещала крупное вознаграждение нашему предприятию. Не было недостатка в еде и продуктах. Более чем

щедрое финансирование с лихвой покрывало все дорожные расходы. Не испортило хорошего впечатления от предстоящей экспедиции и то, что, добравшись до начала маршрута на поезде, дальше нести поклажу вынуждены были на себе.

2

Поезд скрылся вдалеке. Мы, распределив припасы и инструменты, двинулись в путь. Предрассветные часы коротки. Ранее утро — лучшее время для пешего путешествия по пустыне. Поэтому мы не мешкали. За первый переход планировали пройти километров пятнадцать до того, как солнце начнёт нещадно палить и каждый шаг станет адским испытанием. Тогда мы планировали сделать привал, отдохнуть и переждать пик жары, и затем выйти вновь прохладным вечером. Нашу группу из восьми человек вёл проводник по имени Джеймс, опытный путешественник и знаток по части пустынь.

До первого привала все были предельно собраны, поэтому переход прошёл без проблем и легко. Остановившись на твёрдой почве, Джеймс скомандовал привал.

— Ставьте навес на земле! Песок не стабилен, — добавил он.

Только сейчас я заметил его нервное состояние и нотки страха в голосе. Это было настолько странно, что я решил позже поговорить с ним. Пока всё шло отлично, поводов для беспокойства не могло быть.

Наконец двое наших коллег совладали с навесом, и все повалились в благодатную тень, намёка на которую не встретишь в голой пустыне, царстве солнца и песка. Есть никто не хотел, поэтому, напившись воды, все легли спать. Один Джеймс продолжал бодрствовать. Понаблюдав за ним украдкой минут пять, я решительно направился к нему.

— Почему вы не спите? Впереди вечерний переход, — начал я беседу.

— Вот же странное дело, мистер Громов, — нервно засмеялся Джеймс. — Никогда не верил во всякие россказни и байки. А тут испугался. Ещё бы! Сколько лет ходил по пустыням, но никогда не видел подобного! Вы обратили внимание? Во время перехода нам не встретилось ни одного живого существа: ни насекомых, ни ящериц. Я специально наблюдал. Обычно пустыня полнится скрытой жизнью. А тут полное безмолвие. Как будто вымерли все. Да ещё этот случай…

— Что за случай? — живо заинтересовался я.

— Да ничего серьёзного. Право, глупости. Зря я упомянул о нем…

Вы знакомы с легендами об этом крае? Эти пески местные избегают издревле. На вокзале по прибытию я встретил странного человека, старого, в лохмотьях. Он что-то тихо бормотал, повторяя одно и то же на местном языке. Мой спутник из здешних рассказал, что этот старец вышел из пустыни, где, похоже, потерял разум и память. Из жалости его не выгоняют с вокзала, где он и живёт на милостыню добрых людей. И этот безымянный старец бросился на меня, когда мы проходили мимо! Вцепившись в мой рукав и глядя мне прямо в глаза, он быстро-быстро что-то говорил.

Мой попутчик перевёл тарабарщину:

«Ужас не спит! Ужас ждёт!».

Я вынужден был его оттолкнуть. Ума не приложу, откуда он узнал о цели нашего приезда, — взволнованно рассказал Джеймс.

— Надеюсь, вы не приняли всерьёз слова какого-то умалишённого? — спросил я с долей иронии.

— Не верил, пока своими глазами не увидел это место, — серьезно ответил он. — Эта пустыня разительно отличается от всех мест, где я бывал.

Очень зловещее впечатление, как будто нас поджидают, заманивают вглубь. Впрочем, всё это вздор! — Джеймс резко оборвал разговор, видя мой, полный скептицизма и насмешки, взгляд.

И отвернулся, демонстративно показав, что беседа окончена. Наш временный лагерь погрузился в сон.

3

Разбудили меня заходящие лучи Солнца. Весь лагерь был на ногах. Предстоял длительный переход. Воцарилась тьма, и лишь яркие звёзды, которые нигде не светят так ярко и отчётливо, как в пустыне, освещали путь. Перед нами открывалась восхитительная картина в серебристых тонах далёких светил. Серые барханы уходили вдаль до бесконечности, создавая игрой теней дорогу в никуда. Сюрреализм происходящего дополняла звенящая тишина.

Заблудиться мы не боялись, опираясь на опыт проводника и магнитные стрелки компаса, путеводной нити любого путешественника. Мы всё дальше отдалялись от цивилизованных мест и к концу второго перехода ступили в столь глухие места, что почувствовали себя в некотором роде первооткрывателями. К гордости учёно-

го-исследователя примешивалась некоторая доля страха, ощущение одиночества. Как будто во вселенной ничего не существует, только мы, наш путь и бесконечная пустыня. Все притихли под впечатлением момента. Жуткую тишину нарушали лишь песчинки, шуршащие под ботинками.

Вдалеке между барханами что-то блеснуло в лунном свете. Джеймс наверняка заметил, но поскольку неизвестный объект лежал на нашем пути, обращать внимание группы на него не стал. Через пару часов пути разгадка пришла сама собой. Среди песков лежал автомобиль, точнее, всё, что от него осталось.

Это был кузов, смятый и разбитый. Металл поблёскивал в свете фонарей, краска почему-то отсутствовала. Внутри салона исчезли все неметаллические детали. Штампованные диски были разбросаны вокруг. Резиновых шин тоже не было. Весь песок вокруг имел какой-то прилизанный вид, песчинка к песчинке. И ни чахлого кустика, ни другого представителя флоры и фауны.

— Мародёры знатно поработали, — заметил Владимир, один из инженеров.

— Да вот на мародёров не похоже, и места глухие, — возразил Джеймс. — Зачем им дешевый

пластик салона, старые шины и содранная с кузова краска? Ведь металл — самое ценное, а его оставили. Здесь что-то другое, только вот что?

— Хватит об этом, какое нам дело? Предлагаю продолжить путь, — сказал я. — Всё равно мы не в силах разгадать загадку, а до утра оставаться здесь мы не можем. Впереди ещё немало километров пути. Стоит поторопиться.

Очарование ночи было нарушено таким пошлым предметом, как кузов старого русского автомобиля, благоговение перед первозданной пустыней ушло. Все активно обсуждали нашу находку, строили предположения и гипотезы. Оставшийся до большого привала путь проходил без происшествий. К утру мы отмахали тридцать километров.

4

К рассвету мы вышли к скале, одиноко возвышавшейся среди песков. Огненный шар Солнца поднимался всё выше, предвещая жаркий день. Подойдя к скале, мы были удивлены её виду. Гладкая, как будто вымытая, она чуть ли не блестела.

— Всё это очень странно, — отметил Джеймс. — Вылизанная машина, теперь вот скала. Не знаю, что и думать.

Однако дальше идти мы не решились. Все выбились из сил, было решено остановиться на весь день и часть ночи, и выйти на маршрут засветло. У подножия скалы было прохладнее, однако навес мы всё равно установили, ибо Солнце, взойдя в зенит, лишило бы нас спасительной тени.

Плотно позавтракав, мы с Джеймсом принялись изучать карту, остальные члены экспедиции легли спать. Проблем с языком у нас не было. Джеймс был англичанином, а я сносно владел английским. Судя по карте, мы были близки к середине маршрута. Пока всё шло по плану, кроме сопровождающей нас тишины и других странностей, но напрямую они нас не касались, и обсуждать их я считал излишним.

— Завтра мы достигнем полностью песчаной местности, — объявил я. — Придётся идти по песку без намека на твёрдую почву, как было до этого. И ставить лагерь тоже на песке. Это, конечно, дополнительные неудобства, но не более.

— Меня всё-таки волнует живность этой чёртовой пустыни! — начал Джеймс. — Кто здесь так похозяйничал? Что за зверь? Скажу, рад тому, что половина пути позади.

— Только вот не надо нагнетать нервозность. Тишина пугает всех, поэтому не нужно подни-

мать панику среди наших людей, — прервал его я. — По приезду я сообщу куда надо. Пусть высылают биологов, экологов. Они займутся этим делом. А мы продолжим заниматься тем, ради чего мы здесь.

Солнце клонилось к закату. Становилось прохладнее и легче дышалось. Мы поели нехитрой походной снеди и легли спать.

5

Проспал я, наверное, часов шесть. Над пустыней вовсю властвовала ночь. Раздался дикий крик. Спросонья я начал метаться по лагерю. Все вскакивали со своих мест, чертыхаясь и ничего не понимая. Крики продолжались, и столько в них было боли и мучений, что нам стало жутко. Послышался топот, большой табун степных диких лошадей промчался мимо. Они чуть не смели наш лагерь, лишь чудом не затоптав нас! Пробежав мимо в каких-то десяти метрах!

Жуткие вопли прекратились, однако спать никто не шёл. Всем было нехорошо, как говорится, на душе кошки скребли. За стихнувшими криками и топотом копыт пришла такая ужасная и звенящая тишина, что нервное напряжение висело в воздухе, предчувствие чего-то неведомого

и страшного усилилось до предела. Нервы у всех сдавали, никто не решался нарушить гнетущее безмолвие. Тьма обнимала нас, но эти объятия были совсем не добрыми. Что-то затаилось в этом мраке и выжидало. Казалось, ещё немного, и мы будем поглощены самой темнотой.

Усилием воли, стряхнув оцепенение, я нарушил вызывающую страх и омерзение тишину:

— Вот это и ночка выдалась.

Сразу все зашевелились, и лагерь ожил. Напряжение спало, однако зловещее предчувствие, будто бы за нами следят из тьмы, никуда не исчезло. Нужно было спать, набираться сил, но я ещё долго не мог заснуть. Впечатления от жуткого воя терзали меня, мешали забыться. Но всему приходит конец — пришёл и моим мучениям. Я уснул тяжёлым сном.

6

Хорошо выспаться вновь не вышло. Джеймс тряс меня за плечо, знаками показывая, чтобы я не вздумал поднимать шум и прислушался. В мёртвой тишине я услышал плач и бормотания.

— Тьма грядёт! Чёрные пески поглотят меня! Йа! Йа! Йа! Шаб-Ниггурат! — звучали стенания.

Кто-то из наших коллег явно бредил, не выдержав напряжения сегодняшней ночи. Я поднялся. Мы, захватив фонари, направились на зловещие всхлипы, ориентируясь по звуку в полной темноте жуткой пустыни.

В десяти шагах от нас, скорчившись, сидел Владимир. Я узнал его по голосу. Продолжая бормотать бессмыслицу, он оставался неподвижен. Подойдя, Джеймс направил луч фонаря ему в лицо. Увидев безумный взгляд, мы невольно отшатнулись. Владимир же резко встал и бросился на Джеймса, выбив фонарь из рук проводника. Я никак не ожидал такого поворота событий. Сумасшедший прекратил борьбу и бросился бежать в пустыню.

— Тьма поглотит вас! Поглотит меня! Йа! Йа! Йа! Шаб-Ниггурат и её младые! Благослови своего слугу! — кричал Владимир, убегая во тьму.

Глупо было преследовать безумца в кромешной темноте. Мы не сдвинулись с места, понимая всю тщетность наших усилий вразумить его. Сейчас мы ничем не могли ему помочь и не хотели рисковать потеряться во мраке, вдали от лагеря. Откровенно говоря, ужас сковал нас, мы просто дико испугались. Мы вернулись в лагерь и легли досыпать. Утром, когда Солнце взойдёт, мы от-

правимся на поиски коллеги.

7

Но эта ночь никак не хотела отпускать меня из своих когтей. Едва провалившись в объятия Морфея, я попал в иной мир. Мне снился на редкость реалистичный сон.

Я увидел мир без света Солнца. Это была странная планета вечной ночи, полностью покрытая песком. Царство пустыни и мрака. Три спутника гигантского космического тела отражали свет далёких звезд и тогда, в редкую ночь, поверхность планеты начинала сверкать, словно серебряное украшение в свете Луны и руках ювелира. Три Луны раз в год всходили над горизонтом и отражённым мертвецким светом озаряли бескрайние пески гиганта.

Размер планеты был сопоставим с Юпитером. Но удивителен был песок тех иномировых пустынь — чёрного цвета, словно антрацит. Теперь было ясно, как такая большая планета, где-то в системе недалеко от Бетельгейзе, осталась незамеченной нашими учёными-астрономами. Подобно чёрной дыре, антрацитовый песок поглощал свет и не отражал его. И только в такую ночь, как сегодня, серебряный свет немного осве-

щал поверхность самой великой, без сомнения, космической пустыни. Я будто воспарил над ней и наблюдал.

Внизу разворачивалось омерзительное действо. Обычным зрением я бы ничего не увидел. Однако во сне я видел как бы вглубь планеты, словно подо мною не чёрная пустыня, а прозрачное стекло. Весь гигант был покрыт сетью подземных ходов и туннелей. В отвратительных норах кипела противоестественная, по человеческим меркам, жизнь.

Я понял, что стал свидетелем какого-то богопротивного и недоступного нашему пониманию ритуала, повторяющегося через промежутки времени, ничтожно малые в космических масштабах, но долгие для человека.

В тёмных туннелях чёрные чудовища двигались, словно пиявки в воде, сливаясь и разделяясь между собой. Умом я понимал, что, не смотря на свой фантастический внешний вид, что-то среднее между червём и скатом, антрацитовые твари являлись разумными. Бессчётное число песчаных скатов копошилось в фантасмагорическом ирреальном танце. Когда крупная тварь встречала меньшую по размеру, то сливалась с ней и поглощала её, образовывая ещё большее

чудовище.

Это была великая жатва. Я чувствовал муки поглощённых отродий. Также мне было открыто ликование крупных пожирателей. Это была великая охота, огромный пир, где стол — целая планета. Какое банальное объяснение у такого монументального действа, всего лишь большая трапеза, подумалось мне. Однако я ошибался — пиршество было лишь частью иномирового спектакля.

Присмотревшись, я увидел множество огромнейших созданий. Эти песчаные скаты отличались колоссальными размерами, сопоставимыми с размерами самых крупных животных Земли, вплоть до голубого кита. Я пристально следил за одним из таких исчадий, пока оно двигалось по коридору шириной метров пятнадцать.

Некоторое время спустя огромная тварь повстречала своего двойника. Я с нетерпением ожидал, кто пожрёт другого при внешнем примерном равенстве, предвкушая битву двух титанов. Подземные ходы пересекались и траектории колоссальных созданий совпали. Я увидел, как два существа, похожие на огромные покрывала, слились воедино, заполонив пространство пещер на многие метры вокруг.

К моему удивлению, спустя пару минут, или же часов, ведь во сне понятие времени не существует, твари разошлись и продолжили ритмичное движение. Никто не был пожран, никто не ликовал. И тут я увидел обратную сторону сего действа. В коридоре, где слились антрацитовые скаты на чёрном песке, теплилась жизнь. Я различил движение. Два маленьких, примерно метра три в длину, живых ковра были созданы на моих глазах. Я увидел акт творения иномировых созданий.

Увиденное повергло меня в благоговение. Сакральность происходящего, недоступного смертным до сих пор, давила на меня, наглядно показывая, как ничтожен человек в своих мелких стремлениях, как бессмысленно его никчёмное существование. Запретное знание тяжким грузом легло на меня. Это было ужасное и одновременно чарующее чувство, доселе мне незнакомое. Я приобщился к великим таинствам вселенной. Великий акт творения и великий акт смерти — всё сплелось воедино в первоисточнике.

Находясь в какой-то духовной связи с существами, чувствуя их боль и мучения, радость и ликование, я уловил фибрами души незнакомое чувство, совсем иное, но гораздо более

человечное. Оно стучалось в моё человеческое подсознание. Силясь понять, что это, я напрягал все органы чувств, пристально вглядываясь в чёрные пески, тщетно пытаясь найти мерзкую тварь, посылающую мне сигналы.

Это внушаемое чувство было таким знакомым, но я никак не мог его определить, не в силах осознать и принять полностью, ведь целая межвидовая бездна отделяла меня, человека, от иноземной проклятой твари, абсолютно чуждой нашему миру. Мне потребовалось сильное напряжение всех душевных сил, чтобы оборвать этот неприятный контакт, и я пробудился.

8

Я лежал в палатке, долго приходя в себя, чувствовал усталость и пытался успокоиться. Теперь было ясно, что этой ночью свело с ума Владимира. Подобные видения он испытал на себе. Будучи натурой впечатлительной, он не справился с таким душевным грузом и сошёл с ума. Кто знает, может спасительное безумие — не худший вариант?

Ночные видения плавно отступали под лучами восходящего Солнца. Как никогда я радовался рассвету, благодарный всесильному светилу

за то, что оно испокон века разгоняет тьму и слуг зла одним своим появлением. Однако увиденное крепко засело в памяти, и здесь власть звезды, увы, была бессильна.

Не оставляла меня и загадка последнего контакта и испытанных переживаний. Казалось, ещё чуть-чуть, и я ухвачу правильное объяснение, найду разгадку. Увы, как же слепы наивные люди! Мне, как путешественнику, стоило догадаться сразу.

Но решение не приходило. Стоило отвлечься от тёмных дум обычными делами. Я вышел на воздух, под навес, и подсел к Джеймсу. Он выглядел гораздо бодрее меня.

— На вас лица нет, — заметил он. — Ужасная ночь выдалась.

— Я плохо спал после всего этого, мучили кошмары, — ответил я, принимая кружку сваренного кофе из рук проводника.

Аромат напитка возвращал меня в нормальное состояние.

— Что кричал нам Владимир вчера? Какую-то ахинею, — начал я. — Надо поскорее его найти, пока он не навредил себе. Возможно, придётся его связать.

— Я различил Шаб-Ниггурат, — ответил

Джеймс. — Похоже, это имя. Я долго думал, где я слышал подобное, и вы не поверите, вспомнил. Это богиня или бог извращённого плодородия. Жаль, у нас нет Интернета под рукой. Похоже, дело-то серьезное. С пустыней не всё в порядке, раз тут и люди, и животные, вспомните вчерашний табун, с ума сходят! Может какая-то геомагнитная аномалия.

— Возможно, вы правы, — кивнул я.

В мозгу всплывали вчерашние видения, акты творения. Извращённое плодородие идеально вписывалось в эту картину. Я начинал понимать и улавливать связь, смутные подозрения выливались в конкретные догадки. О страшном сне я решил умолчать. Стоило разобраться в себе, понять, что за чувство терзало меня. Мне не хотелось, чтобы меня приняли за сумасшедшего. Стоило найти Владимира. Возможно, он мог бы прояснить какие-то моменты в моих личных переживаниях. За утренним кофе совсем посветлело. Лагерь просыпался. Все, зевая, готовили завтрак.

— Прошу внимания! — громко сказал Джеймс. — Вчера ночью наш коллега Владимир покинул лагерь. Прежде чем продолжить нашу миссию, мы должны найти его. К счастью, он

направился на юго-восток, что почти соответствует нашему маршруту. Я видел следы на песке, которые ещё не уничтожил утренний ветер. Завтракайте, собирайте снаряжение, через полчаса мы снимаемся в дорогу.

Ужасная развязка близилась.

9

Я собрал рюкзак и палатку. Мы выдвинулись в очередной переход. Джеймс вёл, выбирая максимально лёгкий путь, между барханами и с подветренной стороны. Опираясь на своё звериное чутье, выработанное за многие годы походов по пустыням, он шёл по следу Владимира, минимально отклоняясь от нужного нам курса.

Час-другой всё шло замечательно, прохлада сопровождала нас, вселяя лёгкость. Можно сказать, прогулка, если бы не многочисленное снаряжение. Но Солнце всё больше вступало в свои права. Первые капли пота скатились с моего лба. А ещё через пятнадцать минут пот застилал мне глаза. Барханы расплывались, я уже еле-еле перебирал ногами. Сказывалась тяжёлая ночь, я быстро утомился.

Оглянувшись, я увидел, что почти все мои коллеги чувствовали себя точно так же, за одним

исключением. Наш проводник Джеймс оставался всё таким же энергичным и неутомимым, что и в начале пути. Да, силы воли, ровно как и выносливости, ему было не занимать.

Ещё через час пути я мог думать только о скорейшем привале. Выпив всю положенную на утро норму воды, я мучился от жажды.

— Осталось немного, — приободрил меня проводник, указав вперёд.

Я всмотрелся и увидел нашего сбежавшего коллегу. Владимир не подавал признаков жизни, неподвижно лёжа посреди пустыни.

Через полчаса пути мы были рядом. Окружили его, убедившись, что он без сознания.

— Очевидно, что он выбился из сил, обезвожен и в глубоком обмороке. Но угрозы жизни нет, состояние некритическое. Однако придётся сделать привал, — сказал Джеймс после осмотра Владимира и скомандовал: — Ставим навесы.

Все были рады привалу и бросились выполнять поручение. Джеймс же продолжил манипуляции над Владимиром, привёл его в чувство, дав понюхать нашатырный спирт, напоил водой, предварительно добавив туда успокоительного и снотворного, опасаясь очередного помешательства. Буйный тотчас уснул крепким и спокойным

сном. Мы выпили воды, наскоро перекусили и занялись делами: рекогносцировкой местности, составлением подробных карт нужных участков и написанием отчётов.

За работой остаток дня пролетел незаметно. Владимир к тому времени уже проснулся. Джеймс оказался очень дальновидным, предварительно надев наручники на сумасшедшего члена экспедиции.

Однако Владимир был спокоен, сидя под одним из навесов и угрюмо уставившись в одну точку. Закончив все дела, я присел к нему в тень. Солнце клонилось к закату. Можно было хорошенько отдохнуть от дневных забот.

— Сегодня особенная ночь! Как и все последние десять лет в этой пустыне! Все ночи за это время были особенными, но эта станет последней в череде безумных охот. Тварь уснёт, — рассказал Владимир.

— Что ты несёшь, какая тварь? — спросил я.

Владимир повернулся ко мне. На губах играла безумная усмешка, угрюмость как рукой сняло.

— О, не ври! Не прикидывайся, что ничего не знаешь! Ты тоже видел сны о чёрных песках далёкой планеты! Ветры нашептали мне, чёрная тварь поведала мне. Они служат Шаб-Ниггурат,

во славу которой пожирают всё живое, а затем плодятся к вящей радости матери своей! Я стану благословенной жертвой, и это честь для двуногого скота!

От его странных слов повеяло вселенским холодом. Запредельный ужас влез в мою душу. Я впал в ступор, не зная, что ответить.

— Молчишь? Я тебя понимаю. Тяжело узнать жуткую правду. Да ещё и перед смертью, которая ждёт всех нас этой особенной ночью! — исступленно засмеялся он.

— Хватит нести бред, псих! Я не верю тебе! Даже если предположить, что сны — правда, то иномировые твари далеко! Всё это бред, ты повредился в уме окончательно! — закричал я.

— Глупец, ты ничего не понял до сих пор?! Чёрная тварь давно здесь. Разве ты не почувствовал её ужасную тоску по родному миру? Печаль и боль от вечного одиночества? Многие миллионы лет назад прибыли Древние в наш мир, ведя с собой проклятых тварей разных форм и видов, которым нет числа среди их слуг. Чёрный скат в их числе, он — потомок Великой Шаб-Ниггурат.

Но Древние ушли. Почему и зачем — нам неизвестно, это выше нашего понимания. А их многие

слуги остались! Некоторые спят, некоторые никогда не проснутся. А иные следуют своим биологическим часам, просыпаясь согласно ритму своего далёкого мира. Одна ночь жатвы в мире чёрных песков равна десяти нашим годам. Потом тварь впадёт в спячку на сто тысяч лет. Сегодня последняя ночь, когда антрацитовое чудовище может насытиться, у нас ни малейшего шанса выжить в пустыне, вотчине иномировых созданий!

Неясные догадки наконец-то сложились в единую картину. Всё стало ясно. Тварь проснулась с адским голодом, сто тысяч лет пробыв в забвении под землёй. За десять лет она пожрала всё живое в пустыне. И собирается полакомиться нами перед тем, как впасть в забвение ещё на сто тысяч лет. Суровая реальность обрушилась на меня. От таких выводов меня бросило в жар. Вскочив на ноги, я тут же ослабел, и сел обратно.

Что-то нужно было делать, но я не знал что, не было сил. Расскажи я всем, меня бы подняли на смех, учитывая всю нереальность правды. Либо приняли за сумасшедшего, и сидеть бы мне рядом с Владимиром. Даже если бы мне удалось убедить коллег в реальности чудовища, то поднялась бы паника, которая привела бы к необдуманным поступкам. Всё равно в пустыне,

среди песков, от неё нам не спрятаться. Чувствуя жертв на расстоянии, антрацитовая тварь всех настигнет в родной стихии. О, как бы я желал оставаться в неведении!

Я не мог решить, что нужно делать. Мы не в силах что-то изменить. Если нам суждено пережить эту ночь, то это будет подарком судьбы. Я отошёл от познавшего тьму Владимира, чтобы не слышать больше страшных рассказов, от которых леденеет кровь и душа уходит в пятки. Я никак не мог отвлечься от мрачных дум, оставалось ждать безрадостной участи. Я всё больше завидовал несведущим коллегам.

Несмотря на воспалённый мозг и натянутые нервы, усталость брала своё. Многие уже спали, иные ложились. Мои глаза стали смыкаться против моей воли. Тяжёлая экспедиция утомила меня до предела. Я впал в забытьё.

10

Дальнейшее я помню как в тумане. Словно во сне я услышал ужасные крики. Я вскочил и выбежал из лагеря. Было очень темно, и только тусклый свет звёзд падал на барханы. И тут что-то исполинское закрыло небо передо мною. Словно покрывало поднялось над ближайшими

барханами. Я увидел антрацитовую тварь во всей исполинской мощи. Она вышла на поверхность. Вокруг всё дрожало, как при землетрясении. Вибрация усилилась, я упал.

Что-то металлическое коснулось ладони. Инстинктивно схватив вещицу, я вскочил на ноги. Я обезумел от страха. Сознание не выдержало увиденного. Ужасное чувство загнанной жертвы, покорно ждущей своей участи. Лагерь исчезал, пожираемый живым покрывалом. Я не мог больше смотреть на это.

Инстинкт самосохранения оказался сильнее. Он заставил тело бежать, несмотря ни на что, изо всех сил. В тот момент я обезумел, отдавшись рефлексам. Удивительно, сколько сил скрывается в организме человека. Я бежал, наверное, очень долго. Встретил рассвет, с удивлением осознав, что я ещё жив. Увидев встающее солнце, я упал без сил.

До сих пор я сжимал какую-то вещицу в руке. Это оказались наручники, что в эту ночь были на Владимире. Это он, почувствовав приход твари, вышел из лагеря, чтобы быть пожранным первым. Он и издавал те ужасные вопли, которые разбудили меня и по счастливой случайности позволили спастись.

Наручники остались целы, как и рюкзаки, палатки и другое наше имущество, которое накроют барханы, да такие, что мы больше никогда не найдём то ужасное место пиршества. Космический скат предпочитал органику. Эти наручники всё, что осталось от нашей экспедиции. Я с отвращением отбросил их от себя, они были как напоминание о моём трусливом бегстве. Все члены экспедиции погибли, а я не смог им помочь, сбежав. Теперь мне ничего не угрожало.

Тварь уснула на сто тысяч лет.

Речной-3
Максим Кабир

Впервые Тимур Строев увидел Речной-3 в конце восьмидесятых. Ему исполнилось восемь, недавно его семья поменяла место жительства. Не вся семья, отец остался в центре, они же с матерью и сестрой переехали на окраину Красного Лога. Жилым массивом Речной-2 заканчивался город. Микрорайон был тусклым, мрачным и опасным. Насколько опасным, Тимур узнал чуть позже.

Восьмой день рождения он отмечал без друзей, с младшей сестрой Мариной и мамой. Ушёл спать, не дождавшись отца. В новой спальне мальчик лежал, рассматривая потолок. Комнату заливал, мешая уснуть, лунный свет. Тимур встал с кровати, чтобы задёрнуть шторы. Девятиэтажный дом выходил окнами на небольшую речушку, дальше были лишь поля. Но не этой ночью.

Освещённый полной луной, необычайно яркой и яростной, за рекой отчётливо вырисовывался микрорайон, которого там не было на самом деле. Вместо низменности, поросшей сорной травой,

Тимур видел мираж, будто зеркальное отражение Речного-2. К безоблачному ночному небу поднимались тёмные силуэты домов, странно мерцали жёлтые окна, похожие на кошачьи глаза.

Тимуру стало не по себе, он понимал, что нельзя построить целый квартал за несколько часов, это поняла бы даже дурочка Марина.

Он хлыстнул шторами и попятился к кровати. По какой-то причине он боялся поворачиваться спиной к жёлтым внимательным зрачкам, прожигающим хрупкое стекло и ткань, стремящимся заглянуть в спальню к имениннику.

***

В начале девяностых на Речной-2 обрушилась эпидемия наркомании и бандитизма. Проблема общая для рабочих окраин постсоветских городов. Но, кроме того, в Речном пропадали дети. Много детей — их фотографии облепили конус станции метротрама, тупиковой станции. Ни одного не нашли. Родители, потеряв надежду, покидали микрорайон, и дождь ночами теребил выцветшие листы, трогал мокрыми пальцами тускнеющие личики, как обезумевшая мать.

Иногда люди старшего поколения кидали обеспокоенные взгляды на противоположный берег

реки, но ведь там ничего не было, только поля.

Некоторые знали. Они, эти некоторые, никогда бы не пошли в милицию, не высказали бы свои подозрения даже шёпотом. Но однажды десятилетний Тимур гулял у реки. Стоял август, каникулы подходили к концу. В нагретом воздухе носились разноцветные бабочки, их пытались тщетно ловить Тимур и его школьный приятель Коля Суханов. За игрой они не заметили, как отошли далеко от пляжа и углубились в заросли рогоза. Берег здесь был заболочен, кусты пульсировали жабьим кваканьем и душно пахли плесенью.

Человек вышел из рогоза, худой и высокий, как стебли. Было в нём что-то неправильное, отталкивающее. Неуловимо чужое. И в то же время Тимур поймал себя на мысли, что не может отвести от незнакомца глаз. Даже моргнуть не может. Он смотрел на человека минуту, но запомнил лишь общие детали: мокрую одежду, стекающий с удлинённых кистей ил. Бледное лицо. Лысую яйцевидную голову. Жёлтые зрачки, пульсирующие, словно окна привидевшихся когда-то домов.

Человек приближался. Так думал Тимур, на самом же деле это они с Колей приближались

к человеку, шли на негнущихся ногах, шажок за шажком, к жёлтым неумолимым зрачкам, к огромному рту, чёрной распахнувшейся дыре…

Кто знает, что случилось бы, не появись на берегу старичок с удочками, крепкий ещё дядька в камуфляжных штанах. Возможно, Тимур с Колей превратились бы в фотографии на внешней стене станции подземного трамвая, стали бы частью тайны, окутывавшей микрорайон.

Рыбак трёхпало свистнул, и наваждение схлынуло, бабочки запорхали в августовском воздухе, вернулось солнце и запахи реки, и кваканье. Дети удивлённо оглядывались, тёрли лбы, искали ответы. Ответов не было, исчез без следа и лысый незнакомец.

— Ишь ты, чертяка, — ворчливо сказал старик. — Уже среди белого дня заявляется. Не сидится им в своём чертовнике, гадам.

Мозолистый кулак погрозил кустам. В этот момент Тимур подумал, что человек с чёрным ртом, если бы захотел, мог разорвать рыбака на части, пожрать его, слизать, не оставив и фотографии.

«Видно, он был сыт», — решил мальчик.

Суханову он ничего не сказал. Они вообще не обсудили случившееся, просто расстались у школы, разбрелись по своим дворам. Коле по-

везло, через год он уехал в другой город. Тимур остался в квартире, выходящей окнами на реку и поле. А иногда, лунными ночами — на Речной-3.

***

После девятого класса Тимур бросил школу и поступил в ПТУ. Учился он плохо и всё время проводил во дворе, монотонно метая нож в ствол старого клёна. Появились новые друзья, дёрганные, с мутными глазами и повадками потенциальных зеков. Сам Тимур наркотики не употреблял, разве что покуривал травку иногда. Но без фанатизма. Зелье расслабляло, он же стремился быть собранным, готовым принимать любые удары. Удары не заставляли себя ждать.

Часто на Речной совершали набеги пацаны из близлежащих кварталов. Дрались за девочек, за территорию. Отчаянно, как выросшие в подъездах полуголодные волчата. Использовали цепи, отвёртки, взрывпакеты из трамвайных предохранителей. В одной из драк Тимур едва не потерял глаз. Багровый шрам приклеился к щеке, как шнурок.

В семнадцать лет он устроился плотником в небольшое похоронное бюро. Идеальная работа

для угрюмого, нескладного подростка. Мать плакала по ночам, он бил ногой в стену, разделяющую их комнаты, скрипел зубами от неизбывной злости на жизнь, такой сильной, какую способны испытывать лишь семнадцатилетние.

По пятницам он ходил на дискотеку в кафе, прозванное в народе «Зелёнкой». Здесь можно было попрыгать под шум из кашляющих колонок, подцепить девчонку и истечь кровью от молниеносного укуса безжалостной заточки. Тимур не танцевал. Он сидел в углу, мысленно метая в пол ножи, ожидая. Чего? Той самой заточки, возможно, что прервёт его бессмысленное тягостное существование.

Октябрьским вечером в «Зелёнке» было малолюдно, и он сразу приметил её. Девушка не из местных, ровесница Тимура, стояла у противоположной стены, чуть покачиваясь в такт музыке. Лёгкие, почти незаметные движения, но в них было столько грации и чуждой Речному красоты, что Тимур невольно залюбовался.

Модная мини-юбка и облегающая кофточка отлично смотрелись на стройной фигурке, оставляя открытыми длинные ноги. Густые каштановые волосы были зачёсаны на бок, и Тимуру пришла в голову совершенно новая для него мысль: «Ин-

тересно, чем пахнут её волнистые локоны?»

Грянул «Скутер». В ритм рейву забилось сердце Тимура, когда он увидел Пашу Кихаева, развязной походкой приближающегося к незнакомке. Глазки сально ощупывают, толстые губы произносят двусмысленный комплимент. В следующий миг ладошка незнакомки взлетела в воздух и обжигающе шлёпнулась на щёку Кихаеву. Тот отпрянул, изумлённый. Посетители, точно шакалы, предчувствующие кровь, вытянули шеи, облизались.

Кихаев издал рычащий звук, схватил обидчицу за плечо, грубо, без скидок. Она же вперила в него бесстрашный взгляд, хлеще пощёчины.

— Ах ты, сука!

Замах кулака.

— Стоять!

Тимур перехватил руку Паши, оттолкнул его.

— Хватит.

— Ты чо, — Кихаев замахнулся повторно, уже на миротворца, но узнал в нём гроботёса Строева.

Кулак медленно разжался.

— Тимка, ты? Мля, эт-чо, твоя баба?

— Моя, — ответ холодный, но внутри у Тимура запылал огонь.

— Так следи за ней, — ворчливо, но без преж-

ней злобы, сказал Паша.

Зеваки обижено разбрелись.

— Ты как? — Тимур повернулся к шатенке.

Сердце, пульсирующее под «Скутер», на секунду сбилось с ритма. Лицо девушки, прелестное лицо с тонким ртом и синими арктическими глазами, имело один изъян. От уголка губ до нижнего века расплескалось родимое пятно, цвета чайной розы. Он готов был поклясться, что встречал пятно такой же формы раньше, хотя красивая девушка была ему совершенно незнакома.

— Спасибо, — сказала шатенка. — Он бы мне врезал, да?

— Сто пудово.

Девушка смотрела на Тимура улыбающимися бездонными глазами.

— Потанцуем? — предложил он, изумившись собственным словам. Облегчённо вздохнул, когда она ответила:

— Давай лучше выйдем, прогуляемся.

Снаружи Тимур набросил на плечи девушки свою спортивную курточку и зарделся ещё сильнее. Октябрьский ветер обдавал прохладой, но не избавлял от внутреннего пламени.

— Тимка, — представился он.

— Силена, — произнесла шатенка.

— Врёшь.

— Паспорт показать?

— Я что, на милиционера похож?

— Не очень.

За дискотекой располагалась спортплощадка, и они присели на врытые в землю покрышки, друг напротив друга. Близость девушки с удивительным именем Силена заставляла нервничать. До этого дня отношения Тимура с прекрасным полом ограничивались пьяными поцелуями со Светкой Приходько.

Он подумал, что девушку нужно развлекать, и продемонстрировал отсутствие мизинца на левой руке. Силена взяла его кисть в свою тёплую руку, погладила оставшийся фаланг.

— Фуганком отрезал.

— Красиво, — искренне сказала Силена. — А это?

Тонкие пальчики скользнули по его щеке, как бабочки.

Он объяснил про драку годичной давности и велосипедную цепь, едва не лишившую его глаза. Она слушала, затаив дыхание, а он говорил и говорил, изумляясь, как много слов томилось внутри, как много невысказанного. Точно из тюрьмы молчаливой угрюмости вылетали

взбунтовавшиеся слова.

Потом он провожал Силену к метро, и её рука лежала у него на локте, отвлекая.

— Ты, наверное, в центре живёшь?

— Что ты, я близко живу. Одна станция отсюда.

— Парковая, — кивнул он, и подумал, что будет драться с каждым из парковых пацанов за право гулять с ней.

— Нет. В другую сторону.

Тимур вскинул брови.

— Шутишь, да? В другую сторону станций нет.

— Есть, — сказала она без тени юмора в голосе. — Разве не слышал про Речной-3?

Он запнулся. В памяти всплыл далёкий августовский день, огромный рот с чёрными дёснами, жёлтые мерцающие окна.

— Это же байка, — выдавил он. — Детские сказочки.

— А ты был на том берегу? — её глаза странно блеснули, словно лёд отразил солнечные лучи. — Неужели никогда не хотелось переплыть реку и посмотреть, что за ней?

— За ней поля, — заявил Тимур уверенно. — Мои окна выходят туда.

Она пожала плечами, будто говорила: «на нет — и суда нет». У станции она вернула ему куртку.

— Ну, я пошла?

— Мы ещё увидимся? — задал он вопрос.

— Если захочешь. Пятый дом, восьмая квартира. Сегодня впервые к вам приехала, а так я всегда дома.

Силена наклонила голову на бок, и Тимур сообразил, что она ждёт поцелуя. Он коснулся губами родимого пятна. Кожа в этом месте была бархатистой и нежной.

— Ты не сказала, на какой улице.

— Сказала.

И она пошла к станции, манящая, лёгкая…

— Я приплыву! — крикнул он вслед, сам не зная, подыгрывает шутке, или говорит правду.

Она оглянулась, лицо её озарила улыбка:

— Зачем плыть-то? В двадцать три ходит поезд.

Силена исчезла, и он посмотрел на наручные часы. Циферблат показывал двадцать два пятьдесят пять. Тимур перевёл взгляд на поля, виднеющиеся за рекой.

«А ведь странно, что никто из нас в детстве не пытался туда попасть».

***

— Слышал байки про несуществующий мик-

рорайон?

Дядя Гриша, плотник, сплюнул в ладонь гвозди, которыми крепил обивку к гробу. Воззрился озадаченно на коллегу.

— Я думал, у тебя вообще языка нет.

Тимур пропустил его фразу мимо ушей.

Плотник вернулся к работе, но, после нескольких ударов молотка, сказал:

— Ты про Речной-3?

— Да, — равнодушно буркнул Тимур.

— А тебе зачем?

— Книгу пишу.

— Книгу, — дядя Гриша усмехнулся, показав пеньки сгнивших зубов. — Речной-3 — проект такой был. Хотели три одинаковых спальных района построить. Туннель копать начали на другой берег, но забросили. Что-то у них там случилось, под рекой, метростроевцы погибли, человек десять. Исчезли в каких-то подземных пустотах. При совке-то скрывали всё, никто правду не сказал. Ну, в итоге третий район остался на бумагах. Когда я сюда переехал, шутка такая ходила. Если кто пёрднул и не признался, говорят, это с Речного-3 приезжали и набздели.

Дядя Гриша расхохотался, закашлялся. Тимур подождал, пока утихнет приступ.

— Ты же рыбак, да?

— А то! В субботу с ночёвкой ездил. Щас расскажу, закачаешься. Сижу я, короче, в лодке…

Тимур перебил:

— А на том берегу ты рыбачил? Там ведь камыша меньше, людей. Был там вообще хоть раз?

Дядя Гриша почесал затылок трёхпалой рукой.

— Был… хотя, нет, не был. А нахрена? Чего мне делать-то там? Писатель Пушкин, чего ты вопросы дурацкие задаёшь?

Тимур промолчал. Зачиркал стамеской по древесине. Мысли витали далеко, и когда крышка гроба была готова, пришло озарение.

***

Мать удивилась, увидев его дома засветло.

— К чему бы это? Дружки все передохли?

Он был слишком погружён в раздумья, чтобы ответить на колкость.

Мать встала в дверях, наблюдая, как он обшаривает сервант.

— Потерял что-то? Совесть ищешь? Нет её там. Ты зарплату в дом приносить будешь? Я все деньги потратила, чтоб морду твою наглую заштопать, Маринке ходить не в чем, стыдно перед соседями. Куда магнитофон дел, скотина?

На шум пришла сестра. Стуча об пол китайским мячом-попрыгуном, она встала за матерью. Марина постоянно чем-то шумела: мячом, трещащей игрушкой-радугой, хлопающими пузырями жвачки, велосипедом «Школьник», и кажется, только Тимур сходил с ума от непрерывных сестриных звуков.

— Магнитофон у Лёши, дал полетать.

— Мозги ты свои полетать дал.

Сестра засмеялась, прикрыла рот рукой.

— Ну, что ищешь-то? Помогу хоть.

— Оставьте меня в покое, — отчеканил Тимур, перебирая свои школьные тетради и альбомы.

Мать, ворча, удалилась на кухню, сестра последовала за ней мерзкой прилипалой.

Альбом с фотографиями нашёлся под грудой календарей «Сад и огород».

Тимур принялся переворачивать толстые картонные страницы, шуршащую кальку. Вот отец перед отправкой в Афганистан, вот он же, усатый, красивый, обнимает маленького Тимку. Новый год, Тимка заглядывает в коляску с новорождённой сестричкой. Вся семья на фоне кинотеатра. Неожиданно вспомнилось, что ходили смотреть «Укол зонтиком» с Пьером Решаром. Мамин заливистый смех, заставляющий папу смеяться

сильнее, чем шутки из фильма…

Папа исчез с фотографий к середине альбома. Нужная фотка нашлась в конце.

Тимур выскреб её из фотоуголков и выбежал в кухню. Мама подавала на стол вермишель с котлетами. Маринка сидела тут же, невообразимо громко перемешивая в стакане персиковый порошок.

— Кто это? — Тимур бросил маме снимок.

Та вытерла руки о передник, приподняла на лоб очки. Всмотрелась в детские лица.

— Твой класс, конечно. Четвёртый. Вон Лидия Тимофеевна, царствие ей небесное. Вон ты в последнем ряду. Гляди, какая у тебя причёска хорошая была, как у человека. Нет же, бритый ходит, вылитый бандит…

Тимур ткнул пальцем в девочку, стоящую рядом с классным руководителем. Каштановые волосы, гигантские белые банты, коричневая форма.

— Это кто, с родимым пятном на щеке?

У мамы была потрясающая память, и сейчас она с лёгкостью отыскала имя. Но не Силена, как ожидал Тимур. Хотя без сомнения, на фото была запечатлена его вчерашняя знакомая.

— Алла Руднева, — уверенно сказала мама. —

Точно, Аллочка.

Тимур сел, налил в блюдо подсолнечное масло, посолил и окунул в него хлеб. Прожевав, спросил с деланным безразличием:

— Почему я её не помню?

— Так ведь она всего один год с вами училась.

Марина улыбнулась выкрашенными в «Зуко» губами:

— Любовь твоя, да?

— Пасть закрой, — шикнул Тимур и опередил мамино недовольство вопросом: — Она что, не местная была?

— Местная. У стадиона, по-моему, Рудневы жили. Она же пропала без вести. Горе такое. Пошла гулять и не вернулась. Десять лет бедняжке было. А ты почему интересуешься?

— Да так.

Он встал из-за стола.

— Пообедал, называется? А ну, быстро, котлету съел! Бестолочь!

— Собакам отдай.

В спальне он вытряхнул из томика Дюма пригоршню рублей. Маловато, но на одно свидание хватит. Маринка заглянула в комнату, звеня готовальней с циркулями. Он сжал кулаки. Почему эту шумную тварь не похитят, как прочих детей?

— А мы с мамой съедем, — сообщила сестра доверительно. — К тёте Вале. Без тебя. Тут работы нет. Только гробики делать и можно. Мама говорит, тебя всё равно зарежут скоро. Или сопьёшься, как остальные.

— Скатертью дорога, — тихо сказал Тимур, хлопая входными дверями.

На улице вечерело, молодёжь сходилась во дворы и детские садики, чтобы выпить псевдоголландский спирт или плодово-ягодное пойло. Звучал смех, перебиваемый хитами «Сектора Газа». Детвора палила по голубям из шпоночных рогаток.

Рядом со станцией находился холм, увенчанный гаубицей времён Второй Мировой. Когда между микрорайонами началась война, Тимур с пацанами повернули двухтонную махину стволом к Парковой. Мол, перчатка брошена.

Возле пушки Тимур и расположился. Лениво метая в землю складной нож, он то и дело поглядывал на купол станции. Перегон Парковая-Речная-2 был наземным, с холма Тимур хорошо различал служебные пути, выходящие с восточной стороны купола. Рельсы сворачивали к коробкам депо и ремонтным мастерским. Как говорится, поезд дальше не идёт. Ни в двадцать

три, ни в другое время.

— Что за бред? — пробормотал Тимур. — Она же развела меня.

Он извлёк из кармана сложенную вдвое фотографию. Прикоснулся к детскому лицу с розовой кляксой.

В половине одиннадцатого Тимур вошёл в вестибюль станции. Метро привычно пахло гидроизоляционной пропиткой и креозотом. Он устроился на лавочке, наблюдая за людьми. Представлял, какого размера гробы понадобятся для того или иного человека. Чьи семьи отвалят кругленькую сумму за ящик, а чьи предпочтут сэкономить на похоронах.

Стрелки подвешенных под потолком часов ковыляли к одиннадцати.

Состав прибыл без опозданий. Самый обычный поезд с плоской мордочкой и круглыми глазищами фар. Сине-зелёный, а вовсе не чёрный-пречёрный. Поезд выпустил пассажиров, но медлил отправляться в металлическую люльку.

Тимур встал и подошёл к открытым дверям пустого вагона.

«Меня просто выгонят оттуда», — подумал он.

Поезд загудел, и Тимур сделал шаг в его нутро. Двери закрылись, отрезая обратный путь. Состав

тронулся.

«Ну что ж, — решил Тимур, хватаясь за поручни, — хотя бы побываю в депо».

И поезд въехал в туннель.

***

Сначала за окнами царила абсолютная темнота. Потом он разглядел рыжую стену подземки в потёках воды, змеящиеся кабели, глубокие трещины. Запах ила проник в вагон, наполнил ноздри. Тимур крепче стиснул поручень, чувствуя себя посетителем рискованного аттракциона.

Поездка длилась три минуты — ровно столько, сколько нужно, чтобы преодолеть реку, которую легко переплыть, да никто никогда не переплывал. По крайней мере, с этого берега.

Медленно и величественно поезд выехал из туннеля. Распахнулись двери. Тимур шагнул на платформу и очарованно завертел головой. Станция находилась ниже уровня земли, о чём свидетельствовала высокая, уходящая вверх лестница. Лампы в плафонах давали скудное освещение. Тьма сгущалась в углах и подкупольном пространстве, где-то журчала вода, но следы запустения отсутствовали. Тимур постучал по колонне, убеждаясь, что перед ним мираж.

Ощутил холодное, шершавое, настоящее.

Поезд не двигался. Головной вагон погрузился в продолжение туннеля, и темнота спрятала таинственного машиниста.

Тимур прошёл вдоль состава. Шаги отдавался гулким эхом. Он стал взбираться по лестнице, выше и выше. Навстречу двум фигурам, замершим у турникетов.

Никто в Речном не посмел бы назвать Тимку Гроботёса трусом. Окрестные пацаны уважали и опасались его. И сейчас, поднимаясь по ступеням, он контролировал каждый мускул, готовый бежать, а если надо, сражаться. Но капля холодного пота всё же скатилась по его пояснице.

Две пары глаз уставились на гостя. Во взглядах сквозила неприкрытая враждебность. Женщина, судя по одежде, дежурная или диспетчер, куталась в шерстяной платок, так что открытой оставалась лишь верхняя часть лица. Бровей не было, надбровные дуги полукругом нависали над глазными впадинами.

Человек в милицейской форме был именно «человеком в милицейской форме», а вовсе не настоящим милиционером. Одежда висела на нём, как на огородном пугале, фуражка норовила соскочить с яйцевидного лысого черепа. Кожу

мужчины покрывал тонкий слой лоснящейся слизи. Рот представлял собой широкую складку плоти, и Тимур не хотел знать, что она скрывает.

Лже-милиционер живо воскресил в памяти встречу с великаном из рогоза.

Тимур, как ни в чём не бывало, прошёл мимо парочки. Его не остановили.

Стену слева украшал барельеф. Он успел заметить счастливых пионеров, марширующих за высокой безобразной фигурой. Понимая, что парочка провожает его взглядами, он не стал задерживаться у стены. Распахнул створки дверей и очутился на улице.

Озарённые полной луной, перед ним высились новостройки, те самые, из далёкого детства. Монолиты темноты, притворяющиеся панельными домами. Ни в одном окне не горел свет.

Тимур повернулся к станции. Гранитные буквы над входом гласили: «РЕЧНОЙ-3».

«Добро пожаловать», — мрачно подумал Тимур и зашагал по аллее.

Тишина давила на барабанные перепонки. Лай собак, пьяные выкрики, музыка остались на том берегу. Он один был источником звука: дышал, точно к диафрагме подключили усилители, топал слоновьими ногами по плитам. Столько шума

не издавала и Маринка в минуты вдохновения.

Пейзаж был самым обычным. Тропинка, ведущая между домами, гаражи-ракушки, голые деревья, электрические будки с «невходитьубьёт», ржавая карусель….

И всё же Тимура не оставляло ощущение, что он ходит среди декораций, что вещи вокруг нефункциональны, а лишь кажутся таковыми.

«Речной-3, 22» — прочитал он адрес на здании. Первый этаж дома был выделен под гастроном, здесь же висела табличка: «ГЛААКИ».

Резкий шум выпотрошил тишину. Пронзительный писк невидимой гигантской мыши донёсся издалека, струной натянулся в воздухе и сошёл на нет. Тимур завертелся, ожидая удара в спину, но микрорайон вновь укрылся мхом тишины. Словно истошный писк почудился ему.

Двери «ГЛААКИ» были приглашающе открыты.

— Вы меня не напугаете, — сказал Тимур кому-то и вошёл в магазин.

Эффект нормальности присутствовал в полной мере. Овощной отдел, колбасный, кондитерский, соки и воды. Но чем дольше гулял Тимур по безлюдному магазину, тем больше странностей замечал. Львиная доля товара была порченой.

Капуста завяла, картошка зацвела, от прилавка с колбасами исходил характерный сладковатый аромат. Холодильники то ли выключены, то ли сломаны, бутылочки с лимонадом покрылись пылью. Алкогольная и табачная продукция отсутствовала. Зато было много сладостей. Сваленные в кучу пастила, зефир, вафли, батончики «Tupla», «Wispa», сушёные бананы.

Тимуру пришла в голову мысль, что всё это украли или подобрали на помойке, прежде чем принести сюда.

— Тебе чего?

Продавщица, выползшая из подсобного помещения, застала его врасплох. Она напоминала жабу, которую малолетние садисты надули воздухом через соломинку. А ещё она могла быть родственницей лже-милиционеру и лже-диспетчеру. Такие же глубоко посаженные глаза под гладкими надбровными дугами, складки плоти вместо губ, такой же влажный блеск кожи. Прозрачная плёнка киселя покрывала жабье лицо и руки, поправляющие парик.

— Как ты тут оказался?

Она смотрела на посетителя так, будто он был облезлым котом, забредшим в порядочное заведение.

— Я здесь по делам, — не моргнув, ответил Тимур, и добавил: — Есть портвейн? «Три топора» или вроде того?

Кожистые складки рта расползлись в ухмылке.

— Вот оно что! Вот что за дела!

Голос продавщицы чавкал, как болото с кикиморами.

Она наклонилась, пошарила под прилавком. Извлекла пыльную бутылку с чернильно-чёрным содержимым без этикетки. Наличие этикетки не имело никакого значения для парней с окраин, но вот глиняная пробка Тимура озадачила.

Он высыпал на стол мелочь и пару мятых купюр. Цена за ординарный суррогат продавщицу устроила.

Она сгребла деньги и произнесла:

— Не заблудись, Орфейчик.

Выйдя из магазина, Тимур взглянул на часы. Циферблат «Электроники» был пуст. Он встряхнул запястьем, нажал на кнопочки — тщетно. Луна ехидно скалилась с небес, микрорайон по-прежнему безмолвствовал. Тимур поспешил по тропинке, читая таблички: дом 16, дом 14, дом 12…

Пройдя арку, он очутился в замкнутом кольце новостроек. Посредине располагалась детская

площадка, пара турников, кривая горка. На краю песочницы сидела маленькая девочка в белых колготках и дутой куртке. Лицо её пряталось в тени.

Тимур приблизился к девочке, мысленно рисуя её обличье: без бровей и волос, с мокрой кожей и широкой полоской уродливого рта. Но луна осветила песочницу, и он разглядел миленькое личико, детские глаза, полные слёз. Малышка лет девяти наматывала на пальчик проволоку и всхлипывала.

— Почему ты одна? — спросил Тимур осторожно. — Что случилось?

Девочка утёрла слёзы кулачком и посмотрела на незнакомца. В её зелёных глазах он увидел проблеск надежды.

— Ты поможешь мне?

— Конечно. Разреши.

Тимур деликатно забрал у девочки проволоку. Она не противилась. Конец проволочного мотка крепился к изогнутой спице, уколоться ею было проще простого. Он отбросил опасный предмет в темноту.

— Это не игрушки, — сказал он и присел на корточки рядом с песочницей. — Я помогу тебе.

Девочка робко улыбнулась.

— Мой пёсик сбежал. Его надо поймать.

Тимур подумал, что несколько минут назад слышал тихий собачий скулёж, доносящийся из кустов. Первый звук после кваканья продавщицы и жутковатого писка.

— Я найду твоего пёсика, но ты пойдёшь со мной.

— Он рыжий, — вздохнула девочка. — Мне его папа привёз с того берега. Я хотела играть с ним. Я хотела, чтоб он был моим другом.

— Я буду твоим другом, — Тимур положил руку на плечо малышке.

Та больше не плакала, а улыбалась, рассматривая свои пальчики.

— Папа дал мне железную ниточку, — доверительно пролепетала она. — Я хотела зашить пёсику ротик и глаза, и проколоть ушки. Но он убежал от меня…

Тимур отпрянул. Его поразили не столько слова девочки, сколько дьявольский блеск, загоревшийся в её глазах. Настроение ребёнка изменилось, как меняется картинка на стереооткрытке. Он передумал быть другом для неё.

— Ты поможешь мне вернуть пёсика? — девочка глядела снизу-вверх, ухмыляясь.

— Я не…

Писк, высокий, звенящий, выворачивающий наизнанку, прервал его. Одновременно вспыхнуло окно на пятом этаже дома, жёлтое окно. Невыносимо громкий звук летел из распахнувшейся форточки.

Девочка вскочила, радостно захлопала в ладоши.

— Это мой папа! — сказала она и помчалась к подъезду завизжавшей высотки. — Мне надо покормить папу!

Тимур заткнул уши и наблюдал, как девочка скрывается в недрах дома. Прошла целая вечность, прежде чем писк затих. Свечение погасло, и дом погрузился в сытую тьму.

«Я не отступлю», — сказал себе Тимур.

Конечная цель, дом №5, отыскался в примыкающем дворе. Тимур вычислил нужную квартиру, но сперва откупорил бутылку и сделал глоток. Портвейн был сладким и дорогим на вкус. Ничего общего с «топорами» или «Агдамом». Густая жидкость разлилась по венам, добавила уверенности.

Он сложил ладони рупором, позвал:

— Силена! Силена, это я!

Окно на втором этаже приоткрылось, и он услышал:

— Я сейчас!

Её голос. Без сомнений, её.

Она выпорхнула из подъезда спустя минуту. Та же одежда, тот же пьянящий запах. Бросилась в его объятия, поцеловала. Мягкие девичьи губы слились с его губами, и сердце Тимура ускорило бег.

— Я боялась, ты не придёшь.

Она нежно коснулась шрама на его щеке. Он перехватил её руку. Мизинец Силены, вернее, фаланга, оставшаяся от мизинца, была перебинтована.

— Кто это сделал? — прохрипел он.

Силена отвела взор.

— Ерунда…

— Ерунда? У тебя нет пальца!

— Я не должна была идти на дискотеку, — произнесла Силена печально. — Мама послала меня найти братика или сестричку. Я стала слишком старой, чтобы кормить маму. Мама пересыхает, ей нужны новые детки. Я глупая, я никого не привела, и мама узнала про танцы…

Пока она говорила, Тимур жарко целовал её изуродованную кисть.

— Мама сказала, чтобы я сама выбрала наказание. Я попросила отрезать мизинец, чтобы быть

как ты… Теперь мы похожи, правда?

— Она тебе не мама, — прошептал Тимур. — Она… монстр!

— Не смей! — замотала головой Силена. — Не надо…

— Что это за место? Кто эти люди?

— Родители, — ответила Силена с преданностью и восхищением. — Последние праведники. Дети Отца Дагона и Матери Гидры. Те, кто вылизывают полную луну, чтобы она блестела. Кормящиеся из города Между.

Он заставил её отпить из бутылки. Насильно влил в горло густую сладость.

Она закашлялась:

— Тимка, мне нельзя.

— Теперь тебе всё можно. Ты пойдёшь со мной. Убежим отсюда, убежим из Речного, из всех Речных… Будем жить в деревне, далеко, вместе…

Она улыбалась непонимающе:

— Бросить маму? Предать её? Тимка, о чём ты?..

Знакомый визг хлестнул по спящему двору. Свихнувшаяся сирена выла из окон второго этажа. Силена затравленно оглянулась. Жёлтое мерцание призывало её.

— Мама проголодалась! — прокричала она,

заглушаемая надрывным требующим голодным рёвом. — Уходи! Я совершила глупость! Я знала, ты не так меня поймёшь…

Она кинулась к подъезду.

— Алла!

Девушка застыла у входа, как соляной столб.

— Алла Руднева!

Он подошёл к ней, заставил повернуться. Поднёс к её лицу групповую фотографию.

— Это я, смотри! А это ты! Алла Руднева! Алла Руднева!

Сирена сводила с ума, вкручивалась в уши дрелью. Мешала думать. Но что-то промелькнуло в синих глазах Аллы-Силены.

Она нехотя оторвалась от снимка, отступила в темноту подъезда.

— Кормить, — отрывисто произнесла она. — М-маму…

Он обхватил голову руками, умоляя, чтобы наступила тишина. Визг оборвался, оставив липкий шлейф эха. Свечение в окне погасло.

— Она моя! — сказал Тимур притихшему микрорайону.

Сказал так, словно повернул гаубицу стволом в рожу Речному-3.

И вошёл во чрево подъезда. Пробираясь сквозь

тьму, перепрыгивая ступени, он достиг второго этажа и увидел приоткрытую дверь. Из щели лился жёлтый свет, не такой яркий и голодный, как прежде, но он помогал различать дорогу.

Тимур шагнул в квартиру, миновал коридор и оказался лицом к лицу с источником свечения. С мамой.

Она была в два раза крупнее тех, кого он встретил в Речном-3 сегодня. И имела ещё меньше сходств с человеком. Лысый череп раскачивался взад-вперёд, разбухшая туша едва умещалась на диване. Белые груди подрагивали и лоснились. Свет источала кожа, точнее, слизь, выделяющаяся из неё, а также жёлтые глаза, наполовину закатившиеся под веки. Рот твари был открыт, из него свисали языки, целая гроздь толстых мышц, они двигались, переплетались жгутами, липкие щупальца, покрытые крошечными сосочками.

Потрясённый, Тимур не сразу увидел Аллу. Она сидела на полу, привалившись к толстым ногам матери, её голова была откинута на колени твари, волосы, обычно зачёсанные направо, сбились в другую сторону.

Под волосами зияла дыра. Кусок височной кости отсутствовал, и в страшной прямоугольной

полынье пульсировал голый мозг девушки, серый и сырой.

Языки трогали его, деловито сновали по поверхности, облизывали, впитывали, выискивали что-то в бороздках, проникали вглубь. Но не убивали. Алла была жива, её зрачки закатились, как и у жирного чудовища, воздух судорожно вырывался из лёгких.

— Хватит! — заорал Тимур во всё горло и швырнул в кормящуюся тварь початой бутылкой.

Стекло раскололось, портвейн залил гладкую морду. Языки резко втянулись в пасть. Жёлтые, полные ненависти глаза, уставились на Тимура.

— Орфей, — прошипела тварь, отталкивая несчастную Аллу. С невероятной для её пропорций ловкостью, мама соскочила с кровати. — Во имя Дагона и Матери Гидры, ты сдохнешь!

Короткие лапы в складках шкуры потянулись к Тимуру. Он опередил существо.

Нож, посланный отработанным движением, впился в переносицу монстра. Рукоять затрепетала между ядовитых, постепенно угасающих глазок. Тварь покачнулась и тяжело рухнула на пол.

Тимур перескочил через тушу:

— Алла!

Она разлепила веки, сонно посмотрела на него. Обнажённый, не отличимый от говяжьего, её мозг покрылся испариной, как росой. Тимур пытался не думать об этом.

— Ты сможешь идти? — задал он глупый вопрос девушке с трепанированным черепом.

Но она кивнула:

— Могу.

И сказала, схватив его за локоть:

— Лидия Тимофеевна…

Он посчитал, что она бредит, но в подъезде его осенило:

— Лидия Тимофеевна! Наш классный руководитель! Ты вспомнила!

Она слабо улыбнулась.

Поддерживая Аллу, Тимур вышел на улицу. Луна зорко следила за беглецами, не упускала из виду. Насмехалась.

Тимур подумал:

«Как там Силена назвала тварей? Те, кто вылизывают полную луну, как-то так. Дети Гидры…»

Он старался идти тихо, боясь потревожить микрорайон. Словно продирался через вольер с дремлющим хищным зверем.

Ноги спутницы заплетались, волосы прилипли к содержимому черепной коробки, голова

безвольно падала на грудь. Во дворе, где Тимур встретил девочку, потерявшую пёсика, Алла окончательно лишилась сил. Он подхватил её на руки. Понёс хрупкое тело к тёмной арке.

Чёрные монолиты высоток внезапно потеряли очертания, поплыли. В них, как на засвеченной киноплёнке, расползались светлые дыры, появлялись сквозные червоточины. Дома таяли, лишались форм. Плиты под ногами стали прозрачными, и Тимур увидел примятую сухую траву. Увидел реку прямо за испаряющимся зданием.

Боль ослепила Тимура. Невыносимая боль выкрутила щёку винтом. Он закричал, но Силена снова вонзила зубы в его лицо, в шрам, оставленный цепью парковского пацана давным-давно. Она жевала мясо остервенело, и даже когда он выпустил её, она повисла, удерживаясь зубами за рвущуюся кровоточащую щёку. Он оттолкнул её. Силена распласталась на асфальте, её красные губы дрожали от ярости.

— Ты убил мою мать, — прошептала она. — Кто теперь захочет кормиться мной?

Он потянулся к ней:

— Нет, Алла, нет!

Она завизжала. И дома ответили. Дома завиз-

жали в унисон. Одновременно вспыхнули все окна. Речной-3 проснулся. Сотни прожорливых глоток исторгли крик, соединившийся в звуковом торнадо.

Из жёлтого света полезли бледные твари, родители, дети Дагона и Гидры. Они ползли по отвесным стенам, прыгали вниз, вертели головами. Они нюхали воздух. Выблёвывали извивающиеся щупальца. Языки лизали землю, розовыми бородами стекали с подбородков.

— Убийца здесь! — крикнула Силена и указала на Тимура.

Он попятился. Прочь от дикого блеска её синих глаз. Он побежал.

За спиной ревела озверевшая стая, зловонное дыхание погони обжигало затылок. И не было старого рыбака, который бы свистнул, отогнал бы речников.

Тимур перепрыгнул через ограду, пересёк школьный двор, где детей учили… чему? Лучше не думать об этом.

Река плескалась за забором из рабицы. Он вскарабкался по сетке и очутился на пляже. Подошёл вплотную к воде. Он увидел на противоположном берегу потрясающий мираж, коробки панельных домов, его родной микрорайон. Он

увидел собственный дом и отыскал своё окно. Маринка, вредная, шумная, глупая, конечно, спала. Но в маминой комнате горел свет. Что она делает так поздно? Собирает вещи, чтобы уехать из Речного? Тимур надеялся, собирает.

Он посмотрел через плечо. Стая уже взбиралась по забору, хлестали языки, пылали глаза.

У него в запасе было секунд десять.

Он потратил их на то, чтобы ещё раз увидеть окно материнской спальни. Бесконечно далёкий огонёк.

И когда они навалились сзади, Тимур не зажмурился.

Нахурлинтц
Кирилл Свидельский

Раньше я никогда не боялся темноты, но сейчас она сводит меня с ума, словно сжимает кольцо вокруг меня, и лишь маленькое пятно света монитора отделяет наш мир от безграничного ужаса. Я не могу спать, даже днем при свете солнца, такого редкого здесь, я все равно не могу чувствовать себя в безопасности. Возможно, если я расскажу кому-то, если я оставлю свою историю, то он, наконец, оставит меня в покое или покончит с моей бессмысленной жизнью. Оба варианта будут лучше, чем постоянный страх.

Мои мысли сбивчивы, но я постараюсь рассказать эту историю столь понятно и последовательно, насколько вообще можно говорить понятно и последовательно о подобных вещах. И для начала, пожалуй, я должен рассказать немного о городе, что стал для меня вратами в этот кошмар.

Никогда не стоит верить названиям городов, и Сан-Сити лучший тому пример — расположенный на морском берегу, покрытый туманами,

раздавленный свинцовым небом, пребывающий в состоянии бесконечной холодной и серой осени более чем половину года, он становится еще мрачнее, когда углубляешься в его историю, полную насилия, безумия, а порой и откровенной мистики.

Я выбрал Сан-Сити не зря, число странных происшествий, городских легенд и мрачных слухов, что ползают по его улицам от элитных апартаментов вроде Хэвен Бей до грязных Кингс Лейн или Квартала Праведников, что ежедневно дают газетам по новому жестокому убийству. Даже мирные пригороды, такие как Медоу Хиллс иногда потрясают вас чудовищными событиями, что происходят на подстриженных газонах их аккуратных двориков.

Но читатель может возразить мне, ведь каждый большой город полон преступности и у него, естественно, есть свои темные страницы истории и пугающие легенды. До того, как углубиться в мрачные недра Сан-Сити, я думал также. Я занимался изучением городских легенд много лет, в большинстве своем, двинешься ли ты на запад или спустишься в лесистые земли юга, легенды будут повторяться, и лишь изредка можно будет найти что-то новое и полное местного колорита.

В Сан-Сити все иначе, его истории мало похожи на другие истории Америки, потому он стал для исследователя настоящей золотой жилой. О его парке или университете можно было бы издавать отдельный сборник, но я не хотел ограничиваться поверхностным сбором материала, потому стремился к темному сердцу многих историй, и снова и снова встречался с одним и тем же словом — Нахурлинтц.

Начиная с граффити на стенах и заканчивая упоминаниями на интернет-форумах, этот странный феномен (существо ли? тогда я не мог сказать точно), был своего рода тайным культом города, тем, о ком многие знают, но мало кто решается говорить в открытую. Большая часть обрывочных материалов о нем сводилась к следующим двум постулатам — Нахурлинтц есть страх и тот, кто ищет его, тот всегда его находит.

Со временем я стал одержим этим словом, моя давняя тяга к тайнам и ужасам заиграла совершенно новыми краскам, ведь я мог прикоснуться к истории, в сравнении с которой рождественская бойня, зверские убийства в трущобах, резня в Медоу Хиллс, легенды о призраках, что бродят в стенах городского университета, все это, не говоря уже о стандартных однообразных городских

легендах Америки, совершенно не выглядело пугающим.

Нахурлинтц же вызывал порой во мне те же чувства, что в детстве вызывала страшилка, хорошо рассказанная у костра, слухи о Нахурлинтце были наполнены чистым и ничем незамутненным детским страхом перед неизвестностью, что делает спину липкой и заставляет прятаться с головой под одеялом от каждого шороха. Я вел поиски истоков этой истории долго, несколько месяцев я штудировал форумы, библиотеки и, наконец, архивы Университета Кипера, пока не нашел нужную мне зацепку.

Оказалось, что более тридцати лет назад легендой занимался один из профессоров университета, вероятно, его тяга к мрачным тайнам была так же сильна, как и моя. Его исследование, посвященное одной из главных мифологем города, было почти закончено, но Томас Элридж (так звали этого человека), чем глубже погружался в свои исследования, тем глубже погружался в депрессию, а затем, как писали его коллеги, и в безумие. В итоге Элридж покончил с собой, бросившись под поезд метро, а его работа так и не была опубликована.

Судя по обнаруженным мною материалам,

ее черновики хранились у его жены, Аманды Элридж, что после его смерти стала затворницей и до сих пор вела уединенный образ жизни в своем особняке. Найти ее адрес и телефон оказалось совсем не трудно. Я предполагал, что пожилая дама (к моменту нашего разговора ей уже было за восемьдесят), будет немного странной, но, позвонив ей и поинтересовавшись работой ее мужа, я получил в ответ настоящую истерику.

Женщина была явно не в себе, единственное, что я смог понять из ее долгого и эмоционального монолога, было то, что никто не должен не только касаться исследований Томаса, но даже заходить в его кабинет, если не хочет закончить так, как ее муж. Этот разговор оставил меня в некоторой растерянности.

Естественно, мне следовало бросить эту тему, или, по крайней мере, поискать другие источники, но Нахурлинтц стал моим наваждением, настоящей манией, потому, понимая, что от миссис Элдридж ничего не выйдет добиться уговорами, я решился на отчаянный шаг — проникнуть в ее особняк и хотя бы взглянуть на документы в кабинете ее мужа.

***

Это была самая темная ночь из всех, что я когда-либо видел, ни одной звезды на небе, ни одного горящего окна, ни одного фонаря. Особняк затерялся где-то на границе между благополучными районами и трущобами, словно забытый всем остальным городом. Вокруг не было ни души, лишь дома, вероятно уже давно не жилые, нависали над узкой улочкой, ни один звук не колебал свежий октябрьский воздух.

Дверь, конечно, была заперта, и я, не имея никакого предварительного плана, стал двигаться вокруг здания в поисках лазейки, что помогла бы мне проникнуть внутрь. И лазейка не заставила себя долго ждать — над черным ходом я заметил открытую ставню окна, а влезть на козырек, а оттуда в окно не составило ни малейшего труда.

Дом словно сам приглашал меня войти.

Я оказался в коридоре второго этажа, стены были покрыты темной драпировкой, а между тяжелыми деревянными дверями висела пара картин, столь пыльных, что, даже осветив их взятым с собой фонариком, я не смог понять, что же на них изображено. Я двинулся вглубь дома, тихо и медленно, стараясь не издавать ни звука, почему-то я был уверен, что кабинет располагался не здесь, а на третьем этаже. Мне сложно сказать,

откуда у меня была такая уверенность, тогда казалось, что я узнал это, пока рылся в архиве, но теперь я понимаю, что в архиве не было, да и не могло быть такой информации.

Лестница на третий этаж располагалась в конце просторной комнаты, похожей на гостиную, где я задержался на мгновение, осматривая странный интерьер. Помимо чудной лампы, напоминающей уличный фонарь, и стоящего под ней кресла-качалки, в комнате не было иной мебели, зато стены сплошь были покрыты рисунками, небрежными, словно нарисованными детьми (хотя я точно знал, что детей у Элриджей не было), газетными вырезками, старыми открытками и просто странными знаками, нарисованными на обоях.

Вероятная старая Аманда совсем сошла с ума от одиночества, подумал я.

Решив не тратить время на более подробное изучение стен, я двинулся вверх по лестнице, туда, где как я был уверен, располагался кабинет. Ступеньки под моими ногами скрипели, но я надеялся, что хозяйка не проснется от этих тихих звуков, отступить я уже не мог, внутри меня все клокотало от ожидания соприкосновения с истоком легенды.

Я сразу понял, что кабинет передо мной, когда поднялся, все говорило, что это главная комната в доме — тяжелые двери с резными ручками почти приглашали прикоснуться к ним и войти. Внутри кабинета было пыльно и пусто, как собственно и в остальном доме, в нем располагались только пара застекленных шкафов с книгами, кресло, немного напоминавшее трон, да старый и как-то нетипично для массивности всего в этом доме ветхий письменный стол. Если где-то Элридж и хранил черновики своего исследования, то именно в нем.

В каждом ящике стола было множество папок с бумагами, внутри которых царил такой же форменный хаос, что и на стене комнаты внизу. Я не могу сказать, сколько времени потратил на копание в них, прежде чем понял, что необходимой мне работы там нет. Но я не мог уйти, и это был даже не вопрос разочарования, я просто чувствовал, что нечто необходимое мне есть в этой комнате.

Я осмотрел стол еще раз, в том числе и сами его ящики, не составило труд найти самый неглубокий из них, а затем и открыть его второе дно. Сердце отбивало у меня в груди барабанную дробь, внутри секретного дна ящика лежала пап-

ка с большой надписью на ней неаккуратным, словно писали дрожащей рукой, почерком — «Нахурлинтц».

Мои руки тоже тряслись, не знаю, испытывал ли я раньше в своей жизни такой силы предвкушение. И разочарованию, последовавшему за ним, не было предела. Внутри папки было около тридцати листов бумаги, каждый из которых был исписан с обеих сторон мельчайшим, принадлежавшим тому же человеку, что подписывал папку, почерком. И там, занимая практически все пространство, так, что некуда было вписать даже букву, было только одно слово — «Нахурлинтц».

Похоже, старик действительно сошел с ума, если это и было его грандиозным исследованием.

Я постоял, глядя на эти каракули около минуты, затем загрузил все обратно в ящики стола, не слишком заботясь об аккуратности, и, ругаясь про себя, вышел из кабинета. Все не могло вот так закончиться, не могло быть зря, я чувствовал, что что-то еще должно произойти. Лучше бы я ошибался.

Внизу горел свет. Под лампой, напоминавшей фонарный столб, в кресле-качалке сидела женщина, бледная, словно призрак, с усталым

осунувшимся лицом, глубоко запавшими темными глазами и тонкими, словно паутина, белыми волосами. Она смотрела на меня, сквозь меня, внутрь меня, и мне кажется, что в ее глазах я видел только жалость.

— Ты уже видел, да. Ты уже знаешь про Нахурлинтца? — ее слова, хоть и тихие, словно отражались от стен, разносясь по всему дому.

— Нет, я ничего не нашел. Там ничего нет. — Я, не сводя со старухи глаз, пятился в направлении коридора, откуда пришел. — Я не знаю ничего, там было написано только одно слово.

— Этого достаточно. Бедняга, я ведь пыталась тебя защитить.

Я хотел повернуться и рвануть к окну, но некая невидимая сила подхватила меня, подбросила почти к потолку и оставила висеть в воздухе.

Старуха закрыла глаза. Скрип кресла-качалки затих. Я не слышал даже ее дыхания, не слышал вообще ничего, словно оглох или весь мир погрузился в вакуум. Мои суставы стало странно выкручивать, совсем не болезненно, даже наоборот, словно менялось не мое тело, а само пространство и я вместе с ним.

Стены пульсировали, сквозь фотографии, рисунки и странные символы на меня смотрели

тысячи глаз, и я знал кто они — они были героями историй, всех темных тайн и страшных легенд Сан-Сити, они смотрели на меня, сквозь меня, внутрь меня, и я знал их истории. Ужасные. Жестокие. Мерзкие. Извращенные. Совершенно безумные. Но все еще не достаточно страшные.

Нахурлинтц ждал меня. Этот поток информации лился в мой мозг, я не знаю долго ли, возможно мгновение, возможно сотни тысяч лет, но когда он иссяк, я еще не был безумен, я все еще был прежним собой.

Но потом нечто дернуло меня, и потащило над лестницей и через коридор к кабинету, во тьму. Сквозь стены коридора на меня смотрели новые глаза, полные немого крика, и я узнавал и их истории, тысячи историй, слишком много, чтобы запомнить, слишком много, чтобы забыть. Я несся с невероятной скоростью, коридор казался бесконечным туннелем, состоящим из безумных кричащих глаз, но и он все же закончился, и я оказался в кабинете, в самом сердце тьмы.

В нем не было звука, не было света, возможно, не было даже самого времени, лишь бесконечное темное пространство, потолок и необъяснимая возможность видеть то, что сочилось сквозь него. Нахурлинтца.

Он был эфемерен, но при том бесконечно тяжел, темная морщинистая масса, жидкая, вязкая, пульсирующая, постоянно меняющая форму и стремящаяся вниз. Не состоящая из плоти, но все же покрытая обвисающими складками, словно дряблая кожа. Из этой массы в бесконечную тьму и в бесконечность кричащих глаз взирали несколько его глаз, пустых, белесых, окруженных глубокими морщинами.

И из этой странной неописуемой гротескности, сочащейся с потолка в наше пространство из некого невообразимого небытия, ко мне тянулся его хобот, длинный и покрытый складками, раскрывающийся на конце, словно бутон цветка.

Я чувствовал ледяное прикосновение этого отростка к своей шее, хотел кричать, но в этом мире, словно в ночном кошмаре, не было звуков, хотел оттолкнуть его от себя, но мое тело парализовало от ужаса. Тот, кто ищет Нахурлинтца, всегда его находит, и я не был исключением. Я узнал, что такое Нахурлинтц — он был самим страхом.

***

Я не знаю, сколько пробыл там и как выбрался оттуда, серым туманным утром я брел по ули-

це, повторяя его имя иссохшим языком. После, немного придя в себя, у меня была мысль вернуться в особняк Элриджей и еще раз поговорить с Амандой, но потом мне стало ясно, что это бессмысленно — я знал, чего хочет Нахурлинтц и без нее, а ничем другим эта несчастная старая женщина помочь мне все равно не могла. Я нашел то, что искал, и теперь мне просто нужно существовать с этим.

Я не могу быть среди людей, боясь увидеть в толпе знакомые мне кричащие глаза, чью историю я уже знаю, но не могу быть и один, так как остаюсь наедине со своим ужасом. Я не могу спать, каждый раз, когда я смыкаю веки, чувствую ледяное прикосновение его хобота, и хочу кричать, и теряю голос, и тело мое парализует от ужаса. Я боюсь темноты, ведь он может сочиться в наш мир из каждой тени. Я никогда не остаюсь один, каждое мгновение он смотрит на меня, прикасается ко мне своим холодным хоботом и требует, чтобы я рассказывал его историю.

Знание это приговор, и единственное, что я могу сделать в этой ситуации это делиться им, сделать так, чтобы все узнали о темных тайнах Сан-Сити. И я буду рассказывать истории этого го-

рода, прячась в пятне света монитора и чувствуя на своей шее ледяное прикосновение страха.

Нахурлинтц любит истории, он сам история, и потому имя его никогда не забудется на улицах Сан-Сити, в граффити на его стенах, в пыльных документах в его архивах, на интернет-форумах для сумасшедших, в ночном шепоте стариков и детских считалках.

Теперь я знаю все его истории и потому никогда больше не смогу спать и не видеть снов.

Тёмная сторона творчества Александр Лещенко, Марина Румянцева

****

Антон
****

Она мне нравилась. Красивая. Не похожа на остальных. Вот вроде бы ничего особенного, а глаз не оторвать. Люблю её лицо. И длинные чёрные волосы. Как она одевается, двигается. Больше всего люблю её улыбку.

Но она ещё ни разу не улыбалась взаправду.

Мне очень хотелось нарисовать её. Тем более, что Зоя Павловна настоятельно рекомендовала заняться творчеством. Дескать, оно помогает снять стресс, привести мысли в порядок… но я так давно не брал карандаш в руки, что, кажется, забыл, какой стороной рисуют. Сидел вечера напролет перед чистым листом бумаги, не в силах что-то из себя выдавить. И вдруг она. Странно, что я не заметил её с самого начала.

Со вздохом водил карандашом по бумаге. Серые протяжные линии. Бесконечно бегут, соединяясь

друг с другом. Грифель крошится, чертя дорожку на листе. Обожаю это: когда на белой, абсолютно чистой бумаге появляется первый след карандаша. Это магия.

Рисовал до полуночи, зато впервые уснул. Без кошмаров, без ночных пробуждений в поту, без криков. Без боли в отсутствующей ноге.

****

Женя

****

Зоя Павловна говорит, что творчество лечит. Как-то не особенно в это верю. Вот напишу сейчас: «У Жени появился новый глаз». Так не появится же.

Не знаю, зачем вообще хожу в группу психологической помощи, может, нравится слушать истории тех, кому в жизни пришлось хуже, чем мне. Успокаивает. Кто-то, вон, в аварию попал, ноги лишился, а у меня… подумаешь, неудачная операция по улучшению зрения, подумаешь, глаз удалили.

Ещё, конечно, есть этот паренёк, который недавно пришёл. Наверное, я старше его лет на пять, но такое впечатление, что на все двадцать пять. Он всё телефон из рук не выпускает,

вроде говорил, что любит фотографировать. Впрочем, как выяснилось, его интересуют не только фото. Давно на меня так никто не смотрел. Приятно. Максим, так его зовут. Вполне симпатичный.

Зоя Павловна заметила его интерес ко мне, намекнула, что мы с ним можем встречаться и вне группы. Вот же старая сводница! Что ж, может быть, может быть. Мне ведь ещё и тридцати нет.

В любом случае, я теперь снова могу писать. Сделала уже два рассказа: один эротический, другой страшный. Да и к тебе опять вернулась, мой Дневничок. Но главное, что прекратили сниться кошмарные сны с глазами.

****

Алиса

****

Корявые пальцы, словно ветки, кажется, согни и сломаются. Уродливые шрамы фиолетовой лентой бегут через всю руку. Мерзость.

Алиса одевает перчатку, прячет руку в карман и долго смотрит в окно на театр. На потерянный, теперь навсегда, мир.

Уступив навязчивым просьбам, полгода назад Алиса записалась в группу психологический помощи. Сначала с неохотой, но чем дальше, тем

больше… И вот, через полгода, Алиса поняла, что жить не может без этого. Если вечером она пропускала занятия, если не говорила с Зоей Павловной, то не могла уснуть, ходила подавленная, заламывая руки. Алисе казалось, что только психолог удерживает её от нервного срыва. Ох, как не хотелось оказаться на краю. Снова.

А вчера Алиса открыла фортепиано. Впервые с того дня. Откинула крышку и даже прошлась по клавишам.

Зоя Павловна настойчиво просила играть.

— Творчество — единственное, что способно вырвать нас из небытия. Вернуть душе правильный, естественный настрой. Поэтому, если у кого-то из вас есть давнее хобби, обязательно продолжайте, или вернитесь к тому, что бросили. Хорошо делать то, что уже умеешь. — Она улыбнулась. — Как только будете готовы, обязательно расскажите группе.

Алиса не чувствовала, что готова.

— Привет.

Опять этот мужчина. Последнее время не даёт ей прохода, но сегодня Зоя Павловна коснулась её рукава, убеждающе кивнула едва-едва, и Алиса согласилась поужинать с ним. С Антоном.

Как и ожидалось, она откровенно скучала.

Антон что-то бормотал о работе, о первых впечатлениях от группы и прочая, прочая, но тут…

— Что?

— Хочу нарисовать тебя.

— Зачем? Почему?

— Ты очень красивая. У тебя такое лицо… Правильное, что ли. Не могу объяснить, но, когда вижу тебя, руки сами тянутся к карандашу. — Антон порылся в рюкзаке — Вот, смотри.

Алиса протянула руку, взяла лист.

— Ну как? — Его глаза горели, щёки пылали от смущения, но весь вид говорил о решительном настрое.

«Творческая горячка».

Алиса брезгливо дёрнула уголками губ, заталкивая чувства поглубже, убеждая себя, что ничуть не завидует такому его восторгу, азарту. Она-то сама не испытывает его уже очень давно…

Но стоило ей перевести взгляд на рисунок, как всё померкло.

Бывает, одного взгляда на картину достаточно, чтобы понять: моё. Лишь взглянешь, и щемит сердце. И не сказать, что так восхитило: мастерство автора, палитра цвета, экспозиция или сюжет. Не разобрать, но эмоции — вот они.

Алиса хотела, чтобы Антон её нарисовал. Очень

хотела.

— Что скажешь, согласна? — Антон с силой сжал колеса инвалидной коляски.

****

Максим

****

Сначала Максим слушал бредни ЗП — так он про себя называл Зою Павловну — вполуха. Но постепенно проникся, хотя если бы не увещевания родной тёти, ноги бы его тут не было.

— Каждый человек в своей жизни рано или поздно сталкивается с такими трудностями, сложностями или проблемами, которые от него не зависят, — говорила Зоя Павловна проникновенным голосом.

Максим вспомнил своего сумасшедшего папашу, вот уж у кого действительно были проблемы. Только он по этому поводу не переживал. От его проблем страдали другие.

— Они нам не подвластны, но в нашей власти их пережить, переварить, если хотите, — продолжала Зоя Павловна. — А чтобы это далось легко, нужно чем-то отвлечься. И тут на помощь приходит творчество, ведь творческая жилка есть в каждом из нас.

Странно. Её голос одновременно и успокаивал, даже немного убаюкивал, и чем-то наполнял, придавал сил. Действительно хотелось творить.

— Зоя Павловна сказала, что ты увлекаешься фотографией?

Повернувшись, увидел рыжеволосую девушку, она поймала его на выходе из группы, после занятий. Максим сразу её заметил, в первый же день. Женя. Она ему понравилась, но познакомиться всё не решался.

— Да, — кивнул он. — ЗП как раз недавно дала мне задание птичек в парке пофотографировать или что-то типа того.

— ЗП?

— Я так нашу промывательницу мозгов называю.

Женя рассмеялась. А он в который раз подумал: «Что она делает в группе психологической помощи? Так сразу и не скажешь, что у неё могут быть какие-то проблемы».

— А ты — писательница?

— Ну это громко сказано, так графоманю помаленьку.

Беседа стала увядать, и Максим решился.

— Могу тебя пофотографировать, если ты не против?

— Я интересней, чем птички?

— Ага, — ответил Максим и покраснел.

Женя действительно была интереснее, чем птички. И красивее. Он фотографировал её в парке на скамейке. В кадр попадали то стройные ноги, то вырез декольте, то улыбающееся лицо, то смеющиеся глаза. Глаза? Глаз. Казалось, он только сейчас обнаружил, что её левый глаз всё время скрыт рыжей прядью. Когда попробовал убрать волосы в сторону, с лица Жени вмиг слетела весёлость, тонкие пальцы вцепились в его ладонь.

— Прости, — он отдёрнул руку. — Я ничего такого не хотел.

Женя вздохнула, грустно улыбнулась:

— Извини, если напугала, просто не люблю, когда трогают мои волосы.

Она поправила рыжую прядь.

— Проводишь меня до дома?

— Конечно.

Максим помог ей встать с лавочки. Они шли бок о бок, а в его груди разливалось тепло. Как раз рядом с тем местом, где его полоснул ножом отец.

****

Антон

****

Серые линии ложились одна на другую. Накладывались, превращаясь в старый кирпич, узкий ход, сводчатый потолок.

В третий раз выходило совсем не то, что я задумывал. На удивление хорошо выходило, но не то.

Серые линии складывались в глубокий тоннель, коридор. Тени, почти чёрные, таились по углам, у входа раскинулся зловещий репейник. От картины веяло холодом. Страхом.

Смотреть тяжело.

Всё время слышу звук мотора. Как только грифель касается бумаги, рёв врывается в реальность, бьёт по нервам. Вот и сегодня, рокот неизбежности всё ближе. Стоит только всмотреться в рисунки повнимательнее, и вот он, — адский автомобиль и бампер, полный зубов и крови. Если бы только я принадлежал себе… Но рука, словно чужая, продолжает водить карандашом, вырисовывая полынь.

Порывался всё выбросить, сжечь, непременно сжечь, но Зоя Павловна каким-то шестым чувством поняла, что у меня всё готово. Пришлось показать. Та пришла в неописуемый восторг и очень просила рисовать дальше.

— Антон, — она коснулась моего рукава, — у те-

бя талант.

И как-то так улыбнулась, что стало не по себе.

Впервые в душе зашевелилось нехорошее чувство. Будто что-то не то. Не так. И вроде бы всё хорошо: нога больше не болела, и Алиса… но стало страшно.

Очень страшно.

****

Женя

****

Проводив меня домой, Максим попрощался и ушёл. А так хотелось, чтобы он остался: выпили бы кофе — а может и чего покрепче, ещё бы поболтали — а может и не только. Но, наверное, время ещё не пришло…

Зажгла свет в ванной, посмотрела в зеркало. Убрала рыжую прядь, закрывавшую левый глаз. Нет, на его месте не было пустой глазницы или уродливого шрама. Просто протез. Хороший протез. Если ничего не знать и не присматриваться, то сойдёт за настоящий глаз. Взгляд метнулся прямо в чёрный неживой зрачок. Там будто что-то шевельнулось, стало приближаться, расти. Мигнул свет. Я вздрогнула, приходя в себя, прекратила пялиться в зеркало.

Странное пугающее ощущение ушло, зато появилось желание творить. Прямо-таки острая потребность. Пальцы зачесались. Они словно превратились в бенгальские огни, из которых сыпались искры. Включила компьютер, создала новый документ. Пальцы забегали по клавиатуре — искры трансформировались в буквы, в слова, в предложения, в абзацы.

Давно не писала с такой скоростью. Легко. Не задумываясь.

Герои занимались любовью.

«Его руки скользили по её упругому телу, встречались их взгляды, встречались их губы. Дом задрожал. Кто-то приближался. Но любовники, охваченные страстью, забыли обо всём на свете. Гигантский глаз закрыл окно. Подглядывал.

Щупальца пробили стену. Схватили мужчину. Разорвали. Кровь забрызгала обнажённое женское тело. С любовницей извивающие конечности поступили ещё более жестоко: проникли внутрь неё, заставляя буквально выть от экстаза…».

Меня передёрнуло, когда описывала эту сцену. Да что там, не хотела писать, но руки как будто перестали подчиняться и зажили собственной жизнью. В конце концов, женщину тоже разо-

рвали. А потом страшный глаз чудовища, словно развернулся и посмотрел на меня из моего же собственного текста.

Я вскрикнула и закрыла файл. Правда, по многолетней привычке всё же щёлкнула по кнопке «Сохранить». Посмотрев на документ, испытала целую гамму чувств: от отвращения до возбуждения. Лавкрафт и Эротика? Что за ерунда! Хентай с щупальцами какой-то! Захотелось его сразу удалить, без помещения в корзину. «Shift» + «Del». Смертельный приговор без права на амнистию.

Но сдержалась.

Убрала руки подальше от клавиатуры. Прохладные ладони легли на горячие бёдра, двинулись выше, задирая юбку. Как будто кто-то их двигал, не я. Или я? Снова вскрикнув, закрыла лицо руками и заплакала.

Со мной что-то не так.

****

Алиса

****

Проснулась в холодном поту. Пальцы свело от боли, скрючило.

Глотая слёзы, Алиса поплелась в ванну за обезболивающим.

«Проклятое выступление. Как я позволила уговорить себя? Ума не приложу… это всё она, её дар убеждения».

— Играй, Алиса, милая, — Зоя Павловна посмотрела ей в глаза, нежно коснулась искалеченных рук. — Ты сможешь. Твоя музыка… — она прервалась на мгновение, вспоминая. На лице заиграла довольная улыбка. — Божественна. Сыграй так, как только ты можешь.

И Алиса не смогла отказать.

Сколько она уже не играла? Полгода? Больше? Пальцы задеревенели, двигались, словно сухие ветки, бренчали по клавишам, как палки. Ужасно. Музыка звучала ломано, зловеще. Какофония демонов, а не гармония.

Зоя Павловна пришла в восторг. Остальные же… Словно взбесились: выли, топали ногами, кричали, хохотали. Девушка с рыжей челкой тряслась от страха, обхватив себя руками, парнишка, из новеньких, лежал в отключке.

Губы Алисы дрогнули, она перевела взгляд на стену: жуткая картина Антона занимала центральное место. От неё тоже веяло холодом и страхом, всё время казалось, что она истекает кровью. И этот далёкий шум мотора…

Алиса нашла Антона взглядом, тот сидел

потупившись. Маленький и жалкий в своём инвалидном кресле.

На глаза навернулись слёзы. Что она тут делает?

Что?

Алиса вытерла лицо полотенцем, посмотрела на себя в зеркало. Закусила губу, пошевелила пальцами, унимая дрожь в руках.

Она играет, она снова играет. Вот, что.

Остальное не важно.

****

Максим

****

Проводив Женю, Максим вернулся к себе в квартиру. Фотосессия в парке не только возбудила, но и подарила множество новых идей. Только он ещё и сам не знал каких. Сел в кресло, подключил телефон к ноутбуку, «перекинул» файлы.

Открыл редактор изображений. Просматривая фотографии с Женей, Максим понял, что влюбляется. В ноги, в грудь, в лицо, в волосы, в улыбку. Кроме возбуждения, он чувствовал и теплоту.

Вдруг на одной из фотографий, позади Жени, заметил чёрное пятно.

— Что это? Может просто игра света или артефакт? — пробормотал Максим.

Увеличил картинку, пролистал дальше. На другой фотографии тоже чёртово пятно. Только ещё больше. Приобрело очертания. Чего?

Максим всмотрелся пристальнее, и у него перехватило дыхание. Чёрный человек, который не раз являлся ему в кошмарах.

Из коридора послышалось стук, как будто когти какого-то зверя.

— Нет, не может быть, — замотал головой Максим. — Я же не сплю.

Вот открылась дверь в комнату, звук стал ближе. Невидимая рука схватила за голову, вцепилась мёртвой хваткой, стала поворачивать назад, хотела заставить обернуться. Но Максим сопротивлялся, знал, что там увидит — гостя из кошмаров: чёрная человекоподобная фигура, в чертах лица угадывался его отец; пальцы на руках и ногах заканчивались не когтями, а ножами.

Лапа твари заскребла по креслу Максима. Не выдержав, он всё же резко обернулся.

Никого.

****

Антон

****

Звонок в дверь застал врасплох. Не хотелось двигаться, вставать с постели, открывать окна. Ничего не хотелось.

Жуткий концерт никак не шёл из головы. Звуки словно придавили, пригвоздили к постели, отнимая силы. Апатия, как в первые дни после аварии.

— Проклятье.

Звонок никак не унимался.

— Иду, иду. Кто там?

В глаза ударило цветом. Ярко-красная губная помада, красное платье в горошек и алые туфли. Глянцевые, блестящие, на высоком каблуке.

Стало трудно дышать.

— Зоя Павловна?

— Антон, вы не появлялись на занятиях, не отвечали на звонки, с вами всё хорошо?

Алая бестия легко отстранила меня с дороги, закрыла за собой дверь. Грудь Зои Павловны покачивалась в такт ходьбе.

— Антон… я беспокоилась… — Подошла совсем близко, прижалась.

«Да она же без ничего! Только в платье!»

— Со мной… со мной… всё в порядке.

— Ах, Антон, — Зоя Павловна многозначи-

тельно улыбнулась и, наконец, отпустив меня, прошла вглубь квартиры. — Угостишь чаем?

Её голос донесся из единственной комнаты.

Проклиная свою слабость, поплёлся на кухню, постукивая костылями по деревянному полу.

Руки подрагивали. Чайник пронзительно засвистел, заварка из коробки рассыпалась по столу.

— Проклятье.

Прислонился лбом к стеклянной полке, стараясь держать образ Алисы перед глазами.

— Чай, готов, пойдёмте в кухню.

— Значит, дома используешь костыли? — Зоя Павловна села напротив, закинув ногу на ногу.

Я невольно проследил за движением. С трудом, но всё же оторвал взгляд, заставил себя смотреть ей в лицо.

— Коляска удобна только на длинные расстояния, но опять же…

— Хочешь ходить несмотря ни на что?

— Да.

Не отвернулся, хотя чувство загнанного зверя не отпускало.

— А хочешь, — она подалась вперёд, — снова ходить на двух ногах?

Магические слова, обманка, но сердце заколо-

тилось.

— Ты помнишь, — Зоя Павловна опустилась передо мной на колени, — как это случилось? Когда машина неслась на тебя? Как ударила, с такой силой, что ногу оторвало, раскурочило на грязной дороге? Ты отлетел в сторону, а твоя нога в талый снег, и кровь разлилась по асфальту…

Её слова впивались, как спицы. Гвоздями драли только зажившую рану. Я едва мог дышать. Спиной вжался в холодную стену.

И тут она схватила мою несуществующую ногу, вцепилась в подвёрнутую брючину, сжала руками-когтями. Тогда я заорал.

****

Женя

****

Я читала свой рассказ группе одновременно испытывая и стыд, и возбуждение. Чувствовала себя стриптизёршей, танцующей вокруг шеста и срывающей с себя одежду. Героиню насиловала осьминогоподобная тварь: гигантский глаз с щупальцами. Извивающиеся конечности, как кнуты, стегали тело несчастной, а когти на их концах, как бритвы, резали руки, бёдра, ягодицы и груди.

Мой рассказ — моя сексуальная и страшная фантазия — появился совсем недавно. Закончив читать, обвела одногруппников взглядом. Мужчина в инвалидной коляске, Антон, он хорошо рисует, смотрел то на меня, то в сторону. В его взгляде светились понимание и страх. Алиса, красивая черноволосая девушка, зажала рот рукой, глядела в пол. Максим буквально пожирал меня глазами, однако и в его лице сквозил ужас.

А вот Зое Павловне понравилось.

Улыбнувшись своей понимающей и в то же время властной улыбкой, она кивнула.

— Чудесно, Женечка, просто чудесно. Даже лучше, чем у Стивена Кинга. Ты прямо будущая королева российского хоррора!

А потом Алиса играла на пианино. Это было и ужасно, и прекрасно. Точнее описать не смогу, что-то выходило из нас, что-то становилось нами.

После импровизированного концерта мы с Максимом оказались в женском туалете. Заперлись в тесной кабинке. Занялись любовью. Хотя то, что мы делали, скорее, походило на спаривание двух обезумевших от похоти животных.

Выйдя, столкнулись с Зоей Павловной. Она едва уловимым движением провела рукой по моему

лбу, а потом по лбу Максима. Облизнула пальцы. Какая мерзость! К горлу подступил комок, меня замутило.

— Ну что же вы, идите-идите, — Зоя Павловна махнула нам рукой, как будто ничего не случилось.

****

Алиса

****

Клавиши оказались выломаны. Каждая вторая, чтобы для верности. Алиса не могла поверить, что Антон решился на такую подлость.

Обернулась на шум:

— Зачем?

Антон подслеповато, спросонья, тёр глаза, выехал из спальни.

— Ты не должна больше играть. Не понимаешь? Это всё она. Она что-то делает с нами. — Снизу вверх посмотрел в глаза. — Ты не можешь не замечать, что всё летит в тартарары. Мои рисунки, твоя музыка, фото того паренька. А последний рассказ той рыжей? Все… все творят… что-то злое. Эта группа словно культ тёмного бога.

Алиса осела на стул, прижала ладони к лицу.

— Уходи.

Антон подъехал, коснулся руки.

— Алиса…

— Ты не понимаешь, что для меня это фортепиано. Оно же моё. Моё всё. Моя душа, моя боль… А ты… Я не играла полгода, пока Зоя Павловна… Когда играю, словно живу. Понимаешь?

Антон молчал. Алиса пристально посмотрела на него, потом устало вздохнула.

— Уходи, мне нужно побыть одной.

— Я не уйду.

— Что же, тогда уйду я.

Алиса резко встала, запахнула халат и в домашних тапочках вышла на лестничную клетку, а затем на улицу. Идеально прямая спина подрагивала от рыданий. Антон что-то кричал вслед, но Алиса не слушала. Шла не глядя.

В кармане зазвонил телефон. Утирая слёзы, села на лавочку где-то в парке.

— Зоя Павловна?

— Алиса, милая, что с тобой? Твой голос… Неужели ты опять… Снова?

— Нет, дело не в этом…

— Я сейчас приеду. Где ты?

Алисе показалось, что Зоя Павловна приехала минуту спустя. Села на скамейку, взяла за руки, погладила шрамы.

— Ты не должна снова вредить рукам, они у тебя золотые, — поднесла к губам, поцеловала, а затем облизнула.

Алиса приросла к месту.

Зоя Павловна взглянула в глаза, зашептала:

— Не бойся, всё хорошо. Больше ничего не существует. Ни тебя, ни смерти, ни боли. Просто вспомни тот день, когда дверцей машины раздробила руку. Почему ты сделала это? Напряжение, давление, ответственность, что свалилась на тебя, проблемы дома. Непонимание. Депрессия. И ты нашла лучший выход?

Алиса дрожала словно лист.

— Но выход не там, Алиса, выход здесь. — Зоя Павловна протянула ей пеньковую верёвку с петлёй. — Бояться нечего. Ты уже мертва.

****

Максим

****

Фотографии с каждым разом становились всё страшнее. Голуби превращались в адских птиц, дети в уродских карликов, из деревьев вырастали шипы, на которых корчились в агонии изуродованные тела. И везде красовался чёрный силуэт с лицом отца и пальцами-ножами. Он стал слов-

но подписью Максима: зловещий силуэт был то больше, то меньше.

Цвет фотографий приобрёл такой оттенок, как на рисунках того мужика в инвалидной коляске — Антона. От его жутких картин дух захватывало.

Было, конечно, и кое-что хорошее. Они с Женей встречались вне группы. И почти каждая встреча заканчивалась феерическим сексом.

Но эти фото…

Самую пугающую фотографию Максим сделал недавно — на ней: он, группа и ЗП. У Алисы, пианистки, одна из рук походила на тёмную лапу с когтями, на шее висела петля. У Антона вместо той ноги, что он потерял в аварии, росла какая-то дрянь, что-то типа конечности насекомого. Из левого глаза Жени вылезало щупальце, а сам Максим был похож на чёрного человека, даже пальцы, попавшие в кадр, напоминали ножи.

Но хуже всех выглядела ЗП. Как-то Женя рассказала Максиму о творчестве Лавкрафта, так вот, «психологиня» выглядела так, словно один из его монстров: то ли Ктулху, то ли Шуб-Ниггурат. То ли ещё кто. Пострашнее. Тёмное нечто с множеством щупальцев, лап, глаз, пастей и бог его знает, чем ещё. И оно улыбалось.

Максим ещё раз взглянул на фото, потом на голую спящую Женю. В голове включилась та демоническая мелодия, которую играла Алиса. Звуки трансформировались в слова. Они шептали, подавляли, приказывали.

«Убей…»

Максим пошёл на кухню, достал из ящика кухонный нож.

«Убей себя!»

Повертел в руках, вернулся в спальню.

«Убей её!!»

Взглянул на спящую Женю.

«Убей… Убей её! Убей себя!! Убей-убей-убей!!!»

Из глаз покатились слёзы, он не хотел никого убивать. Он не его отец, убивший маму. На миг показалось, что его окутала чернота, а пальцы превратились в ножи. Максим не хотел никого убивать, но внутренняя тьма была сильнее. И пока ещё она предлагала выбор.

Максим потянулся к Жене, слёзы капали на её живот, грудь, лицо. Убрал прядь волос, поцеловал.

— Я люблю тебя, — прошептал на ухо.

Вытер слёзы — выбор был сделан — приставил нож к горлу. Полоснул. Брызнула кровь. Алая жидкость залила голую грудь. Он захрипел, и Же-

ня открыла глаза.

Увидела на полу окровавленного Максима с перерезанным горлом, рядом валялся нож. Закричала, слетела с кровати, обняла его. Но он её уже не слышал, всё вокруг стало темнеть. Собрав последние силы, Максим попытался сказать:

— Женя… я те…

Но договорить не смог.

****

Антон

****

Алиса вернулась за полночь. Задремал и не сразу услышал звук открывающейся двери.

— Алиса?

Не мог уйти, так и остался в её квартире. Не мог уйти, не дождавшись.

Она не разулась, так и прошла в мокрых тапках.

— Алиса?

Нашёл её в пустой комнате с фортепиано. Алиса стояла на табуретке, с петлёй на шее.

— Нет!

Не помню, как успел подхватить, как смог удержать. Обнял ноги, вжался в мокрый халат.

— Любимая…

— Пусти! — Она, наконец, заговорила со мной. — Пусти меня! Я мертва, давно мертва! Отпусти, дай покоя! — по щекам текли слёзы.

Алиса вертелась, как угорь, пытаясь вырваться.

— Пусти, пусти!

Наконец высвободилась, ударила ногами. Коляска упала, придавив сверху.

— Алиса…

Лёжа на полу, я бессильно смотрел, как всё, что я люблю, умирает.

****

Зоя Павловна

****

Всё шло по плану. Вот-вот слабовольный художник-инвалид в гневе прикатит к ней. Сам. Стоило чуть-чуть подтолкнуть. Нет ничего приятнее, чем создавать связи и рвать их. На людских эмоциях так приятно играть.

Дверь хлопнула.

Зоя Павловна оторвала взгляд от ноутбука. Наконец-то!

— Мерзкая тварь! Ты ответишь за её смерть!

— Антон! — Зоя Павловна поднялась из-за стола.

В одно мгновение оказалась возле инвалидного кресла, сжала подлокотники.

Навалилась всем телом, жарко зашептала:

— Ты никто.

Слова змеями вползли в уши Антона, заскользили под черепной коробкой, пожирая волю и разум.

— Ничто, просто сосуд.

Зоя Павловна выпрямилась, оттолкнула коляску — та ударилась о стену, бесчувственное тело вывалилось из неё, словно мешок.

Безглазые твари, уродливые серые слуги, тихо отделились от тени Зои Павловны, подобрали тело Антона, заботливо посадили обратно.

— А теперь, вставай.

Зоя Павловна властно протянула руку, и нечто, раньше бывшее Антоном, послушно встало с коляски. На обе ноги.

— Один есть, — усмехнулась Зоя Павловна. — Осталась ещё одна.

Писательница, одноглазая извращенка-графоманка. Она не заставила себя долго ждать. Не прошло и получаса, как ещё раз хлопнула дверь, Женя влетела в комнату. Единственный глаз яростно сверкал, выхватила нож из кармана, ринулась вперёд. Криво ухмыльнувшись, Зоя

Павловна раскрыла навстречу объятья. Перехватила нож, воткнула в правый глаз, затем в левый, вынула протез.

— Послушные сосуды так не поступают. А уж уродливые одноглазки и подавно!

Женя металась на полу, прижимала руки к глазам, кричала.

— Теперь ты принадлежишь мне. Ничтожество.

Серые твари распахнули зубастые пасти на животах, раскрыли глаза на груди, завыли, задёргались в нетерпении. А затем набросились на Женю. Она кричала, выла, скулила.

Бездна открыла для неё объятья, и Женя, не раздумывая, бросилась во тьму безумия. Живая тьма теперь плескалась на месте глаз.

Зоя Павловна протёрла платком протез, подошла к одному из слуг, воткнула в глазницу.

— Ну вот и славно.

Когда превращение завершилось, рядом с ней всё так же стояли Женя и Антон. Зоя Павловна поцеловала их в лоб, счастливо вздохнула.

— Я так рада, что смогла помочь вам, мои дорогие. А теперь пойдёмте, у нас очень много дел. Вокруг столько неприкаянных душ, которых надо спасти.

Город Чёрной Козы
Андрей Каминский

Мрак обступает меня со всех сторон, и черные тени тянутся от углов кельи. Пятая лучина догорела, еще одна вот-вот погаснет, и останутся только три горящие щепки, чтобы развеять кромешную тьму. И все равно у меня не хватит смелости выйти из своего убогого пристанища и пройти по темному коридору, чтобы взять еще щепы.

Каждый шаг во тьме для меня как пытка, и ужас заставляет трепетать мою бессмертную душу — страх, от которого не спасают ни крест, ни молитва, древние силы зла, что правили миром до того, как Господь вдохнул жизнь в праотца Адама. Мне уже нет спасения, но я еще могу успеть поведать людям о черном зле, что таится во тьме внешней, лишь попущением Божьим оставаясь до поры в оковах.

Что это за звук за дверью кельи? Нет, показалось. Ну что же, начну.

Аз, грешный раб божий, при крещении был наречен Романом. С ранних лет влекла меня

ратная служба и, возмужав, попал я в дружину Мстислава Святославича, великого князя Черниговского. И много славных походов совершили мы с ним, пока великая беда не пришла на Русь. В год 6731 впервые явились к нам татары и Мстислав, с другими князьями дал им бой на реке Калке. И было разбито воинство русское и воды рек текли русской кровью.

Окруженный татарами, взмолился я богу, пообещав, что если останусь жив — посвящу жизнь служению Христу, оставив ратную службу. Господь, вняв моим мольбам, сохранил мне жизнь и свободу, и я остался в числе тех немногих, кто вернулся с поля боя. Тогда же я оставил мирское и ушел в леса возле Козельска. Там в простой землянке, я ежедневно возносил молитвы Господу.

Семнадцать долгих лет жил я в чащобе, среди медведей с волками. Но не только звери лесные нарушали мой покой. Встречались тут охотники да бортники, хоронился всякий разбойный люд да беглые холопы. Да и лесовики — вятичи да голядь — нередко посещали те места. Многие из них были погаными, почитавшими Перуна да Хорса, были и те, кто принял Христа.

Все они впрочем, относились ко мне сносно — много ли возьмешь с нищего монаха? Даже

язычники меня не тревожили, предупредив только, чтобы я не искал их кумирен. Я ответил, что поганские святыни мне ни к чему и что я не лазутчик, чтобы наушничать князю.

Но было в том лесу место, которое даже закоренелые язычники обходили стороной. И поганые, и христиане предупреждали, чтобы я не подходил к «чертову городищу». На вопрос что там, лесовики не отвечали, только плевались, хватались за нательные кресты или обереги, да поминали, кто Христа с Богородицей, кто Перуна с Мокошью.

Атаманом у всей разбойной братии был вятич Бративой — бывший воевода князя Рязанского, ушедший к своим, когда вятичи восстали. Ко мне у него была некоторая приязнь — как-никак оба вои, есть что вспомнить обоим. Поэтому он и не стал отнекиваться, когда я спросил о «чертовом городище».

— Плохое место, Романе, — покачав головой сказал Бративой. — Капище там, старое, очень старое. До вятичей тут было, до голяди даже, кто возвел — не знаю. Сейчас кладет там требы нечисть лесная, там же устраивает свои пляски бесовские. На Купалу оттуда такое услышать можно — к утру седым вернешься, если вообще

богам душу не отдашь.

Он замолчал, а потом неохотно выдавил.

— Два года назад один храбр пошел на спор к городищу. Ночью пошел.

— И что? Не вернулся?

— Вернулся, — кивнул Бративой, — дня через два. Одежда разорвана, глаза безумные, заикался так, что слова вымолвить не мог, лицо слизью зеленой вымазано. Всю ночь в горячке провалялся, а к утру и помер. Мне с тех пор лучше одному против всей орды встать, чем на Купалу или, не приведи Перун, на Корочун там очутиться.

Бративой замолчал, и мне больше не удалось вытянуть из него ни слова. Может и пугал он, но не думаю — мало кто в козельских лесах шутил о таких вещах. Однако служителю Христа не пристало бояться бесовского капища, и я решил попрать дьявольские козни верою. Однажды утром, помолившись и вкусив скудный завтрак, я вышел из скита и пошел к «страшному месту». Боже, какая дьявольская гордыня обуяла меня тогда?! Не в тот ли момент зло, притаившееся там, впервые заметило меня?

Продираясь сквозь чащу, я чувствовал, как вокруг воцаряется тишина, словно с каждым шагом смолкали обычные звуки леса. Деревья здесь

не были похожи на остальной лес — с раздувшимися стволами, ветвями, похожими на когтистые лапы. Под ногами стелились папоротники, оплетавшие стволы деревьев, словно плющ.

Но вот уродливый лес расступился, и я увидел большой холм, из которого торчали огромные валуны столь странных и мерзких очертаний, что пальцы мои невольно сложились в щепоть для крестного знамения. Иные из тех камней напоминали ужасных чудовищ, другие имели гнусный и непристойный вид, будто выйдя из сладострастных мечтаний греховодника.

Прочитав молитву от бесовского искушения, я начал обходить холм. Чуть ниже вершины его охватывали остатки огромного вала — все, что осталось от городка, возведенного давно забытым племенем. Но и нынче кто-то не забывал о капище — возле большого камня, испещренного рытвинами и ямками, я видел остатки кострищ, а в них — обожженные кости. В самих ямках виднелись следы засохшей крови. Кто-то и по сей день приходил сюда, дабы воздать почести языческим лжебогам.

На западном склоне холма зияли небольшие пещеры и гроты, в иных из которых легко мог поместиться человек. Внутри рос странный

мох — никогда раньше я не видел такого. Само это место давило на меня — я кожей чувствовал, что из листвы и расщелин за мной кто-то следит. Тысячи глаз какого-то неведомого существа, что было всюду и — нигде. Я ощутил себя жалким мышонком, за которым наблюдает ленивый сытый кот.

Сзади послышался странный звук — что-то вроде стрекота цикады. Я обернулся и успел заметить как чья-то скрюченная фигура мелькнула у входа в пещеру. Я не разглядел, кто это — о, лучше бы я и по сей день этого не знал — но было в этом существе нечто, от чего у меня по спине пробежали мурашки. Всем нутром я чувствовал, что в каменных норах таится Зло, угрожающее не только моему телу, но и бессмертной душе. Обливаясь холодным потом, я развернулся и устремился прочь. Продираясь сквозь чащу, я не смел обернуться, хотя каждый миг опасался, что в спину вонзятся когти лесной нечисти.

Домой я добрался, когда солнце садилось. До глубокой ночи молился я о том, чтобы Господь укрепил мой дух, защитив меня от дьявольских козней. Лишь под утро меня сморил неспокойный сон.

Мне снилась та проклятая скала — только

на этот раз я был тут ночью, и в небе сияла полная Луна. И словно в ответ ее сиянию, мох в пещерах засветился призрачным светом. Видел я, как сквозь мох начинает просачиваться пузырящаяся черная слизь, как она стекает к подножью холма. В полупрозрачной толще вспыхивают зеленые огоньки — словно светлячки, завязшие в смоле. И вот из образовавшейся лужи поднимается что-то огромное, черное, окутанное мерцающим маревом.

С криком я проснулся на лежанке и чуть не расплакался от счастья, увидев солнечный свет. В этот момент я почти понял язычников, считавших солнце милостивым богом. Я упал на колени и вознес самую горячую молитву за всю свою жизнь. С тех пор дал я зарок не подходить к проклятому месту — лишь через десять лет мне пришлось нарушить обет.

Я хоть и жил отшельником, но не чурался людей. Слухи, что в лесной чащобе поселился святой подвижник, распространились далеко, дошли они и до Козельска. Порой его жители приезжали ко мне за благословением, да и я время от времени выходил в город: узнать новости, прикупить что-то на ярмарке, дать пастырское напутствие.

В ту зиму я снова отправился в город и заодно

навестил Благоту, охотника, часто посещавшего мое убежище. У него как раз родился сын, и он хотел получить мое благословение. Так вышло, что я слишком задержался, и когда, наконец, засобирался домой, уже темнело. Отвергнув уговоры Благоты заночевать у него, я одолжил лошадь, чтобы добраться до дома.

На полдороге к дому я услышал волчий вой и увидел, как меж деревьев замерцали звериные глаза. Лошадь понесла, и как бы я не пытался ее остановить, мне это не удавалось. В конце концов, она скинула меня и умчалась в лес, волки кинулись за ней, забыв обо мне. Дальше мне пришлось идти пешком, хромая, с поврежденной лодыжкой. Вскоре я стал узнавать деревья вокруг и понял куда попал. Давний страх сжал мое сердце, когда я осознал, что угодил в проклятый лес рядом с Чертовым городищем.

Внезапно за деревьями блеснул костер. Порыв ветра донес до меня чьи-то крики и бой барабанов. Разум подсказывал мне бежать отсюда, но пагубное любопытство охватило меня, и ноги сами понесли к бесовскому празднеству.

Словно летящий на свет мотылек, я приближался к огню, что становился все ярче, распадаясь на множество костров, зажжённых и на вершине

холма и на его склонах. То и дело костры заслоняли черные тени, и иные из них были таковы, что я счел за благо остановиться, укрывшись под ветвями разлапистой ели. Оттуда все было слышно, а видеть все своими глазами, уже не очень и хотелось.

Со стороны городища доносились заунывные песнопения, изредка прерывающиеся взрывами безумного хохота. Речь была вроде как на русском, но я поначалу не мог разобрать ни одного слова. Лишь позже меж завываний и бессвязных выкриков я стал различать сильный голос, перекрывавший общий гвалт.

…Она Владычица Леса… зов раздается в ночи средь мертвых и живых… из колодцев ночи во Тьму Внешнюю, и из Тьмы Внешней в колодцы ночи… Черная Коза с Тысячью Младых! Йа, Шуб-Ниггурат!

— Йа, Шуб-Ниггурат! — послышалось в ответ.

…Веками таились во тьме… от развалин древнего алтаря восстанет Черная Госпожа… сонм шогготов, вурмисов, гхолей, шантаков… в Праздник Огней будет принесена жертва, что освободит Повелительницу Лесов!

Вновь взревело многоголосое сборище, и среди всего этого я услышал два звука, которые, несмот-

ря на мороз, заставили меня облиться холодным потом. Первым был жалобный плач ребенка. А второй…

Даже на капище в тот миг воцарилась зловещая тишина. Это был голос — но такой голос не мог принадлежать ни человеку, ни даже лесной нечисти. Если бы земля исторгла из себя всех покойников, и они разом заговорили, и их словам вторили бы все могильные черви — может тогда это было похоже на то, что донеслось до моих ушей, где каждое слово самим своим звуком оскорбляло имя Божье.

А потом я увидел — сквозь колышущиеся голые ветви, подобные кистям скелетов, сквозь хлопья падающего с деревьев снега. Увидел, как огни костров и мельтешащие тени закрывает исполинская тень, не похожая ни на человека, ни на животное. Ужас с новой силой захватил мое сердце, и я услышал, как плач сорвался на истошный крик, внезапно оборвавшийся. И вслед за этим послышался утробный хохот.

Этого ужаса я уже не мог выдержать и, вырвавшись из-под ели, я помчался вперед, не разбирая дороги, не чувствуя боли в ноге и не думая о волках.

Не помню, как я добрался до своей землянки

и как рухнул на лежанку, подперев дверь бревном. Я забылся тяжелым сном, в котором видел кошмары. Мне снились леса огромных папоротников, вздымающихся выше дубов, и огромные валуны, вокруг которых выплясывали рогатые бесы, чудовища с мордами крыс и иные создания, коих я даже не могу описать. Все они толклись возле камней, выкрикивая: «Йа, Шуб-Ниггурат»!

Неделю я провалялся в горячке, вставая лишь затем, чтобы подкинуть дров в печку и выпить воды из растопленного снега, зажевав сушеными ягодами. Немного окрепнув, я решил покинуть лес — мне было невыносимо находиться рядом с местом, где творились столь богомерзкие страсти. Собрав нехитрый скарб, я не медля, отправился в Козельск.

Прибыв в город, я застал его необычайно взволнованным. Из обрывков разговоров я понял, что меня настиг еще один кошмар времен прошедших — только уже не столь давних. В ночь, когда проходил шабаш на Чертовом городище, татары взяли Рязань, убив всех жителей. На Русь пришла Орда.

Поселился я при городской церкви — скромной и неприметной, как и подобает приходу столь малого города. Два месяца назад старый

батюшка сгорел от лихоманки, а нового прислать уже было некому. Вот я и заступил на его место. Многие знали о моем прежнем затворничестве, но никому я не говорил о том, что заставило меня покинуть лес.

Впрочем, всем было и не до того — вести приходили одна хуже другой. Пали Владимир, затем Суздаль, Переяславль-Залесский, Тверь, Кострома, Ростов, Ярославль. Отовсюду стекались известия о разорениях и убийствах, что чинят татары, как они истребляют всех мужчин, а женщин угоняют в полон, как гонят пленных под стрелы осажденных горожан.

Вскоре пришла весть и о том, что поганые, не дойдя до Новгорода, повернули на юг. Говорили, что и Козельск окажется у них на пути. И вправду — через несколько дней у стен города появились узкоглазые всадники. Через толмача-пленника было сказано — к городу идет огромное войско. Козельск должен открыть ворота — или всех его жителей вырежут. Ответ должен быть дан через день.

Сразу после ухода послов на площади созвали вече, где были все — бояре и купцы, огнищане и смерды. Были тут и язычники из леса — вятичи и голядь, во главе с Бративоем. Был тут и князь

Василий — мальчишка с не по-детски серьезным лицом, окруженный гриднями. Бояре Федор и Тимофей, тысяцкий Харитон, купцы — все говорили, что не выстоять городу против силы татарской. Другие говорили, что позор нам будет, коль поганым без боя сдадимся.

Взял слово и я — рассказал про Калку, сказал, что верить татарам нельзя — предадут и город сожгут. Бративой же воскликнул, что «лучше нам всем на мечи свои пасть, чем неруси предаться на поругание». Все спорили, стараясь перекричать друг друга, а так ничего и не решили.

И тут слова попросил еще один человек. Даже язычники вздрогнули, когда увидели высокого незнакомца, худого, словно скелет, обтянутый кожей. Черные глаза в запавших глазницах поблескивали как у безумца. Поверх обычной одежды лесовиков он носил полушубок из черной козлиной шкуры, увешанный странными оберегами — я таких и у язычников не видел. Его обступили несколько белобрысых голядинцев.

— Среди вас уже есть те, кто знает меня, — начал человек, — а кто не знает, тому я расскажу. Было время, когда меня звали Семеном, странствующим монахом, семнадцать лет назад проповедовавшим Христа половцам. Тогда я

впервые и узнал о татарах, — когда они вырезали становье, где я вёл проповеди.

Меня они распяли на кресте, в насмешку над моим распятым богом. День я провисел на кресте в разоренном селище. А когда стемнело, пришел Чёрный Монах. Усевшись у подножия распятия, он начал говорить со мной о вере. Он говорил мне, что все земли Руси открыты татарскому войску, а мой трусливый бог не сможет никого защитить.

Возмущенный гул был ответом, но волхв не обратил на него внимания.

— Всю ночь Черный Монах рассказывал о величии Шуб-Ниггурат, говорил, что она защищает верных Ей. И под утро я проклял Христа и плюнул на Библию, которую Чёрный Монах положил у моих ног и принял в сердце Черную Козу с Легионом Младых.

— Молчи, богохульник, отступник! — вскричал я. Теперь я узнал этот голос — именно его я слышал на поляне в Чертовом Городище. — Князь, прикажи гнать плетьми его, а лучше казни на месте! Он хуже язычника и еретика, он…

— Пусть говорит, отец Роман, — совсем по-взрослому сказал князь. — Не время сейчас ссориться русским. Так что ты хочешь предло-

жить, Семен?

— Я больше не Семен, князь, — с поклоном произнес лесной колдун. — Семь долгих лет странствовал я по свету, с тех пор как Черный Монах снял меня с креста. Я преклонял колени в храмах забытых богов Тмутараканской Топи, поедал человеческое мясо в капищах Чертова Леса и приносил кровавые жертвы в святилищах Збруча. На горе Могила, что в галицких землях, я лежал на сырой земле рядом с Черным Камнем и слышал голос, что шептал тайны, неведомые никому из смертных. Там же принял я посвящение в жрецы Шуб-Ниггурат и нарекся именем угодным богине.

Имя мне — Нот-Цорканош. Если хочешь князь — все свое искусство поставлю тебе на службу и истреблю врагов.

— И что же ты хочешь взамен? — подал голос опекун князя боярин Доброслав.

— Ничего не хочу боярин, — по-волчьи оскалился колдун. — У меня к татарам свой должок. Мне бы за крест тот их отблагодарить.

Дернулся я, сказать, что-то против — да смолчал. Видно было — князь да бояре уже все решили. Город маленький, тут поганые и христиане испокон веков уживались. Коль еще одного бога

язычник о помощи попросит — чем плохо-то?

— Мы о спасении всем миром будем Христа молить, — сказал отрок-князь. — А ты колдун, коль можешь — помоги.

Колдун осклабился — и ушел прочь. На вече же препирались до утра, но решили в конце — город не сдавать, биться до победы или смерти. Так татарским послам и ответили.

Под утро все небо тучами заволокло, откуда-то гром раздался — хоть зима недавно кончилась. И молнии на небе сверкали бесовские — синие да зеленые, не так как по воле божьей бывает. А после и ливень пошел, какого и летом я не видал. Уже позже узнал я, что в это же время в чаще гремели барабаны, и в шелесте ветра слышалось множество голосов, называвших одно и тоже богомерзкое имя. Кое-кто видел, как в струях дождя маячили черные тени, и в речных водах замечали странных существ.

А наутро пришла весть — Жиздра и Другусна разлились да так, как и при половодье нечасто бывает. Много поганых, кто переплавлялись, потонуло, а те, что живы остались — оказались отрезаны от главного войска. Однако для осады города хватило и их.

Стоит ли сейчас описывать, как все козельчане

поднялись на защиту города?

Сейчас татары запрещают о том говорить, но все русские люди — христиане и поганые — помнят, как сражались защитники Козельска, как тревожили они врага отчаянными вылазками, сколько пало татар, пытавшихся взять маленький город. Все это я видел своими глазами: я был среди защитников города, я благословлял козельчан на битву, а когда надо и сам брал в руки оружие. Даже пороки и тараны татарам не помогли, а полон, который они собирались на стены гнать, потонул при разливе рек.

Но было и то, что в летописи не попало.

Татары воевали не только с защитниками Козельска — приходилось им отвлекаться и на «лесных братьев» Бративоя, тревоживших татар смелыми вылазками, истреблявших отдельные отряды, рыскавшие в поисках продовольствия. В городе кончались запасы, но и татарам неоткуда было брать еду и корм для лошадей.

К тому же у них начался мор. Поговаривали, что и его наслал на врага верховный жрец Черной Козы. О нем вообще много говорили в то время — говорили, что не только лесные братья, но и неведомые бесы, призванные колдуном, убивают ворогов. Впрочем, другие говорили, что

если бы дело было так, то эти бесы бы уничтожили всех татар, а те, несмотря на все потери, не только держали город в осаде, но и раз за разом шли на приступ. Впрочем, я этому был только рад — какими бы силами не обладал расстрига, это не стоило душ козельчан.

Я и без того содрогался от ужаса, представляя сколь тяжкий грех совершал молодой князь, приняв помощь жреца Черной Богини. И князь видно и сам это понимал, когда вызвал меня ночью, чтобы исповедаться — напуганный отрок, подавленный ответственностью, что свалилась на его плечи. Он старался держаться со взрослой серьезностью, столь не вяжущейся с его напуганным видом.

В детинце я бывал нечасто и с непривычки заплутал. Свернув не туда, я оказался опять рядом с горницей — только с другой стороны. Ненароком прислонившись к стене, я услышал голоса князя и дядьки его Доброслава. Я хотел отойти, чтобы не подслушивать княжеские разговоры, но тут услышал третий голос. Его бы я не перепутал ни с кем.

— Ты обманул нас Нот-Цорканош! — гневно говорил боярин. — Обещал, что твоя нечисть уничтожит поганых, но их еще много, а силы города

тают на глазах. Говорят, что с запада к татарам идет на помощь новое войско. Будь уверен, они найдут как переправиться через реку — и Козельск падет.

— Ты много от меня хочешь, боярин, — прошелестел жрец, — или ты думаешь, что я могу приказывать Черной Матери? За первую помощь, горожане не отблагодарили Ее ничем — это я приносил жертвы Шуб-Ниггурат на Чертовом городище. Но богиня хочет еще.

— Чего хочет? Треб? Мало что ли татар уволокла на капище твоя нечисть? — произнес князь.

— Дело не в том, сколько тех треб, — вкрадчиво произнес жрец. — А в том, кто их класть будет, — он замолчал, и я почувствовал, как он наслаждается растерянностью остальных.

— Ну, так чего ты хочешь, ведьмак? — зло выкрикнул боярин. — Или ты сам не можешь требу принести на свое капище.

— Я-то могу, — ответил колдун. — Но Богиня хочет ее не от меня, а от князя.

— Что?! — выкрикнул Василий.

— В своем ли ты уме жрец? — вознегодовал Доброслав.

— В своем боярин, в своем, — я как наяву увидел, как ухмыляется Нот-Цорканош, — еще

и с тобой могу умом поделиться. О земле этой рассказать, о городе, в котором ты князь княжишь, а ничего-то про него и не знаешь.

— Слова выбирай, колдун, — холодно произнес Василий.

— Как скажешь, княже, как скажешь. Просто знаю, я кое-что о городе сем, что ни волхвы вятичские да голядские, ни попы греческие не ведают. Было время и Чертово городище и Козельск в одном городе были, великом и славном. Давно то было — еще и греков на земле не было, и египтян — другие народы правили миром.

Там, где сейчас леса глухие, стоял Каликс, град Черной Козы. Там, где нынче Городище Чертово — главное святилище Шуб-Ниггурат стояло. А там, где Козельск — там царский дворец был. Владыка Каликса, завсегда жертвы приносил Черной Козе — и славен и крепок был тем град сей.

А коль уж ты городом сим правишь — значит, ты как бы и наследник приходишься тому владыке. Принесешь жертву на алтаре Черной Козы, как в старые времена — так и она о тех временах вспомнит, когда поймет, что здешний князь ее чтит. Ну и поможет — мор на всех татар нашлет, демонов призовет, пред которыми нечисть лесная — что мышь перед волком. Сколько бы татар

не пришло — все под Козельском смерть примут.

— Точно свихнулся ты, — подал голос Доброслав, — или может, морочишь нас?

— Мне что толку вас морочить? — послышался злой смешок. — Иль не в одну землю ляжем, коль татарам подмога придет? А она придет — скоро спадет река. Продержится до этой ночи — ведь праздник сегодня, древний и великий. Только в этот день и может свершиться, то, что спасет ваш город. А то, что я не вру, так хоть сейчас поклясться могу. Не крест целовать буду, а именем Шуб-Ниггурат клятву даю, что не солгал.

Даже я почувствовал, что колдун не врет — не посмеет он именем своей лжебогини лгать.

— Он же малец совсем, — проворчал боярин, — и ты его заставишь человека резать? Сам-то ты человек или нежить лесная?

— Кто я, то неважно совсем. А вот он не малец, боярин, а князь. Жизнь всего города на нем, ему решать — выстоит Козельск или падет. Этого ли ты хочешь, Доброслав?

— Хочу не хочу, а все равно не дело это, — буркнул Доброслав.

— Хватит! — сказал Василий. — Коль такое дело — я согласен. Но как из города выйти?

— Да как я и пришел князь — есть ходы потай-

ные, старые очень. Я одним таким в Козельск пришел, вторым тебя мимо татар в лес проведу.

— Тогда веди, — со спокойствием обреченного произнес князь.

Все это время я стоял словно скованный ужасом, но при последних словах князя дернулся, хотел прокричать, чтобы не верили нехристю. Но вскрикнуть не успел, как дверь хлопнула и вышли они.

В смятении я кинулся следом, надеясь перехватить князя с боярином, отговорить их. Однако, как назло, никого рядом не оказалось, кто подсказал бы, куда могли пойти все трое — попадавшиеся мне по пути холопы и дружинники только мотали головами. Неожиданно я вывернул на порог и в дверях столкнулся с Бративоем. Никогда еще я не видел его таким взволнованным — его лицо раскраснелось, он шумно дышал, словно бежал.

— Князя не видел? — выдохнул он

— Сам ищу, — ответил я. — Постой, а тебе он зачем?

Бративой искоса посмотрел на меня, потом кивнул.

— Добре, поп! — сказал он. — Тебе я поверю. Упредить мне князя надо.

— Упредить? О чем?

— Чтобы не верил колдуну с Чертова Городища, — серьезно проговорил он, и вдруг я понял, что его голос дрожит. — А еще, чтобы боярину своему не верил.

— Боярину? Доброславу?

Бративой кивнул.

— Давеча сидели мы в засаде, стерегли одну тропку — по ней татары часто ездят, полоняников ищут. Видим — едет всадник, плащом укутан, лицо скрывает — но и лошадь не татарская и сам, видно, не из них. Ну, я молодцам своим сказал тропку стеречь, а сам поехал за тем странным. Ну и приехал, куда бы ты думал?

— На городище?

— Верно. Есть там потаенная поляна, там этот всадник и остановился. Капюшон скинул, а под ним этот змей, боярин, — Бративой выругался. — Я уж вязать его хотел — тут гляжу, из-за деревьев еще всадники выезжают. И первый среди них — ведьмак этот. У них там разговор начался — особо не таились, думали, что никто их не услышит.

— И о чем они говорили? — жадно спросил я.

— Я если честно, половину и не понял — колдун так говорил… странно, не пойми о чем вообще. Но главное я понял — они сговаривались о том,

чтобы князя подвести к городищу и заставить жертву принести козлище этой. Он говорил, что важно, чтобы это сделал именно князь Козельска.

В небе, что-то там сдвинулось, звезды стали как этим лиходеям нужно, так что самое время. Мол, это двери темницы порушит, и богиня эта проклятая выйдет вместе со всем своим отродьем. Они сразу коней направили к городу, я думал прежде них успеть, короткой тропой пошел, — он прервался, с тревогой глядя мне в лицо. — Что с тобой, Романе?

— Князь… он вышел уже, — с трудом выговорил я. — Но как Доброслав мог? И отговаривал он мальца, и спорил с еретиком этим.

— О чем ты говоришь? — Бративой дико глянул на меня.

Я рассказал все, что услышал за стеной.

— Экая мразь! — выдохнул вятич. — Это он так мальца подзадоривал — знал, что тот от чести княжеской не отступится.

— Но зачем это боярину? И этот Нот-Цоркаош — он же именем своей богини клялся, что как только князь жертву принесет, татарам смерть будет.

— А он и не врал, — криво усмехнулся Брати-

вой. — Изворотливый, как гадюка, только яду побольше. Я слышал, как он похвалялся, что ему столько силы черной подвластно — всех татар у Козельска можно разом истребить. Только Нот-Цорканошу другое надо — чтобы татары и город не взяли, и не отступились. Он-то не зря первый раз как бы по доброй воле помог. Кинул приманку — и затаился. Знал, что татары придут своих выручать. Знал, что и город, который так защищался, они не пощадят.

А как время настало, он и пришел к князю — мол, помогу, ты только жертву принеси. А освободится богиня — так и всем смерть. Татарам раньше — он что-то говорил, что ей жрать будет надо, чтобы свое отродье рожать. А как народит — так и пойдет по миру рать, по сравнению с которой татары, это тьфу, плюнуть и растереть. Орда, да не людей, а нечисти такой, что и в кошмарном сне не привидится. Я видел кое-что из того отродья — мало никому не покажется.

— Ну а у боярина-то какой интерес?

— Они и о том говорили. Доброслав давно присягнул Шуб-Ниггурат, а может кто и еще в городе — эта зараза в Козельске давно. Доброслав поверил, что когда Шуб-Ниггурат вырвется на свободу, она их над людьми править поста-

вит.

— А вот это мы посмотрим, — сжав зубы, ответил я. — Можешь мимо татар в лес провести?

Про то, как мы за городские стены выбирались да мимо татар проскочили — то отдельный сказ можно рассказать. До леса дошли, а там нас уж и молодцы Бративоя встретили. Подвели мне лошадь, и помчались мы во весь опор к городищу. Недалеко от капища мы спешились — оставив своих людей с лошадьми, Бративой вместе с несколькими лесовиками пошел на разведку, а с ними увязался и я.

Великий боже, кто описал бы то, что мы слышали, продираясь сквозь чащу к полыхающим на городище огням и барабанному бою! Даже сквозь деревья было видно, что там творится сейчас — не от мира сего. Костры полыхали синим и зеленым пламенем, и жуткие тени мелькали там. Лес оглашало нелюдское завывание, блеяние, шипение вперемешку с человеческими криками. Эти вопли прорывались сквозь ночную чащу, словно запутываясь в ветвях, растекаясь над головами, словно смрадные испарения из бездны ада.

Временами беспорядочное улюлюканье прекращалось, и человеческие и нечеловеческие

голоса в едином порыве распевали страшный призыв:

— Йа, Шуб-Ниггурат!

И вот мы приблизились к шабашу, дойдя до места, где деревья росли реже. То, что мы увидели, своей мерзостью превосходило все, что могло появиться под луною. Сам вид этого сборища был оскорблением Господу. Меньшая часть собравшихся была людьми — у костров, разожженных вкруг камней, видел я и вятичей, и голядь, и мордву с мерей. Приметил я тут и степняков — и половцев и других, не узнать которых было невозможно. Так значит и в стане врага были сторонники у Нот-Цорканоша? Сколько же их было, таившихся по темным углам по всему миру, поклонников Черной Козы?

Поверхность валунов в свете костров блестела от пролитой крови, алая влага заполняла и дырки на «чашечном» камне. А на земле валялись тела тех, кого закололи на бесовском алтаре. И на этих трупах пировали самые страшные твари, каких только мог извергнуть Ад. Козлоногие черти дрались за куски человечины с клыкастыми уродами с серой, словно мышиная шерсть, кожей и красными глазами. Огромные птицы с лошадиными головам сидели на трупах и терзали

их острыми, как у волков, зубами. Были здесь и псиглавцы, и болотницы с перепончатыми, как у гусей, лапами, и огромные раздувшиеся жабы, и много кто еще.

Но особо выделялись чудовища, похожие одновременно на ящериц, рыб и муравьев. На задних лапах они были чуть ли не в человеческий рост, длинная морда оканчивалась пастью, полной острых зубов. Остальная нечисть опасливо сторонилась этих созданий, терзающих изуродованные тела. От них исходило едкое зловоние, заставляющее слезиться глаза даже в нашем укрытии.

Один из распростертых людей вдруг пошевелился — молодой татарин, валяющийся чуть поодаль от остальных тел. Был он голый, но без единой раны. Не успел я удивиться, что никто из беснующейся нечисти не обратил внимания на лакомый кусок, как татарин громко застонал и приподнялся на локтях, обводя всех мутным взглядом. Внезапно скуластое лицо скривилось от боли, от него отхлынула кровь. Татарин закричал, изогнувшись дугой, его живот вздулся как у беременной бабы.

— Перуне батюшка, — прошептал у меня под ухом Бративой. — Да в нем сидит кто-то.

— Богородица, спаси и сохра… — я поперхнулся своими словами, когда натянутый живот лопнул, разбрызгивая кровь и внутренности.

Пронзительный визг разнесся над поляной, и из зияющей раны появилось мерзкое создание — малое подобие тварей, что бродили вокруг. Еще не успев вылезти наружу, оно начало пожирать еще живого татарина. Только сейчас я заметил, что у холма неподвижно лежат и другие люди — русичи и татары — обнаженные и со вздутыми животами.

— Новый из Младых пришел на землю, — раздался уверенный голос.

Со стороны леса шли трое — сам Нот-Цорканош, Доброслав и князь Василий. Боярин испуганно оглядывался по сторонам и жался к презрительно поглядывающему на него жрецу. Князь же шел спокойно, словно и не замечая непотребства, что творилось вокруг. Взгляд его был пустой — видать жрец опоил его каким-то зельем. Нечисть торопливо расступалась перед жрецом, поднимавшимся по склону холма.

Я поднял глаза — перед валом городища стоял большой черный камень, к которому была привязана обнаженная девушка. Возле нее, словно две уродливых статуи, стояли чудовища из тех,

которых колдун называл Младыми. Девушка не шевелилась — видать лишилась чувств от ужаса.

Поднявшись, колдун воздел руки, и то же самое сделал Доброслав. Князь же по-прежнему стоял, безучастный к происходящему.

— Сыны твои взывают к тебе о Шуб-Ниггурат! — начал колдун. — Восстань Мать Демонов, пребывающая в Изначальной Бездне! Восстань и правь миром! Йа! Шуб-Ниггурат! Великая Черная Коза Лесов, я призываю тебя!

Он говорил, и сборище внизу отвечало, люди — повторением его слов, нечисть — шипением, блеяньем, рычанием, демоническим хохотом. Даже Младые издавали странное полушипение-полустрекот, и я, содрогнувшись, признал звук, что так испугал меня, при первом посещении Чертова городища.

— Восстань, о Всемогущая! — вновь повторял колдун. — И да низвергнуты будут лживые боги всех изгнавших нас — Перун и Хорс, Аллах и Христос! И да падут преграды перед Истинными Богами, что дремлют в Изначальной Бездне. И все мы, верные и преданные, будем наслаждаться властью и всеми благами мира, что дарует нам Черная Мать-Коза. Шхаи'гхок атх'нгаа рилааа

нэб шоггот!

Он говорил — и я видел, как самые страшные мои кошмары сбываются наяву — как призрачным зеленоватым светом озаряются пещеры и как оттуда вытекает черная слизь. Вот она сливается в гигантские лужи, и оттуда начинает вырастать нечто богомерзкое и ужасное.

Отродье неведомой преисподней, подобное черному дереву, с длинными ветвями — словно сгорбленная ведьма с растрепанными волосами, жадно протягивающая руки-сучья. По маслянисто-черной, блестящей «коре» волнами пробегала рябь, «ветки» извивались как клубок змей, а на них словно распускались большие сморщенные листья, из которых стекала светящаяся зеленая слизь. А у основания «ствола» шевелилось что-то вроде клубка огромных червей.

— Отзовись на зов, ведающего слова силы! — вещал колдун. — Восстань и явись с тысячью Своих слуг! Я совершаю знаки, я называю слова, которые открывают дверь! И правитель Каликса провернет Ключ, принося жертву кровью непорочной девы! *Зариатнатмих, Джанна, Этитнамус, Хайрас, Фабеллерон, Фубентронти, Бразо, Табрасол, Ниса, Варф-Шуб-Ниггурат*!!!

В тот же миг я увидел, как в небе появились

тени, чернее самой ночи, с горящими зелеными глазами. Они плясали над алтарем, сливаясь воедино и превращаясь во что-то еще более жуткое.

Чудовищное сборище смолкло, когда в небе появилась черная великанша. Словно сотни маленьких змеек была ее густая шерсть. Вдоль живота и груди тянулось множество пар сосков, к каждому из которых припало уродливое существо. Безобразная голова венчалась огромными рогами, казалось вспарывавшими ночное небо. Лик чудовища был ужасным: наполовину женское лицо, наполовину козлиная морда. Большие, чуть раскосые глаза мерцали зеленым огнем. Когтистые лапы лежали на мощных бедрах, ниже которых начиналось переплетение множества черных щупалец с козьими копытами.

Оглушительный вой и рев пронесся над городищем — все богомерзкое сборище приветствовало свою госпожу. Доброслав же испуганно шарахнулся в сторону. На свою беду он налетел на одну из черных тварей, похожих на деревья. Черные «ветви» оплелись вокруг тела бывшего княжеского воспитателя. Истошный крик предателя огласил капище, и чудовище втянуло его в открывшийся на его теле провал — будто дупло

в огромном дубе.

Мы переглянулись с Бративоем — значит, боярин им больше не нужен? Не ждет ли эта участь и князя, после того как он сделает свое дело?

Богиня Тьмы безмолвно наблюдала за тем, как одно из ее отродий пожирает ее же почитателя. Тело ее колебалось и подергивалось словно марево, сквозь него просвечивали звезды и верхушки деревьев. Я понял, что здесь мы видим лишь образ Шуб-Ниггурат, чтобы воплотиться ей нужно что-то большее. И я уже понял что.

Нот-Цорканош достал из складок одеяния жертвенный нож.

— Сие есть ключ от темницы твоей о Шуб-Ниггурат, — провозгласил он. — И пусть дверь ее откроет правитель древнего града.

Рядом со мной послышался чуть слышный шорох. Я обернулся и увидел, как Бративой достает из-за спины трофейный монгольский лук и накладывает на него стрелу.

— Не поклонится Русь твоему козлищу, колдун! — зло прошептал он.

Звенькнула тетива, и стрела полетела в колдуна. Хорошо бил татарский лук, но Нот-Цорканоша не поразил — угодила стрела в одно из чудовищ. Всеобщий рев раздался над землей, и все тва-

ри начали бестолково толкаться, ища, откуда совершено нападение. Вторая стрела полетела в колдуна — снова мимо.

— Да Чернобог его побери, заговорен он, что ли? — вскрикнул Бративой.

Нот-Цорканош что-то каркнул и сразу с полдюжины Младых, кинулись в нашу сторону, за ними устремилась и прочая нечисть.

— Пора уходить, — произнес Бративой.

— Дай сюда! — я вырвал у него лук и посмотрел на алтарь.

Колдун уже вложил в руки князя нож и занес его руку, чтобы пронзить сердце девушки. Еще миг — и будет поздно.

— Прости, княже, — прошептал я и спустил тетиву.

Уже скатываясь по склону, я слышал полный боли и злобы вопль всех собравшихся чудовищ и поклонников страшной богини, услышал богохульства Нот-Цорканоша. А еще краем глаза я успел увидеть, как падает князь со стрелой в горле и как тает, растворяясь в небе, призрачный образ Темной Богини.

Я плохо помню остаток ночи — сначала бег до коней, наперегонки с нечистью, затем бесконечная скачка по лесу, вой и шипение взбе-

шенных тварей. Сотни, если не тысячи лет готовились они к сегодняшнему действу: высчитывая по звездам, предугадывая знамения, истолковывая пророчества, прячась в тени, ожидая этой ночи. И вот долгожданное возвращение страшной богини было сорвано одной стрелой. Поэтому и мчались за нами жуткие тени с горящими во тьме глазами, слышался неумолчный стрекот и истошные крики лесовиков, которых настигли лесные твари.

И все же нам удалось оторваться — когда мы неожиданно выскочили к городу. Нот-Цорканош оказался прав — река спала, и татарское войско подошло на помощь осаждавшим. Храбро бились козельчане, но сила солому ломит — взяли город татары. Кинулись по лесам беглых ловить — и наткнулись на тех, кто за нами гнался. В суматохе схватке мы и ускользнули.

Горько мне было видеть, как татары режут козельчан — горько, но и понимал я, что по-другому никак нельзя. Видать Господь попустил татарское нашествие, дабы выжечь каленым железом скверну, затаившуюся в козельских лесах, чтобы и духу не было больше той заразы. Так оно и свершилось, и было это благом для Руси.

Сам я расстался с уцелевшими лесовиками

и направил свои стопы в град Владимир, в Богородице-Рождественский монастырь. Там я молился о том, чтобы ужас, затаившийся в козельской чаще, никогда не выполз на свет божий.

Но тщетны были эти надежды. Сначала в монастыре поселился один из лесовиков, соратников Бративоя. Он рассказал, что бывшего предводителя разбойников растерзала неведомая тварь вместе с лошадью. По его словам от окровавленных останков язычника исходил едкий дух — и тут у меня захолонуло, когда я вспомнил, какое зловоние исходило от Младых. Все лесное братство разбрелось по городам, а он ушел сюда.

Этой же ночью ко мне явился Нот-Цорканош. Злобная улыбка играла на его губах.

— Жалкий червь, служитель ничтожного божка, ты сорвал возвращение богини, но не думай, что тебе удалось победить. Шуб-Ниггурат вернется — может через десять лет, а может и через десять тысяч, но это случится. Но ты, — лицо колдуна исказила злобная гримаса, — получишь кару, которая страшнее всех мук вашего придуманного Ада. Жди и бойся, святоша, ибо к тебе уже направлен шоггот!

В эту ночь я проснулся с диким криком, разбудив всех братьев. У меня не хватило духу

рассказать им, что со мной произошло, но уже утром меня постиг новый удар — послушник, бывший лесной разбойник, пропал из своей кельи, сплошь покрытой зеленой слизью. И я понял, что мой конец близок.

Я сижу в этой келье и дописываю последние строчки своей летописи — единственное, что может поведать миру о том, что таится за преданием о Козельске — «злом городе», как его прозвали татары. Пусть об этом не знает простой народ и князья, пусть они и поныне думают, что в Козельске русские люди сражались в неравной битве с могучим врагом — и это будет правдой. Но церковь должна знать и другую сторону этой правды: о вековечном страхе, затаившемся в древней чащобе, что и по сей день опасность эта еще довлеет над созданным Богом миром.

Что это? Не стук ли копыт за дверью?

Да точно он. Тьма уже сгущается по углам моей кельи, поблескивая вспышками зеленых огней. Я надеюсь, что эти твари слишком тупы, чтобы понять, что я делаю, и не тронут моей летописи. А за себя я уже не боюсь.

На последней лучине трепещет огонек — вот-вот погаснет. За спиной слышится шорох, ужасающее зловоние расползается по келье,

и в последнем трепетании угасающего огонька видно, как на стене появляется огромная тень — словно исполинское дерево вырастает позади меня. Что-то влажное и скользкое касается моей шеи. Великий Боже, помоги мн…

Волосы Шивы
Дарья Равина

Вас интересует Лайма Лакис?

Да, я знала её. Наши дачи стояли по соседству, в детстве мы часто играли вместе во время летних каникул. Но потом началась взрослая жизнь, и как это часто бывает — дороги разошлись. Из соцсетей я узнала, что она уехала учиться в Лондон, а там вышла замуж за бизнесмена индийского происхождения. Поссорилась из-за него с родителями. Упорхнула, как бабочка, в поисках сладкой жизни.

Но спустя четырнадцать лет неожиданно вернулась в Москву. Злые языки поговаривали, Лайма связалась с какой-то сектой — вот у благоверного и сдали нервы, подал на развод — но доподлинно никто не знал, из-за чего семейная жизнь разладилась.

На своих страницах она ничего подозрительного не выкладывала. Разве что бросалось в глаза увлечение йогой и духовными практиками, Лайма безмерно любила Индию, много путешествовала, делилась восхитительными фотографиями

древних городов и храмов. Но разве это повод для сплетен? Я уверена, каждый из нас, если бы мог себе позволить, проводил отпуск в тёплых экзотических странах.

Вернулась она весной. И так получилось, что в начале лета, после долгих лет, мы снова встретились. Мы с мужем привезли на дачу детей, у нас к тому времени уже были сын-первоклассник и пятилетняя дочь. Мы оставляли их с бабушкой на всё лето, а сами приезжали в выходные, потому что работали. Лайма, видимо, хотела побыть на природе, в тишине и покое, восстановить душевное равновесие после развода.

Наш коттеджный посёлок как раз для этого подходил. Хоть и пригород, но ощущение, что находишься далеко-далеко от мегаполиса. Уютный лесок, небольшое озеро. Её отец к тому времени умер — рак, а мать улетела на историческую родину — в Ригу, навестить родственников. Так что никто не мешал.

Первое время Лайма держалась отстранённо, явно не желая, чтобы посторонние лезли в её личную жизнь. Ходила напряжённая, подняв плечи. Но постепенно освоилась и расслабилась, немного повеселела. Она была легка на подъём, любила кататься на велосипеде и подолгу гулять.

Но всё-таки бросалось в глаза, что она старается соблюдать дистанцию. Возможно, чувствовала себя неловко из-за появившегося акцента, возможно, отвыкла от такого количества людей, говорящих по-русски, да и позабыла какие-то слова. Детей у неё не было и, кажется, она по этому поводу не переживала. Одиночество её полностью устраивало.

Дом Лакисов стоял справа от нашего. Обычный деревянный коттедж, старый, но благоустроенный, с хорошим ремонтом и ухоженным участком. Только, на мой вкус, откровенно страшный, выкрашенный в отвратительный серый цвет.

Личных вещей у Лаймы было немного. Мы по-соседски помогали переносить коробки. Однако, и этого оказалось достаточно, чтобы превратить дом в филиал индийского музея. Оставалось лишь удивляться диковинным фигуркам и предметам интерьера, специфическим пряным благовониям, непривычный аромат которых быстро пропитал всё вокруг.

Особенно поразила кухонная посуда из нержавеющей стали, которая, оказывается, пользовалась в Индии большой популярностью. Нет, не кастрюли с кувшинами — чашки и тарелки, для меня это стало настоящим откровением.

Лайма же в свою очередь призналась, что совершенно отвыкла от керамики, она ей теперь казалась непрактичной. А над входной дверью Лайма повесила оберег, сделанный из лайма и зелёных перцев чили, нанизанных на нитку. Причём, была соблюдена строгая пропорция, один лайм, семь перцев, а нитка — чёрная.

Сейчас мне это кажется очень забавным — Лайма и лаймы. Возможно, это что-то значит. Я и тогда не понимала, о чём она думала, и сейчас не понимаю. Впрочем, простите… Не будем забегать вперёд.

Мы поддерживали приятельские отношения, но, несмотря на вежливость и гостеприимство, Лайма оставалась сдержанной. Не приглашала дальше гостиной и не спешила делиться подробностями личной жизни. Она с удовольствием рассказывала только об индийской кухне и эфирных маслах, с помощью которых ухаживала за волосами.

О, волосы у неё и правда были роскошные — ниже пояса, цвета тёмного шоколада, густые и блестящие. Не у каждой актрисы или модели такие увидишь, тем более, после тридцати лет. Надо заметить, Лайма следила за собой: модная одежда, хорошая косметика, дорогие продукты

питания. Поэтому меня удивляло её нежелание сделать модную стрижку. На улице она ходила с пучком, а дома, обычно, заплетала косу.

А ещё у неё была привычка петь мантры на закате. Как только солнце касалось горизонта, Лайма затягивала песнопения, и заканчивала лишь с наступлением сумерек. Об этом стало известно случайно.

Как-то раз местные подростки упустили воздушного змея. Он запутался в ветвях нашей яблони, которая стояла у самого забора между участками. Мы отправились вызволять змея, муж принёс лестницу, чтобы залезть наверх. Тут-то мы и услышали это…

Звук шёл из небольшой комнаты под крышей, которая, по моим воспоминаниям, была чем-то средним между чердаком и кладовкой — если, конечно, родители Лаймы ничего не перестраивали. Удивительное ощущение, знаете ли. Вот здесь, где ты сейчас стоишь — обычная жизнь, а там, буквально, в двадцати метрах, происходит что-то необыкновенное.

Пение было очень странным. Я бы даже сказала, ненормальным. Голос Лаймы звучал уныло и монотонно, но после каждого куплета срывался, и она начинала не то кашлять, не то каркать…

Звук был громким и неприятным, утробным, раскатистым, как будто её тошнило. Иногда казалось, что это кваканье, если бы лягушка была размером с дом. Сначала такое «пение» вызвало у всех присутствующих смех, но чем дольше мы слушали — тем больше становилось не по себе. Нарастало необъяснимое беспокойство. Даже заподозрили, что Лайма нездорова, может быть, у неё какой-то приступ, припадок…

Но всё закончилось так же неожиданно, как началось, и Лайма спокойно вышла поливать цветочные клумбы.

Кстати, что это был за язык, мы так и не узнали. Сначала мы с мужем подумали, что индийский, но потом поискали индийские песни в Интернете, сравнили… Нет. Совсем не то. Возможно, это какой-то малоизвестный диалект или специальный ритуальный язык, который в повседневной жизни не используется. В истории я не сильна, чего уж скрывать, а муж тем более — он физик.

Как вы понимаете, подростки не стали молчать о том, что услышали. Слухи о странностях Лаймы поползли с новой силой.

А примерно через неделю случилось вот что.

Я случайно разбила сахарницу, и чтобы не бежать в магазин на ночь глядя, и не оставлять

детей без какао, решила взять немного у Лаймы. О, у неё был хороший запас для кофе! И кофе она готовила восхитительный: перемалывала необходимое количество зёрен, смешивала с пальмовым сахаром, затем варила и добавляла сливки. Но заявилась я, видимо, не вовремя. Застала Лайму растрёпанную, с полотенцем на плече. Неприятно пахло чем-то горелым. А возле раковины стояла большая статуэтка многорукого бога, сделанная из какого-то красивого тёмно-зелёного материала. Мне показалось, что из камня.

Лайма объяснила тогда, что чистила подсвечник, но на её лице читалась какая-то досада. Я подумала, что помешала закончить уборку, но Лайма больше ничего не сказала. Любезно поделилась сахаром, предложила кофе. От кофе, правда, пришлось отказаться, потому что вонь стояла невыносимая. А вот статуэтку бога Лайма быстро куда-то унесла. Словно не хотела, чтобы на него смотрели посторонние

Что это был за бог?

Хороший вопрос. Сначала я приняла его за Танцующего Шиву. Он стоял на одной ноге, словно застыв в пляске. У него было шесть рук. Верхними он как-то нелепо и удивлённо обхватывал

лицо, средние развёл в стороны, сжав кулаки и выставив вверх указательные пальцы, а нижние протягивал вперёд, словно просил чего-то. И такие странные у него были кисти рук — как птичьи лапы, с длинными и острыми когтями.

Пустые глаза без зрачков, тонкие губы, растянутые в неестественной, словно приклеенной к лицу, улыбке. Но больше всего меня поразили волосы божества. Очень длинные, закрученные вверх какой-то безумной загогулиной, как будто он парил в невесомости или плыл под водой.

Я не поленилась, и в тот же вечер, уложив детей спать, открыла наугад несколько сайтов, чтобы почитать про волосы. Оказалось, согласно индуистским представлениям, волосы бога Шивы состоят из вечной энергии и пронизывают мироздание. Мне встретилось много интересных статей, их суть я вам пересказывать не буду, но вот что особенно интересно. Некоторые авторы умудрились связать волосы Шивы с теорией квантовых струн — то есть, с теорией об энергетических нитях, из которых состоит Вселенная.

Не знаю, есть ли в этом какой-то смысл, но для Лаймы, думаю, он определённо был. Недаром же она так тщательно ухаживала за собственными волосами. Я же сделала вывод, что лучше не за-

бивать себе голову непонятно чем.

Тем временем июль незаметно перешагнул середину. Простившись с близкими, мы с мужем и детьми уехали на море, а затем — домой. На дачу тем летом мы больше не возвращались. Сын готовился к школе, после отпуска нас всецело захватили связанные с этим хлопоты. Снова я увидела Лайму только в сентябрьские выходные. Наша дача не была предназначена для проживания в холодное время года, но бабушка перебиралась в квартиру не раньше октября, а до тех пор мы её навещали и вывозили закрутки, сделанные на зиму. Бабушка это дело очень любила.

Я сразу заметила, что в Лайме произошла перемена. Глаза горели, в голосе слышалась радость — словно хотелось похвастаться чем-то. Но поскольку ночевать мы не планировали, я так и не узнала, что стало причиной веселья. Потом я спрашивала в соцсетях, как дела, как поживает, но она отвечала коротко и однообразно: спасибо, всё хорошо. Мне хотелось верить, что она нашла себе какое-то занятие и компанию по интересам, пусть и виртуальную. От безделья и одиночества в голову всегда лезут дурные мысли.

Так продолжалось до конца осени. А в декабре

мне приснился странный сон.

Лайма стояла на пороге дома и звала меня в гости. Радушно встретила и предложила подняться на второй этаж. Но мы пошли не к лестнице. Мы как будто шагнули в угол прихожей между стеной и шкафом — и вышли из угла уже в другой комнате.

Подробностей не помню, всё было как будто окутано плотной зелёной дымкой. В комнате не было окон. Царил полумрак, а в углу, на квадратной тумбе, стояла та самая статуя Шивы — или не Шивы — из тёмно-зелёного камня. Но не такая, какой я её помнила: теперь бог держал в вытянутых руках круглую металлическую чашу.

По бокам от него горели свечи, на полу располагались низкие пузатые вазы, в которых тлело и дымилось что-то очень мерзкое. Можно сказать, данная конструкция напоминала небольшой алтарь. Но с одной существенной оговоркой. Рядом с алтарём, обычно, ощущаешь умиротворение, а здесь царила тревожная, даже гнетущая атмосфера.

Лайма что-то сказала, но звук был шипящий, как будто шли помехи. Потом она улыбнулась и взяла ножницы. Хотя, возможно, они уже были

у неё в руке, не могу сказать наверняка. Лайма отрезала прядь волос и кинула в чашу, которую держал Шива. А потом чиркнула спичкой и подожгла.

И вот тогда я поняла, чем так отвратительно пахло в её доме: сгоревшими волосами. О, вы не представляете, что после этого началось! Волосы вспыхнули, и от них повалил столбом густой зелёный дым, и вдруг завертелся, складываясь в подобие лица под потолком, а Лайма сделала ножницами надрез на руке и начала заполнять чашу божества своей кровью.

Вонь стояла невыносимая! Вероятно, именно из-за неё я проснулась. Или от отвращения. Мне до сих пор не верится, что во сне можно почувствовать такой реалистичный ужас.

Конечно, через некоторое время я успокоилась. Встала, занялась делами, сон стёрся из памяти. Но, к сожалению, ненадолго.

Приближались зимние праздники, у дочки в детском саду ставили спектакль, и ей потребовался костюм принцессы. Я смотрела в онлайн-магазинах, что предлагают, увлеклась, стала разглядывать другие товары для праздников. И нашла маски. Обычные маски — персонажи сказок, герои фильмов, мультфильмов… Среди

рекламных фотографий я наткнулась на одну, которая меня насторожила: девушка-модель прижимала к лицу маску, держа её обеими руками. Эта поза очень напоминала ту, в которой стоял злополучный Шива из зелёного камня.

Именно тогда меня и осенило. Что, если бог не обхватывает лицо руками? Что, если это вообще не лицо, а маска, за которой он прячется? Поэтому такие пустые глаза и неестественная улыбка. Это всё ненастоящее. Иллюзия. Видимость человека или, что ещё страшнее, видимость божества, к которому можно обратиться за помощью в трудную минуту.

Меня охватило беспокойство. Нет, не паника, скорее, тревога, что Лайма увлекается чем-то совсем небезобидным, и зря я игнорировала ходящие о ней слухи. Я открыла её страницу. Долго сидела, думая, что написать, как сформулировать вопрос. В конце концов, я спросила, как дела, призналась, что она мне снилась, и сон был неприятным, поэтому хочу узнать, всё ли в порядке.

Я не знаю, на какой ответ рассчитывала. Но когда Лайма ответила, мне стало страшно. Она написала, что сделала удивительное открытие, и словами этого не передать — поэтому сегодня

она опять придёт ко мне во сне, и надеется, что со звуком всё будет в порядке, потому что ей нужен совет.

Скажу вам честно, спать после этого мне расхотелось совершенно. Ещё и муж подлил масла в огонь. Узнав, в чём суть, он покрутил пальцем у виска и попросил больше не общаться с этой сумасшедшей. А что ещё можно было подумать? Если взрослая женщина уверена, что умеет заходить в чужие сны? Но не будем о её психическом состоянии. Теперь это уже всё равно не важно.

Вам интересно, что было дальше? Видела ли я Лайму во сне той ночью? Нет. Я прекрасно спала и не видела во сне ничего.

Неприятный сюрприз ждал меня позже, когда я включила телевизор. В новостях показали наш коттеджный посёлок. Что, вы думаете, произошло? Ночью он выгорел дотла! Не осталось ничего, ни одного дома, только пепелище. Тогда ещё никто ничего не знал толком, но позже выяснилось, что пожар начался в доме Лакисов. Оттуда быстро перекинулся на соседние дома, гаражи, машины и хозяйственные постройки. Они вспыхнули и прогорели с невероятной скоростью.

Саму Лайму так и не нашли. Не нашли вообще

ни одного жителя посёлка, они будто растворились в воздухе.

Остались только следы на снегу. Следы от босых ног с длинными острыми когтями, расположенные самым немыслимым образом: словно кто-то прыгал босиком туда-сюда

А может быть и не прыгал, а… танцевал.

Верю ли я в сверхъестественное?

Отвечу так: я верю в науку. Двести лет назад люди не подозревали о существовании электричества и рентгеновских лучей — а теперь это обыденность. Кто знает, что учёные откроют ещё через двести лет. Может быть, потомки будут смеяться, поражаясь нашему невежеству и неумению видеть очевидное.

Но сейчас, вы правы, ответа нет. Остаётся лишь гадать, что за чудовище Лайма призвала из глубин безвременья, и куда, в какие глубины Космоса — зачем, для чего — этот монстр навсегда забрал её любопытную душу.

Тень-убивай-весь-день
Вадим Громов

— Миру-Мир, сиди — не вставай, а то рухнешь! Русака ещё нет? Жаль… Новость — атас бронебойный, пытать меня Чебурашкой!

Влетевший в беседку Кирилл возбуждённо хлопнул друга по плечу и плюхнулся рядом, взяв паузу для нагнетания интриги.

Мирослав Мирушев, кареглазый крепыш с античным профилем, задумчиво прищурился. «Атасов» у друга было несколько. «Зачётный», «ни-то-ни-сёшный», «тухлый» и другие.

«Атас бронебойный» приравнивался к сенсации. В последний раз Кирилл выразился так с полгода назад, когда «мисс 9Б» Светка Лазорская — гибрид пай-девочки и секс-бомбы — на предновогодней вечеринке внезапно надрызгалась джин-тоника и пошла в отрыв, чуть не вручив свою девственность классному «ботанику» Аркашке Зимину.

— Ну, чего у тебя там? — с любопытством спросил Мирослав. — Колись.

— Я сейчас тако-о-ое видел… — Кирилл снова

умолк.

— Задолбал загадочного строить, — Мирослав сплюнул сквозь дырку от выбитого две недели назад зуба. — Рожай, что видел.

Кирилл сделал зверское лицо и рявкнул:

— Страшила разбился! С концами, пытать меня Чебурашкой!

— Реально?!

— Нет, весь июнь теперь вместо первого апреля! — хохотнул Кирилл. — Лобовуху с бетономешалкой поймал, джипак в хлам, половина перекрёстка в кровище. Своими глазами видел, как в «Скорую» чёрный мешок запихивали: нет больше Страшилы, не-ту…

— Может, не его тачка, — усомнился Мирослав. — Ладно бы на золотом лимузине, или, там, на бэтмобиле рассекал…

— Он, точно. Я номер видел.

— Дэ ноль-десять АЙ?

— Ага, озабоченный, пытать меня Чебурашкой… Чтобы с такой рожей, и не быть озабоченным?

Друзья захохотали, но быстро посерьезнели. Отпускать смешки в адрес даже мёртвого Страшилы и всего связанного с ним — хотелось не особо. Нежелание прочно угнездилось в подсознании

около четырёх лет назад и не спешило ослабевать даже после принесённой Кириллом новости.

Это произошло в один осенний день, когда лоховатый одноклассник Лёха Гущин, — наусканный классным лидером и его подпевалами продекламировал дразнилку: «Ни к чему совсем Страшиле в жопе вилы, лом в спине, в ухо вилку, в глаз бутылку — ведь не стать ему страшней».

Никто из семи подростков, старательно делавших вид, что они тут не причём, не сумел разглядеть — как находившийся неподалёку персонаж дразнилки преодолел полдюжины шагов, разделявших его и чтеца-декламатора.

Две похожих на капканы пятерни сгребли его за грудки, легко вздёрнув в воздух. Оказавшийся нос к носу со Страшилой Лёха невразумительно вякнул и обмочился.

Голос мужчины, без натуги державшего на весу чуть меньше пятидесяти кило, прозвучал стыло, с каким-то хорошо улавливаемым акцентом. А школьников будто бы проткнули ледяным шампуром — от темени до паха.

— Не надо *так* говорить… Иначе я разозлюсь. Будет плохо.

Договорив, Страшила поставил трясущегося Лёху на ноги, мазнул взглядом по замершим

в ожидании чего-то кошмарного подросткам и ушёл.

Схожести с добродушным пугалом из «Волшебника Изумрудного Города» у их Страшилы было ровно столько же, сколько у мультяшной рыбёшки Немо — с взаправдашним разъярённым шатуном.

Жилистый, бритый налысо верзила без левого уха, с крючковато-хищным носом, обезображенным несколькими шрамами лицом и взглядом человека, в чью душу лучше не заглядывать никогда. Оклемавшийся Лёха клялся, что все зубы мужчины были острые и загнутые как у киношного кровососа, а язык — бурый, усеянный крохотными присосками. Лёхе никто не поверил, а пытающийся разрядить обстановку Мирослав заявил, что будь такое на самом деле, Лёхины штаны оказались бы не только мокрыми спереди, а ещё и грязными и вонючими сзади…

Но все сходились на одном: никто не хотел бы очутиться на месте одноклассника. И ещё — Страшилу следовало оставить в покое. От трёх произнесённых им фраз веяло осязаемой жутью, которую не стоило подпускать близко.

О пережитом позоре договорились молчать, постаравшись стереть его из памяти как можно

скорее. Но клятое воспоминание оказалось живучим, хотя бы потому, что сам Страшила как назло попадался на глаза с неизменным постоянством…

Первый раз он появился в Рывице — посёлке городского типа, находящемся в полусотне кэмэ от Санкт-Петербурга — где-то за полгода до Лёхиного фиаско. И очень скоро оказалось, что у стоящего на отшибе, полуразрушенного особнячка дореволюционной постройки есть новый хозяин.

Потом к дому прибыла бригада ремонтников, и через два месяца особнячок был полностью восстановлен, огорожен забором (не крепостная стена — обычный деревянный, но высокий, добротный, без единой щели). И Страшила стал наведываться сюда пару раз в неделю.

Он приезжал ближе к ночи и покидал дом после завтрака, как по расписанию. За неполные пять лет о нём узнали меньше малого: «ФИО» и о прописке в северной столице. Первое, впрочем, не задержалось в головах аборигенов, вытолканное оттуда уже привычным «Страшилой». На контакт одноухий не шёл, да и откровенно говоря, никто и не рвался налаживать с ним отношения. Даже полубомж Гриня Сухов по про-

звищу «Непросухов», постоянно шляющийся по Рывице в поисках средств на выпивку, держался от Страшилы подальше. Причину этого он обрисовал коротко и исчерпывающе.

«У него взгляд хуже бодуна с палёнки».

Постепенно к обезображенному привыкли, как свыкаются со многим в этой жизни. Тем более что беспокойства он не доставлял никакого. Приехал, побыл, уехал. Всегда один, никто и никогда не видел, чтобы в особнячке собиралась компания. Этому сперва удивлялись, потом перестали. Главное, что в Рывице не начали пропадать ни дети, ни взрослые, ни огородный инвентарь с близлежащих к особнячку дач…

— Короче, в нашей глухомани — минус одна достопримечательность, — подытожил Мирослав. — Рыдаем?

— А смысл? — спросил Кирилл. — Ладно бы это мой знакомый был, которого химичка с англичанкой до тошноты стремались, и мне бы трояки без вопросов перепадали. А так-то чё?

— Поддерживаю.

— Слушай, есть идея… Давай к нему заберёмся?! Сегодня, попозже.

— В морг, что ли? Алё, дурка? Тут один крендель к вам хочет…

— Сам алё! — Кирилл повертел пальцем у виска. — Какой морг? В дом.

— В дом? А зачем?

— Зуб дай, что тебе этого ни разу не хотелось?

— Ну… были мысли. Но как-то…

— Это при живом Страшиле «как-то»! — напористо сказал Кирилл. — А сейчас всё по-другому, пытать меня Чебурашкой. Мы же не воровать полезем — так, поглядеть…

— Оно нам надо? — нерешительно спросил Мирослав, глядя в сторону. — О, Валерка идёт. Русак, шевели ходулями! У Кирюхи атас бронебойный!

Луч карманного фонаря зигзагом скакнул внутри беседки, перечёркивая находящиеся там тени.

— Вон кого в дурку надо… — Кирилл кивнул на Валерку Русакова, стоящего на пороге беседки. — Опять монстра гоняет, пытать меня Чебурашкой. Как его зовут-то, Русак? Напомни.

— Тень-убивай-весь-день, — негромко ответил невысокий худощавый шатен, похожий на подросшего Гекльберри Финна, сыгранного Владиславом Галкиным. — И он есть.

Кирилл наигранно выпучил глаза:

— Конечно, есть! Как по Рывице не иду, трупповозка туда-сюда носится, не успевает жмуров

паковать! Скоро здесь никого не останется, тень ближе к Питеру пойдёт. Или нет?

Валерка молча выключил фонарь и зашёл в беседку.

Кирилл язвительно процедил:

— Чё молчишь? Сколько она убила-то? Или он, как правильно?

— Нисколько, — нехотя ответил Валерка. — Но он есть.

— Брэк, Киря, увянь… — скомандовал Мирослав. — Ну, хочется Русаку монстров фонарём гонять, пусть гоняет. Вот если бы он с шокером ходил и считал, что монстры в чужих задницах обитают, была бы тема для кипиша. Расскажи лучше про Страшилу.

— Ладно, офигевай, теневой ты наш…

За ту минуту, пока Кирилл делился новостью, Валерка ни разу не перебил его.

Но после предложения залезть в дом точь-в-точь скопировал интонации Мирослава:

— Оно нам надо?

— Да вы сговорились, что ли?! — взвыл Кирилл. — Я же не бабушек у почты грабить зову!

— Да это понятно, — пробурчал Мирослав. — За такую тему я бы тебя сразу послал.

Валерка молчал, переводя взгляд с одного при-

ятеля на другого.

— И я бы тебя за такое послал! — кивнул Кирилл. — Вот мы сегодня вечером что делать будем? Сто пудов — здесь просидим. Уже какое лето так, не надоело? Я бы за компом потусовался, да откуда его взять-то, батя опять забухал…

Мирослав и Валерка грустно переглянулись. Никто из троих не мог похвастать домашним благосостоянием. Мать Кирилла умерла три года назад, и ранее не чуравшийся спиртного отец в последнее время стал всё чаще уходить в запои. Родом Тернины были из Читы, там же остались бабушки и дедушки, могущие забрать внука к себе, но он оставил этот вариант на случай, если станет совсем уж туго.

Мирослав с самого детства жил с бабушкой. Мать нагуляла его, а когда сыну было четыре года, зарезала собутыльника, получив несколько лет колонии. В которой она погибла из-за несчастного случая.

У Валерки была полная, благополучная в моральном плане семья. Мать трудилась кассиром в супермаркете, а отец сидел на инвалидности, подрабатывая по мере сил. Понятно, что общего достатка хватало лишь на самое необходимое. Компьютер, правда, у Валерки имелся — общий

подарок крёстных на десятилетие, — но он и тогда не отличался мощностью, а уж сейчас-то…

— Ладно бы Лазорская на пляж заявилась, — продолжал Кирилл, — поглазели бы на сиськи. Но эта кукла с предками в Тунис улетела. У Русака хоть занятие есть — монстра гонять, а мы опять как не пойми что? Полезли, ну…

— Там ведь собаки, — вздохнул Мирослав. — Лая, правда, не слышал никогда, но табличка висит… Хотя зачётно дрессированные и не брешут от балды.

Кирилл довольно ухмыльнулся:

— Нет там собак! Я прошлой осенью от нечего делать на сосну недалеко от Страшилхауса залезал, высматривал. Невидимок ещё не вывели, табличка не кусается, хоть ты на ней Годзиллу нарисуй… И вневедомственной, похоже, нет, я ни одной камеры не засёк. Страшила по ходу считал, что с такой как у него рожей охрана никуда не упёрлась. Ну, что, лезем?!

— Ну, если так…

— А про Трах-Тибидоха забыли? — неожиданно спросил Валерка.

— Да помним… — Кирилл недоумённо пожал плечами. — И что?

Великовозрастный и безобидный дурачок

Вова Самсонов, круглый год гулявший по Рывице и окрестностям, считал себя магом. Роль магического жезла играл пёстрый сувенирный карандаш, постоянно находящийся при нём. Выбрав «счастливчика», Вова подкрадывался поближе и резко касался карандашом избранного, ликующе вопя «Трах-тибидох!». Несколько раз он пугал детей и беременных женщин, за что был бит. После чего стал использовать «магию», в основном, на подростках и пожилых людях.

Спустя год с хвостиком после появления Страшилы в Рывице милицейский наряд получил вызов на Дальнюю, 31. Адрес, по которому находился стоящий на отшибе дом.

Причина вызова заставила стражей закона удивлённо хмыкнуть: на полу освещённой утренними лучами солнца гостиной лежал мертвецки пьяный Вова. Сжимающий в одной руке почти пустую бутылку хорошей водки, а в другой — жезл-карандаш. Рядом с рывицким Гэндальфом валялось несколько вакуумных упаковок из-под сыра и колбасы.

Картина происшествия просекалась слёту. Трах-Тибидох зачем-то залез в особнячок, но попавшаяся на глаза бутылка спутала все планы, а потом его нашёл одноухий. Никто не усо-

мнился, что так оно и было, дурак и раньше не отказывался от угощения. Разве что ему никогда не наливали больше пары стопок, но Вова кривел и от этого: а тут «ноль-семь»…

Страшила от заявления отказался, махнув рукой на причинённый ущерб: что взять с такого гостя… Да и замок в двери был не взломан, а открыт спрятанным в нехитром тайничке ключом, который у дурачка хватило соображения найти. Всё остальное тоже было цело.

На немой вопрос стражей порядка: «А зачем тогда мы здесь?», хозяин жилища дал вполне логичный расклад. Он мог бы вытащить «мага» досыпать за ворота, но где гарантия, что потом тот не заберётся обратно? Или ещё хуже — подхватит воспаление лёгких; всё-таки особнячок в некотором отдалении, а на улице слякоть…

Будить дурачка и дожидаться от него чистосердечного раскаяния Страшиле попросту не позволяло время. Он заскочил на несколько минут и уже опаздывает на важную встречу: ну, не оставлять же Вову как есть… А если тот проснётся в отделении, и суровый сержант доходчиво скажет ему «ай-яй», это может отбить у него всякую охоту влезать в чужие дома.

Тысячерублёвая купюра, послужившая при-

ятной упаковкой понятным доводам хозяина особнячка, закруглила проблему. Бессознательного дурачка погрузили в машину, и наряд уехал.

Трах-Тибидох очухался не скоро, и на вопрос «Какого хрена?» поведал эпос в жанре «тёмное фэнтези».

Многословный и путаный рассказ длился с полчаса, а вкратце выходило следующее. Он залез в дом, чтобы избавить Страшилу от чар злого мага. Ведь на самом деле одноухий — прекрасный принц, который сразу после избавления от тёмного гнёта превратит Рывицу в своё королевство, и все заживут как в сказке.

Но в особнячке на Трах-Тибидоха набросились слуги мага — множество «исчадий ада», от которых пришлось отбиваться что есть сил. Потом появился и заколдованный принц, а дальше Вова помнил уже плохо, но твёрдо стоял на одном — водку ему насильно вливал сам Страшила.

Уликами битвы с монстрами были дюжина ссадин и кровоподтёков на немытом торсе да пара царапин на лице. Правоохранители приплюсовали ещё пару затрещин и выгнали дурачка из участка. Пригрозив, что за рецидив «размагичат» его самого. За неимением жезла пустив в ход обычную резиновую дубинку.

Дурачка никто не принял всерьёз, он сочинял и не такое. Ссадины и царапины он вполне мог заработать от компании тинэйджеров, не жалующих любую гаррипоттерщину. А поверить в то, что Страшила добровольно перевёл на «мага» ноль-семь «Абсолюта»… давайте уж заодно и в Королевство Рывицкое поверим.

Дурачок разнёс эту историю по посёлку, призывая взять «заколдованный замок» штурмом и вернуть Страшиле истинный облик. Местные подивились новому заскоку дурачка и быстро забыли. Он угомонился через месяц, но с тех пор обходил дом и обезображенного по широкой дуге.

— И что? — повторил Кирилл. — Думаешь, там чудовища есть? Полоумному веришь?

— А вдруг есть? — тихо спросил Валерка.

Мирослав улыбнулся:

— Ага, Фредди Крюгер, Дракула и зомби. А Трах-Тибидоха не сожрали потому, что дурость заразна. Кстати! Киря прав, нет у Страшилы собак. Были бы — наверняка порвали бы Вову.

— А я про что! — обрадовался Кирилл. — Ну, лезем?

Мирослав кивнул:

— Я — за. Валера?

Тот обвёл приятелей неуверенным взглядом:

— Не знаю. Время ещё есть, подумаю…

***

— Миру-Мир, помоги, осмотрюсь на всякий пожарный…

Тот обхватил Кирилла чуть выше колен, приподнял над забором.

Спустя несколько секунд Кирилл негромко скомандовал:

— Опускай! Всё как на кладбище.

— Ну, ты сравнил…

— Не парься, — Кирилл повернулся к Валерке. — Короче, теневой. Про фонарь забудь. День сплыл, тень отдыхает. Понял?

— Ночи же ещё светлые… — хмуро сказал тот.

— Я спрашиваю — понял?

— Да.

Кирилл довольно кивнул:

— Не очкуй, мы же не в Эрмитаж лезем. Так, я первый, потом Русак. Миру-Мир последний. Подсаживай.

— А если… — начал было Мирослав.

— Да тихо там, я же видел, — отмахнулся Кирилл. — Да, если вдруг ключ не найдём, и все окна закрыты будут, то сваливаем.

Через минуту троица скучилась на небольшом крыльце. Увидеть ребят с улицы было нельзя — высота глухого забора превышала два с половиной метра, ближний к особнячку дом находился примерно в трёхстах шагах.

— Вэлкам в Страшилхаус, — нервно усмехнулся Кирилл, озираясь по сторонам. — Ключ ищите, я на шухере.

— Смотрите, — хрипло сказал Валерка.

— Опаньки…

Кирилл с Мирославом уставились на дверную ручку, только что нажатую им. Между косяком и тяжёлой металлической дверью обозначилась небольшая щель.

— Опаньки… — шёпотом повторил Кирилл. — Заходим, пытать меня Чебурашкой.

— Ты первый, — буркнул Мирослав.

— Думаешь — забздю? Облезешь ждавши…

Валерка посторонился, освобождая ему путь. Кирилл медленно открыл дверь, прислушиваясь — не долетит ли из дома скрип, шорох… В особнячке было тихо.

Кирилл облегчённо выдохнул и шагнул внутрь, приказав злорадным полушёпотом:

— Русак — за мной. А то ещё забздит последним-то…

Валерка молча направился за ним, правой рукой стискивая фонарь в кармане спортивных штанов. Вошедший последним Мирослав бесшумно притворил дверь.

Они находились в довольно просторной, но аскетично обставленной прихожей. Вообще, внутренняя отделка была простенькой, без каких-либо изысков.

Кирилл молча мотнул головой в сторону ближнего дверного проёма, рядом с которым на второй этаж уходила крепкая и широкая лестница. Шли, стараясь ступать как можно тише, хуже всех получалось у Валерки, иногда шаркающего старенькими кроссовками.

Несмотря на уверенность в гибели Страшилы, душу легонько пощипывала *потусторонняя* опаска, что топни или чихни — и сюда ворвётся призрак одноухого со следами утренней аварии…

За прихожей шла гостиная, обставленная с той же простотой, если не сказать — скупостью. Даже в скудном свете белой ночи, проникающем в щели между сдвинутых штор, комната выглядела как-то неуютно, почти неряшливо. Мебель была топорной, очевидно — самодельной, уместнее смотревшейся бы в какой-нибудь ночлежке

для бездомных начала прошлого века. Ничего откровенно пугающего на глаза не попадалось, но впечатление складывалось странное.

Послышался короткий, еле слышимый свист. Мирослав с Валеркой посмотрели на демонстративно сморщившегося и машущего ладонью у носа Кирилла. Действительно, в гостиной ощущался незнакомый, пока ещё терпимый, но неприятный запах.

Мирослав кивнул в ответ. Пованивает, гадство…

Валерка коснулся руки Кирилла, мотнул головой в сторону выхода. Нет же ничего интересного, пошли отсюда.

Приятель криво усмехнулся и с показушным любопытством направился к стоящему у стены стеллажу, наполовину загруженному разномастными свёртками и коробочками. Валерка обречённо вздохнул, покусал нижнюю губу, борясь с искушением достать фонарик…

«Бум!»

Кирилл, протянувший руку к одному из свёртков, с криком отскочил назад, словно от стеллажа плеснули кипятком, разворачиваясь лицом к источнику звука.

Валерка напротив — будто бы прирос к гряз-

новатому полу. Выхваченный из кармана и направленный туда, откуда донеслись удары, фонарь прыгал в плохо слушающихся пальцах, подушечка большого чиркнула мимо «ползунка» включения. Мирослав пятился ближе к Валерке, приняв боксёрскую стойку.

На пороге гостиной, загораживая путь в прихожую, замерла низкорослая, но по-взрослому кряжистая фигура. Даже паршивого освещения хватало для того, чтобы понять: пропорции фигуры далеки от привычных, она выглядела скособоченной, уродливой…

Незнакомец топнул, и новый «бум!» совпал с включением фонаря. Луч выписал кривую на стене, дверном косяке, мазнул по…

— Сука-а-а… — проскулил Кирилл. — Это что?

Ему никто не ответил. Оцепеневшие ребята со смесью страха и отвращения смотрели на голого по пояс карлика, даже не пытающегося заслониться от направленного на него света.

Голова уродца была несоразмерно крупной, угловатой, с приплюснутым лицом. Жидкие светлые волосы почти не скрывали частых не то наростов, не то шишек, начинающихся от еле заметных бровей и уходящих выше.

Выпученные глаза казались двумя влажно по-

блёскивающими кусочками тьмы: застывшими, немигающими. Разделяющей их переносицы и самого носа было не разглядеть, виднелись лишь ноздри, непомерно широко расплёсканные над верхней — безволосой и приподнятой будто бы в оскале — губой.

Большой, словно перетянутый вправо рот с загнутыми вниз уголками. Неровные, изрядно меченые кариесом зубы. Массивный, смещённый влево подбородок; в сочетании со ртом создавалось впечатление, что нижняя часть лица карлика перекошена вовсе уж жутко.

Щёки казались коряво сшитыми из нескольких кусочков с нарочито грубыми, выпирающими швами; а какой изъян имелся на самом деле… Уши выглядели почти нормальными, но всё портили длинные, зауженные книзу мочки.

Правая рука была несколько длиннее и крупнее левой. А кожа безволосого, скособоченного влево торса выглядела так, словно её сняли, пожевали и вернули на место, разгладив без особого тщания. Из одежды на карлике имелись только грязные джинсовые шорты; ступни были босыми. Уродец медленно наклонял голову от плеча к плечу, разглядывая замерших друзей.

Сбоку послышались быстрые, целеустремлён-

ные шаги. В дверном проёме, ведущем из гостиной в кухню или комнату, возникла вторая низкорослая фигура. Луч фонарика перепрыгнул на неё.

Это была карлица. Головой она почти не отличалась от мужской особи, разница была лишь в длине и густоте волос. Серая мятая футболка неровно бугрилась на груди, обтягивала широкие бёдра и заканчивалась чуть ниже колен. Карлица вытянула шею, шумно вдыхая воздух, будто принюхиваясь к троице. Но неотрывно смотрела только на Мирослава, удостоив Кирилла и Валерку одиночными беглыми взглядами.

— Чё вылупилась, паскуда? — сдавленно выругался Мирослав. — Пошла ты…

В ответ карлица приглушённо зарычала, часто сжимая и разжимая кулачки. Ногти на пальцах были неровно обгрызены почти до мяса. Свет фонарика, часто мечущийся от неё к карлику и обратно, тоже не смущал уродливую бестию. Запах, прежде ощущавшийся в гостиной, исходил от неё.

— Пацаны, чё делать… — проскулил Кирилл. — Пацаны…

— Не ссы, — процедил сквозь зубы Мирослав, панические нотки в его голосе ещё не обрели вы-

пуклость, но они были. — Не дёргайся, главное…

Со стороны карлика долетел целый шлейф звуков, идущих откуда-то сверху и усиливающихся с каждым мигом. Кто-то (или что-то) явно спускался по лестнице со второго этажа.

Валерка направил луч туда, светя между дверным косяком и уродцем. Скоро за спиной карлика возникло что-то невообразимое. Суетливое, по высоте доходящее ему до груди, но от этого не кажущееся менее кошмарным.

Мешанина и переплетение. Эти два слова больше всего подходили для описания твари из паноптикума преисподней, невесть что делающей в особнячке. Длиной она была метра два, гибкая, часто роняющая в напряжённую тишину то ли причавкивания, то ли всхлипы…

Больше всего существо напоминало многоножку, отростки-конечности безо всякой симметрии торчали тут и там, и непонятно, где у неё был перед и зад. Под серо-розовой кожей жилистого туловища беспокойно натягивались и опадали жёсткие канатики мускулов.

Тварь сунулась между косяком и карликом, намереваясь попасть в гостиную. Уродец сдвинулся в сторону, пропуская «многоножку».

Схватив стоящий неподалёку табурет, Кирилл

бросился к окну.

— Стой! — крикнул Мирослав.

«Трах!»

Звона разбитого стекла не последовало. Смявшее штору сиденье треснуло пополам, и Кирилл уставился на сломанный табурет, свалившийся ему под ноги.

Кирилл судорожно вцепился в штору, сорвав её с карниза. На окне стояла решётка, не декоративная, из обычной арматуры. Кирилл повис на ней, выталкивая из горла насквозь пропитанное ужасом «А-а! А-а!».

«Многоножка» устремилась к Мирославу, уродец поспешил следом за ней. Но карлица опередила их, покрыв разделяющее её и Мирослава расстояние — парой прыжков. Изворотливо нырнула под правый хук, летевший ей в голову, и очутилась за спиной парня.

Маленькие ручки вцепились в плечи Мирослава. Карлица с визгом лезла по нему, словно намереваясь забраться на голову. Он заорал и задёргался влево-вправо, пытаясь сбросить её, но мразь держалась крепко, цепкие пальчики правой руки нырнули в раскрытый рот Мирослава, рванули в сторону, разрывая щёку…

Валерка шарахнулся в угол гостиной, и уродец

с тварью бросились к Кириллу, всё так же висящему на решётке.

Конечности существа оплели бёдра Кирилла, и «многоножка» подалась назад, оттаскивая его от окна. Пальцы словно срослись с железными прутьями, не желая разжиматься. Уродец подпрыгнул, повис на решётке. Подтянулся повыше и вонзил зубы в предплечье Кирилла.

Валерка сжался в углу, фонарик был направлен вверх, но через оставшееся без шторы окно попадало достаточно света, чтобы разглядеть кусочки кошмарной мозаики…

Мирослав ворочался на полу, прижимая окровавленные ладони к лицу, а карлица яростно рвала ремень его джинсов, подвывая от возбуждения. Кирилла оторвали от решётки, и теперь верхняя часть его тела была полностью скрыта под тварью, уродец крутился рядом, шипя и выкрикивая что-то невнятное. Кирилл безостановочно сучил ногами, но из-под «многоножки» не долетало ни звука.

Валерке хотелось кричать, но он стискивал зубы, боясь, что крик привлечёт внимание кого-нибудь из обитателей особнячка. Теперь было понятно, что упомянутые дурачком «исчадия ада» — не вымысел. Вову спас Страшила, разыг-

равший перед стражами порядка спектакль, зная, что дурачку никто не поверит, и повторно он сюда не сунется…

Спасать трёх друзей было некому.

Валерка хотел удрать, но руки-ноги не слушались. В гостиную вбежали ещё два существа: голые, взбудораженные. Одно передвигалось тяжеловесно и выглядело скопищем жировых складок, над которыми торчала маленькая голова; черты лица были неожиданно острыми, хищными. Жуткая худоба второго выглядела контрастом, существо двигалось разболтано, словно на шарнирах. Голов у него было две.

Толстяк грузно потоптался, озираясь вокруг, и глубоко посаженные бесцветные глазки увидели Валерку. Издав протяжное «гы-ы-ы», урод заспешил к нему. Двухголовый бросился следом.

Валерка сжался, глядя, как приближается эта пара. Понимая, что в лучшем случае его убьют быстро, в худшем же…

Защитить было некому, кроме… ждущего своего времени монстра. Тень-убивай-весь-день. Страха, которому можно предложить другую *добычу*…

— Помоги!

Слово сорвалось с губ, когда Валерку и урод-

ливую тушу разделяло около трёх шагов. Одна из теней в гостиной вдруг колыхнулась, меняя очертания: став предельно чёткой и *живой*.

Толстяк успел шагнуть ещё раз, а потом тень обволокла его целиком. Валерка услышал вздох наслаждения, и тень уменьшилась на четверть, сдавив тушу. Раздался громкий, многослойный хруст. Новая участница кровавого хаоса крутнулась юлой, и обитателя особнячка отшвырнуло назад.

Урод пролетел несколько метров до стены, а вместо глухого удара раздался вязкий, тошнотворный шлепок.

Через секунду толстяк, превратившийся в наполненный осколками костей бурдюк, *растёкся* по полу. На стене осталась огромная тёмная клякса: тень полностью сняла с него кожу…

Худой успел добежать до Валерки. Больно схватил его за волосы, потянул вверх. Спустя миг боль пропала, двухголовый взвыл — коротко, страшно.

Что-то соскользнуло с головы, несильно царапнуло по лицу, стукнулось о доски пола. Валерка заставил себя открыть глаза.

Кисти существа валялись в полушаге, пальцы так и остались скрюченными, ещё помнящими

прикосновение к прядям жертвы. Срез, проходящий ровно по линии запястий, был идеальным, словно сделанным гильотиной.

Самого двухголового безостановочно корёжило поодаль, тень быстро наматывалась на него витками шириной с кирпич, из-под которых расшвыривалась содранная с костей плоть. Последним витком захлестнуло головы, и они слаженно повернулись на пол-оборота, будто желая посмотреть за спину.

Урод ещё падал, а тень уже наметила себе новую цель.

Многоножка дёрнулась, словно её с оттягом хлестнули куском колючей проволоки. Валеркина защитница всосалась в тварь, как дорожка пыли — в раструб пылесоса.

Раздался душераздирающий звук, и монстр быстро начал искажаться. Одну его сторону затаскивало внутрь собственного тела, а потом уцелевшая половина с влажным треском расселась на конце — как будто распустился экзотический багровый бутон. Из образовавшейся щели неудержимо выпер ком внутренностей, а спустя пару секунд тварь вывернуло наизнанку…

Карлик с воем побежал в сторону прихожей. Тень мгновенно выбросила ему вслед тонкий,

похожий на лиану отросток, обвивший лодыжку уродца и потащивший его обратно. Ещё одна «лиана» сцапала вторую ногу, тень скупо шевельнулась — и карлик повис вниз головой, судорожно извиваясь всем телом, выкрикивая что-то истерически-бессвязное.

Отростки рванулись в разные стороны, с лёгкостью разорвав небольшое тело пополам. Валерка пытался снова закрыть глаза, чтобы хоть как-то отстраниться от властвующего в особнячке ужаса, но что-то препятствовало этому, словно оживлённое им зло заставляло смотреть. Валерка испытывал непонятную, но твёрдую уверенность — это первый крохотный взнос в оплату за помощь. Дальше будет больше. Непременно будет.

Уничтожив уродца, тень метнулась к карлице. Валера до боли закусил нижнюю губу, отчётливо услышав игривое повизгивание: для беспощадного убийцы это было лишь упоительной *забавой*. Щенок, набросившийся на сборище лягушек и радующийся остроте и крепости молодых клыков…

Карлицу тень переломала, как и тушу. Но, не сдавливая, а скрутив ноги и туловище в разные стороны. Так отжимают выполнившую свою работу тряпку.

Всё было кончено.

Или не всё?

Тень качнулась туда-сюда, будто оценивая последствия своего развлечения. Валерка не знал, что делать дальше. Просто приказать злу остановиться? Перечеркнуть лучом фонаря? Или что?

Мирослав и Кирилл были живы. Мирослав всё так же стонал, не отнимая рук от лица, а Кирилл лежал неподвижно, но дышал — тяжело, неровно.

Тень вдруг скользнула к Мирославу — и Валерка закричал, догадавшись о дальнейшем. Короткий хруст сломанной шеи был заглушён криком, а потом тень неспешно направилась к Кириллу.

— Нет! Стой!

Валерка вскочил на ноги, и луч света настиг приближающееся к Кириллу зло. Послышалось недовольное шипение, тень — вне всякого сомнения — испытала неудобство, не сумевшее остановить её окончательно…

Новый скупой хруст, и второй друг безжизненно обмяк. Похоже, тени больше всего нравилось ломать, а в убийстве Кирилла и Мирослава имелось что-то от выходки капризного бутуза, качественно раздолбавшего пять игрушек себе

в удовольствие. Но решившего хоть немного пошкрябать две оставшиеся, чтобы не осталось ничего нетронутого.

Валерка закричал — протяжно, безысходно, — и махнул фонариком, перекрещивая убийцу.

Тень пропала. Не издав ни звука, бесследно.

Валерка замолчал, неотрывно глядя на место её исчезновения. Не хотелось ни блевать, ни плакать: ничего. Часть души омертвела, и подросток знал, что это — навсегда…

Он повернулся и сомнамбулой шагнул к выходу из дома.

***

— Валера, обедать…

Сильно хромая, Глеб Ильич подошёл к дивану. Осторожно тронул лежащего с закрытыми глазами сына за плечо: точно зная, что он не спит.

— Я твой любимый рассольник сварганил. Пойдём, надо поесть.

— Да, пап… — Валерка открыл глаза. — Поесть, конечно.

Он медленно встал, сунул ноги в шлёпанцы и пошёл на кухню. Отец похромал за ним, стараясь совладать с возникшим в горле комом, сдержать слёзы…

Прошло три месяца со дня трагедии в проклятом доме, а сын не изменился ни на йоту. Вёл себя так, словно всё происходящее вокруг не имело ни малейшего смысла, как будто жизнь уже кончилась, остался только набор телодвижений, которые зачем-то приходится выполнять изо дня в день…

О бойне на «Дальней, 31» в Рывице активно судачили до сих пор. Учитывая то, что правда об обитателях особнячка стала известна всего пару недель назад.

Прадед Страшилы был петербургским коммерсантом, сколотившим состояние на всевозможных спекуляциях во время Первой мировой. Он не сомневался, что скоро грядут не самые лучшие перемены, и эмигрировал на родину Жюля Верна и Шарля де Голля незадолго до того, как по Петрограду поехали грузовики с вооружённым пролетариатом.

В Париже прадед не поддерживал связь ни с одним эмиграционным центром, устранившись от любой суеты, нацеленной на борьбу с большевизмом. У него не было гложущей душу тоски по утраченной Российской Империи, зато неожиданно появилась новая, всепоглощающая страсть.

Судьба свела его с престарелым французским аристократом, собирателем разнообразнейших редкостей, не имеющим наследников. Через два года новоиспечённый парижанин вступил в законные права на наследство, увеличившее вывезенный из России капитал почти в три раза.

В коллекции старика помимо предметов утвари, оружия, растений и многого другого имелся «живой уголок».

Разнообразнейшие, найденные во многих уголках мира, уроды. Несколько десятков уродливых существ, от опаснейших до безобидных.

От «недвижимой» и неинтересной ему части коллекции прадед Страшилы избавился быстро, благо, в желающих приобрести ту или иную редкость недостатка не имелось. А вот «живой уголок» он сохранил, в довесок к этому продолжив поиски новых *«жемчужин»*.

Неизвестно, зачем их собирал аристократ, но наследник всерьёз полагал, что полулюди, полумонстры способны притягивать к себе весь физический и моральный негатив, накопленный за любое время. Продлевая жизнь своему хозяину. Он никогда не показывал их широкой публике, со временем «живой уголок» стал для него чем-то личным, сокровенным…

Мир менялся, но этот *сдвиг* предка Страшилы остался неизменным, передавшимся деду, отцу и внуку — словно наследственный недуг. За время Великой Отечественной уродов изрядно поубавилось, а в рывицком особнячке (который до революции принадлежал прадеду-эмигранту) кроме убитых, полиция нашла ещё шесть безвредных особей.

Страшила решил вернуться на родину предка и перевезти сюда остатки семейной коллекции. Почему он сам выглядел как один из её экземпляров — осталось неизвестным. Возможно, теория прадеда была не такой уж и ложной, но со временем хозяева настолько сжились со своими *питомцами*, что негатив пошёл в обратную сторону…

Со временем состояние их рода утратило своё баснословие, и Страшила не мог обеспечить уродам такое существование, на какое мог расщедриться предок-эмигрант. Денег хватило на квартиру в Питере, особнячок и относительно сносную жизнь. Почему он не поселился в доме с карликом и прочими, а взял на себя только обеспечение всем необходимым, тоже осталось тайной. Возможно, просто не хотел, а избавиться от коллекции не мог. В жизни есть вещи, с кото-

рыми нельзя расстаться, ведь это будет разлукой с частью самого себя; и не всегда получается пережить её без неизгладимых последствий…

Не исключено, что уроды жили бы в особнячке и дальше, никому не показываясь на глаза, контролируемые Страшилой. Но пьяный водитель бетономешалки вырастил для Смерти гораздо больший урожай, чем это казалось с первого взгляда.

— Валера, сметану бери, — Глеб Ильич кивнул на контейнер с «Пискарёвской». — Ешь, пока горячее.

Посолил суп, стараясь не замечать фонаря, лежащего возле тарелки сына. Второй остался в комнате, такое Русаков-младший позволял себе только дома, на улице и в школе при нём всегда были оба. Родители ничего не говорили, надеясь, что это когда-нибудь пройдёт.

Официальная версия бойни в особнячке гласила, что уроды убили Кирилла и Мирослава: и, войдя в раж, зверски расправились друг с другом. Валерка рассказал всё без утайки, что привело только к обследованию у психиатра, не давшему никаких результатов.

Отличный специалист разводил руками: переживший кошмар подросток казался нор-

мальным, разве что став чуть другим, немного погружённым в себя. Но это было естественно (после такого-то); вот если бы после убийства друзей Валерка не изменился *совсем*, тогда следовало бы бить тревогу…

Сам он не обращал внимания на то, что думают и говорят другие. Валерка ждал, когда Тень-убивай-весь-день появится снова. Что-то подсказывало ему, что исчезновение зла в доме было хитростью, обманкой.

Страх тени-убийцы появился у него два с лишним года назад. Словно кто-то невидимый шепнул в ухо: «Тень хочет убить тебя», и не верить этому шёпоту было невозможно… Первое время Валерка старался превозмочь сциофобию, но её метастазы всё глубже проникали в душу. Монстр рос, становился сильнее, с лёгкостью противясь попыткам избавиться от него. Однажды Валерка поверил *окончательно* и знал, что его страх однажды оживёт. Но даже не предполагал, что жизнь подкинет проверку, которую он не выдержит, позвав на выручку того, кто возьмёт за это слишком большую плату. А потом захочет ещё…

— Чего в школе интересного? — спросил Глеб Ильич. — Валера, что случилось?

Он обеспокоенно посмотрел на сына, вдруг из-

менившегося в лице, потянувшегося за фонарём.

— Что случилось?!

Валерка не ответил, напряжённо глядя отцу за спину. Тень возникла из ниоткуда, застыв на куске стены около старенького «Минска», как затаившийся в ожидании хищник. Но это точно была она, Валерка чувствовал это.

Луч перерубил тень крест-накрест: бесполезно. Ещё два взмаха фонарём, и всё осталось по-прежнему.

— Что? — отец шарил взглядом по кухне, пытаясь увидеть причину беспокойства сына.

«Я тебя больше ни о чём не попрошу… — Валерка неотрывно смотрел на вторгшееся в его дом зло. — Убирайся, ну!».

Тень вдруг шевельнулась, и Валера почувствовал, что в его левую ноздрю влетело что-то наподобие крохотной сосульки, мгновенно проникшей в мозг.

— А-а-а! — в Глеба Ильича полетела тарелка с супом, а следом — на него кинулся сын, неумело, но яростно орудуя кулаками.

Сознание Валерки застила багровая муть, заставляющая избивать одного из самых дорогих людей.

— Ты что… — вскрик главы семьи оборвал удар,

разбивший губы в кровь.

Отец оттолкнул сына, Валерка ударился спиной о батарею, вскрикнув от боли.

Тень сорвалась со стены, и лицо Глеба Ильича превратилась в кровавое месиво. Пуговицы старенькой рубашки брызнули в разные стороны, слух Валерки обжёг тягучий, жуткий хруст, посередине грудной клетки появилась глубокая алая трещина. А потом рёбра резко разошлись в стороны, как будто распахнулись дверцы шкафчика, созданного обезумевшим мебельщиком. Сын увидел ещё бьющееся сердце, а потом оно резко сплющилось, и Глеб Ильич завалился на газовую плиту со стоящим на огне чайником.

Муть выветрилась из головы, и Валерка беззвучно заплакал, пятясь из кухни на непослушных ногах. Зло стало сильнее, теперь ему не требовался *зов*, достаточно было предлога для защиты породившего его человека. Человека, которым оно могло управлять…

Валерка опамятовался только на вокзале, кое-как одетый, с тремя сотнями в кулаке. Он не помнил, как очутился здесь. Что он хотел? Уехать? Куда? Тень найдёт его везде, от неё нельзя спрятаться… Выход был только один.

Прибытие электрички ожидалось через три

минуты. Валерка купил билет, назвав первую пришедшую в голову станцию, прошёл через турникеты и вышел на перрон, уже прилично заполненный народом.

Огоньки электропоезда показались из-за поворота, и Валерка приготовился закончить всё здесь и сейчас.

Триста метров до платформы, сто, двадцать…

Он закрыл глаза и сделал шаг в раздавливаемую металлом пустоту.

— Ёп! Куда?!

Жёсткие пальцы смяли его предплечье, рывком втягивая обратно. Валерка разлепил крепко сжатые веки, нашёл спасителя взглядом.

Невысокий добродушный толстячок лет сорока пяти тревожно хмурился, оглядывая подростка. За спиной мужчины стояли миловидная женщина чуть выше его ростом и девушка лет восемнадцати, очень похожая на отца. Напряжённые, испуганные…

— Ты чего, парень? Сдурел?!

Валерка ошалело завертел головой, осматривая платформу: без труда найдя то, что искал…

Тень находилась шагах в семи, но потихоньку подползала к ним. Валерка чувствовал, что до *броска*, после которого толстячок, а возможно,

и вся его семья разделят участь уродов и отца, остались секунды.

Мужчина что-то говорил вслух, скорее всего, размышляя, как быть со спасённым — искать родителей или звать полицию, — женщина вставила пару лаконичных реплик. Валерка не вслушивался в их диалог, лихорадочно ища выход из положения.

Бетонная, заполненная почти доверху урна стояла в нескольких шагах, возле столбика металлического ограждения. Среди банановых шкурок, пластиковых стаканчиков и прочего мусора торчало тёмно-зелёное горлышко пивной бутылки.

— Простите… — выдохнул Валерка помертвевшими губами.

— Что? — изумлённо спросил толстячок.

Валерка пнул его в пах, и крепко сжимающие предплечье пальцы ослабли. Мужчина со стоном схватился за пострадавшее место, а Валерка метнулся к урне, огибая женщину и девушку.

Бутылочный бок врезался в бетон, и осколки стекла разлетелись по платформе. Из тамбура, из окон ещё не отъехавшей электрички смотрели ничего не понимающие пассажиры.

Тень шевельнулась, точно так же, как дома.

И в тот миг, когда ноздрю снова обожгло холодом, Валерка изо всех сил воткнул ощерившееся двумя зубцами горлышко себе в шею…

Дочь толстячка визжала, поддерживая упавшую в обморок мать, а над путями и вокзалом поплыл невыносимо жуткий вой смертельно раненного существа. Тень-убивай-весь-день доживала последние мгновения.

Кто-то топотал вдалеке, спеша на помощь. Слабеющие ноги отказали, и Валерка упал на колени, боком привалившись к урне. Уголки рта дрогнули, будто поднимаясь в улыбке, но застыли — мёртво, навсегда…

Река памяти
Ирина Новгородская

Я стою на обрыве, у его подножия застыла огромная река. Противоположного берега не видать, но отчего-то уверенность в том, что передо мной именно река, непоколебима. Возможно из-за цвета воды. Светло-серая, она словно состоит из туманной дымки. Настолько концентрированной, что та не нашла сил парить и змеёй свернулась вокруг отвесной скалы.

Рядом со мной, опираясь на замысловатый посох, стоит человек. Я почему-то считаю его своим спутником. Границы его силуэта плывут радужными пятнами и дрожат, как воздух вокруг пламени. Лицо незнакомца я не могу разглядеть из-за просторного капюшона на его голове. Одеяние неизвестного странным образом преломляет свет, разбивая солнечные лучи на отдельные цвета. Вот только солнца на небе нет. Серые облака затянули небосвод, почти полностью сливаясь с рекой, размывая едва различимый горизонт.

Пытаясь подробнее разглядеть плащ моего спутника, я чувствую, как холодок пробегает

между лопаток. Приходит осознание, что я могу воспринимать только общий силуэт неизвестного. Никаких деталей образа не бросается в глаза, будь то небрежная складка или торчащая из ткани нитка. Всё его существо идеально и словно сияет изнутри, распространяя вокруг себя радужные лучи. Они скользят по моему лицу и бьют в глаза, но не причиняют боли.

Вокруг нет ни единого клочка земли, только тот, на котором мы стоим. Скала с пробивающимися сквозь камни чахлыми травинками, уходит в сторону востока крутым взлётом. Вершина утёса словно отсечена невиданным клинком, настолько ровна площадка, где мы остановились. В десяти шагах от нас пологая поверхность резко переходит в крутой обрыв. Вода внизу подобна застывшему стеклу, ничто не нарушает её покой. Замерев у края скоса, я не вижу границ дымчатой дали. Не чувствую на столь большой высоте даже малейшего ветерка. Полный штиль.

— Где я? — вопрос стремительной птицей летит над водой.

— Это Река Памяти, — отвечает незнакомец бесцветным голосом.

Странно… Стоит отвести взгляд, как из памяти мгновенно стирается образ неизвестного. Словно

я и не видела его никогда. Остаётся только ощущение чьего-то присутствия за правым плечом. Желая запомнить сияние человека, я раз за разом отвожу глаза, чтобы снова взглянуть на него. Но воспоминания ускользают, как капли дождя сквозь песок. Поняв, что бесполезно пытаться осознать что-то столь непостижимое, я принимаюсь осматривать туманную реку. Там начинает что-то происходить.

Слабые волны поднимаются со дна и неспешно разрезают речную гладь. Круги, медленно расходящиеся по воде, напоминают игру рыб в замедленной съёмке. В глубине я вижу движение и подхожу к самому краю обрыва, чтобы разглядеть источник волн.

Белые вытянутые силуэты плывут по течению. Они огромны, их движения плавны и неспешны. Высота утёса позволяет полностью рассмотреть гигантских призраков. Те, которые плывут ближе к поверхности, имеют полупрозрачную оболочку поверх костей. Вероятно, такова их плоть. Она имеет слабый серый оттенок, и у некоторых почти отсутствует. Чем глубже скользит силуэт, тем сильнее просвечивают его кости. На границе, где свет едва пробивается сквозь водную толщу, медленно проплывают голые скелеты. Грудные

клетки созданий хищно щерятся белоснежными рёбрами.

— Кто это? — удивлённо произношу я онемевшими губами и делаю нетвёрдый шаг назад.

Слабость стремительно нарастает, не покидает ощущение чего-то подавляющего и великого. Человек рядом со мной не спешит отвечать, секунды молчания тянутся бесконечно долго.

— Это забытые Боги, — наконец говорит мой спутник.

Я ощущаю, что его голос наполняет меня силой. Если мгновение назад колени готовы были подкоситься, то сейчас я могу покорить самую высокую вершину.

Кажется, неизвестный знает об особенности своего голоса и ровным тоном продолжает:

— Когда знания о Богах исчезают, они теряют свою «плотность» и погружаются в глубины Реки Памяти. Чтобы там, на дне, слиться с миром и вновь переродиться. Когда придёт их час.

— Смотри, там ещё больше плывёт! — Я резво подбегаю к границе утёса и пальцем указываю на особо крупное скопление Богов.

Силы возвращаются и бьют из меня фонтаном. Страх высоты исчез, и перспектива рухнуть вниз меня почему-то не пугает. Даже несмотря на то,

что кусок почвы изрядно проседает под ногами, опасно покачиваясь. Странность обстановки притупляет страхи. Либо что-то намеренно вырвало из груди чувство самосохранения.

Силуэты продолжают сплавляться по течению, не предпринимая никаких попыток сменить направление или хотя бы всплыть.

Действительно, зачем им бороться, когда вера в их могущество давно иссякла?

У кого-то вместо ног неуверенно извиваются хвосты. Другие слегка перебирают похожими на крылья руками, словно хотят взлететь из глубин. Некоторые призрачные формы своей зыбкостью напоминают моего спутника. Как я ни стараюсь их разглядеть и запомнить, стоит посмотреть в другую сторону — как они тут же забываются. Только слабое воспоминание о белоснежности их костей и единой покорности течению бьётся в сознании. Тень былого величия гигантов вызывает горечь и страх.

Если им суждено сгинуть на дне Реки Памяти, что станет с обычными душами?

Зрелище не было печальным, оно разрывало душу.

Не в силах выносить пытку, я хочу отвернуться. Однако все существа куда-то исчезают,

и огромная тень разворачивается возле обрыва, приковывая к себе внимание. Вся поверхность реки, насколько хватает взгляда, темнеет от чьего-то могучего присутствия. Вода больше не идёт рябью или кругами, теперь она хранит противоестественную стеклянную неподвижность.

Я застываю, не в силах пошевелиться. Могущество поднимающейся перед нами сущности тяжкой ношей давит на плечи. Из воды, не поднимая волн, показывается что-то чешуйчатое. Из-за невероятных размеров сложно сказать, спина это или часть хвоста. Но ясно одно: если это божество, то в него ещё свято кто-то верит.

Плоть бога совсем не похожа на дымку, которой были обтянуты проплывающие до него скелеты. Её вообще не видать под огромными чешуйчатыми пластинами. Они чем-то напоминают одеяние моего спутника. Точно так же чешуи сияют изнутри, разбивая свет на множество лучей. Но цвет разный: у человека рядом со мной, в отличие от плавающего божества, цветовая гамма не ограничивается только зелёными и синими оттенками. Пространство между чешуйками сияет перламутром так ярко, словно искусный мастер вырезал и полировал это огромное нечто не одну жизнь.

Божество изгибается на манер змеи, открывая моему взору чуть больше, чем я могу вынести. Неудержимая животная аура нарастает, заставляя дрожащие колени подкоситься, и я тяжело оседаю на землю.

Трясущимися руками перебирая травинки возле коленей, я замечаю медленно поднимающийся из воды плавник. Он словно вывернутая наизнанку человеческая плоть, испещрённая сетью синих пульсирующих жилок. Если чешуя неизвестного бога ослепляет великолепием, то омерзительный плавник воплощает в себе всё несовершенство человеческой плоти. Словно незримый «архитектор» злобно пошутил, смешав невообразимо прекрасное и омерзительное в одной сущности.

— А это божество, время которого ещё не пришло, — мой спутник словно чувствует, что мне необходима поддержка.

Если бы не его фраза, то мощная аура звериного бога раздавила бы мой рассудок.

Не в силах отвернуться или подняться на ноги, я склоняюсь перед непостижимым для меня существом. Когда лоб касается земли, приходит облегчение, словно гора свалилась с плеч. Больше не придётся испытывать столь ужасающую

ауру. Уважение и почитание того, что находится вне человеческого понимания, резко отличается от слепого поклонения. Здесь, на утёсе у Реки Памяти, мне позволили прочувствовать эти грани.

Постепенно могущество неизвестного мне божества тает, и я понимаю, что оно ушло. Когда я поднимаю голову, порыв ветра ударяет в лицо, словно прогоняя со скалы незваного гостя.

— Поднимайся, нам пора, — говорит мой спутник безличным тоном.

Я бросаю на него быстрый взгляд и каким-то шестым чувством понимаю, что за всё время, пока змееподобное божество было рядом, он не преклонился пред ним. Словно ореол человека был в сто крат мощнее ауры звериного божества.

— На ту сторону? Но у нас нет лодки… — растерянно произношу я, и хриплый смех прерывает меня на полуфразе.

— Лодка нам не понадобится. Разворачивайся. Я провожу тебя, — произносит неизвестный с улыбкой в голосе.

После его слов туман в моей голове рассеивается. Да, так и должно быть, я это всегда понимала. Но слабое чувство разочарования звенит где-то в глубине души, рвущейся за горизонт.

Я медленно поднимаюсь с колен и кидаю про-

щальный взгляд на реку, где вода больше похожа на туман. Страх высоты накатывает внезапной волной, и я рывком отскакиваю от границы обрыва. Развернувшись, я вижу тонкий перешеек, соединяющий скалу с большим материком. Он окутан туманом и кажется безжизненным в своей серости. Мой спутник твёрдым шагом направляется в сторону перешейка. Его сияние начинает больно резать глаза, и я ускоряю шаг, пытаясь поравняться с ним.

Но догнать человека не получается, даже перейдя на бег. Когда холод сотнями игл пронзает ступни, приходит осознание, что я бегу босиком по снегу. Свет впереди больше не ограничен силуэтом, он льётся необъятным потоком. Я чувствую себя светлячком, летящим на холодное пламя посреди ледяной пустыни.

***

Ровно в полночь врач отложил хирургические инструменты и устало вздохнул. Снял окровавленные перчатки, кинул их в ёмкость с выцветшей надписью «отходы класса Б». Пока он снимал халат, сёстры сновали по операционной, складывая инструменты в дезинфицирующий раствор. Где-то оборвалась чья-то жизнь. Кто-то, наоборот,

только явился на белый свет.

— Умирать не больно. Возвращаться с того света — вот истинная мука, — процитировал хирург тихо, перед тем как уйти заполнять историю болезни.

Ответа не последовало, только звон инструментов нарушал гробовую тишину.

Столбняк
Гог Гогачев

Вован пощелкал пальцами, выбирая закуску. Подумав, он лишь обреченно махнул рукой, подпер голову кулаком и уставился в стену моей кухни.

— Не, брат, так не пойдет. Закусывай! — я протянул ему ломтик черного хлеба с салом, обернутый стрелкой зеленого лука. — Стресс стрессом, а водочку пить надо правильно.

Вован со вздохом принял угощение и нехотя начал жевать.

— Нет, Володь, не понимаю, — я наполнил стопки. — Какой-то мужик. Ну, стоял ночью во дворе, ну, не шевелился. Может торчок какой-нибудь, мало ли.

— Антоша, — его первый за вечер осмысленный взгляд врезался мне в глаза, — ты думаешь, я того… Поехал, да?

— Нет, блин, так оно все и было. Он смотрел именно на твои окна. Конечно же.

— Не, не. Ты и правда, ничего не понял. Не на окна, — Вован замотал головой. — Этот тип… Он

смотрел прямо на меня. На меня, понимаешь?! Как насквозь меня видел. В душу заглянул, как на исповеди.

— Хватит, — я поднял стопки, пресекая истерику. — Пей!

Его взгляд снова стал пустым, отстраненным. Вован взял стопку. Выпили.

— Закусывай.

Я усмехнулся, глядя, как он хрустит здоровенной редиской.

— Значит, странный мужик стоял ночью посреди двора и смотрел на тебя. Может, ты просто один-единственный дурень среди ночи на балконе торчал? Когда все нормальные люди спали?

— Он до утра стоял. Часов с трех, как я на балкон вышел. — Вован поежился. — Только знаешь, мне кажется, он там еще раньше был. Стоял, смотрел. Ждал. А около пяти пропал.

— В воздухе растворился?

— Я отвернулся на секунду, гляжу — а его нет.

— Ты понимаешь, что ты — поехавший уже, всё?

Мой сарказм Вован пропустил мимо ушей. Нет, с ним и правда, что-то не то. Я уже порядочно окосел от водки, а он — как стеклышко. Не берет его.

— Пойду я, Антоха. Поздно уже.

— Ты точно в норме? — глупый вопрос.

Видно же, что парень совсем расклеился. Но мне завтра на работу и нужно выспаться. Да и супруга за позднюю пьянку живого меня сожрет.

— Да, брат, все ок. Не переживай, — он все же взял себя в руки, улыбнулся.

В прихожей, пока Вован обувался, мы не разговаривали, чтобы не будить жену. Но когда я уже собирался закрыть за ним, он придержал дверь рукой.

— И запах этот, — его словно озарила внезапная догадка.

— Что за запах, Вова?

— Сладкий такой. Приторный, аж противно. Я его тогда всю ночь чувствовал. И сейчас он мне время от времени мерещится. Что-то такое, знаешь… Пломбир напоминает.

— Брат, тебе выспаться нужно. Утро вечера мудреней.

Он растерянно улыбнулся и нажал кнопку лифта.

***

То ли после водки, то ли от Володиной истории, я долго не мог заснуть.

У моего самого близкого друга неприятности. Вряд ли серьезные, но он нуждается во мне. Иначе бы не пришел на ночь глядя. А я отпустил его, толком не выслушав. Нет, не выгнал, конечно. Он парень тактичный, чувствует, когда не до него.

Не до друга. Не до его проблем — своих по горло. Мамочки, когда же я в такое говно превратился? Когда оскотинился?

«Завтра же после работы зайду к Вовану и все порешаем».

Успокоив совесть, я еще немного поворочался и, наконец, уснул.

Проснулся среди ночи, резко, как по команде. Рядом уютно посапывала жена. Я бросил взгляд на часы — пять минут четвертого. Ох, не люблю я это время. С детства запало в память: три часа ночи — самая пора для всякой нечисти.

Ерунда, детские страхи. Нужно выспаться. Завтра куча дел: работа, потом с женой в магазин обещал съездить. К Вовану заскочить надо. Но это ведь можно и не завтра…

Натянув повыше одеяло, я ласково провел ладонью по бедру жены, закинул руки за голову и постарался поскорее уснуть.

Я не мог понять, что не так. Какое-то смутное беспокойство не позволяло мне расслабиться,

будоражило нервы. Что-то…

Запах. Легкий, едва заметный, но вместе с тем навязчивый, яркий. Приторно-сладкий аромат ванили доносился из открытого окна.

«Просто показалось. Вот и нет уже ничего. Напридумывал!»

Запах усилился.

«Мне не страшно. Мне двадцать пять, я взрослый мужик и мне ни капельки не страшно! Я не боюсь никакой мистической херни. Ничего такого не бывает».

Подбадривая себя, я встал с постели и посмотрел на окно.

«Давай, убедись, что там никого нет, и ложись, наконец, спать».

Смотреть наружу — страшно. Я подошел к окну, не смея поднять глаза. Не смотреть — еще страшней. Резко вскинув голову, я выглянул во двор.

Он стоял точно напротив моего окна, возле фонаря, на границе светового пятна. Лицо его, приподнятое и обращенное в мою сторону, оставалось в тени. Но я знал, что он смотрит на меня, ощущал его взгляд. Стараясь побороть страх, я вгляделся в темноту.

— Вован? — вздрогнув от собственного шепота, я прильнул к стеклу, не в силах отвести взгляд

от его искаженного лица.

Кажется, это называется *«risus sardonicus»*: лицевая судорога, болезненный оскал, как при столбняке, напоминающий улыбку. Верхняя губа приподнята, обнажает зубы, брови вздернуты. То ли смешно ему, то ли больно.

Вован стоит неподвижно, навытяжку. Я не пытаюсь его окликнуть — он меня и так видит. Буравит холодным, безжизненным взглядом.

«Господи, пусть он просто уйдёт, пусть просто свалит отсюда нахрен», — эта мантра помогает сохранить рассудок.

— Ты чего не ложишься? — сонный голос жены застал меня врасплох.

Вздрогнув, я отпрянул от окна.

— Ложусь. Спи, малыш.

Супруга перевернулась на другой бок и снова засопела.

На часах без четверти пять. Я снова посмотрел в окно. Двор был пуст.

***

Утром, когда солнышко развеяло ночные страхи, я попытался вызвонить Вована, но его телефон не отвечал. Дома его тоже не оказалось. У меня в голове бродили самые мрачные мысли.

Заявление о пропаже подавать еще рано, не примут. Да и видок у меня еще тот. Не спал всю ночь, глаза красные, перегар…

Я позвонил на работу, сказал, что приболел и отправился домой отсыпаться.

Проснулся уже за полночь, еще более разбитый, чем лег.

Мне… Надо…

Самочувствие отвратительное. Голова раскалывается, во рту пересохло.

Мне надо… Идти.

Что за черт, никуда мне не…

Идти… Мне надо идти.

От ванильного смрада трудно дышать. Против своей воли направляюсь прочь из квартиры.

Идти.

Чувствую, как рот расплывается в судорожной ухмылке, обнажая зубы.

Идти. Мне надо идти.

Надо. Идти. Идти. Идти. И…

Дороже денег
Павел Рязанцев

1

За окном кабинета бушевал ливень, что вкупе с непроглядной чернотой ночи полностью отрезало органы чувств Крипса от происходящего снаружи. Впрочем, чего волноваться? По периметру особняка расставлены камеры видеонаблюдения, а многочисленная охрана постоянно совершает обход. Если кто-то придёт к нему в такое время, об этом непременно узнают.

На самом деле, причины ждать кого-то были. Это, слава богу, не уличная шпана, нанятая кем-то из конкурентов (да, порой приходится быть весьма напористым, даже агрессивным — для пользы дела); это не полицейские, опрашивающие родных и деловых партнёров пропавшего на днях Уильяма Пимена — они уже приходили вечером. Этой ночью должен прибыть курьер… Да, необычно, но и доставляет он отнюдь не газеты (и даже не свежий выпуск «Playboy»).

«Богатство пресыщает и развращает».

На самом деле, пресытиться может и бедняк,

но тогда он будет вынужден либо смириться, либо выбраться из своего болота, добиться успеха, славы (если приспичит), богатства — и пожалуйста!

Перед тобой целый мир с распростёртыми объятиями и улыбкой во все зубы. Всемирно известные рестораны со вселенскими ценниками и красивыми названиями, заменяющими еде и напиткам вкус. Пятизвёздочные отели, казино, горнолыжные курорты — не раз в несколько лет, а когда захочешь (или когда сможешь, ведь многие дела требуют постоянного внимания и личного присутствия). Яхты, дворцы и дорогие машины, которые не будешь использовать по назначению, но на фоне которых можно сделать фото для журнала с твоим лицом на обложке.

Ну и женщины, куда же без них. Модели, актрисы, девушки с низкой социальной ответственностью (как официально, так и по факту), а потом — визиты к венерологу, судебные процессы или — не дай бог — свадьба с последующим разводом и разделом имущества.

Неплохо, но и от этого устаёшь. Рестораны меняются на домашнюю еду, яхты и остальная мишура замещаются домиком в лесу и ЗОЖ, а на смену чехарде «любовей всей жизни» приходит одиночество. Потом и это надоедает.

Вот тут и начинается самое интересное.

Крипс устал ждать и пошёл к мини-бару за виски. Сегодня, если посылку всё-таки доставят в срок, он, может быть, выпьет больше обычного. Не чтобы, так сказать, отметить событие (это всего лишь посылка, одна из десятков, а то и сотен в жизни богача), но чтобы смягчить возможное потрясение.

«Да что вообще в этой посылке?»

Крипсу успели наскучить развлечения людей его круга: вечеринки на яхте, гольф, публичные дома (Амстердамские ли, подвалы ли обшарпанных стриптиз-клубов) и прочий экстрим. Он чувствовал, что искать надо в другой стороне. БДСМ-клубы поначалу стоили своих денег и требуемой секретности, но и там были жёсткие рамки. Тем не менее, это был путь в верном направлении — так решил для себя Крипс и стал копать глубже.

Очень глубоко. И нашёл. Снафф — это совсем не то же самое, что голливудская бутафория; даже самое изощрённое эксплуатационное кино не несло в себе такого заряда, как записи настоящих пыток и убийств. Наблюдая за этим и проникаясь, щекоча нервы и выдавливая из себя последние крупицы сочувствия, можно

ощутить радость от того, что всё происходящее — не про тебя. Впрочем, никто не застрахован.

Кто-то вычислил Крипса и предложил ему «нечто особенное», но на определённых условиях: видео принесут на компакт-диске, причём не оставят в некоем условленном месте, а передадут лично в руки. Похоже на уловку убийцы, причём самую банальную. Однако Крипс почему-то не опасался: то ли он слишком уж полагался на свою охрану и «культ», который всегда был при нём, то ли жизнь наскучила настолько, что глупости стали лишь очередной формой экстремального развлечения.

Когда Крипс согласился, аноним дополнил условия доступа к контенту непременным присутствием курьера при просмотре, а также следующим положением: «клиент не должен копировать, передавать или показывать видео кому-то ещё; в противном случае он будет обязан обеспечить дополнительное содействие работе творческого коллектива сверх уплачиваемой суммы».

Прямо договор с дьяволом какой-то. Впрочем, ничего нового.

Что бы ни было на диске, бизнесмен не планировал нарушать условия этого неписаного

контракта: если «товар» «качественный», то и портить отношения с поставщиком незачем, если же всё плохо, то какой смысл красть контент?

Крипс успел выпить две стопки виски, когда почувствовал, что больше не один в комнате. Сохраняя самообладание и видимое спокойствие («хотели бы убить — уже бы убили»), он поставил початую бутылку со стаканом на свои места.

— Должен признать, вы умеете оставаться незамеченным, — произнёс он и обернулся.

Перед ним стоял незнакомец в пальто и кожаных перчатках. На его гладко выбритом лице читалось удовольствие от реакции «клиента».

«Стало быть, ничто человеческое им не чуждо».

— Итак… — Крипс многозначительно посмотрел в глаза незнакомцу.

Тот без лишних слов потянул руку во внутренний карман пальто (Крипс одновременно с этим засунул руку в карман халата, где лежали конверт с деньгами и пистолет). Курьер улыбнулся, разгадав меру предосторожности, и с приподнятой бровью вытащил из кармана коробочку с CD-диском.

«Хоть бы в пакет завернули, „профессиона-

лы“».

Крипс усмехнулся и вытащил конверт.

— Можете начинать, — кивнул курьер, пересчитав содержимое конверта.

Перспектива смотреть снафф в присутствии постороннего (а может и наоборот — причастного к его созданию) человека не вызывала энтузиазма, но уговор есть уговор. Поскольку в кабинете не было проектора («досадно, надо будет установить»), смотреть приходилось на компьютере.

«Почему бы не пройти в комнату с телевизором с ЖК-экраном?»

— Не надо никуда идти, — неожиданно подал голос курьер, — смотрите здесь.

Крипс подчинился, хотя и неохотно. Конечно, чем дольше запись у клиента, тем выше риск, что он совершит какую-нибудь глупость — ведь того, что на диске, должно быть вполне достаточно, чтобы все причастные, в том числе и сам Крипс, отправились за решётку.

— Можете воспользоваться мини-баром, — бросил через плечо гостеприимный хозяин, вставляя фильм в дисковод.

Пришло время для зрелищ. Да будет свет!

2

Декорации на сцене изображали пустыню, но если присмотреться, то видны следы пребывания человека: черепки, остов колесницы («Доводилось видеть такие на картинах, — отметил про себя зритель, — кажется, древнеримские…»), тропы и следы на них. Простовато, но вполне достаточно.

Экспозицию снимали с разных ракурсов, причём грамотно подобранных. Качество изображения, освещение — всё это уже выделяло этот «фильм» среди просмотренного бизнесменом кровавого мусора, снятого на телефон или, на худой конец, на легендарные камеры, известные по криминальным сводкам, где изображение нечёткое и размытое (и как только по этим кучкам пикселей можно найти грабителей и угонщиков?). Фоном звучал мрачный эмбиент вперемежку с ритуальными барабанами. Вообще, создавалось впечатление, что это не снафф, а артхаус.

«Хорошая картинка, — подумал Крипс, — ребята подошли к работе с фантазией, это заметно».

В центре сцены стояли три деревянных креста, а перед ними — ложе, развёрнутое к крестам фронтом.

Наконец из-за кулис на сцену вышли первые

«актёры». Вернее, вышел один, одетый в доспехи и закрытый шлем римского легионера; в руках у него поводок, обвязанный вокруг шеи второго актёра. Тот полз на четвереньках чуть впереди, в рубище и с по-собачьи высунутым языком. «Пёс» с легионером прошлись вдоль сцены и снова исчезли за кулисами. Через несколько секунд оттуда донёсся возмущённый крик:

— Эй! Ты что, гомик?!..

За криком последовали звуки драки, во время которой на сцену выскочил «пёс», но уже как человек — на двух ногах; в руках он держал небольшой мешочек, позвякивавший при движении. По звуку Крипс догадался, что в мешке монеты, и у него возникли предположения касательно сюжета всего этого спектакля, а на лице появилась улыбка.

Когда счастливчик ретировался со сцены, легионер выволок из-за кулис вырывающегося худосочного мужчину с длинными коричневыми волосами и хипстерской бородкой. В это же время с другой стороны появилась целая группа персонажей: мужчина в пурпурной тоге и бронзовой маске (раскрашенной под бронзу, само собой), выполненной в виде лица с гримасой гнева, полуобнажённая женщина с морщинистой

кожей и мешком на голове, ещё два легионера и два темнокожих раба с опахалами. У одного из легионеров был кнут.

— Ну наконец-то! — зевнул Крипс.

Патриций устроился на ложе, рабы встали по бокам и принялись за работу. Женщина чуть погодя забралась на мужчину, грудью упёршись в его маску, и, судя по движениям и стонам обоих, имитировала половой акт. Или не имитировала.

Легионеры тем временем занялись хипстером, который, судя по всему, и был главным номером программы. На кричащего от боли и страха парня обрушились удары кнута; в отчаянии жертва пыталась удрать со сцены, но палачи проявляли необычайное проворство и выталкивали пленника обратно под пронзительно свистящее орудие прогресса. Сцена избиения, снятая с различных ракурсов и различными планами, сочеталась с происходившим на первом плане незатейливым половым актом (да, это была не имитация), также снятым с разных ракурсов.

«Приятное сочетание, — похвалил про себя Крипс, — но, надеюсь, это ещё не всё».

Примерно через минуту наблюдавший за всем римлянин (насколько ему позволяла маска и вздымающееся и опускающееся женское тело)

поднял руку, и легионеры остановились. Далее последовал сигнал одному из рабов; тот убежал за кулисы и вернулся с мешком, который тут же забрал один из легионеров; из-за кулис показался ещё один, с поводком в руке, на конце которого, тяжело дыша, плёлся… («Неужели Иуда? Было бы символично») …Уильям Пимен.

Крипс вздрогнул от удивления, но тут же взял себя в руки, вспомнив, что не один в комнате. На курьера он не стал оглядываться, но словно почувствовал, как тот ухмылялся, переводя взгляд с экрана на Крипса и обратно. Впрочем, он тут же отошёл к мини-бару, чтобы воспользоваться щедростью покупателя и его запасом спиртного.

Судя по всему, Пимен не осознавал, где и почему находится и что вообще происходит; возможно, его накачали наркотиками и похитили, что объяснило бы его внезапное исчезновение.

А спектакль тем временем продолжался. Пока один из легионеров копался в мешке, ещё двое подтащили хипстера к центральному кресту. Сомнений не оставалось: это инсценировка казни Иисуса Христа (хипстер и правда был внешне похож на популярный образ этого то ли мифического персонажа, то ли исторической личности),

но… оставались ещё два креста. Крипс не был силён в религии (да, он бывал на службах до того, как пресытился — сейчас это казалось ему обыкновенным лицемерием), но припоминал, что с Христом распяли ещё двух разбойников.

«Стоп. Пимен будет одним из них? А кто тогда второй?»

Экзекуция «Христа» началась. Один из легионеров чуть ли не поднял жертву над собой и прислонил к перекрещенным доскам, второй придерживал руки, пока третий, до того копавшийся в мешке и вытащивший оттуда молоток и гвозди, начал прибивать правую руку к перекладине.

С первым же ударом лицо мужчины превратилось в жуткую гримасу, а изо рта вырвался оглушающий вопль. Каждый удар сопровождался новым воплем и звуками плача, а фрикции на ложе становились всё интенсивнее, стоны — громче; уже можно было услышать сопение патриция между криками мученика и увидеть, как его руки, до того шевелившиеся лишь для подачи сигналов солдатам и слугам, заскользили по бёдрам и торсу женщины. Сам он уже словно и не глядел на экзекуцию, полностью поглощённый процессом.

«Иисус» дёргался из последних сил и с криками пытался вырваться из захвата, но уступал палачам физически, а его действия были непоследовательными и хаотичными: он совершенно не пытался отодрать уже прибитую руку от доски, лишь отбивался от садистов свободной.

Когда гвоздь вгоняли в левую руку, жертва кричала уже не так долго. Закончив, легионер, прибивавший «Христа», вытащил из мешка терновый венец, и медленно, под безумно бегающий взгляд замученного хипстера и аккомпанементы музыки и стонов парочки на ложе, возложил его на голову страдальца. Ещё одна серия криков и гримас. Теперь кровь ручьями стекала и из дыр в ладонях, которые уже начали темнеть, и из свежих ран на лбу.

Это была первая жертва. Теперь же пришла очередь Уильяма Пимена.

Положа руку на сердце, следует признать, что Пимен не был чист душой. Он занимался шантажом, а однажды довёл сотрудницу своей фирмы до самоубийства, запугав её с целью сохранить некую тайну. Был ли он сволочью? Да, и ещё какой. Заслужил ли он такую участь? Кто бы ответил на этот вопрос… Если похищение Уильяма было связано именно с этим и стало своего рода

возмездием, то что насчёт остального?

Несчастный хипстер, «сыгравший» Иисуса в этом театре абсурда, — он то в чём виноват? Совершил ли он нечто столь же мерзкое или просто подходил на роль внешне? Разве это оправдывает происходящее на экране?

Вряд ли Крипс забеспокоился бы об этом (он уже посмотрел достаточное количество записей, позиционируемых как настоящий снафф, и ни одна не вызвала у него беспокойства от слова совсем), если бы речь не шла о человеке, которого он знал, с которым лично здоровался и разговаривал. В конце концов, Пимен по многим признакам приходился ему ровней: тяжёлым трудом (пусть и не всегда честным) он достиг высокого положения в обществе, пресытился доступными вещами и развлечениями, в поисках покоя метался из крайности в крайность…

И жил в хорошо охраняемом особняке.

3

Фильм продолжался, но Крипса теперь занимали совершенно другие вещи. *Как и при каких обстоятельствах похитили Пимена? Как курьер попал в дом, оставшись незамеченным?* Крипс оглянулся: тот стоял напротив мини-

бара и с одобрением разглядывал этикетки на бутылках виски и коньяка. Поймав на себе взгляд хозяина, он с напускной вальяжностью откупорил одну из бутылок и начал наполнять ближайший стакан.

За занавесом проглядывались очертания фигуры ещё одного легионера. Вероятно, он тоже держал в руках поводок — со вторым разбойником на конце, но Крипс не обращал внимания на детали, да и на происходящее на экране в целом. Он скрытно, но часто оборачивался на ловкача с бутылкой. Тот уже успел выпить несколько стаканов (удача улыбается щедрым, ага), а его веки то и дело тяжело опускались, на мгновения скрывая спину клиента и незакрытую ею часть экрана. Призвав на помощь всю оставшуюся со времён лихой молодости сноровку, Крипс попытался скопировать видео с диска на компьютер.

Зачем? Передать в полицию, тем самым подставив себя? Попытаться самостоятельно выяснить, где записывали представление? Спасти Пимена? Может, Христа? А может, безнаказанно нарушить условия сделки просто потому, что можешь? Сложно сказать наверняка.

Крипс был уже не так осторожен и ловок, как

раньше, а немезида не так уж пьяна. Один прыжок — и удар бутылкой мгновенно отправил богача в забытье.

***

Боль пульсировала и становилась всё сильнее, шум в ушах — всё громче; налитые свинцом веки было почти невозможно открыть. Но даже когда старику, мучимому болью и шумом, удалось разомкнуть их, темнота не сменилась светом. О нет. Его взгляд уткнулся в слабопроницаемую стену грубой ткани мешка. Осознание сего привело к приступу клаустрофобии и попытке стянуть мешок руками.

Но стоило лишь дёрнуться, как чьи-то крепкие руки резко рванули Крипса вверх и поставили на ноги. Уже через считанные секунды, которых было явно недостаточно, чтобы прийти в себя, его дёрнуло, а затем — потянуло в сторону света, пусть и почти скрытого тканью мешка. Рывок был такой сильный и резкий, что заболела шея.

Несколько шагов спустя движение прекратилось. Из общего гудения в ушах стали выделяться несколько доминирующих звуков. Ритмичные удары в барабаны. Оргазмические вопли. Крики боли. Удары молотка.

Обломки мыслей, словно распавшихся после сильного удара («бутылкой?»), пытались выстроиться в более-менее связную структуру. Итак, Крипс попытался скопировать снафф-фильм, где в роли жертвы среди прочих фигурировал Уильям Пимен, похищенный не далее чем за день-два до получения диска с фильмом. Нарушив условия договора, запрещавшего копирование «эксклюзивных материалов», Крипс получил по голове, был похищен и теперь должен «обеспечить дополнительное содействие работе творческого коллектива», что бы это ни означало.

Мешок снят. Перед Крипсом стоял крепкий мужчина в костюме и закрытом шлеме римского легионера, в его руках находились концы верёвок, а вторые концы были обвязаны вокруг шеи и запястий богача.

«Хотя, какая теперь разница, да?»

Но это не всё. За легионером виднелось ложе, на котором совокуплялись двое немолодых людей; рядом стоял негр с опахалом, а ещё — несколько человек, прибивающие к деревянному кресту справа от центрального…

— Что?.. — прохрипел Крипс.

…Уильяма Пимена. «Опять?!». Присмотрев-

шись, бизнесмен увидел и «Иисуса» тоже — на центральном кресте, его раны были совсем свежими и кровоточили.

— Я не понимаю… — просипел Крипс, разглядывая «артистов»: они были один в один жертвы из записи.

Или просто людей загримировали под тех, что уже были? Зачем? Для него, что ли? Вряд ли.

— Идём, — прозвучал знакомый голос, — твой черёд.

Крипс повиновался. Его словно не заботила собственная участь; зачарованный странностью происходящего, он осматривался, как если бы всё происходило во сне. Он ещё раз оглядел Пимена и удостоверился в его подлинности, убедился, что раны «Христа» появились буквально минуту-две назад (легионер как раз надевал венец ему на голову) и что они настоящие.

По пути (вели без спешки) он наблюдал за тем, как прибивали Уильяма. Он отбивался не так рьяно, как игравший роль мученика («случайный прохожий?»), полагая, что это только провокация или ещё что-то подобное с целью заставить богатея пойти на сделку. Крипс тоже предположил это, да и не понаслышке знал о таких практиках.

Те, кто романтизирует криминал или мир

больших денег в целом, часто забывают о беспринципности и чрезвычайной жестокости как профессионалов, так и дилетантов.

Да и кто сказал, что это не так?

Крипса подвели к крайнему левому кресту и развернули лицом к залу. Действие происходило в театре, который, судя по исправному состоянию внутренней отделки, был отнюдь не заброшен и не забыт. И зрительный зал не пустовал, даже наоборот — большая часть передних рядов заполнена вяло шевелящимися зрителями, за исключением нескольких именных кресел, которые пустовали.

Публика была разнородной, но некоторых людей Крипс узнал, что и стало причиной первых трещин в некоем ментальном барьере, из-за которого происходившее воспринималось как сон или галлюцинация. Зрение обострилось, и старик смог прочесть имена на некоторых пустых креслах; среди прочих были имена Пимена… и его собственное.

Ощущение нереальности происходящего рассеялось, появился страх. Тянувший Крипса легионер, оказавшийся тем же человеком, что доставил ему диск, молча подошёл, разрезал путы на руках и снял с шеи петлю; охваченный ужасом

старик рванулся и попытался прорваться в зрительный зал, но не успел сделать и нескольких шагов, как его схватили и подтащили обратно к кресту.

…Дискомфорт от захвата сменился дикой болью от гвоздя, с ударами молотка пробившего кожу, сокрушившего кости кисти и расшевелившего их обломки при дальнейшем смещении к тыльной стороне запястья и вхождении в доску перекладины. Это продолжалось до тех пор, пока шляпка гвоздя не упёрлась в кожу поверх переломанных костей и разорванных мягких тканей. Затем история повторилась и со второй рукой.

Всё это время Крипс кричал как никогда до того (может быть, лишь в момент своего рождения…), его выпученные глаза грозили выпрыгнуть из глазниц, а голосовые связки — порваться от напряжения. Где-то на фоне кричали «жертвенный агнец» с Пименом, но собственный крик всегда чётче. Боль от тернового венца терялась, почти не ощущаясь поначалу, хотя кровь из ран лилась ручьями, заливая лицо и попадая в рот. Разве может быть ещё хуже?

Оказывается, может. Легионеры разом отпустили тело и руки своей жертвы. Сердце старика едва выдержало эту боль (возможно, было бы

даже лучше, если бы оно разорвалось, и на этой высокой ноте страдания закончились), а вопль заставил некоторых зрителей заёрзать в креслах. Девушка на заднем ряду нюхнула кокаин из косметички.

«Совсем чуть-чуть, ведь ради него пришлось совершить немало „подвигов“».

Мужчина в строгом костюме поморщился — большая часть криков обычно не достигала его ушей (зато они то и дело звучат в квартирах людей, которым предстоит съехать из-за долгов перед его банком), но сегодня кричали особенно громко.

— Зачем?.. — прохрипел Крипс в лицо одному из палачей.

Тот беззлобно рассмеялся и кивнул в сторону зрителей.

Впрочем, ничего нового.

А может, кое-что новое всё-таки есть?

Из зрительного зала на сцену поднялся человек (ни Крипс, ни Пимен его не знали) и подошёл к центральной жертве. Та подняла голову; остальные жертвы не видели выражения лица «Иисуса», но по шумному дыханию можно было предположить смесь страдальческой надежды и искрящейся где-то в глубине зрачков злобы.

— Рядом с тобой — воры, убийцы и обманщики, — начал незнакомец (агнец огляделся, насколько позволяло положение), — но у каждого должен быть шанс на прощение. Поэтому я спрашиваю: прощаешь ли ты их?

— Да! — воскликнул «Иисус».

— Хорошо, — ответил незнакомец, после чего один из легионеров обнажил клинок, стилизованный под гладиус, и освободил страдальца от мучений.

— Он попадёт в рай, а вы здесь сдохнете!

Легионер, выполнявший роль курьера, надел на голову самой отдалённо и одиноко сидящей в зале особы мешок и поволок жертву за кулисы…

Дар моря
Евгения Юрова

Живу я тут с мамулей, вы ее видели?

Да-да, она мне разрешает гулять, мы уже освоились. Конечно, я рад таким новым друзьям, как вы: там у меня совсем не было компании, ну, кроме бабули, разумеется. Нет, она пока осталась, к сожалению. Мы не успели ее забрать. Надеюсь, пра-прадедушка что-нибудь придумает, он очень умный, как оказалось.

Я?

Да, в общем-то, привык, мне очень нравится. Не, не холодно: нырял с раннего детства. Чего, рассказать в подробностях? А вы что, не видели? Как это «тут родились»?! Разве можно? А, новое поселение… ну, ясно. Постараюсь, но вы уж не обессудьте, раз что непонятно. Мне кажется, важнее всего были последние дни, до этого скучно.

***

Наш домик стоял прямо у линии прилива, в двух сотнях метрах максимум. Город — горо-

дишко на самом деле — располагался выше, на небольшом утесе, туда вела одна-единственная стародавняя каменная лестница. Наверное, тамошние жители считали, что так защищаются. Смешные. Еще они неустанно сетовали на промозглый климат, вечно пасмурное небо, долгие дожди, сменяющиеся густыми и еще более долгими туманами.

Дураки, а?

Это ж надо предпочитать жару и солнце, вы послушайте!

Сколько себя помню, любил нашу погоду, море и спокойный берег. Кроме того, каждый раз, когда я хотел, небо становилось темным, как ночью, и шел дождь, превращавший воздух в сплошную водную взвесь, мелкий или крупный, по желанию — это тоже подарок, который мне долгое время казался совпадением.

Прекрасно, правда?

Вы тоже расскажите потом о своих подарках. Может, мы сможем устроить игру.

Бабушка не работала: она была совсем слабая и худенькая, часто кашляла, иногда я замечал кровь на ее платке. Нырять меня научила мама — это очень пригодилось. Когда мы с ба остались в домике вдвоем, то первое время еды было мало,

но вскоре, годам к семи, я стал зарабатывать достаточно, чтобы кроме добытой рыбы и моллюсков на столе были молоко, масло, хлеб или даже пирожки от миссис Пейнсон. Это такая еда, с начинкой. Неважно.

Увы, бабушке это не слишком помогло: она уже не могла нормально есть, ей становилось плохо, так что я кормил ее все больше рыбным бульоном и размоченным в нем хлебом с маслом. Все равно большую часть рыбы я уносил в свой секретный тайник.

Да, жилось нам вместе хорошо, но соседство не радовало, и скучал я по…

Почему раньше не пришел? Да я и не знал… а если знал, то боялся, наверно. Я ж половинчатый. Ха-ха, ну да, сейчас уже не скажешь, а изначально мама была из этих, незнающих.

А?

Ясное дело, хотелось. Мне снилось море, прапрадедушка, прабабушка. Чем дальше, тем больше. Часто я ощущал, что стоит мне заплыть за рифы и перестать подниматься за воздухом, радостным рывком опуститься в бездну… ну, вы понимаете сами, ага. И вот там все будет совсем по-другому: соседи не станут гонять меня и зло перешептываться, все заживут счастливо,

и никто никуда не денется. Никогда. Может, чувствовал, вы правы.

Но каждый раз я выныривал — не мог же я оставить бабушку.

Что мне больше всего нравилось, после плавания, конечно, это наблюдение за чайками, бакланами, альбатросами, слушать их мелодичные голоса. Это такие птицы, тоже любят море. Ну, небесные рыбы. Так вот, я любил раскрошить остатки хлеба и кинуть в воздух — чайки подхватывали прямо на лету, так красиво! Они очень умные и не просто галдят и носятся, как думают люди там, над обрывом.

А вот что было страшнее всего — плохое здоровье бабушки. Она говорила, это плата, и ее нужно выносить с достоинством, но я же видел, я знал, что у городских докторов получалось — не всегда, но временами — вылечить и не такие болезни. Маму они тогда бросили, да. Даже не пришел никто, даже не попытался. А теперь отмахивались от бабушки. В особенно меланхоличном настроении я невольно представлял, что может случиться — я ж не был в курсе, ну… полагал, останусь там чуть ли не навсегда. Я мог, конечно, прокормиться один, но очень уж я люблю бабулю. И мама любит. Мы ее обязательно заберем!

Я обнимал ее, подчас плакал, как маленький, и просил никуда не уходить от меня.

Бабуля ничего не обещала, так как никогда мне не врала, а только трепала по волосам и выговаривала:

— Фу тебя, плакса, только бы ныть. Никто никуда полностью не девается, ерунду говоришь. Чего ж тут бояться, милый мой, разве что скучать немного. Мне такой старой не очень и удобно. Глядишь, стану тварью какой морской или вон чайкой.

— И тогда я тебя отпущу.

— Да, сынок.

Когда становилось совсем грустно, я выходил на крошечную террасу домика и дотемна смотрел на серое небо, представляя, что бабушка стала одной из чаек. Становилось легче. Я навещал свой тайник, от чего на душе теплело окончательно, и спокойно возвращался спать, чтобы утром снова отправиться в море.

Как бы тихо я ни собирался, бабушка всегда просыпалась и начинала помогать, попутно бормоча свое обычное:

— Иди осторожно, сынок, рыбаков остерегайся, совсем глубоко не заходи, возвращайся до темноты и не слушай голосов, если не видишь света.

Хотя если видишь, тоже не слушай — это рыбаки…

Она звала меня именно «сынок», может быть, напоминая об отсутствии другой родни: мамы с нами нет, отца я не видел никогда. Второй муж мамы пропал как раз после этого самого… Бабушка, понятно, ошибалась, но я не имел права рассказать ей о секрете.

***

Если небо было ясное, что случалось крайне редко, только к вечеру, от нас был виден шпиль городской церкви на холме. А если прислушаться и мысленно отстраниться от прибоя и голосов чаек, можно было уловить гул колокола, зовущий жителей на службу. Звонил он единственно по утрам. *Другой* гул, зов, предназначенный мне, я слышал всегда, но больше — ночью. Сомневаюсь, что ухо прихожан церкви способно его различить.

А?

Да-да, я пробовал подойти поближе. Но меня не пустили. Я не слишком расстроился, но с тех пор время от времени спрашивал у бабушки о людях, собирающихся в церкви на холме, и об их вере. В чем ее смысл? Почему она предписывает

не любить меня? Существует ли их бог, или они его выдумали, как лавочник мистер Грейс, выпив лишнюю рюмку, выдумывает морские подвиги, хотя в жизни не был в море?

— Не знаю, не знаю, сынок, — отвечала бабуля. — Может статься, и существует, а может, и нет. Ихний бог чудной, но чего только на свете не бывает.

Тут взгляд ее становился серьезным и задумчивым, будто подернутым прибрежным туманом, а тон — отстраненным.

— А наш существует. Поистине существует, сынок, и не приведи тебя Отец отказаться от него, — наставляла бабушка. — Правда, — добавляла она порой, — милости он оказывает редко.

Я не был с ней полностью согласен, но не мог об этом сказать.

***

Другой проблемой были городские мальчишки. Пока я не придумал, где прятать моллюсков, рыбу и вырученные деньги, они прям житья мне не давали. Взрослые не препятствовали — они бы сами рады помучить любого, кто хоть чем-то не похож на них, только ленятся и «лицо блюдут», что бы это ни значило.

Помнится, знавал я хорошего человека, его все звали просто «Джо», хотя на самом деле он именовался Пурик, что на его языке означало «странник». Это был очень остроумный и приятный парень, но в детстве его родню кто-то убил, и он попал в семью мэра, и теперь им все помыкали.

А еще, это мне рассказала бабушка, жила в городке барышня мисс Джеймс. Она нас не сторонилась, и вообще никого не сторонилась, читала вот много, всех любила — только не хотела замуж и детей, хотела, ну, учиться мож, а родители ее не слушали. Ну вот отец мисс Джеймс, убедившись, что не уговорит дочь, взял да и продал ее в какое-то нехорошее место, а она там удавилась… Эх, надеюсь, она тоже стала красивой чайкой. Или хоть мышкой — любила она мышей и крыс, вон даже подкармливала.

Изредка ребята играли со мной в пиратов или просили камешки и ракушки (ведь я находил лучшие!), но в основном кидались чем-нибудь жестким и отбирали улов. Как-то их заводила, Джонни Хейтсон, разоткровенничался и объяснил: это потому, что и я, и бабушка, и все наше семейство — мы настолько другие, что неприятны «нормальным людям», а я, как ему говорит

дед, «дьявольское отродье». Звучало обидно, но не совсем понятно, поэтому, продав припрятанное, я рано вернулся и спросил об этом бабушку.

— Не слушай мальчишку, — заворчала она, — чепуху мелет.

Так она реагировала всегда: на отказ молочника приносить нам товар к двери («вонь рыбная такая, что молоко прокиснет!»), на маленькие цены, которые мне назначали на рынке за хороший улов. Я никогда ей не отвечал на это, только кивал. Невзирая на возраст, я прекрасно видел, что отличаюсь, и мальчик прав. С другой стороны, Джонни также хвалился, что у него лучшие отметки в какой-то «школе» и самая красивая мама — миссис Хейтсон, дочь прежнего пастора. Вот это был спорный вопрос. Сколько я ни размышлял, так и не понял, в чем ее красота.

Вообще у жителей городка были странные понятия. Вот, скажем, бабулю, если видели, они обходили стороной и за глаза называли «старой ведьмой» и «страшной каргой». Да, у нее дряблая кожа в пятнах, плохое зрение, скрюченные от работы и холода пальцы на руках и тонкие волосы цвета морской пены в серый день. И мама не такая молодая, как миссис Хейтсон, и у нее

нет этой противной белесой гривы волос, красок для физиономии, уймы тряпья, которые принято напяливать и вертеться перед зеркалом. Ага, это у них «красиво» считается. Странные…

Мама с бабушкой столько всего знают! Они добрые, заботливые, мудрые. Если обнять их и ткнуться носом, от них пахнет семьей, детством. Они много жили — особенно бабушка, — и жили достойно, без излишеств и зла, все у них в меру. Разве это не красота? Ну вот, да, а городские считают иначе.

***

Самое важное событие, как это говорят, поворотное, произошло одним туманным вечером, на рынке. Я практически все продал и, довольный, хотел было уйти, но не тут-то было.

— Эй, ты, чертеныш, — окликнул меня мистер Грейс. — Тут тебя видеть хотят.

— Точно меня?

— А то ж. «Приведи, значит, мальчишку, что прям у моря живет в хибаре». Тебя, стал быть!

Спорить со взрослыми из города было себе дороже, так что я послушно поплелся за лавочником в бар, где собирались почти все их мужчины.

Что делают?

Да если б я знал!

Там положено пить какую-то вонючую отраву, от которой краснеет физиономия и тянет горланить неприличные песни. Может, они так развлекаются. Ну разве не странные?

Вернусь к рассказу. В баре меня и вправду поджидал незнакомец: тощий, как жердь, некогда сильный, но порядком сдувшийся. Одежда на нем была дорогая, но потертая, прям как сам ее владелец. Он курил трубку и смотрел искоса так, украдкой. Я еще запомнил его глаза — нехорошие такие, бегающие.

Кинув монету Грейсу, тощий велел мне сесть рядом и приступил к делу. Сперва он обращался со мной, как с недалеким младенцем — частая ошибка взрослых, полагающих себя умнее всех, и особенно младших. Обещал конфеты (гадость редкостная), солдатиков (ужасная, жестокая игрушка!), потом запугивал, что отвадит от меня всех друзей (несуществующих). Осознав, что я не так прост, он перешел на более жесткий тон. Задавал вопросы о нашей с бабушкой жизни, об отце, маме, торговле.

Ну что я мог ему ответить?

Честно сказал, так и так, живу на берегу с одной бабулей лет этак с пяти, безотцовщина (так

им проще понять), отчим был недолго, да сплыл, и его не помню, пробавляюсь тем, что ловлю всякое. Тощий только хмурился и хмыкал себе под нос.

— А почему у тебя есть рыба? — спросил он вдруг.

Я удивленно моргнул.

— Она всегда в море есть…

— А вот и нет. Ни у кого щас нету!

И только в ту секунду до меня дошло, что я один продавал ракушки и дары моря, а рыбаки не показывались на рынке вот уже с месяц. В повседневных заботах я как-то не обратил на это внимания.

— Места надо знать, — отговорился я.

Наконец, после череды вопросов, один другого нелепее, дядька отпустил меня, пробурчав, что «теперь-то ему все ясно». Возвращаясь в родной домик, я с облегчением вздохнул и забыл неприятное происшествие — мало ли кто что спрашивал. Рано радовался.

***

Той же ночью я подскочил от резкого стука, за которым последовали крики и металлический лязг. Кто-то рвался в дом! Я сразу вспомнил да-

вешнего незнакомца. О, как я проклинал себя за трусость, за то, что рассказал о бабушке первому встречному! Да, он все равно знал, где мы живем, а откажи я ему, и прибить мог, так-то оно так, но страху я натерпелся нешуточного.

Бабушка тоже проснулась и, отчаянно маша мне рукой в сторону шкафа для припасов, выглянула в окно. Как вы догадываетесь, я не собирался подло прятаться, а сам вышел встречать нападавших. Помимо, разумеется, тощего это были мистер Грейс и надутый, как сарделька, мясник мистер Смит. Дверь отворять не пришлось: они мигом выломали тоненькие доски, ворвались в домик и, схватив бабушку, приставили к ее горлу тесак.

— Денег у нас нет, только рыба, посуды немного да лавки, а книги вы, небось, и читать не умеете, эти уж точно! — кричала заложница. — Забирайте что хотите, не трогайте мальчика!

Я застыл в растерянности. Наброситься на разбойников? Но у них бабушка и они сильнее. Бежать в город и звать на помощь? Никто не придет, кроме Пурика, а его не пустят.

— Да не нужны нам твои мерзкие книги, старуха! — огрызнулся тощий. — Жить не надоело — давай говори, что твой чертеныш прячет

в подвале.

— Совсем из ума выжил, не рановато? Какой подвал, деспот?!

— Я видел, как он носит туда тонны рыбы. А, скажешь, нет? Все бы врать! Что вы там устроили? Грейс, Смит, скажите, знаете вы про подвал?

— Т-так точно, — подтвердил Смит, запинаясь. Он явно страшился бабушки и дома, вернее, того, что о них рассказывали. — Лезет куда-то за домом, отодвигает лодку, поднимает люк — только его и видели. По вечерам обычно. Я в трубу не раз высматривал, вот и доложил, как ты вернулся.

— Ну! — снова пригрозил тощий.

У бабушки от испуга тряслись руки. Она не могла вымолвить ни слова.

В этот момент я осознал, как следовало поступить. План был рискованный и не совсем честный — ведь до поры я обещал хранить секрет! — но эти хамы угрожали бабушке…

— Хорошо! — крикнул я. — Мистер Смит, мистер Грейс и вы тоже, мистер, как вас там… пойдемте, я покажу подвал. Я просто солю там рыбу.

— Ах рыбу! — саркастически, но уже не так зло повторил тощий, переглядываясь с приятелями. Такое объяснение им явно в голову не пришло. — Ну, валяй. Обманешь — сам на засолку пойдешь.

Грязно ругаясь и ворча, мужчины потопали следом — за дом, где под маминой лодкой действительно располагался люк в тайник. Бабушка никогда не поднимала его. Она в целом редко выходила, да и не смогла бы сдвинуть тяжесть.

— Подождите, джентльмены, мне нужно отпереть внутреннюю дверь, — невинным тонким голоском промямлил я. — Лестница крутая и узкая, вы можете упасть, если толпиться всем вместе. И лампу поищу.

— Давай, но быстрее.

Они успокоились и расслабились. То, что нужно. Я спустился, двигаясь тише подбирающегося к добыче осьминога. Какая лампа! Я-то легко все видел и знал обстановку как свои пять пальцев. Я подошел к узкой кровати в углу и обнял самый дорогой свой секрет.

— Они пришли. Там, наверху, — прошептал я. — Что? Да, хорошо.

— Входите, джентльмены! — прокричал я. — Дверь открыта, лампу уже ищу.

Негодяи ввалились в подвал. Лучше б, клянусь Бездной, они этого не делали!

Они даже не осмотрелись толком. В мгновение ока острые лезвия — совсем не эти противоестественные, которыми люди сверху режут

скот — сграбастали тощего.

На ухо ему прошептали:

— Думал, что получил украшения и фолианты, убил меня и забыл. А теперь попробуй того же!

— Как ты… как ты?! Я же… никто не… обрыв… я же сбросил!..

Больше он ничего не выдал — не успел. Всю историю мне удалось узнать уже потом. Очень быстро двое спутников тощего тоже отправились… Куда-то… Возможно, к своему богу.

***

Пока я, чтобы отвлечься от неприятного зрелища, любовался красивыми переливами чешуи в лунном свете, на шум пришла бабушка. Стоило ей заглянуть в подвал, как скалка, которую она тащила вместо оружия, выпала у нее их рук и с грохотом покатилась по ступеням. Круглыми от ужаса глазами бабушка глядела на тела мужчин, красные лужи на полу и мебели. И на нас двоих. Конечно, ей хотелось объяснений.

— Ты не совсем правильно говорила, бабуль. Море щедрое. Оно любит делать подарки. Я попросил, и оно вернуло маму; немного изменило, но это сущие пустяки. Ты же сама рассказывала, что когда-то оно подарило маме меня.

— Мам, — сказал я тогда, взяв ее за влажную руку, — я тебя очень люблю и никогда не хочу расстраивать. Прости, что пришлось рассказать.

Мама не сердилась, она, как всегда, все понимала. Я потянулся обнять ее, не обращая внимания на острые гребешки вместо волос, и поцеловал в нос. Мама улыбнулась и даже, как обычно, довольно закрыла глаза — теперь горизонтально, но это ей больше шло, чем прежний обычный способ.

— Мам, тебе теперь тут опасно. Мы уйдем, как ты говорила?

Она кивнула. Потом мы вышли из подвала, попрощались с бабушкой, и мама отвела меня к морю. Она сказала, у меня уже достаточно сил — так и вышло. На этот раз мы уходили вместе, держась за руки, и навсегда.

Дальше вы все знаете.

Ты же и пришел со мной знакомиться. Угу, страшно было, но здорово, что все так получилось! Я и зла на людей не держу, они же не виноваты, что так глупы.

А, это.

Нет, ребят. Я не могу вам рассказать, кто мой настоящий отец.

Притаившийся ужас
Маргарет Руан

С чего же мне начать свой рассказ, мой достопочтенный друг? С таинственной смерти Константина Приближенского или же с исчезновения помещика Владислава Мирского?

Откуда бы я ни начал, путь будет лишь один, и эти двое обязательно встретятся через века тяжёлой жизни. Порой прошлое слишком сильно влияет на настоящее. Так жизнь и судьба Владислава Мирского полностью погубили жизнь Константина Приближенского спустя несколько веков. Они не были родственниками даже косвенно. Род Владислава полностью оборвался на нём, вследствие его исчезновения.

Но об этом чуть позже, сначала я хочу познакомить тебя с Константином Петровичем Приближенским, чей путь окончился незамысловато в одной старой усадьбе, в пригороде Москвы. Возможно, мои слова покажутся тебе смешными, но Константин Петрович никогда не мечтал о смерти. Наоборот, он шёл с ней рука об руку, не боясь её костлявых рукопожатий и страшного

суда. Он был палачом неприкаянных душ. Кошачьих душ.

Константин родился и вырос в Москве. Жил в двухкомнатной квартире на проспекте Андропова, с бабушкой и мамой. Отец ушёл на заработки, когда Косте было не больше шести лет. С тех пор мальчик его не видел.

Но надо отдать должное его матери: Василиса Петровна растила мальчика в ежовых рукавицах, и не балуя, и не залюбливая, словом, пытаясь заменить ему отца. Сладкое мальчик видел только по праздникам, а новые игрушки лишь на день рождения. Так Василиса пыталась взрастить из Кости сильного и стойкого мужчину.

Правда, бабушка, Анна Валерьевна, вечно мешала её планам и нет-нет да угощала мальчика конфетами, печеньем, читала ему книги и всячески хвалила да утешала. Маленьким Костя очень любил бабушку и до самого конца был сильно привязан к ней. Внешне он был милым мальчиком, а со временем стал носить очки, из-за чего дети в классе стали его дразнить. Костя всё чаще стал горбиться и к юным годам напоминал мрачного ворона, нахохлившийся, с тёмными сальными волосами и большими очками на крючковатом носу.

После его шестнадцатилетия добрая старушка скончалась, а нескладный подросток остался жить с мамой, которая продолжала губить своё здоровье на фабрике. В свои сорок с небольшим лет Василиса выглядела на все шестьдесят, да и признаться честно, чувствовала себя так же, лишний вес давал о себе знать. На фоне матери худощавый парень выглядел нелепо.

Константин, вопреки ожиданиям мамы, рос забитым и нелюдимым мальчиком. К сожалению, Василиса Петровна слишком поздно это поняла. Последний год своей жизни она пыталась восполнить недостаток любви в сыне, но умерла от инфаркта. В двадцать лет Константин Приближенский остался один.

Молодой парень замкнулся в себе ещё больше, стал носить строгие костюмы, подчёркивающие его худощавость и горб. Он учился на ветеринара, но его оценки оставляли желать лучшего. Он устроился работать в архив, занимался старыми документами.

Примерно тогда он и узнал о заброшенной усадьбе Владислава Анатольевича Мирского и до смешного низкой цене на неё. Полуразрушенный дом правительство готово было отдать за копейки. Молодому мужчине это место по-

казалось раем, и он впервые за всю свою жизнь загорелся мечтой. Так сильно загорелся, что закончил институт досрочно, получил диплом и устроился в приют для бездомных животных. Но нельзя сказать, что он сделал это от большой любви к ним, напротив, его любимым занятием стало усыпление бродячих кошек и собак.

Часто приходилось усыплять и котят. Усыпление кошек и собак большого образования не требовало, но приносило неплохой доход со стороны. Особенно выезды на дом к хозяевам. Иногда с ним связывались в обход приюта. Эта профессия подходила ему как нельзя лучше. Он не успел и глазом моргнуть, как уже заработал на дом и выкупил его. Правда, потом он ещё около десятка лет ремонтировал и восстанавливал особняк. Местные жители только кивали головами и обходили усадьбу стороной.

Конечно, вернуть былое величие особняку Константин Петрович Приближенский не смог. Но жить в нём было можно. Строители неоднократно говорили ему, что дом подвергался нашествию крыс, и, несмотря на ремонт, те могут вернуться. Но Константин Петрович закрывал на это глаза. Какие-то там шорохи его совсем не пугали.

Ему было сорок, когда он оставил свою работу в архиве и переехал в особняк. Жители деревни смотрели на него косо, ведь к сорока годам он стал выглядеть ещё омерзительнее. Дети шутили, что чем-то Константин Петрович напоминает Квазимоду. А Константин Петрович был и не против такого отношения, ему хотелось уединения и покоя.

Периодически он приезжал в приют, чтобы усыпить кошек. Иногда к нему приезжали хозяева питомцев, что хотели либо избавиться от ненужного потомства, либо облегчить страдания любимца, но иногда бывали случаи, когда животное хотели просто отправить на тот свет. Константин Петрович брал не дорого, ему хватало отложенных средств и, казалось, ничто не помешает его уединению. Ничего, кроме сплетен, бродящих по округе.

Однажды в магазине он услышал от продавщицы странные слова. Она сказала, что очередная кошка, привезённая ею, исчезла. На что баба Нюра, что стояла перед Константином, рассмеялась и объяснила молодой девушке, что в их деревне кошки не живут. Либо умирают быстро, либо сбегают и сами никогда не приходят. Потом маленькая, словно иссохшая слива, старушка

заговорила о проклятой земле и Владиславе Мирском, но никто её уже не слушал. А Константин принял это за старческий маразм.

Но позднее убедился в правдивости её слов. Кошек в деревне не было. Это знали старики, более молодое поколение просто разводило руками. Кошки убегали из деревни, словно она действительно была проклята. И никто толком не мог ничего объяснить. Говорили лишь, что так происходит не первый век.

Ах, если бы они только знали правду. Если бы только остались люди, что могли поведать о случившемся в семнадцатом веке, возможно, тогда Константин Приближенский никогда бы не купил эту усадьбу, и не встретил бы столь ужасный конец. Возможно, деревню бы бросили давным-давно. И жители бежали бы оттуда как те самые кошки. Но война стёрла воспоминания людей, оставив лишь обрывки записей из домовых книг учёта да рукописей староверов, в которых об этом месте было написано лишь пара слов: *«Бегите оттуда».*

Первым владельцем усадьбы был Мирской Сергей Владиславович. Он получил земли за военные заслуги. С землёй он получил и крепостных крестьян, обустроил деревню, распахал

и засеял поля, и стал помещиком, а вскоре и полноценным боярином. С него и началась длинная история рода Мирских.

Но закончился их род в семнадцатом веке на Мирском Владиславе Анатольевиче, прозванным сатанистом и бесследно исчезнувшим с лица земли. Владислав родился задолго до раскола церкви и Смутного времени. Он был добрым и светлым мальчиком, который помогал кошкам. Все звали его ангелом, ведь светловолосый кудрявый малыш, что с трудом выговаривал слова, но умолял помочь всем и каждому, вызывал в сердцах людей лишь тепло и умиление.

Рос Владислав таким же добрым и светлым, и хотя его держали в строгости, он никогда не перечил и нарушал только лишь одно правило. Он не переставал тащить кошек в поместье. Лечил их, как мог, и оставлял жить, правда, в дом их не пускали. Кошки жили на улице во дворе, их сытно кормили. Со слов няни Владислав часто с ними играл, возился, гладил и даже пытался дрессировать.

Но ряд несчастий, что случились перед его совершеннолетием, изменили его. Он стал более суровым и жестоким, а детская невинная улыбка навсегда пропала с его лица.

Сначала исчезла няня. В одну ночь, когда светила полная луна, конюх Максим увидел, как кошки во дворе собрались в кучу и что-то ели. Тогда он решил, что няня по просьбе Владислава вышла их покормить. И именно с этого момента её стали считать пропавшей, ведь потом её никто больше не видел. Вещи и деньги были на месте. По поместью поползли слухи. Кто-то считал даже, что кошки могли съесть её, но все понимали, что тогда остались бы кости и разорванная одежда. Но никаких следов во дворе не было, лишь кошки да как всегда перекопанный ими двор.

Владислав грустил, но многие быстро позабыли няню. Пока через месяц не исчезла мама Владислава. Отец мальчишки после исчезновения жены совсем сошёл с ума. Слуги рассказывали, что через три дня он лично взял в руки ружье и перестрелял всех кошек во дворе, потому что жена их ненавидела. Наверное, так он надеялся вернуть супругу домой. С тех пор отец и сын не разговаривали.

Владислав похоронил кошек сам, без чужой помощи. На том самом дворе. Правда, это никак не помогло ему. На протяжении десяти лет отца семейства мучили кошмары, и он медленно сходил с ума. Лепетал о зелёных глазах во тьме, что

кошки скребутся в его дверь. Но прислуга, что была рядом с ним день и ночь, ничего не видела. Через десять лет не стало главы семейства. Молодой мужчина, коим стал Владислав, похоронил отца не на семейном кладбище, а во дворе, вместе с когда-то убитыми им кошками. Это была его месть.

С управлением поместья Владислав Мирской справлялся отлично. Но ему не посчастливилось встать во главе, когда случился церковный переворот. Ему не нравилось, как в церкви обстояли дела, поэтому он вызвался помочь священникам переписать все церковные записи на новый лад. Он занимался этим больше трёх месяцев и с каждым днём становился всё более воодушевлённым.

По словам одного из работников, однажды Владислав вернулся домой с книгой в чёрной обложке, на которой были непонятные знаки и рисунки. По его словам, книгу он взял в церкви, чтобы переписать дома. Так и было, больше четырёх суток он провел за работой, а позже выгнал всех людей из поместья. Работники говорили, что его коснулась болезнь отца, что он осунулся, стал более злым и явно помешанным на той книге. Но на этом странности не закончились.

Постепенно люди стали замечать, что кошки со всех уголков деревни стали перебираться в поместье. Их становилось так много, что казалось, что они приходят со всех концов света. Кошки жили там, мяукали по ночам, по весне этот хор будил соседей вместо петухов, они сидели на заборе, хищно глядя на проходящих мимо людей, были даже случаи, когда кошки кидались на прохожих. Они воровали кур, кусали скот и вообще напоминали диких лис, а не добрых домашних питомцев.

Самого же барина почти никто не видел, лишь купцы и посыльные. А спустя год началась война, на которую должны были быть призваны все мужчины до сорока пяти лет. За барином Владиславом прислали военных, якобы он избегал военной службы. Но оказалось, что ни его, ни кошек в поместье нет. За ночь они все исчезли.

Усадьбу в итоге совсем забросили, но старики в деревне остались доживать свой век. Так она и стала маленькой и умирающей, в которой так больше и не появилось ни одной кошки. Владислав как будто проклял это место.

Полвека усадьба простояла опустошённой, война, смутное время, было не до неё. Но в 1894 году в неё въехал Сергей Васильевич Лебедев, который

был исследователем. Полуразрушенную усадьбу он привёл в надлежащий вид. В 1895 начал свои опыты на животных, в том числе и на кошках, которых ему специально откуда-то привозили. Исследования шли хорошо, но кошачьи гибли в течение пары дней. Сергей Васильевич провел в усадьбе ещё с полгода, а летом 1895 года умер.

Повесился в комнате хозяина, оставив предсмертную записку:

«Не выношу этих мук совести. Они приходят за мной каждую ночь. Не позволю им убить меня, потому умираю сам. Передайте Наденьке, что я её люблю».

Записку приняли за бред, а самоубийство оставили без расследования.

Спустя двадцать лет в дом въехал Антон Петрович Кирог, он устроил из усадьбы приют, но кошки в приюте быстро умирали или сбегали. Собаки и другие животные сходили с ума. Это стало происходить не сразу, а ровно через полгода после того, как Антон Петрович въехал в усадьбу.

Именно из-за собак и случилось несчастье. Все животные, а также и сам мужчина, были ими загрызены. Хотя следователь и обнаружил, что следы зубов на теле Антона Петровича были куда

меньше собачьих, словно его растерзала стая кошек, но об этой детали он умолчал. Дело закрыли, списав всё на несчастный случай.

Ещё пятьдесят лет усадьба никому не была нужна, а слухи вокруг неё продолжали ходить, пока в неё не въехала Василиса Андреевна Менжинская. Въехала со своей кошкой Мусей. Кошка была самой обычной, дворовой, полосатой и доброй. Василиса Андреевна развеяла слухи о том, что усадьба и деревня прокляты. Она дожила до девяноста семи лет вместе со своей кошкой. Их двоих считали долгожителями. Кошка прожила до смерти хозяйки, а это было около тридцати лет.

Мусю в последний раз видели на могиле хозяйки. Никто не обратил внимания на её исчезновение, думали, кошка ушла умирать в лес. Только Нюра плакала по Мусе. Да, та самая баба Нюра, которую Константин Приближенский встретил в магазине. Она была маленькой девочкой и часто ходила к Василисе Андреевне в гости, играть с кошкой. Это была единственная кошка на всю округу. Так что Нюра хорошо запомнила сплетни об усадьбе.

И вот в эту усадьбу переехал Константин Петрович Приближенский, совершенно не подозревая

о страшных историях, связанных с ней. После разговора бабы Нюры с продавщицей в магазине, невольным свидетелем которого стал Константин, никто не видел его больше месяца. Отчасти многие даже забыли о его существовании, и ничто не нарушало мирного течения времени в полумёртвой деревне. Пока мужчина не стал странно себя вести.

По словам местных жителей, сначала он просто стал чаще прогуливаться, неспешно и вальяжно, но при этом вглядываясь в каждый куст. Будто искал что-то. Ещё через неделю баба Нюра увидела его снова: под глазами Константина залегли глубокие мешки от недосыпа, а и без того желтоватая кожа сморщилась ещё больше. Он спрашивал почти у каждого, не сбегала ли у кого кошка. Но все отвечали одинаково, кошки тут не живут. Баба Нюра тогда решила, что мужчина тронулся умом от одиночества. Возможно, она была права.

Через месяц Константина нашли у магазина, в пижаме, дрожащего от холода, ведь тёплые ночи давно прошли. Он всё повторял и повторял, что видел зелёные глаза. Кошачьи зелёные глаза. Баба Нюра пожалела мужчину и пустила его к себе, ведь тот наотрез отказывался возвращаться

домой. Кто-то из молодых людей сходил в усадьбу, принёс его одежду, а заодно и осмотрел дом, заверив, что там даже крыс нету.

Но Константин был непреклонен. Он уверял, что каждую ночь видит кошачьи глаза, что кот скребётся в дверь спальни и хочет его убить. Константина Петровича отпаивали травами ещё неделю, он успокоился, пришёл в себя, а главное выспался. Вопреки просьбам жителей поехать обратно в Москву на лечение, он ответил, что просто хочет домой, в тишину и спокойствие.

Ночью баба Нюра слышала его крики из усадьбы, но пойти проверить не решилась. Отправила на утро вместо себя соседа, мужчину крепкого телосложения и духа. Он вернулся спустя десять минут. Говорил о разгроме всей усадьбы. Но главное, Константин Петрович Приближенский повесился. В спальне, где раньше жил отец Владислава.

Конечно, пришлось вызывать полицию, ждать участкового из города. Он приехал со скорой. Участковый внимательно осмотрел дом, но ни нашёл никаких улик, указывающих на взлом или на пребывание в усадьбе других людей, кроме Константина Петровича. Опросив местных жителей, он составил отчёт и уехал.

Мне удалось заглянуть в тот отчёт, и там чёрным по белому было написано:

«Следов взлома, а также пребывания в усадьбе других людей не зафиксировано. Возможно, что у покойного была кошка. Имеются следы когтей на стене, на двери и на диване. Однако самого животного обнаружено не было. Сам погибший утверждал, что в доме есть кошка и вёл себя неадекватно. Вероятно, он сошёл с ума».

Грех
Елена Калугина

Hell is full of good meaning and wishings.

Беспощадный свет разъедал сомкнутые веки. Бон сморщился, пытаясь плотнее сжать их, уберечь глаза от боли. Вскинул руки к лицу, но лишь впустую потратил силы: рук не было. Впрочем, и лицо, и глаза стали своего рода иллюзией, точкой приложения мучений. Она не сказала, что будет так больно. Конечно, предупредила о возможных необычных ощущениях, но ведь Бон согласился сам, никто не принуждал. Напротив — просил, умолял указать ему дорогу. И предостережения не остановили его.

***

Дурацкое прозвище «Бонифаций» (или коротко — Бон) прилипло к мальчику с гордым именем Лев давно и прочно, ибо с самого детства Бон стал на путь известного циркового льва-альтруиста из старого мультика. С малолетства его дразнили сверстники, без устали награждали щипками, тычками и подзатыльниками, зная, что он всё

стерпит и никому не пожалуется.

Игрушки у Бона не задерживались — все подарки он тут же раздавал соседским детям, тащил в детский сад, а позже и в школу. Бессмысленно и бесполезно было покупать ему что-то ценное — всё моментально падало в яму его странной доброты и исчезало без следа.

В остальном он рос обычным ребёнком, прилежно учился, охотно помогал матери по дому, с удовольствием ездил с отцом на рыбалку и в лес по грибы. Родители, в конце концов, смирились с его необычной щедростью и кротостью: они очень любили своего Лёвушку, единственное чадо.

Через семь лет, когда надежда пополнить семью следующим отпрыском окончательно угасла, бог даровал ещё одного ребёнка, девочку. Бон обожал сестрёнку, при одном взгляде на неё всё внутри разрывалось от нежности, от неутолимого желания приголубить, защитить, уберечь.

Когда девочка, наречённая Варварой и тут же переименованная в Барбариску (или Барби), болела (а это случалось довольно часто), брат не отходил от кроватки, просиживая возле неё ночи напролёт. Он настойчиво отправлял измученную мать отдохнуть, а сам до утра слушал

слабое дыхание сестры, впивался глазами в синюю жилку, едва заметно вздрагивающую под истончённой кожей.

Доброта и кротость Бона не распространялись более на весь мир, теперь средоточием любви и альтруизма стала сестрёнка, лишь она одна. Брат стал для Барби идеальным защитником. Бывший недотёпа неожиданно преобразился: когда дело касалось сестры, он становился непреклонным, неумолимым, безжалостным. Никто не смел обидеть девочку. Ко всем, кто пытался сблизиться с ней, брат относился неприязненно, подозревал в дурных замыслах и всячески препятствовал общению. В конце концов, все отстали от них. У Бона не было друзей, а у Барби — подруг. Им хватало друг друга.

Сестрёнка не отличалась большим прилежанием, но Бон заботился о том, чтобы она вовремя готовила домашние задания: терпеливо растолковывал непонятные места, решал вместо неё скучные задачки. Иногда Бон словно зависал в безвременье: взгляд останавливался, а пальцы осторожно перебирали завитки её волос цвета спелой пшеницы, едва уловимо касаясь шеи, плеч, спины. Она изредка бросала на брата острый короткий взгляд, от которого сердце

становилось большим, билось глухо, неровно, словно падая куда-то и замирая на краю гулкой ямы — чёрной, как безлунная ночь.

***

Шло время, миновало детство, пронеслось отрочество, юность умчалась вскачь. Бон учился, как одержимый, ведь он поставил перед собой цель: Барби, единственная любимая сестричка, ни в чём не должна нуждаться. И брат шёл к своей цели, как бульдозер, не замечая препятствий. Окончив университет, вместе с красным дипломом Лев получил приглашение в крупную фирму — официального дилера всемирно известного бренда.

Там, где сверстники безнадёжно буксовали, Бон брал высоту за высотой, совершив за считанные годы головокружительный взлёт по карьерной лестнице. Деньги в семье перестали быть проблемой, теперь их хватало на то, о чём родители в его годы и мечтать не смели. Бон купил для них небольшой добротный домик в пригороде, и они переехали доживать свой век в достатке, в приятных хлопотах по нехитрому хозяйству, оставив городскую квартиру в полном распоряжении детей.

Барби, окончив школу, наотрез отказалась учиться дальше. Бон определил её на стажировку в свою компанию, а после устроил офис-менеджером. Они оставались всё такими же неразлучными, как в детстве. Почти такими же. Барби вытянулась и распустилась, как цветок, в одночасье превратившись в удивительно притягательное создание: нежный абрис лица, тонкий стан, грациозная походка… От ухажёров отбоя не было, но Бон выстроил вокруг сестры такую непроницаемую стену, что даже самые настойчивые и изобретательные со временем сдались и отступились.

Девушка принимала заботу брата как должное, лишь посмеиваясь над неуклюжими попытками поклонников штурмовать «неприступную крепость». Но так не могло продолжаться вечно, и сестра стала тяготиться мягкой, но всё более стесняющей опёкой. Замкнулась, подолгу молчала, порой раздражалась по пустякам, дерзила и кричала, запиралась в своей комнате, чтобы всласть нарыдаться.

А потом вдруг всё прекратилось. Барби снова стала хорошей девочкой, приветливой и послушной. Правда, время от времени она исчезала куда-то после работы, под любым предлогом

избегая настойчивых расспросов. Иногда возвращалась под утро, осунувшаяся, с незнакомым холодным блеском во взгляде, дрожащая, будто в ознобе. От неё остро пахло опасностью.

В руках Бона она согревалась, отходила, снова становилась домашней, родной, привычной. Но что-то внутри неё оставалось чужим, недоступным, пугающим. Бону казалось, что в самой глубине её глаз клубится что-то ненастное, грозовое, предвещающее беду.

Встревожившись не на шутку, Бон проследил за девушкой и выяснил, что она записалась на тренинг личностного роста. Пробиться на занятия ему не удалось, но он подкараулил руководителя, статную моложавую женщину за пятьдесят, дорого и со вкусом одетую. Они вышли в парк. Дама присела на скамейку, закинув ногу на ногу, приподняла край длинной юбки и предоставила Бону созерцать точёные лодыжки. Не торопясь, достала мундштук и тонкую сигариллу, закурила, и лишь после этого обратила взгляд на собеседника. Смотрела пристально, оценивающе, лицо не выражало никаких эмоций.

Она отвечала на вопросы односложно и уклончиво, предложила записаться в следующий набор

через пару месяцев, «чтобы увидеть ситуацию изнутри и убедиться самому: его сестре ничего не угрожает, напротив, она счастлива, как никогда раньше». Когда Бон узнал стоимость курса, очень удивился: сумма была вполне подъёмная даже для Барби с её скромной зарплатой.

Бон подумал и решил оставить всё, как есть. Он и так контролирует почти каждый шаг сестры. Она впервые приняла самостоятельное решение, так пусть потешится, почувствует себя более свободной. На этом брат успокоился и даже отпустил Барби «с ночёвкой на дачу к однокласснице». Он знал, что поедет она действительно за город — в пансионат, на очередной тренинг «с полным погружением», но не хотел выдавать своей осведомлённости, простив любимице невинную ложь.

***

Вечером в воскресенье Барби не вернулась домой. Мобильник равнодушным голосом робота предлагал перезвонить позднее. В какой именно пансионат уехала группа, Бон знал, но и там не отвечал ни один телефон. Бон среди ночи помчался на поиски. Его встретил тёмный запертый корпус, никаких признаков жизни. В полиции

над Боном только посмеялись, предположив, что «сестрёнка загуляла с парнем, нарезвится — вернётся». От гаденькой ухмылки на лице дежурного Бона затошнило. Разве можно представить, что она… его милая, нежная, единственная… может быть… с мужчиной!.. С кем-то ещё, не с ним!..

И Бона накрыло. Он не помнил, как оказался дома, лежащим в пальто на кровати сестры, зарывшись лицом в ночную рубашку, хранящую её запах. В ту ночь Бон впервые почувствовал желание безраздельно обладать. В самом ужасном смысле. Слово «грех» колотилось в висках, билось в груди, спустилось в пах, пробудив то, чего Бон страшился. Он хотел Барби и благодарил бога, что её сейчас нет рядом, иначе никто не смог бы его удержать.

Всё поплыло, как в тумане. Бон больше не искал сестру. Он боялся её найти.

Они увиделись только через два дня. Барби, как ни в чём не бывало, вернулась вечером домой. Поставила в прихожей сумку с вещами и, не раздеваясь, прошла в комнату Бона. Она смотрела странно, будто изучая его заново. Это был взгляд взрослой женщины, много повидавшей и желающей новых впечатлений. Подошла близко, прижалась грудью и скользнула рукой в брюки,

ни на мгновение не отрывая взгляда от его глаз…

Дальше наступил провал. Бон ничего не успел понять, осознать. Его фактически изнасиловали. Нет, не так, насилия не случилось. Просто воля Бона была полностью парализована, осталось только тело, которое хотело соития, как никогда раньше.

Барби — милая нежная послушная сестрёнка — обжигала острыми умелыми прикосновениями, действовала, как заправская шлюха. Сумасшедшая, одержимая шлюха. Она шептала ему на ухо непристойности, кусала и облизывала, отдавалась разнузданно, требовательно, будто использовала его тело, как инструмент для наслаждения. Путаные мысли скользили где-то по грани сознания Бона, но ничего не меняли: властвовало лишь тело, превратившееся в один изнывающий от вожделения орган…

Барби скакала на нём, как заведённая. Когда он был готов излить семя, голос её стал низким и хриплым.

«Теперь ты мой раб!» — кричала она. — «Ты слышишь? Имя моё — Барбело, и я твоя госпожа!»

Глаза её расширились, налились краснотой, затопившей белки, и стали похожи на раскалён-

ные угли. Она задёргалась, издала звериный рык и обмякла. Он долго кончал и одновременно приходил в себя. Сознание прояснялось, накатывал липкий холодный ужас, а семя всё изливалось и изливалось толчками, опустошая тело и наполняя душу тьмой, вязкой и нестерпимо горячей, как расплавленный гудрон.

***

Неодолимая тяга к покаянию выматывала, таскала за собой по улицам под секущим лицо дождём и стылым ветром.

«Ненавижу, ненавижу, ненавижу себя!» — твердил Бон, как мантру, но слова не приносили облегчения.

Глушил сознание алкоголем, пил в тёмных барах, забегаловках, возле ночных киосков. Голова становилась тяжёлой, будто набитая грязной мокрой ватой, но это не спасало от тьмы, поселившейся под солнечным сплетением и не дающей дышать. Как будто сквозняк образовался внутри, и в зияющую дыру утекали силы, желания, оставляя лишь пустоту и тупую боль под ложечкой.

Бон не мог идти домой, он ночевал в пустой квартире сослуживца, уехавшего в отпуск — холостяцкой берлоге, хозяин которой особо

не заботился о чистоте и порядке. Завалившись на видавший виды диван, Бон забывался тяжёлым сном, в котором снова и снова всплывал кошмар грехопадения. Сознание отталкивало образ изменившейся до неузнаваемости сестры, скрывало его, оберегая остатки рассудка от окончательного расстройства, от безумия.

В каком-то полусне-полубреду Бон позвонил шефу и наплёл что-то про плохое самочувствие, попросил отпуск за свой счёт. Он не смог спросить о сестре. Ничего не желал знать, хотел всё забыть, но разве это возможно… Она — всё, что у него было, всё, чем он дорожил, ради чего существовал… Мир рассыпался на части, как песочный замок, смытый приливной волной, растёкся грязной лужей, поглотив всё, что было смыслом существования.

***

Она появилась через неделю. Неслышно вошла в комнату, всколыхнула спёртый воздух волной запаха терпких незнакомых духов, и снова у Бона дрогнуло и потянуло в паху. Нет, только не это! Он попытался сконцентрироваться и усилием воли подавить накатившее желание.

Как она его нашла?.. Какая разница. Нашла.

Присела на диван, взъерошила волосы лёгкими тёплыми пальцами, как будто не было ничего: кончилось наваждение, он проснулся после долгого и самого страшного в жизни сна.

Перехватил руку и прижал пальцы к губам:

«Прости!.. Прости меня! Не знаю, что на меня нашло!»

Он не помнил, что его Барби превратилась в демоницу, исчадие ада, потому что этого просто не могло быть! Только он один виноват во всём, не сумел уберечь свою милую девочку от… самого себя! Это он — монстр, его надо умертвить, заспиртовать и показывать в кунсткамере. И нет ему прощения!

— Хочешь, я помогу тебе смыть грех? Хочешь снова примириться с собой и заслужить моё прощение? — Барби говорила голосом мягким, по-кошачьи вкрадчивым — новым, незнакомым.

— Да, больше всего на свете! — Бон вдруг поверил, что избавление возможно, что всё ещё может быть хорошо!

Они вернутся в свою уютную квартирку, снова вдвоём, и он будет любить её так же преданно и нежно, как раньше. Как старший брат — защитник и опора…

— Пойдём со мной.

Предвкушение покоя, безмятежной радости, тихого счастья затопило с головой, Бон больше ни о чём не мог думать, только торопил сестру, когда они шли туда, в место очищения и искупления.

Всё было буднично и просто. Та самая дама, что вела тренинги, сидела в кресле. Бона усадили на стул, стоящий напротив. Больше в комнате не было никакой мебели. Белые стены, мертвенно-белый свет, будто льющийся со всех сторон. Прохладно. Бон поджал мгновенно озябшие ноги и поёжился.

— Будет немного неприятно, придётся потерпеть. Закройте глаза и думайте о сестре.

Боль навалилась сразу, как будто на него вылили бочку кислоты. Он сжал зубы, чтобы не закричать. Но всё прошло очень быстро, боль утекла и рассеялась, тело расслабилось, и Бон отчётливо услышал биение своего сердца, отдававшее в виски. Звук нарастал, ритм сбивался, как будто сумасшедший барабанщик без устали колотил тамтамами по голове. И с каждым ударом росло вожделение.

Сестра… Нет… Не его любимица Барби, а беспощадная и нестерпимо желанная госпожа Барбело с ужасающей ясностью встала перед мысленным взором. И Бон поплыл за ней, будто привязан-

ный, туда, вперёд, всё дальше в яркий режущий свет — свет адского пламени.

Короткая слепящая вспышка, последняя боль — и Бон погрузился в спасительную, тёплую, умиротворяющую вечную тьму.

***

Человек вышел из здания, вскинул руку, будто защищаясь от бьющего в глаза солнечного света, огляделся и направился по улице в сторону центра. С каждым шагом походка становилась всё более уверенной. Привычно хлопнув по карману, мужчина скривился: ну да, этот хренов праведник Бонифаций даже не курил.

Где здесь табачный киоск?

Неизведанный
Даниил Лукьянченко

История Чарльза Мора, пациента психиатрической больницы, записанная и приведённая в более или менее читабельный вид наблюдавшим его врачом Альбертом Джонсоном.

1

Африка. Я всегда представлял её, как край невероятных красот, опасных диких животных и уникального быта местных туземцев. Но никогда мне не приходило в голову, что этот континент может хранить в себе ужасы, которые тянутся в наш мир из далеких веков, полных тьмы и жестокости.

События, которые я пережил, до сих пор не поблекли в моей памяти, они всё ещё взрезают мой мозг тупыми ножницами страшных воспоминаний, как бы я ни старался их забыть. В такие моменты мне хочется рыдать и кричать во всё горло.

Рассказчик из меня не самый талантливый, но я уверен, моя история заставит вас содрог-

нуться.

Я прибыл в Конго двадцать четвёртого мая 1919 года на торговом судне «Бриллиант Короны», ведомый неумолимым желанием посмотреть невероятные пейзажи этой местности и познакомиться с культурой живущих там племён аборигенов. Капитаном нашего корабля был Фредерик Дюваль, мужчина сорока лет, избороздивший чуть ли не все моря и океаны мира. Я был уверен, что под его руководством мы дойдём до берегов Африки в полной сохранности. Так и случилось.

По прибытии, как и остальные матросы, я расположился в портовой гостинице. Отвратительное место, полное крыс и клопов. Моя комната представляла из себя крохотное помещение на первом этаже. В ней была лишь кровать со старым полусгнившим матрасом и дряхлая тумбочка. Из еды и напитков самым приятным был кофе, разбавленный до такой степени, что вкус еле-еле чувствовался.

Отдохнув от долгой поездки, я отправился на прогулку по порту, чтобы осмотреть его, а заодно разузнать, как добраться до аборигенов и, если повезёт, также найти проводника, знающего языки.

Один из рабочих посоветовал мне обратиться к Феликсу Муссаке. Он коренной житель Конго, но неплохо изъяснялся на французском. Этот человек смог бы мне помочь при общении с туземцами.

Найти Феликса не составило труда. Мы случайно встретились в гостинице, где остановился я. Оказалось, он часто там ошивается. У него была весьма отталкивающая внешность. Я не питаю расистских настроений, но в чертах его лица прослеживалось что-то животное, даже, можно сказать, — обезьянье: сильно выпирающая нижняя челюсть, низкий лоб, плоский нос и большие глаза.

Тем не менее, как собеседник и как личность, он был весьма хорош.

Я договорился с Феликсом Муссакой, что он за небольшую плату станет моим проводником в этой местности и переводчиком при общении с живущими здесь племенами.

На рассвете следующего дня мы отправились в путь. Ближе к полудню я и мой проводник добрались до величественных джунглей. Так приятно было оказаться в наполненной блаженной прохладой тени титанических деревьев, источающих влагу, ведь солнце беспощадно жгло

кожу. Муссака объяснил мне, что здесь живёт племя, выходцем из которого является он сам.

Прорубая лианы и ветви, преграждавшие нам путь, мы углублялись всё дальше в лес. Вокруг звенели голоса птиц, раздавались крики обезьян, слышалось жужжание насекомых. Через четверть часа мы вышли к деревне, расположенной в чаще.

Утлые хижины, слепленные из веток разных размеров, камней, глины и соломы произвели на меня неприятное впечатление. Их там было штук десять, может даже пятнадцать. Местные осматривали меня любопытными взглядами. Не знаю, видели ли они когда-нибудь белокожих людей. В любом случае, меня напрягало то, что на меня беспрестанно пялятся. А вот на моего спутника они бросали взгляды, наполненные страхом и отвращением.

Больше всего меня поразил тотем, который стоял в самом центре деревни. Массивный деревянный идол, изображавший то ли гориллу, то ли леопарда, то ли нечто среднее. Отталкивающее зрелище, хоть и весьма занятное.

Потом мой проводник привёл меня к самой большой хижине. Там, как мне сказал Феликс, живёт вождь племени.

Войдя внутрь, я увидел мужчину средних лет, тело которого было покрыто цветными рисунками. В носу у него была небольшая кость. Вождь сидел на неком подобии трона, держа в руке посох с навершием из обточенного камня чёрного цвета. Рядом с ним на полу сидели две девушки и двое парней. Наверное, прислуга.

Собственно, нет смысла описывать наш разговор полностью. Мы с вождём говорили на общие темы: как живёт племя, как здесь воспитывают детей, как добывают пищу, не страдают ли аборигены от нашествия белых, есть ли в округе ещё племена. Я тщательно записывал всё в свой журнал, а Феликс всё это время был для меня и вождя переводчиком.

Честно говоря, это было не совсем то, что я искал. Мне хотелось узнать о старинных преданиях и легендах, но вождь не стал меня в них посвящать.

Когда мы закончили нашу беседу, солнце уже пряталось за деревьями.

Идя по лесу, мы обсуждали прошедший день. Феликс Муссака заметил моё огорчёние тем, что я не узнал того, чего хотел.

Внезапно он остановился, приблизился ко мне вплотную и заговорщицким тоном сказал мне,

что в глубине джунглей живёт ещё одно племя, о котором местные страшатся рассказывать кому-либо. Он не объяснил почему. Феликс заверил меня, что те аборигены смогут рассказать мне легенды, которые я ищу.

Племя живёт в такой непролазной глуши, что даже самые умелые проводники не могут найти дорогу к их поселению.

Феликс сказал, что он может провести меня к ним, но я должен быть готов к тому, что меня может напугать увиденное.

2

Как только солнце начало подниматься из-за океана, я и Феликс Муссака отправились в долгий поход. Мы взяли с собой крупный запас провианта и воды. Путь предстоял сложный.

Мы вновь подошли к джунглям, и начали пробирать по тропе, ведущей к поселению, где побывали день назад.

Преодолев метров пятьсот, мы остановились. Феликс достал мачете и указал на еле заметную тропку, сокрытую среди высокой травы, кустарников и лиан, свисающих с веток деревьев. Мощными ударами мачете Феликс расчищал путь. Ветки кустов летели в разные стороны,

лианы падали как убитые змеи, а цветы теряли свои бутоны под яростными взмахами острого оружия.

Мы зашли в такую глушь, что здесь не было слышно даже криков и рёва животных. Только тихое жужжание сопровождало нас всю дорогу. Я не мог разглядеть солнце за куполом густой листвы. Земля была влажной и мягкой, покрыта опавшими листьями, в которых копошились экзотические жуки.

Через час послышались отчётливые звуки человеческой речи. Сомнений не было — мы пришли. Но опушке джунглей стояла деревня, будто копия той, в которой я уже побывал: десять-двенадцать хлипких хижин и одна большая, явно предназначенная для вождя.

Но было в этой деревне несколько отталкивающих и даже пугающих явлений.

Первое — жители этой деревни очень походили своими чертами на моего проводника. Такие же обезьяньи нижние челюсти, покатые лбы, плоские носы. На мгновение я подумал, что вот настоящее племя, откуда Феликс Муссака родом.

Второе — в центре деревни также стоял тотем божества, которому поклонялось племя. Но этот

тотем был гораздо отвратительней своего собрата, уже виденного мною. Он представлял собой цилиндр с торчащими выступами, похожими на щупальца и клешни. Хоть объект поклонения и имел приблизительно цилиндрическую форму, но явно через него аборигены пытались изобразить какое-то гротескное, бесформенное существо. От него так и веяло мерзостью дикарских верований.

Третье — аборигены совершенно не обращали внимания на Феликса, но вот на меня бросали хищные взгляды. Иногда на их отвратительных пухлых губах проскальзывали дьявольские улыбки.

Мы вошли в хижину вождя. Он также сидел на кривом троне и держал в руках посох, но уже с человеческим черепом, а не с камнем на конце. Я совершенно не хотел знать, откуда он его достал.

Не распыляясь на общие темы, я стал расспрашивать о местных легендах и культуре самого племени.

Честно говоря, поведанные вождём предания и особенности быта испугали меня. Он рассказал мне, что его племя уже больше сотни циклов (как объяснил мне Феликс, именно так туземцы

ведут двухгодичный отсчёт) не контактировало ни с кем. Не трудно перевести на привычное нам времяисчисление, что сотня циклов равна двумстам годам. Трудно представить, что больше двухсот лет племя жило обособлено. Я предположил, что дикари совершали кровосмесительные браки, от чего у них со временем и проявились животные черты.

Также мне было рассказано, что это племя почитает единственного, истинного бога, которого они именуют Неизведанным. Он старше всех людей, населяющих Конго. В глубине джунглей, на севере от деревни, можно найти храм, посвящённый ему. Каждый год ему приносят жертву, но вождь не уточнил какую.

Когда мы закончили разговор, ночь уже вступила в силу. Мне и моему спутнику было предложено переночевать в одной из хижин. А с наступлением утра мне бы показали храм. Идея тащиться через джунгли ночью меня не вдохновляла, и мы приняли решение остаться в деревне.

3

Я проснулся связанный по рукам и ногам. От испуга я начал биться в истерике, пытаясь разорвать верёвку, но ничего не вышло.

Успокоившись, я вспомнил о Феликсе. Рядом со мной его не было. Позвал его, но ответа не последовало. Я позвал ещё раз, надеясь, что хоть кто-то откликнется.

И это случилось. Но дальше произошло то, чего я не ожидал. В хижину вошёл Феликс Муссака, но он был одет лишь в набедренную повязку и держал в руке копьё. Всё его тело покрывали причудливые и пугающие узоры. Не проронив ни слова, он выволок меня из хижины.

В этот момент моему взору предстало отвратительное зрелище: все туземцы, и дети, и взрослые, что живут в этой деревне, были расписаны похожими рисунками, которые я увидел на теле Феликса. Сразу стало ясно, что намечается какой-то ритуал.

Ко мне вновь подошёл мой спутник и сказал фразу, которая навсегда врезалась в мою память:

«Возрадуйся, тебе выпала великая честь. Скоро ты встретишься с Неизведанным, друг мой».

Мне на голову надели мешок, а затем ударили по затылку чем-то тяжёлым, отчего я потерял сознание. Очнулся уже у порога какого-то строения. Рядом со мной стоял Феликс.

«Ты в его храме. Веди себя достойно в его присутствии», — сказал он и затащил меня

вовнутрь.

Выход закрыли огромной глыбой, и послышались ритуальные напевы и грохот барабанов. Потом всё стихло. Аборигены покинули это место.

Кромешную тьму разрезали узкие полосы света, прорывающиеся в щели между стенами и глыбой, закрывшей выход отсюда. В этом тусклом солнечном свете я смог разглядеть настенные барельефы омерзительного содержания. Они изображали картины человеческих жертвоприношений, отвратительных дикарских ритуалов и, самое жуткое, пожирание жертв каким-то неведомым богомерзким чудовищем, не имеющим определённой формы.

Я понял, что являюсь очередной жертвой.

Но если аборигены оставляли жертв у выхода из храма, то где останки предыдущих бедолаг?

Омерзительный склизкий холодок пробежал у меня от шеи до пояса. Я понял, что нужно выбираться отсюда любой ценой.

Нащупав выступ на стене, я стал тереться об него верёвкой, чтобы разорвать её и высвободится из этих давящих объятий. Через пару минут мне это удалось. Верёвка упала на пол, а я, наконец, смог пошевелить затёкшими руками

и ногами.

Первым делом я попытался сдвинуть камень, преграждавший мне выход, но это было не по силам одному человеку. Тогда я развернулся и пошёл вглубь храма, придерживаясь правой рукой за стену. Глаза немного привыкли к темноте, и уже можно было чуть-чуть ориентироваться внутри строения.

Я брёл всё дальше, ноги слегка дрожали, а моя ладонь натыкалась на объёмные рисунки, высеченные в стене. Я весь вспотел, одежда прилипала к коже. После всех этих легенд о Неизведанном, случившегося ритуала и увиденных мной барельефов, я стал бояться темноты храма. Нет, я боялся даже не темноты, а того, что могло в ней скрываться.

Вскоре я вышел в зал титанических размеров. Не знаю, чья неведомая рука воздвигла столь колоссальное здание.

Пройдя немного дальше, я ударился лбом об каменную стену. Но, как оказалось, это была не стена, а гигантская колонна, удерживающая потолок. Долго вглядываясь в темноту, я увидел ещё пять колонн. Все шесть стояли в этом зале в два ряда, по три в каждом.

Ступая дальше в кромешной тьме, я не заметил

камня, лежащего на пути, споткнулся об него и распластался на полу.

В этот момент пальцы моих вытянутых вперёд рук не ощутили твёрдого каменного пола, я упал прямо перед огромной дырой, уходящей в неведомые глубины земли. Совершенная случайность спасла меня от такой глупой гибели.

Я подполз чуть ближе к краю и вгляделся в немую черноту хляби. Вдруг из бездны раздался булькающий рёв, от которого меня бросило в омут панического ужаса. В страхе отпрянув от края пропасти, я вжался спиной в колонну.

Внезапно по глазам резанул яркий проблеск. Судя по всему, в правой стене был проход, который мог вести на свободу.

С серой пеленой перед глазами и криком, вырывающимся из груди, я бросился в ту сторону. Лишь один раз я обернулся посмотреть, что происходит сзади. От увиденного из моей глотки вырвался такой крик, что у меня, как сейчас помню, заложило уши, и я ещё быстрее рванулся к свету.

Как только я оказался на свободе, сознание покинуло меня, и наступило забытьё. Последнее, что мне запомнилось — морская гладь, я на склоне холма, но уже падаю в обморок и ка-

чусь вниз. Как рассказал капитан Фредерик, меня нашли рыбаки у подножия того самого холма в тринадцати километрах от порта, где мы причалили. Когда я поведал о случившемся, то все в один голос стали убеждать меня, что на холме нет никаких пещер и впадин.

Что предстало моему взору в том злосчастном коридоре?

Обернувшись, я увидел отвратительную бесформенную массу чёрно-жёлто-коричневого цвета, которая, извиваясь во все стороны, следовала за мной. Это и был Неизведанный, изображённый на барельефах храма, и про которого мне рассказывал вождь дикарей. Даже не хочу думать, куда пропали останки моих предшественников.

За предел
Андрей Скорпио

Хотел ли я действительно участвовать в эксперименте Георга или меня подтолкнули обстоятельства? Сложный вопрос. Когда твоя жизнь пестрит радугой, а настроение такое, что можно свернуть горы, то поиски скрытой истины становятся чем-то несерьезным и скучным. Жить быстро, поверхностно, радоваться мелочам — легко, когда на душе поют птицы.

Но когда все в одночасье меняется, когда реальность превращается в угрюмые черно-белые картинки фильмов начала двадцатого века, то начинаешь воспринимать былые фантазии, как нечто глубокое и даже реальное. Верить отрывкам из старых книг, слухам и мифам становится проще.

У меня была чудесная семья, появилась девушка, а на учебе я один из первых сдал все зачеты. Лето обещало быть интересным и беззаботным, но потом пришла беда…

Георг, кстати, говорил со мной не в первый раз. Познакомились мы с ним еще год назад в биб-

лиотеке. Несмотря на Интернет я больше люблю эпоху копания в книжках, когда рефераты писали сами, выискивая информацию по крупинкам. Именно так я видел настоящий поиск истины. И дело касалось не только учебы. С приключенческих романов о новых таинственных землях, я перешел на историю и философию.

Понимание себя и своего места в мире сменились поисками того, что таится за пределами реальности, на грани мира снов. Я читал о древних цивилизациях, чудовищных культах и затерянных городах. Мой разум жаждал новых тайн и открытий, и я верил, что рано или поздно отвечу на извечные вопросы.

Однажды на моем любимом месте сидел какой-то парень. Он бы на голову выше меня, широкоплечий с длинными взлохмаченными волосами и в каком-то дурацком свитере с оленями. Я даже принял его сначала за выпускника-атлета, который по ошибке забрел вместо спортзала в библиотеку и пытался найти тренажеры для тренировок.

Я разместился за соседним столом и уткнулся в учебник по натурфилософии.

Я так увлекся, что вздрогнул, когда парень с грохотом захлопнул книгу.

— I'm sorry, — он улыбнулся, — извиени. Я ни хотиел тьебья пугать.

Он говорил, так забавно вытягивая губы, что я невольно улыбнулся и примирительно отмахнулся.

— Забей, книжка не понравилась? — я вытянул шею и с удивлением увидел копию «Liber Ivonis» — Книга слоновой кости. — Ого, где достал? Можно глянуть?

Парень настороженно поглядывал на меня. Потом медленно, словно нехотя, протянул книгу.

— Тольико осторожно.

Обычно я не лезу к людям. Наверное, просто не ожидал увидеть такую книгу в руках такого парня. Текст был написан на непонятном языке, кое-что я уже видел раньше в старых томах по философии, что-то упоминали историки, изучающие мифическую Гиперборею. Странно, я раньше читал переведенные копии Книги слоновой кости, но они разительно отличались от того, что я держал в руках.

— Круто… — протянул я, переворачивая страницы. Подушечки пальцев чувствовали едва уловимую вибрацию, словно книга была подключена к электросети. — Откуда такая?

— Привьез с дома, — пояснил он и представил-

ся, — Джордж… i mean Гиеорг по-вашиему.

— Я — Кит, Никита то есть, но все зовут меня Кит, — я пожал ему руку.

— Nice to… рад знакомству.

— Откуда ты?

— Аркхэм, по обмиену.

Точно! Теперь было понятно, откуда взялся этот странный парень и почему у него акцент. Совсем недавно я видел объявление об обмене лучших студентов. Такая практика была во многих ВУЗах: к нам ехали из Китая, Германии, Франции и много откуда еще. Студенты изучали быт и программу, а наши ребята пытались понять систему образования зарубежья. Новые возможности, новые знакомства. Меня, правда, это никогда особо не интересовало.

И вот теперь передо мной один из таких студентов по обмену. Георг из Мискатоникского университета. Я читал, там есть книги подревнее той, что была у меня в руках. Интересно, Георг «случайно» прихватил ее с собой?

— Хочиешь, оставь. На один ночь, — вдруг предложил он.

— Спасибо, я все равно не знаю этот язык, — я вернул ему книгу, — а ты знаешь?

— Little, — он свел ладоши почти вплотную

и добавил, — мало.

Учитывая, сколько времени он пялился в книгу, я усомнился в его словах.

Он был не особо разговорчив и скоро ушел. А вечером, засыпая в кровати, я вспомнил вибрацию от книги. Она была странной, но точно не неприятной. Словно медицинский приборчик изучил строение моих пальцев. Интересно, была ли вибрация на самом деле или мне только показалось?

Прошло несколько месяцев. Мы с Георгом пересекались редко, в основном в библиотеке. Я больше не видел Книгу слоновой кости, Георг все чаще что-то писал в тетради или раскладывал плохо видные копии каких-то текстов.

Со временем мы разговорились. Я рассказал, что учусь на факультете биологии не по своему желанию, так захотели родители, он же заявил, что пошел в университет ради доступа к библиотеке. Мол, к некоторым секциям имеют доступ только студенты.

— Но зачем? — удивился я. — Сейчас все можно найти в Интернете.

— Ние все, — он хитро подмигнул.

То, что Георг планирует какое-то дело, я понял довольно скоро, однако тот не спешил посвящать

меня в свои планы и либо переводил тему на мои успехи в ботанике, либо спорил о местонахождении сокрытой под водами Атлантиды.

Только на следующий учебный год Георг частично упомянул о своих поисках. Мы сидели на скамейке возле института, и он вдруг указал на двух девчонок неподалеку, которые тоже приехали по обмену.

— Мэри, Энн and me.

Худышка Мэри в узких джинсах и огромных очках. На голове черные косички. Если бы не знал, то дал ей от силы лет пятнадцать. А вот Энн была полной противоположностью: толстая, как жаба, она всегда носила платья до колена. Было еще тепло и ее икры даже отсюда казались лоснящимися, словно Энн натерлась маслом. На ее жирной спине проглядывали капли пота, а кудрявые короткие волосы напоминали гнездо. Нет, я человек не брезгливый, но все равно в душе мне было противно даже смотреть на Энн. Интересно, занималась ли она хоть с кем-нибудь любовью? И кто был этот бедняга?

— Мы всие есть в связке, — Георг сжал кулак, — вмиесте. Пытаемся наиети.

— Что найти?

— Путь, — коротко ответил он, — in abyss.

За приедел. Хочиешь нам помочь?

— Были б у тебя девчонки поинтереснее, — усмехнулся я и тут же осекся. Георг серьезно смотрел мне в глаза. Он был напряжен, словно доверил мне страшную тайну и ждал мою реакцию на нее. — Не знаю. Зачем тебе я?

— Ты есть как мы, ты — seeker… искатиель. Ты ищиешь истиену. Правду.

— Брось, — отмахнулся я, — да, мне нравится философия и история, но не больше, чем кому бы то ни было.

— Ниет, — он покачал головой, — I see… вижу тебья. Книга приезнать тьебья. Я видиел.

Он многозначительно замолчал. Я почувствовал мурашки. Уж не имел ли он в виду, что вибрация страниц тогда в библиотеке…

— Ну ладно, а какой у тебя план?

— Приеходи tomorrow… завтра к нам, — он протянул записку с номером комнаты в общежитии.

Я машинально засунул записку в карман и поднялся.

Само собой я никуда не пошел. Еще на скамейке я чувствовал, как Георг пытается завлечь меня во что-то странное и ненормальное. Наши ребята давно говорили, что обменщикам из Аркхема нельзя верить. Что, мол, городок у них гнилой

и сами они больные на всю башку. Но дело не только в общем мнении.

Помню, как в детстве на даче ребята звали меня «попускать тучку», но какое-то чутье внутри заставило отказаться. Потом уже я узнал, что они где-то достали сильную травку и курили по очереди, пока у одного не случился припадок. Ох, как их всех наказали… С тех пор я привык доверять интуиции. И чем больше думал над предложением Георга, тем больше чувствовал себя как тогда в детстве.

Спустя неделю мы снова увиделись в библиотеке.

Я думал, Георг обиделся, но он только сказал:

— Мы будием ждать тьебья.

Больше Георг не предлагал, но изредка он туманно намекал, что их поиск истины продвинулся дальше и скоро они поймут, как попасть за предел.

Наступила зима, за ней весна и приближалось лето. Я все реже пересекался с моим приятелем. И должен признаться, что был этому только рад. Когда мы разговаривали о чем-то, рядом все время витала какая-то атмосфера недосказанности. Позорной тайны, которая известна всем кроме тебя. Трудно объяснить, но я ощущал, как про-

странство словно затягивает меня в какую-то дыру, заставляя размышлять над вопросами вселенского масштаба.

Как однажды вечером, когда я нашел в Интернете аудиозапись, где читали ритуал из якобы реального «Некрономикона». Помню, что не дослушал и закрыл страницу на середине. Меня словно загипнотизировали странные слова. Складываясь в предложения, они превращали пространство в нечто вроде туннеля, и я летел по нему навстречу настоящему ужасу. Впервые за все время я тогда по-настоящему испугался.

Размышлять и постигать тайны вселенной мне хотелось все меньше. Я хотел веселиться, хотел петь и гулять! Еще зимой я познакомился с девчонкой из параллельной группы. Мы с Наташей гуляли допоздна, подчас не успевая на последний автобус, и тащились до метро. А там не могли расстаться и целовались, целовались, целовались…

Сейчас я вспоминаю и поражаюсь, как мог спустя всего несколько месяцев думать о свадьбе? Правду говорят, что любовь делает нас слепыми. Я не видел, что она перекинула на меня всю свою учебу: рефераты, лекции, тесты и прочее. Мне казалось забавным подсмотреть, купить, украсть или придумать все самому. Наташа сдавала

только экзамены и зачеты, да и то с помощью моих шпаргалок. Она была приезжей и мечтала закрепиться в Питере, я мечтал дать ей такую возможность, а потом… потом она просто нашла того, кто мог предоставить не только материалы по учебе, но и собственную жилплощадь.

Наступило лето… то гребаное злосчастное лето. Мама позвонила мне из больницы, я бросил все и полетел. Не передать словами, что я ощущал, когда увидел, как моя бойкая мелкая сестренка лежит вся серая на кровати под казенным одеялом. Меня будто опустили с небес на землю, вырвали опору и заставили упасть носом в грязь. Вот так все меняется в несколько шагов: раз — обморок, два — больница, три — реанимация.

Мы все были как на иголках. Почти не ели и не спали, а потом нам позвонили и… Помню, как мама рыдала на кухне, а отец почти ничего не говорил, сидел весь черный от горя и тяжело вздыхал.

Я прогулял две недели. Просто лежал и смотрел в потолок. Родители разбирали вещи сестры, а я не мог… просто не мог войти в ее комнату. А потом собрался и пришел на занятия. На перемене ко мне подошла Наташа и, скорчив недовольное лицо, сказала, что звонила целых два раза, а я да-

же не перезвонил. И вообще, раз я ее игнорирую, то я козел, и она меня бросает.

Я даже не знал, что ответить. Начал лепетать что-то по поводу сестры, но Наташа только фыркнула и, гордо подняв голову, ушла. Я ждал хоть какого-то сочувствия, а взамен мне будто врезали под дых. Глаза щипало и хотелось выть… не знаю, как удержался.

Уже потом я узнал, что Наташа, встречаясь со мной, уже спала с двумя старшекурсниками. Оба богатые, оба засыпали ее подарками. Ей надо было сдать последний экзамен, а когда я ей помог, то стал не нужен. Пятый курс был существенно легче. Когда есть деньги, можно купить и диплом, и найти того, кто подготовит защиту.

Дома тоже как-то не ладилось. Родители мало говорили, над ними будто повисла туча. Отец пропадал на работе, а возвращался все время под мухой. Мама разом постарела и смотрела глупые мыльные сериалы про любовь. Смотрела и плакала над каждой сценой. Им было наплевать на меня. Черт, да мне самому было наплевать. По ночам я видел бездну мрака, куда меня вела жизнь. Ничего хорошего, одна большая яма без дна. Я падал в нее и никак не мог упасть до конца. Вдобавок я завалил три экзамена и только чудом

не вылетел из института.

Меня перестали интересовать простые радости. Я все время читал мрачные истории, словно пытался скрыться в них и оправдать свое горе. Мол, героям тоже не сладко, что уж говорить про меня? Но ни книги, ни музыка не помогали. Я плохо спал, похудел и был жутко рассеян.

Но это все меньше меня заботило. Иногда хотелось разом со всем покончить. И когда я почти дошел до ручки, ко мне подошел Георг.

— Кит, мы все пониели. Мы найти путь. In abyss. Ты с нами?

— Да, — ответил я, больше не ощущая ни тревог, ни сомнений.

Георг довольно кивнул и пригласил меня к семи вечера в общежитие.

В мире есть тысячи, миллионы вариантов разных событий. Есть знаки, которые указывают, что делать не стоит, есть силы, которые словно огораживают тебя от того или иного шага. Так вот, в тот вечер все сложилось настолько удачно, что я порой задумываюсь, уж не судьбой ли было мое участие в эксперименте? Автобус появился, как только я дошел до остановки. В салоне было полно мест, никаких орущих детей, никаких громких разговоров. Хотя, быть может я просто

оправдываю удачу тем, что нашел хоть какое-то дело. Что-то могущее отвлечь от сводящих с ума мыслей. И я потянулся навстречу.

В комнате на третьем этаже было тихо. Я постучал, и мне тут же открыли. Переступив порог, я словно попал в мир средневековья. Простая мебель, вроде нескольких стульев и шкафа, терялась на фоне моря свечей. Свечи на столике, свечи на подоконнике, на полках, на полу… В центре комнаты кто-то изобразил круг с витиеватыми отростками. Совсем немного рисунок напоминал солнце, только неправильное, искривленное, чужое.

В кругу стояли три узкие кровати, напоминающие каталки из больницы. Рядом с ними на столике теснились колбочки и бутылки. Довершал все тяжелый аромат воска, гораздо более сильный, чем бывает в церкви.

— Рад, что ты приешел, — кивнул мне Георг.

Он был сосредоточен и все время хмурил брови. На лбу залегла глубокая морщина. Странно, но приятель выглядел гораздо старше, словно за последние месяцы прожил не меньше десятка лет.

Мэри листала большую черную книгу и делала какие-то пометки в тетради. Энн поманила меня

к себе. Она стояла возле электрической плиты, на которой булькало мерзкое варево.

— Что знаешь о бездне?

Голос у Энн был грубоватый, резкий, с хрипотцой. Говорила она почти без акцента.

— Согласно теории…

— Нет, — перебила она, — что Ты знаешь о бездне?

— Преидел, — подсказал Георг.

— Что лежит у страны Снов, — подала голос Мэри, не отрываясь от книги.

— Говорят, что это место без времени и без пространства, — осторожно ответил я, — о нем мало написано и большая часть просто слухи.

— Виерно, — ответил Георг, — но сеигодня мы попасть in abyss.

— Как?

— Есть путь, — Энн кивнула на варево и многозначительно на меня посмотрела.

— Мы долго искать, — пояснила Мэри, — пока не добыть это.

Она закрыла книгу и ткнула пальцем на обложку.

— И что?

Они втроем переглянулись, а я почувствовал себя ребенком.

— Книга Распутина, — сказала Энн.

Я с трудом сдержал смех. Внезапно вся их мрачная сосредоточенность, антураж, свечи и серьезность стали чем-то вроде детской шалости.

— Книга миф, — не выдержал я, — Распутин — чернокнижник, колдун на службе запада… вы что серьезно в это верите?

— Он не служил западу, — поморщилась Энн, — но был колдуном. Именно он первый нашел путь за предел.

— Но его книега быела утериена, — добавил Георг.

— Мой дядя найти ее, — сказала Мэри, — прислать мне.

— Пожалуй, я пойду.

— И упустишь такой шанс? — спросила Энн. — Неужели тебе не интересно? Георг сказал, что ты искатель, по-твоему, он ошибся?

Они втроем смотрели на меня с надеждой, а я совершенно не знал, как поступить. С одной стороны вся эта история с бездной выглядела все безумнее, а с другой… мог ли я допустить хотя бы на одну секунду, что они правы? Об Атлантиде и Гиперборее тоже многие годы шли яростные споры. Авторы прошлого были уверены в их существовании не меньше, чем мы в существо-

вании далеких планет.

— Ладно, — наконец решил я, — какой план?

— Путь в страну Снов открыт либо сновидцам, либо их последователям, — начала пояснять Энн, — чтобы уподобиться им не хватит и целой жизни. Но ведь нам не надо в саму страну Снов.

— Бьездна лиежит гораздо дальше, — сказал Георг, — но попасть туда лиегче.

— Как?

— Что знать о смертник? — спросила Мэри.

— Африканский цветок, который использую шаманы, — машинально отчеканил я и тут же почувствовал, как по телу расползается тревога.

Я начал догадываться, что они от меня хотели.

— Путь in abyss лиежит через death. Смерть.

— И тут нам нужен ты, — сказала Энн, — ты лучше всех из студентов знаешь ядовитые растения. Твой реферат по смертнику признали лучшим в группе.

— Ты много читать, мы знать, — сказала Мэри.

— Ты скажиешь нам виерную дозу, — закончил Георг.

— Не, ребята, вы что, — нервно хохотнул я, — одно дело эксперимент и совсем другое… это очень опасно.

— Поиэтому нам и нужен ты.

Воцарилось молчание. Они смотрели на меня, ожидая ответа, а я пытался найти слова, чтобы отговорить их.

— Мы поймем, если ты откажешься, — произнесла Энн, — но мы все равно рискнем пойти за предел.

— Если ты искатель, ты помогать нам, — сказала Мэри, — если нет, не мешать.

Сейчас, по прошествии времени, я мог признаться себе, что дело было не только в силе их убеждений или моем желании постичь тайну. Кое-что я скрыл от моих друзей. После смерти сестры мне попалась в руки одна книжка. Не знаю, почему я не видел ее раньше, ведь она стояла прямо посередине книжной полки. «Путешествие во тьму» Ганнеса. Говорят, он был приятелем Эйбона, но исповедовал свою истину.

В его книге был отрывок про мифическое место, в которое уходят души умерших и в котором остаются навсегда. Некий прообраз Аида, который упоминался в «Мифах Древней Греции». Бездна. И если это правда, значит души не исчезают до конца. Значит, я имел шанс когда-нибудь снова увидеть свою сестренку. Кто-то скажет, что в подобное нельзя верить, но, если был хоть какой-нибудь, пусть самый минимальный шанс,

что бездна реальна, я должен был проверить.

И мы проверили. Мне понадобился час, чтобы выверить три дозы вареного смертника. Теоретически, он должен был погрузить в состояние близкое к смерти минут на пятнадцать. Теоретически — потому, что всю информацию по цветку я собирал по крупицам и даже в реферате указал далеко не все, опасаясь, как бы кому не взбрело в голову опробовать варево на себе.

Георг, Энн и Мэри легли на кровати. Я раздал им пробирки и включил магнитофон с записью заклинания, надиктованного Мэри. Сказать по правде, я чувствовал себя затворником-алхимиком, который пытается создать философский камень.

Голос Мэри словно отражался от стен, создавая порывы ветра. Огонь на свечках танцевал удивительный гипнотический танец, и я поневоле застыл, очарованный магической атмосферой. Речитатив заклинания, непонятные слова и тяжелый запах ввели меня в некое подобие транса.

Комната стала искажаться, меняться. Потолок исчез, обратился в бесконечное звездное небо. Но, вместо знакомой луны мне привиделись зигзагообразные образования, мало походящие на планеты. Я увидел нечто сияющее, излуча-

ющее ужас, увидел серо-зеленый Юггот и его спутники, про которых лишь мельком читал однажды, увидел Йаддит, который даже издалека заставил меня замереть от ужаса, увидел далекие звезды, где еще только зарождалась жизнь. Я уносился все дальше, но тут меня привел в сознание чей-то крик.

Комната снова стала комнатой. Я помотал головой, сбрасывая с себя оцепенение. И посмотрел на кровати. Со спящими происходило что-то ужасное. Мэри упала на пол. Ее глаза были закрыты, а с уголков рта капала густая слюна.

— Мэри? — позвал я.

В ответ она встала на четвереньки и принялась водить носом, напоминая гончую. Мэри оскалилась и зарычала, а потом из ее горла стали доноситься странные нечленораздельные звуки, словно она пыталась говорить. Я осторожно шагнул навстречу, и тут Мэри завыла и принялась, громко стуча коленями об пол, бегать по комнате. Она опрокинула столик, сбросила несколько свечей, но, когда я попытался ее поймать — вцепилась зубами в мое запястье. Тут же послышался хруст, и я заорал от боли.

Мэри рывком потянула меня к себе, и я, с трудом удержав равновесие, ударил ее ногой

в живот. Она заскулила, но тут же подпрыгнула чуть ли не до потолка и с грохотом приземлилась на пол. Одна ее нога странно подвернулась, но, похоже, Мэри это ничуть не смутило.

Судорожно соображая, что делать и прижимая к себе окровавленную руку, я схватил стул, и когда Мэри снова прыгнула на меня, обрушил его на ее голову. Мэри всхлипнула и растянулась на полу. Из ее рассеченного лба закапала густая кровь.

— Кит, — тихо позвал меня Георг, — углы, углы…

Он полз ко мне, а за ним тянулась полоска из какой-то слизи. Его лицо было жутко расцарапано, словно безумная кошка устроила на нем вакханалию.

И тут я почувствовал их. Вернее, тогда еще я не знал кто они, тогда я увидел лишь дымок, который словно вытекал из углов стен. А потом почувствовал чудовищный тошнотворный смрад. Он был несравним ни с чем, что я знал. Запах выворачивал наизнанку, от него слезились глаза, а горло сжималось, вызывая удушье.

Георг замер в метре от меня. Его буквально окружали струйки дыма, а после, как по команде, двинулись ко мне. Я не видел, кто убил моего при-

ятеля, но я слышал их шаги. Тихие, осторожные… так хищник подкрадывается к добыче. Я слышал их тяжелое дыхание. И не мог пошевелиться.

Вдруг кто-то схватил меня за руку и выволок наружу. Энн тащила меня за собой как куклу, сжимая под мышкой черную книгу Распутина. Только на улице, я наконец вырвался и бросился наутек. Я смутно помню, что делала Энн. Кажется, что-то кричала вдогонку, но я не слушал. Меня гнал вперед дикий иррациональный страх, гнали осторожные шаги невидимых тварей, убивших Георга, гнало их тяжелое дыхание…

Я понимаю, что в тот день не владел собой, но это не спасло от мук совести, преследующих меня долгие годы. Я должен был вытащить Мэри, должен был помочь Георгу, я должен был сделать хоть что-то! Но вместо этого каждый раз оправдываю себя: они знали, на что шли, они искали истину, искали путь за предел и поплатились за это. Однако, засыпая по ночам, я каждый раз вижу прыгающую и скулящую Мэри, вижу ползущего Георга и слышу дыхание мерзких тварей.

С Энн я не виделся две недели. Она просто перестала посещать занятия. Кто-то говорил, что она вернулась домой, кто-то, что сбежала после пожара в комнате общежития. Мол, поехала головой,

убила друзей и устроила поджог. Иногда любопытные спрашивали меня, ведь Энн дружила с Георгом, а нас с ним часто видели в библиотеке. Но я только качал головой и скорее уходил.

Но однажды она пришла ко мне домой и принялась барабанить по двери. Пришлось впустить ее. Энн выглядела ужасно: бледная с красными глазами и грязными волосами, которые сосульками падали на плечи. Футболка топорщилась на ней, выставляя напоказ пузо с крошечными волосками. Вместе с гостьей в квартиру вплыл аромат давно немытого тела, и мне пришлось открыть окно.

— Ты давно не была на учебе, — сказал я, совершенно не зная с чего начать.

— Ты должен мне помочь, — резко сказала она и опасливо осмотрелась, — они ищут меня… понимаешь? Ищут!

— Кто тебя ищет?

— Они! — она сбавила голос до шепота. — Они. Меня заметили там… учуяли… теперь пытаются найти… углы, чертовы углы…

Она вдруг сорвалась с места и побежала на кухню. Там она выхватила нож и принялась скоблить угол стены.

— Что ты делаешь? — я сделал шаг, но не ре-

шился отнимать нож.

— Углы! Они приходят из углов! Все бесполезно.

Она швырнула нож и заплакала. Сотрясаясь в рыданиях, она напоминала толстую свинку, но мне почему-то было не до смеха. Похоже, Энн была в отчаянии, но разве я мог ей помочь?

— Пойдем со мной, — вдруг сказала она, — я знаю, как мне спастись. Это было написано в книге Распутина.

— Нет, — твердо сказал я, — ты что забыла, что случилось в прошлый раз. Ваш эксперимент свел Мэри с ума, а Георг… черт, да я вообще не понимаю, что с ним произошло.

— Они поймали его! — взвизгнула Энн. — Поймали! А теперь охотятся за мной. От них нельзя сбежать или укрыться. Но я нашла один способ, о да… помоги, прошу! Я сделаю все, что ты хочешь!

Она принялась стягивать футболку, а меня чуть не вывернуло.

— Стой, хорошо, — выпалил я, — давай обратимся в полицию. Расскажем все.

— Они не помогут, — горько усмехнулась Энн, — да и не поверят. Времени мало, я чувствую они рядом. Умоляю!

— Ладно…

Она схватила меня за руку и потащила за собой. По пути меня раздирали противоречия, но каждый раз что-то останавливало, хотя и хотелось все бросить и вернуться домой. Мы миновали несколько улиц и поднялись на пятый этаж старого обшарпанного дома в глубине одного из переулков. Лифт не работал, а часть квартир были заколочены. Дому явно грозил снос.

Энн открыла ветхую дверь и втянула меня внутрь. В квартире было очень грязно и пахло сыростью и чем-то протухшим. Книга Распутина лежала в единственной комнате. Если раньше я думал, что Энн не в себе, то сейчас я окончательно убедился, что она сошла с ума. Все углы в комнате были стесаны и закруглены, даже ножки стола и единственного стула превратились в круглые столбики. Обои, исписанные странными письменами и формулами, излучали нечто недоброе, ненормальное.

Энн толкнула меня на стул, а сама села на пол и открыла книгу.

— Мэри знала… эта bitch знала, что нас ждет. Она не сказала… она должна была сказать!

— О чем ты?

— Мы искали ответ в abyss… бездне. Мы видели

ее, видели! Там нет ни времени, ни пространства. Там царит смерть, но даже там есть жизнь. Путь от бездны до нас составляет больше миллиарда лет, но те, кто обитает в бездне, все равно настигнут тебя, — она хохотнула и задрожала, — если учуют… они хорошо чуют… тощие… вечно голодные… они жаждут нас… жаждут тех дураков, которые пытаются попасть за предел. Они хотят наш свет, нашу чистоту… они хотят измазать, осквернить и пожрать нас.

Энн задрожала еще сильнее, а затем резко поднялась и открыла книгу.

— Греки знали секрет, они создали формулу, которую потом переработали и записали. Если бы Мэри сказала… мы бы могли жить… все мы. Уже темнеет, они скоро придут. Им помогут.

— Энн успокойся…

— Помогут, — упрямо сказала она, — мы должны закончить, иначе они убьют меня так же как Георга

Она отодвинула стол и легла прямо на пол. Из кармана вытащила маленький пузырек с черной отравой.

— Стой, если ты неправильно рассчитала…

— Я все запомнила, — перебила она и приказала, — возьми книгу и читай.

— Но, я не знаю…

— Читай, — зарычала она, — читай! Читай!

Я сглотнул и заглянул в книгу. Энн отметила закладкой одну из последних страниц. Рядом с диковинными формулами были написаны строчки на латыни. Не скажу, что я так хорошо знал ее, но прочесть мог.

Я старался громко и тщательно выговаривать буквы. Не понимая значения слов, я, тем не менее, чувствовал странную вибрацию, которая шла через пальцы. Воздух словно начал сгущаться, а комната снова стала преображаться. Постепенно текст захватил меня. Даже при желании я уже не мог остановиться. Я словно был не я, а какой-то безумец, выкрикивающий древние слова.

И тут я снова увидел небо и искривленные звезды. Увидел Юггот и его спутники, увидел Йаддит и содрогнулся, увидел край страны Снов, увидел Кадат и Ултар, Иб, Селефаис и Катурию. Увидел многие эпохи и эры за короткие мгновения, а затем увидел бездну. Я словно парил над краем. На секунду посмотрел в бесконечную черную глубину. Там не было душ. Только огромный пульсирующий организм. Тьма словно тянула наверх свои щупальца, пытаясь добраться до всего живого, что было за ее пределами.

А затем я увидел Энн, которая стояла посреди пространства и с ужасом оглядывалась по сторонам.

Я читал заклинание, и чистоту, которую излучала ее душа, будто стирали из реальности. Штрих за штрихом, сила скрывала ее от глаз обитателей преисподней. И все же, времени было недостаточно. Краем глаза я уловил, что из нескольких мест, где Энн недостаточно старательно отскоблила углы, поднимается коричневатый дымок, который трепетал и растягивался, приобретая чудовищные очертания. В ноздри ударил отвратительный смрад, на миг перехватив дыхание. Я старался читать быстрее, но твари уже почуяли добычу. Они кружили вокруг жертвы, принюхиваясь своими длинными тощими носами.

Свора диких псов приготовилась к прыжку. Энн закричала и побежала. Она торопилась вернуться в свою реальность, а я почему-то знал, что если она достигнет цели раньше, чем подействует заклинание, то больше никогда и нигде не спасется от вечного голода бегущих по пятам тварей. Формула работала один раз. Только там, где жизнь начиналась, и там, где заканчивалась.

Я почти дочитал, почти спас ее, но тут несколько псов развернулись и поскакали ко мне.

Не знаю, учуяли они меня или услышали. Их дикий вой заставил меня остановиться. Я захлопнул книгу, и все исчезло. Последнее, что я слышал, пока летел через пространство в грязную комнату, это дикий крик жертвы и довольное завывание вечно голодных бестий.

В комнате все еще стоял ужасный смрад, но дыма уже не было. Энн лежала на полу, широко распахнув глаза и уставившись в потолок. Ее лицо и тело покрывала странная слизь, а грудь и руки были в чудовищных порезах. Крови нигде не было, словно ее высосали вместе с душой. Я больше ничем не мог помочь.

Книгу я забрал с собой и целый месяц ждал, когда на порог моей квартиры заявятся полицейские. Но все было тихо. Если Энн и нашли, то не связали ни со мной, ни с пожаром в общежитии. Даже самые ярые сплетники среди студентов судачили только о новых романах. Постепенно история стала забываться, появились новые интересы, знакомые, друзья.

Книгу Распутина я отдал в Мискатоникский университет примерно через десять лет после смерти Энн. Я хотел попросить их никому не показывать фолиант, но служитель и без меня это понял, прислав письмо с благодарностью

и просьбой никогда и никому не рассказывать про черный том.

Сейчас я живу один. Иногда мне звонят дети и внуки. Иногда приезжают коллеги по бывшей работе. С ними я весел и мудр. Я веду себя согласно законам нашей жизни. Я удивляюсь, смеюсь, поражаюсь. Я обсуждаю новости политики или сериалы. С ними я радуюсь мелочам. Но вот наступает ночь. Я смотрю в потолок и думаю совсем о другой реальности. О стране Снов, сине-зеленом Югготе и его спутниках, об ужасном Йаддите, о сотни эпох и эр, где любая человеческая жизнь лишь песчинка в пустыне круговорота времени.

А еще я думаю о бездне и тварях, которые ее населяют. Вечно голодных тощих псах, способных проникнуть куда угодно, чтобы найти свою жертву. Их мягких шагах, осторожных шагах и тяжелом смрадном дыхании, которое я часто ощущаю в своих беспокойных снах…

Проект «Зэйрос»
Вадим Вербицкий

Доктор Мовчан отёр рукавом халата свой взмокший лоб. За несколько секунд до того, как двери лифта распахнулись, учёный судорожно втянул в себя воздух. Он подумал, что здесь, на глубине 15-ти метров от поверхности, мог случиться внезапный сбой в системе вентиляции. Однако это было маловероятно, учитывая, что корпорация использует исключительно современные и максимально надёжные технологии. Эта мысль его успокоила.

И всё же воздух был невыносимо душным. Пот заливал его изможденное лицо, халат буквально давил на плечи, а после нелёгкого ночного дежурства, во время которого ему вместе со своим единственным лаборантом пришлось настроить всё это сверхсложное оборудование, доктор едва не валился с ног.

Но впереди его ждало нечто удивительное. По крайней мере, он заставлял себя так думать — было важно не дать научному интересу угаснуть окончательно. Ведь изматывающая работа всей

последней недели угрожала лишить той остаточной искры вдохновения, благодаря которой он всё ещё был в состоянии держаться плана, даже несмотря на отсутствие внятных объяснений со стороны высшего руководства.

Его подтачивало какое-то неясное тревожное сомнение. И дело было не только в договоре о неразглашении, который за годы его профессиональной деятельности он был вынужден подписывать не раз, чтобы получить должность в крупных миллиардных проектах. Его терзало несколько своевременных вопросов. Что произошло в остальных лабораториях? Почему коллеги с трёх разных объектов внезапно перестали выходить на связь во время плановых дистанционных видеоконференций? И почему все добытые материалы оказались теперь в его полном и исключительном распоряжении?

Теперь лишь скудные и холодные указания давались в строгом формате конфиденциальности, которого так тщательно придерживался таинственный куратор проекта «Зэйрос».

Ещё вчера, накануне, доктор несколько раз внимательно перечитал лабораторные отчёты о ранних экспериментах и более чем досконально изучил предоставленные данные об образ-

це — насколько это было возможно в рамках текста проектной документации, весьма скудной, на его взгляд. Да и к тому же поставленная перед ним задача оставалась по-прежнему не до конца ясной.

Помимо прочего, к использованным в отчетах определениям он отнёсся с большим недоверием.

Протоплазменный организм неизвестного происхождения… Смоловидная субстанция с наличием разума… Образец SR-06889 несомненно опасен… Питается кровью живых существ, в том числе, если не в первую очередь, человеческой. Способность к трансформациям и увеличению собственной массы не имеет аналогов в природе.

В ходе ранних экспериментов было установлено, что наиболее благоприятным для организма (образца SR-06889) является влажный, тропический климат. Рекомендуемый минимальный температурный предел подопытного — 35 градусов по Цельсию.

Трое автоматчиков в чёрной одинаковой униформе выкатили из кабины лифта поддон с небольшим продолговатым контейнером и без промедлений, также безмолвно, отправились обратно на поверхность. Когда двери сомкнулись,

в душное подземелье потянуло степной прохладой. Утомлённый доктор с усилием подавил в себе мучительную жажду свежего воздуха. Нужно было приниматься за работу безотлагательно.

С помощью своего ассистента доктор Мовчан закрепил извлечённый из деревянного ящика резервуар на штативе небольшого металлического стола, затем опустил на него купол из закаленного стекла и привёл в действие электронный замок. Это было главным условием безопасного вскрытия резервуара с образцом.

Удивительно, но с этой минуты нервное напряжение доктора пошло на убыль. Он в очередной раз смахнул с лица пот и почувствовал себя более собранным.

По его распоряжению ассистент установил необходимые показания на приборах. Ещё только вчера доктор скомпилировал все эти разрозненные данные, собранные в результате длинного ряда наблюдений в других лабораториях.

Естественные условия для подопытного были созданы в точном соответствии с рекомендациями коллег. Коллег, судьба которых теперь тщательно замалчивалась.

— Доктор, оно…

— Смотрит на нас, — закончил вместо своего

взволнованного помощника доктор Мовчан.

— Боже Всевышний! — Молодой сотрудник непроизвольно отшатнулся от купола, под которым вдруг отвратительно всколыхнулась и запузырилась чёрная аморфная субстанция; большие выпуклые глаза с какой-то кощунственной ленивой медлительностью вращались в орбитах.

Казалось, что тварь осматривалась, обводя маслянистым жабьим взглядом кабинет и всё то бесчисленное оборудование вокруг.

— Держите себя в руках, — сердито буркнул доктор. — Готовьте пакеты с кровью… Накормить его, это первостепенное дело, если мы не хотим увидеть *Это* в ярости!

— Да… да, так сказано в инструкции… — простонал ассистент, но почти в тот же миг развернулся и принялся выполнять распоряжение.

Присоединив два наполненных тёмно-красной жидкостью пакета — холодных после пребывания в боксе со льдом — к спиралевидным капиллярным трубкам, молодой помощник вернулся к столу, на поверхности которого под большим прозрачным колпаком вздувалось и мгновенно расслаивалось на тонкие широкие ленты нечто чёрное и вязкое, отчасти напоминающее ки-

пящую смолу. Однако тварь успела отрастить четыре маленьких, точно недоразвитых, лапки с перепончатыми пальцами на каждой из них. И ещё она неожиданно разрослась, заполнив собой пространство купола.

Ассистент в ужасе застыл, а пальцы судорожно сами сжались, выдавив почти всё содержимое пакетов на пол.

Доктор Мовчан зачем-то взял скальпель. Было нетрудно понять, что взгляд его находился в прямом и неразрывном контакте со взглядом бесформенной твари под стеклом. Её глаза больше не метались по кабинету, но были всецело сосредоточены на докторе. В эту минуту ассистент впервые разглядел в них странную неизъяснимую осмысленность.

Быстрым, слишком быстрым для его возраста взмахом, доктор полоснул сверкающим лезвием скальпеля по горлу своего младшего помощника. Кровь полилась тёмными ручьями, заливая халат несчастного ассистента, почти мгновенно натекла большая лужа на полу.

— Больше крови, — прохрипел доктор, — больше крови для великого Тсатоггуа.

Оставляя на сенсоре компьютера кровавые разводы, доктор Мовчан набрал длинную комби-

нацию пароля — и купол из закалённого стекла медленно и с характерным жужжанием поднялся вверх. Получив свободу, образец *SR-06889* стал стремительно расти, обретая отвратительные формы, всё больше напоминающие жабьи; когда тварь переросла размеры резервуара, она стала покрываться большими, похожими на нарывы, чёрными пузырями. Всей своей студенистой тушей она свалилась со стола на пол, а потом приподнялась, опираясь на две толстые согнутые лапы.

Один из её пузырей лопнул, и из рваного отверстия вытянулось тонкое длинное щупальце, которое тут же взвилось кольцами, а потом резко выпрямилось и, изогнувшись, как гигантский гельминт, показало свой круглый зубастый рот. Затем щупальце скользнуло по полу и с омерзительным хлюпаньем, точно сок через соломинку, стало втягивать в себя ещё тёплую кровь из растёкшейся лужи.

Огромные выпученные глазищи жабо-твари видели пред собой вставшего на колени человека, который поднёс скальпель к запястью собственной руки. А затем, с выражением невыразимой благодарности на улыбающемся лице, человек вскрыл себе вены.

Норы
Кирилл Свидельский

Вспоминая о тех последних днях, когда юность моя еще была беззаботна, я никак не могу понять свойство человека забывать, вычеркивать из памяти все, что противоречит его устоявшейся картине мира, подменять явь сладкими снами, а окружающее его зло списывать на уловки разума, фантазии и ночные кошмары.

Я приезжал в Браунвуд к своей тете и раньше не часто, и далеко не на все лето, и все поездки до того лета, когда мне исполнилось четырнадцать не отложились ярко в моей памяти. Лишь вечерние часы в беседке, солнце, опускающееся за пики сосен, да строгий запрет одному не ходить в лес, подступавший почти к самому порогу дома тети Маргарет.

Но в то лето я остался в Браунвуде надолго — нет, дело было не в моей внезапной любви к природе и антипатии к летней духоте и шуму Сан-Сити, не в том, что я не скучал по своим школьным друзьям, и даже не в брате (мне, как я уже упомянул, исполнилось четырнадцать,

а Брайану вот-вот должно было исполниться шесть), причина крылась в том неожиданном и дурманящем чувстве, что, как я думаю, можно испытывать только будучи подростком.

Ее звали Дженни, ей тоже было четырнадцать, и она тоже проводила лето в городке у своей бабушки. Встреча с ней изменила для меня Браунвуд — казавшийся раньше захолустным и скучным местом, теперь он полностью преобразился в моих глазах, наполнился ранее невиданными красками и запахами, его укромные, скрытые в зарослях полянки манили нас в свои тенистые объятия, и пусть я и должен был сидеть с Брайаном дома, пока тетя работала в кафе в городе, я не мог удержаться от встреч с Дженни. Да и кто мог бы узнать, что я гулял с ней весь день?

Брайан целыми днями сидел в обветшалой беседке у дома, играл со своими пластмассовыми динозаврами и листал цветные страницы книги сказок — в моей компании или заботе он совершенно не нуждался. Потому, оставив ему с утра какао и хлопья, я немедля бежал на свидание с Дженни, а возвращался лишь к семи, за полчаса до возвращения тети.

Так проходили дни и недели, мы гуляли с Дженни, все дальше отходя от города (там нам лучше

было вообще не появляться, чтобы не попасть на глаза моей тете или ее бабушке, работавшей в городской библиотеке) и все больше углубляясь в лес, следуя его витиеватыми полузаросшими тропками, паутиной раскинувшимися между колонн сосновых стволов.

Сейчас я вспоминаю те дни как счастливейшие в моей жизни — первая любовь, первый поцелуй, я даже вырезал наши имена на одном из деревьев в чаще своим подаренным на день рождения раскладным ножом-бабочкой. Тогда, бродя по лесу, мы не боялись никого и ничего, нас не смущали ни запреты не заходить в лес, ни даже отсутствие в самом лесу прохлаждавшихся летом горожан. Если б я знал тогда, чем обернется моя беспечность.

В тот день август уже вошел в свои права, день перешагнул за половину и тени медленно росли, расползаясь между сосен. Мы с Дженни вновь углубились в чащу и искали поляну, где могли бы остановиться на привал в очередном нашем тайном походе.

Тогда мы и обнаружили норы. Может раньше мы просто не замечали их, слишком занятые друг другом, может они появились именно в тот день, я не знаю наверняка, но именно тогда мы

обратили на них пристальное внимание.

Откуда они? Кто их вырыл? Если бы это были барсук или лиса, они ограничились бы одной, но обнаруженную нами поляну пронзало множество черных провалов в земле, словно лес подвергался бомбардировке крошечными бомбами с крошечных самолетов. Рядом с норами не было ни горсти земли, будто их не выкапывали, а грунт просто взял и расступился, образовав эти непроглядно черные, казавшиеся бездонными воронки.

От одного их вида по моей спине пробежали мурашки, но Дженни не казалась напуганной, напротив, норы заинтересовали ее. Нагнувшись над одной из них, она попыталась разглядеть дно, затем бросила в провал шишку, но та лишь бесшумно растворилась в темноте.

Я хотел предложить ей уйти, убраться подальше от этих идеальной окружности черный дыр, но как я мог сказать Дженни, что напуган? Кем бы я стал в ее глазах? Так что мне оставалось лишь стоять посреди этой полной пробоин лесной поляны, хоть мне и казалось, что земля на ней стала ненадежной — того и гляди уйдет из-под ног, пропадет, в самом что ни на есть прямом смысле. А под ней лишь эта угольная бессмыс-

ленная чернота, что хочет сейчас вырваться наружу — к косым солнечным лучам, запахам хвои и пению птиц, и проглотить их, погрузить в свою темноту.

Я смотрел неотрывно, возможно впервые за лето, не на Дженни, а на пробитую чернотой землю и, в один момент мне показалось, а в следующий я был уже абсолютно убежден в том, что норы растут, окружают нас, приближаются к замершей над краем одной из них Дженни!

Я дернул ее за руку, промямлив что-то нечленораздельное, но во взгляде ее увидел понимание. Понимание и страх. Дженни схватила мою руку и крепко сжала ее. Она тоже видела, как эти провалы разрастаются, пожирая солнечный свет. Они ширились, стремились к нам, окружали нас, словно разумные существа. Мы не могли понять, что происходит, но поспешили убраться как можно дальше от этой странной поляны. Сначала медленно, робкими шагами, боясь провалиться в один из черных провалов, мы выбирались из кольца нор, отступали из их окружения, двигались все быстрее.

Боковым зрением я видел, что норы были не только на этой поляне, то тут, то там обнажались древесные корни, словно нависшие над

пустотой, местами маленькие, местами крупнее — на самом деле весь лес был усеян едва заметными черными провалами.

Мы перешли на бег. Даже тогда я держал Дженни за руку, потому понял, что-то случилось еще до того, как услышал ее вскрик. Обернувшись, я увидел, что нога Дженни попала в одну из нор, древесные корни расступились позади нее, казалось, что они медленно пожирают ногу подобно спруту.

Я все еще держал ее за руку, в тот момент моя хватка стала мертвой, я не смог бы разжать пальцы, даже если бы захотел. Я пытался тянуть Дженни сначала одной, потом обеими руками, но то, что вцепилось в ее ногу, было сильнее меня, и моя любовь все глубже погружалась в расступающийся грунт как в зыбучие пески. Она кричала, звала на помощь, но кто мог помочь нам в этом безлюдном лесу?

Я тянул Дженни изо всех сил, упирался в землю ногами, но если сама земля не была надежна и расступалась позади Дженни черной пастью, что я мог поделать?

Я чуть не повалился на землю, еле удержав равновесие, но руку Дженни все равно не отпустил. Теперь я видел, что вокруг нее разверзается целая

бездна, пасть Харибды, обрамленная корнями. И еще я увидел, что некто держал ее — темная жилистая рука с грязными ногтями, не человеческая, но и не звериная, вцепилась в голень Дженни. Я пытался тянуть изо всех сил, но эта подземная тварь была сильнее меня. Мне ничего не оставалось, как совершить рискованный ход — я мог потерять Дженни, но в противном случае у нее не оставалось бы никаких шансов на спасение.

Одна моя рука отпустила ее руку и опустилась в карман, быстро нащупав там сталь ножа-бабочки. Дженни не понимала, что происходит, а у меня не было времени ей что-то объяснять, но тогда я увидел в ее глазах совершенно новый вид ужаса, не просто страх, а шок от того, что я собираюсь бросить ее на съедение безжалостной бездне. Ее губы медленно, как в замедленной съемке, двигались, но она онемела в тот момент, ощутив ли впервые в жизни настоящую близость смерти или пораженная моим предполагаемым предательством.

Я отпустил ее, повалился на землю и, выхватив нож, почти наугад нанес отчаянный удар в омерзительную лапу. Рев, переходящий в визг, разнесся эхом по лесу. Существо ослабило свою

хватку, и Дженни сумела вырваться. Я бросил взгляд вниз, в черноту, вокруг которой быстро начала сжиматься земля, делая дыру все меньше. До того, как дыра совсем пропала, я успел увидеть грязное и морщинистое перекошенное в гримасе боли бородатое лицо. Глаза, выпученные, налитые кровью и полные злобы взглянули на меня, а затем пропали во тьме.

Мы вскочили на ноги и побежали прочь, молча и уже не держась за руки. Мой нож остался торчать в лапе подземной твари, так что в случае нового нападения мне было бы нечем дать отпор. Мы потеряли дорогу и бежали наугад, чудом не потеряв друг друга, мне казалось, что земля за нами проваливается в бездну, но я не рискнул обернуться.

Когда мы выбежали из леса, на город уже опускались сумерки. Лес остался позади, а с ним и ощущение угрозы. Дженни молча, даже не попрощавшись, побрела домой, я, уставший и опустошенный, последовал ее примеру.

У дома стояла машина шерифа, моя тетя плакала на плече у полицейского. В беседке все еще были разбросаны пластмассовые динозавры, а в провалившемся деревянном полу виднелось темное углубление, еще недавно бывшее куда

глубже и темнее. Брайан исчез, и больше никто и никогда не видел его.

С тех пор прошли годы. Брайана признали пропавшим без вести, город старался избегать любого упоминания о нем, вычеркнул моего брата из своей коллективной памяти, и продолжил жить своей прежней провинциальной жизнью, отравленной загнанным в подсознание страхом перед окружавшим Браунвуд лесом.

Тетя умерла, раздавленная ли горем, убитая ужасом, что пришел однажды на ее порог, или отравленная молчанием и невозможностью поделиться ни с кем своей болью и страхом. Родители больше не могли смотреть на меня как раньше — я навсегда стал для них символом боли и предательства, не их сыном, а человеком, что потерял их сына.

Я несколько раз виделся с Дженни, просил и требовал, чтобы она призналась мне, городу, но в первую очередь себе самой в том, что произошло с нами в тот день. Но все, что она отвечала мне раз за разом — в тот день она поранила ногу, случайно наступив в лисью нору. Она больше не приезжала в Браунвуд, мы виделись в Сан-Сити несколько раз, но наша близость пропала в тот же день, когда пропал мой брат.

Думаю, Дженни не хотела видеть меня потому, что я самим фактом своего существования напоминал ей о том, что она так старательно пыталась забыть. Насколько я знаю, у нее получилось — сейчас она работает в финансовом секторе, вроде бы в Войс-Груп, у нее есть муж и двое детей. Я же забыть так и не смог.

Брайан не был первым человеком, пропавшим в Браунвуде, не стал и последним. Как и остальные, он не оставил ни следа и ни намека на причину своего исчезновения. Дыру под беседкой невозможно было обнаружить уже на следующий день, но с тех пор беседку обходили стороной, никто не рисковал отдыхать в ней. Какая глупость, будто земля с тем же успехом не могла расступиться у вас под ногами прямо в вашем дворе. Но город упорно делал вид, что все в порядке, объявив меня сумасшедшим и списав то, что я видел, на стресс и чувство вины.

Я пытался жить обычной жизнью, пытался забыть тот августовский день, но в итоге все равно переехал в Браунвуд и вселился в дом тети Маргарет. Теперь я всегда сплю только на втором этаже и держу под подушкой заряженный револьвер. По ночам меня все еще преследуют кошмары. В них земля проваливается у меня под

ногами, и я падаю в бездну, что злобно смотрит на меня выпученными налитыми кровью голодными глазами.

А проснувшись, с дробовиком в руках, револьвером в кобуре и армейским ножом на поясе я каждое утро выхожу в лес и совершаю его обход, пока не начинает темнеть. Я ищу норы. Прошло уже больше сорока лет, но с того августовского дня я никогда не видел ничего подобного — лишь норы лис да барсуков — совсем не те чудовищные провалы, ведущие ли в глубь земли или в сам ад.

Я знаю, что это существо уязвимо, ведь мой нож однажды причинил ему боль, а если можно ранить, значит можно и убить. И пусть эта тварь преследует меня во снах, я преследую ее наяву и молю Бога о том, чтобы он дал мне шанс отомстить за брата. А, совершив месть, я буду готов ко всему — хотя бы и отправиться под землю.

Хранитель, одетый в красный панцирь
Валерий Цуркан

Трасса, прямая, будто дорожные рабочие размечали её по нитке, убегала вперёд и терялась в возвышенностях Казахского мелкосопочника. Вдалеке, за всхолмлённой равниной, горбился невысокий горный хребет, склоны которого покрыты бахромой соснового леса.

Южная сторона близлежащих холмов казалась залитой свежей кровью — это расцвёл дикий мак-самосейка, редкий пятачок в степи обойдётся без него. Пунцовая скатерть с многочисленными вкраплениями жёлтых, оранжевых, сиреневых и синих цветов простиралась на многие километры по обе стороны от трассы — до горизонта. Весна здесь быстрая, вся эта красота выгорит за неделю, и останется только голая степь с перекати-полем и чахлыми колючими кусточками.

«Камаз» с длинной фурой-полуприцепом съехал с дороги и одиноко прижался боком к невысокой сопке. Двигатель, тихо поурчав на холостых оборотах, замолчал. Наступившая тишина сна-

чала показалась мёртвой, но вскоре её оживили степные звуки — шелест ветра, клёкот высоко кружившего беркута.

— Ничего не пойму, — сказал Виктор, хлопнув ладонью по рулю. — Судя по карте, Каражал мы уже проехали, но я не видел ни одной кибитки!

Степан, разбуженный нервничавшим напарником, поднялся с лежанки и сел, поставив босые ноги на сиденье. Сонно посмотрел на экран навигатора и на карту, разложенную под лобовым стеклом, над которым висели различные шофёрские амулеты и обереги. Несколько раз перевёл взгляд с неё на степной пейзаж за окном и обратно, пытаясь сориентироваться. Глазу не за что зацепиться.

— Какие к чёрту кибитки, там пятиэтажные дома стоят! И куда же это он делся? — Степан с издёвкой поцокал языком и зевнул. — Мистика какая-то! Куда ты нас завёл, Иван Сусанин? Ты точно ничего не напутал?

— Да как тут заблудишься? — обижено спросил Виктор. — Дорога-то одна! Прямая как стрела.

Навигатор почему-то не работал, показывал какую-то ерунду — если ему верить, то машина находилась на трассе М36, недалеко от Сарышагана. Но рядом должно быть озеро, а Балхаша

не видно. Да и не могли они там оказаться, даже если бы очень захотели.

— Ты за навигатором хоть следишь? — недовольно пробурчал Степан.

Виктор выругался, уставившись в экран.

— А ведь работал вроде… точно помню, что работал!

— А теперь не работает!

Степан взял карту, и, расправив складки, положил её на колени. В складках она снова сморщилась и помялась, рельефно показывая гряду светло-коричневых гор на краю степи. Степан, подцепив ногтём сигарету в пачке, вытащил её и прикурил от зажигалки. Молчал, разглядывая прямую линию трассы, роняя пепел на карту — серый снег покрывал нарисованную желтоватую степь.

— Так значит, ты говоришь, что Каражал должен остаться позади? — наконец спросил он и, как огнедышащий дракон, выпустив изо рта струйку сизого дыма.

Виктор кивнул и тоже потянулся за сигаретами.

— А вот эту развилку ты проезжал? — палец Степана ткнулся в карту.

— Проезжал, — ответил Виктор. — Хотя…

Он наморщил лоб и вперил взгляд в развилку, прижатую ногтём Степана. Машинально прикурил, пыхнул раз, другой. Развилка похожа на рогатину, располагалась она у подножия древнего кургана. Виктор вспомнил этот холм, под которым, может быть, лежат тела погибших в старинной стычке кочевников. Виктор, не мигая, смотрел на эту чёртову развилку.

— Не помню я, — сказал он. — Вроде она была, а вроде как и нет.

— У тебя скалероз, что ли? — спросил Степан, он всегда произносил слово «склероз» именно так — «скалероз».

— Да я не знаю. Вспоминаю будто в тумане. — Виктор глубоко затянулся и выдохнул дым прямо на карту, и над степью, чуть присыпанной серым снегом табачного пепла, заклубился утренний туман.

— Ты хоть что-нибудь помнишь? — Степан начинал злиться. — На какую дорогу ты свернул?

— Кажись, по правой поехал, — ответил Виктор. — А может, по левой. Странно, я почти ничего не помню. Вот недавно будто проснулся. Остановился у кургана, пошёл, отлил, а потом поехал дальше. Я помню, что нам оставалось до Каражала ехать часа полтора максимум, а по-

том время посмотрел и обалдел — пять часов шпилил без остановки.

— Эге, дружище, — заметил Степан. — Посмотри, сколько соляры осталось. Почти на дне. Не пять часов ты ехал, а намного больше. И меня не разбудил!

— Точно! — удрученно, ответил Виктор. — Баки почти пустые.

— Вот ты тормоз. Выходит, что мы Джезгазган проехали, а дальше куда, на юг или на север?

— Не знаю… Смотри… Навигатор.

Картинка на экране вдруг изменилась, дорога переместилась вправо, улетела за экран, и показалась новая, но на ней ни одной надписи.

— Фиг поймёшь… — сказал Степан. — Где это?

В Каражале они должны заправиться, передохнуть, оставить некоторое количество груза и двигаться дальше. Но, похоже, что заблудились.

Картинка на экране сместилась снова. На этот раз дорога дёрнулась куда-то к северу. И загрузился новый маршрут. Конечная точка — город Куль. Расстояние — сто километров.

— Чё это ты за маршрут забил? — спросил Степан.

— Не делал я ничего… Он сам.

— Кто?

— Навигатор.

— Сказки бабушке рассказывай. Тут помню, тут не помню. Блин, наберут дураков по объявлению, а ты мучайся с ними.

— Да я, правда, ничего не делал.

— Ладно молчи. — Степан ещё раз посмотрел на карту и произнёс: — Куль, Куль, помню, лет пять назад был здесь… Так, я теперь знаю, где мы. Значит, мы на юг поехали… Города этого на картах нету, вроде как засекреченным считается. С какого хера тогда в маршруте появился? Нам совсем в другую сторону надо.

Виктор пожал плечами и промямлил:

— Да не знаю я, он сам всё это сделал, говорю же — не прикасался я к нему. Я вообще не помню ничего.

— Вот блин, дал бог напарничка, — сказал Степан. — Мало того, что дурачок, так ещё и склеротик. И ещё этот чёртов навигатор. Вот не хотелось это китайское барахло брать, теперь расхлёбывай! Ладно, в Куле можно заправиться, только нужно будет съехать с трассы. Если навигатор заглючит снова, то вот тебе карта. Вот здесь повернёшь, — Степан показал пальцем. — Здесь грунтовка, колея старая, набитая, не ошибёшься.

Ты в Куле-то бывал?

Виктор растерянно продолжал смотреть на карту, не понимая, как такое могло произойти. Ведь не лунатик, чтобы во сне вести машину. А выходит, что ехал именно во сне, потому что почти ничего не помнит. Вот блин, до чего доводит работа без выходных, без отдыха, этак и головой тронуться можно. Нет, после этого рейса надо хорошенько отдохнуть, на море съездить.

— Даже не слышал о нём, — сказал Виктор. — Наверно, маленький городишко?

— Так себе. Я туда часто заезжал, давно уже. Там научный институт, пропускная система, я отвозил железяки для каких-то приборов. Там, кажется, над людьми опыты проводили, что-то такое краем уха слышал. В общем, об этом городе я знаю не больше тебя. Его и на картах-то нету.

— Нас-то пропустят? Ведь сам говоришь, что там пропускная система, — Виктор, оторвал взгляд от карты.

— Да уж заправиться дадут, не звери же, не оставят людей помирать в степи! А так там даже остановиться не дадут, стоит машине только стать на трассе, сразу «уазик» подъезжает. И вышки по всей трассе с солдатами. Тебе бы там точно отлить не дали бы. Ну, в штаны разве.

Глухо заурчал дизель. «Камаз», дёрнувшись, тронулся с места. Виктор вырулил с обочины и повёл тяжёлую машину вперёд, продолжая обдумывать своё недавнее состояние — то ли уснул за рулём, то ли в голове что-то повредилось. Странно, казалось, что сейчас в кабине находится ещё кто-то, кроме него и Степана. Отогнав неприятное ощущение, стал следить за дорогой.

Минут через десять рядом с дорогой увидели перевёрнутый полуприцеп-рефрижератор. «Скания» лежала на боку, видно, что машина вылетела с трассы на приличной скорости — кабина пропахала метров пять целины, хоть сейчас хлебом засеивай. Боковая стена фуры вскрыта будто огромным консервным ножом, и вокруг валялись деревянные ящики. Странное чувство родилось в груди Виктора, будто недавно уже видел эту или похожую картину. Где же он мог это видеть?

Виктор остановил «Камаз» и они оба вышли осмотреть «Сканию» — люди, по всей видимости, нуждаются в помощи. Первым делом в глаза бросилось содержимое рассыпанных ящиков. Сгнившие, высушенные помидоры, они пролежали под этим небом не один день. Это означало то, что авария произошла не сегодня и не вчера.

Хотя, эта мысль окончательно сформировалась позже, сейчас они об этом не думали.

Затем Виктор обратил внимание на то, что сквозь диски колёс пробивались маки и сорная злаковая трава, которой дай волю, она заполонит весь мир. Заросшие травой колёса подтверждали мысль о том, что машина вылетела с дороги не вчера. Виктор промолчал, он знал, что Степан, скорее всего, подумал то же самое.

Когда заглянули в кабину, думая увидеть там мёртвого водителя, заметили, что она пуста. И только потом Степан обнаружил два небольших холмика рядом с фурой. Двое, дальнобойщики всегда парами работают.

— Блин, здесь вообще кто-нибудь бывает? — с тревогой спросил Виктор. — Людей просто закопали, и никто об этом не знает. То-то мне показалось странным, что трасса такая пустынная, ни одной машины.

— Да странно это… Мы уже по закрытой зоне едем… Тут только остановись, и сразу солдатня набежит. И где они? Заедем в Куль, там заправимся и на КПП расскажем об увиденном.

— Неизвестно ещё, кто их похоронил, — дрогнувшим голосом сказал Виктор. — Может быть, намеренно сбросили с трассы и тут же зарыли.

— Думаешь, бандиты? Что тут забирать? Помидоры? Так их не тронули, вон они валяются.

— А похоронил-то кто? — с тревогой продолжил Виктор. — Бандюки и не станут закапывать, бросят и уедут.

— Если солдаты… но они тоже не станут… — заметил Степан. — Отвезли бы в Куль и полицию бы вызвали.

Двинулись дальше, не стали прикасаться к машине, чтоб не оставлять отпечатков. Мало ли что — вдруг это убийство? «Камаз» ревел во всю мощь, стараясь скорей убраться подальше от этого места. Виктор молчал, думая о происшествии, а Степан, словно уже забыл обо всём, закурил новую сигарету и начал травить анекдоты о Штирлице, большинство из которых сам же и придумывал. Очень удобно — сам придумал, сам рассказал, сам посмеялся.

— Штирлиц попал. «Под трамвай», — подумал Штирлиц.

Но Виктору смеяться совсем не хотелось, да и анекдоты Степана редко когда бывали смешными.

— Я вспомнил! — вдруг сказал Виктор и резко надавил на педаль тормоза.

Машина, заскрипев колодками тормозов, оста-

новилась. Степан, успевший снова забраться на лежанку, чертыхнувшись, едва не упал вперёд.

— Что ты вспомнил? — ошарашено спросил он.

— Я видел ещё пару таких машин. Вспоминаю как во сне, будто дежавю.

Виктор обхватил руками голову и опустил её на руль.

— То же самое. Выбитые стёкла, холмики могил недалеко от машин. И чувство такое, что на месте аварии не было ни одного человека. А кто ж тогда хоронил? Ведь не сами себя они в землю закапывали.

— Где ты их видел? Тебе, наверно, показалось, — Степан поднял голову с лежанки.

— Не помню. Блин, меня будто какой-то дрянью опоили. До развилки всё вспоминается ясно, а потом…

Виктор отжал сцепление, и «Камаз» неторопливо пошёл вперёд. Слева медленно проплыла наблюдательная вышка с пустой смотровой площадкой.

Виктор вдруг вспомнил, как он стоял у кургана. Будто во сне. Вспомнил, что ему захотелось посмотреть, что там внутри. Будто какая-то сила

тянула к этому кургану. Как в тумане, подошёл к покрытому травой склону, а потом… Что произошло потом, осталось за гранью понимания. Не то вдруг оказался внутри кургана, не то курган внутри него. Будто часть того, кто похоронен в этом месте, коснулся его души.

Виктор усмехнулся. Что за бред. Вроде бы с дурью давно завязал, да и в дороге даже пива не пил. Наверное, усталость, пора завязывать, нужно поискать нормальную работу с восьми до пяти.

Через полчаса они увидели покосившийся указатель — «Куль — 10 км» и свернули с трассы. Солярка уже заканчивалась. «Камаз» объехал несколько сопок и за ними открылся вид на Куль. Грунтовка упиралась в металлические ворота с некогда красными, а теперь выцветшими, жёлтыми звёздами. Сильный порыв ветра распахнул створки, но, несмотря на столь радушный жест, город не показался гостеприимным. Колючая проволока, опутавшая невысокий забор, давала понять, что Куль не любит посторонних. На КПП никого, и это удивило Степана.

— В городе должна быть заправка, — сказал он. — Была, по крайней мере.

За воротами располагалось заброшенное

кладбище, и видно, что хоронили без разбора. Православные кресты росли из сухого спёкшегося от жары грунта в окружении татарских полумесяцев, а невдалеке от них, рядом, но всё же как-то обособленно, стояли еврейские могилы, и на окраине, со степным размахом построены казахские родовые склепы. Кладбище растянулось вдоль грунтовки на несколько километров. У самой дороги Виктор заметил свежевырытую могилу, неизвестно для кого приготовленную.

— Смотри, могила свежая, — сказал он. — Не для нас ли?

— Не понимаю, это Куль? — спросил Степан, проигнорировав слова Виктора. — Ты больше не ошибался? Может, опять свернул не туда? Не было здесь такого большого кладбища и не могло оно вырасти за это время.

Кладбище огромное, оно лежало вдоль дороги и сливалось с горизонтом. Судя по величине городка, здесь должно покоиться всё его население. И даже больше.

— Здесь вообще люди есть? — спросил Виктор. — Мы не встретили никого, ни людей, ни собак, зато крестов полное кладбище.

— Должны быть, — ответил Степан. — Я сюда приезжал.

— И давно?

— Да лет пять назад! Кладбище тогда находилось у окраины города, небольшое такое, аккуратное.

— Не нравится мне здесь, — сказал Виктор. — Может, поедем назад?

— Да поехали уже, раз свернули. Да и заправиться надо, баки на нуле почти.

Степан вытащил из холодильника баклажку минералки, сделал несколько глотков и передал Виктору. Вода оказалась не очень холодной, но пузырящийся газ освежающе шибанул в нёбо.

— Вон впереди кто-то торчит, — сказал Степан. — Притормози.

На обочине стоял старик в серых лохмотьях, опираясь на огромную совковую лопату. «Камаз», пшикнув тормозами, остановился. Старик повернулся спиной к дороге и смотрел на кладбище.

— Дед, заправка работает? — крикнул Степан, высунувшись в окно.

Старик не ответил, даже не шелохнулся.

— Эй, дед, слышишь?

Не получив ответа, Степан открыл дверь и спрыгнул на землю. Тронул деда за плечо и тот медленно повернулся.

— Твою ж мать! — ругнулся Степан и отшат-

нулся от старика.

На самом деле это был молодой мужчина, не старше сорока лет. Измождённое лицо, изъеденное какой-то странной болезнью, походило на плохо очищенную варёную картофелину. Глубоко провалившиеся круглые глаза с жёлтыми зрачками смотрели сквозь Степана. Грязных косм давно не касалась расчёска, но было похоже, что она уже никогда и не понадобится — волосы не держались на больной коже, был виден череп.

— Что с вами? — осипшим голосом спросил Степан.

— Уходите! — прошипел мужчина. — Бегите, вы ещё успеете! Могила уже вырыта, кто-то один в неё ляжет.

— Вам нужна помощь?

— Бегите, — повторил мужчина. — Джамсаран уже близко, божество приходит каждую ночь. Кроваво-красные волосы развеваются на ветру, Красный Хранитель, недобрый воин опустошит землю! Он уже начал последнюю войну!

— Так вам точно не нужна помощь?

Мужик трескуче рассмеялся.

— Мне уже и Сам не поможет! А вы и подавно!

Степан понял, что с ним говорить бесполезно

и полез в кабину.

— Помните, чем скорее вы покинете это место, тем лучше для вас! — крикнул мужчина. — Джамсаран, или Улаан Сахиус, как ещё называют Рыжего, разбужен, жаждет крови. Бог войны, злобный Джамсаран, снова взялся за оружие, одевшись в красные доспехи.

— Поехали! — сказал Степан. — Сумасшедший, я их с детства боялся!

«Камаз» тронулся с места, плюнув в лицо несчастному психу порцию едкого дыма. В зеркале было видно, как мужчина грозил небу лопатой и, задрав голову, что-то кричал.

— Что у него с лицом? — спросил Виктор.

— Не знаю, надеюсь, это не заразное.

Сумасшедший исчез за невысокой сопкой, но Степан всё ещё видел перед собой изуродованное болезнью усталое лицо, а в ушах дребезжал тонкий хриплый голос. Кладбище двумя широкими полосами лежало по обе стороны дороги и казалось, что весь мир вокруг превратился в один большой могильник, и не осталось на Земле никого живого, кроме Виктора, Степана да сдвинутого по фазе мужика. На окраине Куля стояла заброшенная заправка с раскуроченными колонками, некоторые из них были выворочены

из бетона, что называется, с корнями, будто танк проехался.

— Заправились! — с досадой сказал Степан. — Не хватало ещё застрять в этом дурдоме!

— Не хотел я сюда сворачивать, чуял одним местом! — заметил Виктор. — Лучше б на трассе остались, кого-нибудь да и встретили бы.

— Боюсь, что не встретили бы. Что-то мне кажется, что и там то же самое. Ладно, чего уже говорить! Давай, развернёмся, а там посмотрим.

«Камаз» заехал на территорию разгромленной заправки, прокатился мимо развороченных колонок и снова вышел на дорогу, но уже в обратном направлении. Виктор вырулил на обочину и заглушил двигатель. Оказалось, что они не рассчитали — солярки было недостаточно, чтобы даже доехать до трассы.

— Смотри! — Виктор ткнул пальцем в экран навигатора.

Степан увидел высветившуюся надпись:

«Маршрут закончен. Дороги дальше нет».

— Хрень какая-то глючная! Чтоб я ещё раз это китайское фуфло купил! — сказал Степан. — Пойдём, соляры поищем.

Они взяли по канистре и отправились на поиски топлива.

— Ёлки зелёные! Да что же такого здесь могло произойти? — воскликнул Степан. — Ну не война же тут прошла!

Весь город пребывал в состоянии страшного запустения, ни одной собаки не видно, не говоря уже о людях.

— Ты говорил, что в Куле был какой-то институт, — сказал Виктор. — Наверно его закрыли и все работы свернули. Или произошла авария и всё население эвакуировали.

— Эвакуировали? Вон куда всех эвакуировали! — Степан кивнул в сторону крестов и полумесяцев, заполонивших кладбище. — Там же весь город лежит! Люди неизвестно от чего подохли, а мы тут с канистрами шастаем! Ведь даже собак не осталось! Где все собаки? Ау! Гав-гав! Нет их, или сдохли вместе с людьми, или сбежали, почуяв неладное. Собаки, они как кошки, чувствуют, когда приходит пора делать ноги. А люди этой способностью не обладают и мрут пачками.

Вошли в город и шагали по узкой улочке вдоль старых двухэтажных домов с разбитыми окнами и высаженными дверными косяками. Некоторые квартиры полностью выгорели, но запах гари уже выветрился, только налёт сажи на стенах говорил о пожарах, бушевавших в городе. Всё

заброшено. Неизвестно только — ушли ли люди сами или их вынудили уйти. Но кладбище указывало на то, что никто никуда не уезжал, что почти всё население Куля осталось здесь навеки, а выжившие (по крайней мере, один из них) сошли с ума. Вот только кто всех похоронил? Ведь не сами же себя!

Стали ли люди жертвой научных экспериментов, или в городе разразилась эпидемия какой-то страшной болезни? Если это чума, то солярку искать уже бесполезно.

Город мёртв. Степан не заметил никакого движения, только ветер поскрипывал ставнями в пустых окнах да шевелил чахлыми низкими кустиками.

— Слушай, Степан, а вдруг чума? — боязливо спросил Виктор. — Поехали к чёрту отсюда!

— Сейчас заправимся и поедем! Не паникуй!

Впереди показался въехавший в бетонный столб грузовик. Подошли и увидели рядом со смятой кабиной «МАЗа» невысокий холмик с вонзённой в него лопатой вместо креста. Из кабины несло тухлятиной. Обмотав головы рубашками, чтобы не слышать вони, открыли топливный бак, нашли шланг и стали переливать солярку в канистры. Терпкий запах дизтоплива не пере-

бивал смрада.

Позади вдруг послышался голос.

— Бегите, пока не поздно! Он идёт! Великое божество древности, ужасно голоден, ему нужны новые жизни! Он обижен на людей за то, что его сон потревожили. Джамсаран идёт за тем, чтобы напомнить людям — он силён! Жаждет крови!

Это был недавний собеседник Степана, безумный молодой человек с лицом старика. Как же он так быстро сюда добрался? Виктор заметил велосипед с привязанной к раме лопатой, прислонённый к ажурной ограде.

— Бегите! Бегите! Ещё немного, и бежать будет поздно! Мы… это мы разбудили существо. Исследователи, учёные, да! Ха-ха! Раскопали останки в древнем могильнике. Кто же знал, что это останки самого бога войны?

Не обращая внимания на юродивого, дальнобойщики наполнили канистры и бросились к машине.

— Не оборачивайтесь! — громыхал сумасшедший им спины. — Язвам этого города пришёл конец, нарыв прорвался, гной вытек, город очищен! Джамсаран идёт дальше, бог очистит все земли! Выпустили его, да, глупцы! Но пока он бесплотен — не может уйти дальше Куля, привязан

к могильнику и к институту! Но сегодня обретёт тело. Тело одного из вас! И тогда мир падёт! Конец придёт всем, да! Ха-ха!

Добежали до «Камаза» и, обливаясь соляркой, стали наполнять бак. Сумасшедший — или действительно пророк? — спешил за ними.

— Бог милостив и терпелив, — кричал он. — Но терпение небезгранично! Аллах всемогущ, Будда многолик, Иегова страшен в гневе! Но Джамсаран идёт! Великий бог битвы уже начал последнюю войну, в которой выиграет лишь один, а все остальные проиграют!

Виктор долил остатки в бак и поставил канистру на потрескавшийся асфальт. Степан закрыл крышку и направился к кабине.

— Разбудили Джамсарана, сына свирепого медноволосого якшаса… — кричал, брызгая слюной, сумасшедший. — Чего хотели добиться? Порой люди и сами не знают, чего они добиваются! Куль — маленький город. Ему здесь тесно. Он хочет другие города! Грядёт конец. Бог подчинит своей воле все земли.

В голове Виктора вдруг сверкнула молния. Вспомнил всё, и развилку, и курган, и того, кто ждал его в этом кургане. Того, кто мечтал сжечь весь мир в огне войны. Того, кто жаждал явиться

в этом мире во плоти, а не бесплотным духом. Того, кто был привязан к собственной могиле.

— Ты чего встал? — спросил Степан, открывая дверь кабины. — Пошли скорее!

Виктор-Джамсаран — Хранитель, Одетый в Красный Панцирь, наклонился, поднял канистру и, размахнувшись, ударил ею Степана по голове. Тот упал, и когда увидел склонившегося над собой огромного человека в древних боевых доспехах, окрашенных в цвет крови, в руке которого был тяжёлый медный меч, то понял, что жить ему осталось не больше секунды. Теперь он знал, для кого вырыта последняя могила.

Джамсаран вложил меч в ножны, поправил ярко-красный шлем, инкрустированный человеческими черепами, поманил пальцем сумасшедшего. Тот, как сомнамбула, подошёл к нему и остановился, опустив голову. Шлем Джамсарана являл собой маску страшного чудовища — выпученные глаза, перекошенный от ярости рот, острые клыки. Старик впервые видел бога войны, до этого лишь слышал приказы в голове.

— Зароешь это, — глухо сказал Хранитель, Одетый в Красный Панцирь. — И после разрешаю тебе умереть самому. Волки похоронят тебя.

Хранитель сел в кабину «Камаза», захлопнул дверь и бросил ножны с мечом на сиденье рядом с собой.

Экран навигатора замерцал и погас. Богам подсказки не нужны. Тем более подсказки дешёвых китайских навигаторов. Джамсаран сорвал семидюймовый дисплей вместе с присоской и выбросил в окно.

Двигатель глухо зарычал, выпустив облако дыма в лицо обезумевшего старика, и Джамсаран поехал на Запад, громко распевая любимую боевую песню. Скоро весь мир утонет в крови.

Свет вдалеке
Влад Волков

Шёпот волн доносит эхо умерших языков давно почивших цивилизаций. Их помнят скалы, сохранившие древние орнаменты и рисунки. Помнит ветер, что без устали гуляет по мысу, и эти воды Охотского моря, что, кажется, имеют к камням свои счёты — столь агрессивно они набрасываются на Сахалин, словно желая подмять под себя и спокойно царствовать в бездне личного одиночества безо всякой суши и возвышенностей.

Море не хочет довольствоваться только дном. Оно не желает делить территорию, но вынужденно отступать раз за разом. А затем, будто скопив силы и злобу, волны снова накатывают и атакуют, раз за разом надеясь выиграть, если не войну, то хоть какую-то битву, обтачивая мыс Анива, как умелый ювелир свою сокровенную реликвию.

Скалы здесь и вправду стали довольно гладкими. Их формы больше походят уже не на глыбы, а на вздымающиеся из воды гребни и головы морских обитателей, черепа рыб, туловища осьминогов, панцири черепах, что застыли

и обратились в камень под взором какого-то неведомого хтонического чудища.

Их сказочные силуэты будоражат воображение, как в детстве, когда видишь всяких немыслимых, причудливых животных и известных тебе динозавров в контурах проплывающих по небу облаков. Как и сам маяк, обточенные скальные камни — лишь пережитки старых времён, о которых человек современный и здравомыслящий предпочитает забыть. Им давно нет места в нашей понятной и изученной реальности, где уже не удаётся отыскать те сверкающие ниточки чудес, за которые когда-то тянули учёные, изучая окружающий мир и развивая всевозможные направления в науке.

А по вечерам, да и днём в плохую погоду, сюда нисходит густой непроглядный туман, давящей дымкой отчаяния и хмуростью бытия усугубляя моё одиночество. Возможно ли в доносящихся стонах этого шумного шёпота волн, сквозь мерцающий блеск надежды, попытаться найти хоть какой-то ответ…

Каждый здесь ищет своё. Одни приходят за вдохновением и сочиняют историю, другие ради исследований и заполняют свои дневники, третьи устали от жизни и отмечают лишь

должное по уставу в журнале, а сами уединённо наслаждаются покоем… И так далее, за всеми сменщиками своя история. Ищут отдыха, покоя, творчества или дела, но все мы здесь калейдоскопом сменяем друг друга, зажигая громадную лампу и в шторм, и в хорошую погоду, дабы свет маяка служил опознавательным знаком для всех кораблей, проходящих мимо мыса и где-либо поодаль.

Сам не знаю, что я здесь делаю, но мне здесь как-то спокойней, чем в городе. Этот шум волн, он уже успокаивает. Убаюкивает, раскачивая сознание, заставляя забыть обо всём и принимать себя таким, какой ты есть. Наверное, для меня это, в первую очередь, терапия, чтобы не свихнуться.

Другие же, наоборот, бросают работу, считая, что долгое время наедине с самим собой слишком сильно сказывается на рассудке. Мы живём уже давно не в те времена, чтобы людям мерещились какие-нибудь русалки или иные глубоководные жители неисследованного и недоступного дна.

Но, вторя причудливым обточенным камням и пейзажам у мыса, ореол мифов всегда окутывал это место. На побережье недаром находили рисунки племён, живших многие тысячелетия назад, казалось бы, отмечавших там исключи-

тельно тех, кого видели сами. Сонм привычных нам по сей день животных, а так же уже вымершие, но, тем не менее, жившие здесь, судя по их найденным останкам, особи.

И среди всего этого, как гром среди ясного неба, в барельефах и пещерной живописи, на вздымающихся монументах, молитвенных камнях и узорах древних идолов довольно чётко угадываются фигуры похожие на драконов.

Откуда здесь? Почему люди, никогда не контактировавшие с цивилизациями других мест, составили себе этот собирательный образ и с такой искренностью в него верили? Как некоторые считают, здесь когда-то процветал настоящий культ змея. Причём ещё самих этих диковинных рептилий, судя по внешности, описанию и даже обрядовому богослужению, оставленному в письменах и изображениях, было несколько вариаций.

Вот даже эти названия, «Берег Спящего Дракона» на Сахалине или «Зубы Дракона» — горы Красная, Медика и прочие рядом… «Колодец Дракона» в городе Южно-Сахалинске и ресторан «Золотой дракон» там же. Причудливый Вулкан Могунтан так и зовут «Око Нитатунарабе» — гигантской драконицы, богини болот

и трясин, по верованиям дальних предков айну, местного народа. А бог-создатель в верованиях многих из них тоже был драконом и звался Кандо-Кор'Камуй.

Припоминаю, одного из морских драконов звали, к примеру, Оксор-Ков'Хора. Как мне однажды объяснял один из сменщиков, попавший в шторм с японским моряком и задержавшийся из-за этого на две недели, это что-то собирательное из японских слов «Ōkī», «Osore», «Kowai» и «Horā», мол, «Ужасный гигант» или же «Громадный ужас» по-нашему.

Однако лодочник, который доставлял сменщика к маяку, только посмеялся и сказал, что легенды о существе, подманивающим сюда корабли и пожиравшим их бухте, здесь известны издревле, причём наши сказания куда старше японских. Местные древние племена, даже не предки айну, а те, кто жили здесь до них, представители давно позабытых и исчезнувших цивилизаций, когда даже сам климат в этих землях был иным, говорили о чудище, как о божестве, как о защитнике от вторжения злых сил, будь то лодки и суда захватчиков или какие-нибудь морские враждебные народы, в которых те верили.

И всё же племена эти отсюда ушли. Исчезли,

без следов переселения, словно воды или то, что они скрывают, пришли и забрали своё с побережья, оставив на память лишь идолов да обвалившиеся пещерные жилища. А на их месте и поселились далёкие предки айну. Какое теперь имеет значение, как возник в голове тех людей некий невероятный образ. Я вот предполагаю, дело в китах. Туши под тридцать метров, «выдыхаемые» ими фонтаны, издаваемые странные звуки… Наверняка, всё это пугало беспомощных перед силой природы людей древнего мира.

Но никому нет дела до того, что думает какой-то там смотритель моряка. Семьи нет, разведён, две судимости, не от лёгкой жизни люди приходят в такое место. Работа по контракту, и никто не обязан брать тебя снова раз за разом на очередную смену. На себя одного-то хватает. Добрая половина идёт в накопления. Иначе б даже не сунулся. Если б только концы с концами сводить, какой в том смысл? К тому же хоть курить бросил, ещё меньше растрат стало. Лепота!

Вдруг мне показалось, что в тумане что-то мигнуло. Какой-то блик. Такой жёлто-зелёный, что ли, странноватый, потому и привлёк сразу внимание к окну. Но сколько ни вглядывался, не мог разглядеть очертаний какого-либо судна.

Привиделось, скорее всего, там же вода, там ничего, просторы Охотского моря. Что может там мерцать? Сигнальная ракета на спасательном плоту? Она бы взмыла вверх по дуге, как это бывает…

Через какое-то время блик повторился, опять отвлекая меня от тяжести хмурых размышлений. Позабыв сон, планы на будущее и ход своих мыслей, я прильнул ближе к окну, вглядываясь в безбрежную даль сквозь белёсую дымку в привычный ночной мрак.

Туман не густой, сегодня довольно средний. Бывало и хуже, особенно три смены назад, когда он чуть ли не внутрь маяка проникал. Уже через два шага от себя я ничего не видел. А то и полтора, а то и один. Помню, меня это сильно встревожило, так как уже светало, а всё равно не видно ни зги. Но к полудню он тогда начал потихоньку рассеиваться.

Блик из воды сверкнул вновь, но уже левее. Если он движется, да ещё и мимо, значит, это какое-нибудь судно. А мерцание это не более чем отражение света маяка, например, от бронзовых пластин обшивки. Отсюда и зеленоватый оттенок у этого свечения.

Мерцание снова вернулось в центр, если вооб-

ще можно так выразиться. Оно в прошлый раз было куда левее, и я подумал, что корабль пошёл дальше согласно курсу. И был даже рад, что блик не приближается, а движется мимо меня, ведь именно в этом задача маяка и заключается, предупреждать, чтобы суда огибали прибрежные скалы и держались подальше от мели близ мыса, но теперь я, кажется, перестаю что-либо понимать.

Это точно, и мне не показалось. Я здраво отдаю себе отчёт, что жёлто-зелёный свет маякнул мне «в ответ» опять в том же месте, где раньше. Какой, спрашивается, корабль пойдёт влево, а потом вернётся? Ерунда какая-то. Я долго стоял у холодного окна, ожидая новую вспышку.

Она как назло затягивалась, заставляла себя ждать, но всё же состоялась. Правда, пауза была чуть ли не в три раза дольше, чем предыдущие. Хотя я и не назвал бы промежутки между теми более-менее равными, однако же, в этот раз ждать всё равно пришлось неоспоримо больше! Причём теперь она уже была куда правее того места, в котором изначально появилась.

Там за туманом воды Охотского моря. Никакой опознавательной точки. Казалось бы, почему я решил, что первый и второй разы она была

именно там, потом сместилась… Да потому что сам я практически не менял своего положения. Стекольный купол с несущими каменными и металлическими ободами-полусферами, конечно, большой, однако я стою у одного конкретного стекла в центральной его части.

И я отсюда видел блик трижды перед собой. Один раз значительно левее, а в этот раз гораздо-гораздо правее.

Ну, да бог с ним. Плыл корабль, подплыл близко, завидев маяк, остановился или замедлился. По крайней мере, стоял же в одной точке какое-то время?! Поплыл сперва туда, понял, что сбился с курса, теперь развернулся и направился дальше.

Вон же! Вон он! Зелёноватый блик! Стал теперь ещё правее. Корабль уходит — я снял свою тканую кепку и даже помахал ему, провожая, хотя до сих пор в тумане и не видел контуров самого корабля. А хотелось бы понять, что это за судно — рыбацкая баржа, крупный линкор или что-то другое.

И вот, когда, казалось бы, я уже успокоился, блик снова появился в центре.

Да как это понимать?! Аж ноги подкосились, и голова пошла кругом. Словно этот свет как-то

выбивал меня из колеи… Руки инстинктивно так и зашарили по карманам в поисках пачки сигарет и зажигалки, вот только их давно уж с собой не ношу. А когда так нервничаю, то всегда курить тянет. Ладно, может, это несколько судов идут прямо друг за другом? Одно, условно говоря, налево пошло, другое направо отправилось. Не маяк, а сказочный камень на перепутье, ей богу!

Ну, и что теперь? Куда движется дальше? Прямо? Сюда нельзя, тут скалы, мыс Анива, да и вообще у них, что, радаров никаких нет? Или ослепли? Да какой бы ни был густой туман, свет маяка в нём, как в матовой лампочке будет расходиться вокруг ореолом. Невозможно не заметить!

Жёлто-зелёный блик увеличился в размерах, как будто приблизился. Ушей достигал усиливающийся шум накатывавших на побережье волн, словно в море вот-вот мог разразиться шторм. Ничего такого не обещали, но мы же знаем этих синоптиков с их прогнозами…

Откуда-то неподалёку раздался глубинный утробный гул, заставивший содрогнуться стены и задребезжать стёкла — благо они не треснули, выдержали эту звуковую волну. Кровь пошла носом, мне стало очень плохо. Заслезились глаза,

комок в горле поднимался всё выше, да и в груди всё тряслось так, что, казалось, из меня сейчас выплеснутся сегодняшние завтрак, обед и ужин.

Но потом гул затих, а я, упав на колени, лицезрел, как прямо под маяком, возле скал, мерцает сине-зелёно-жёлтыми переливами нечто массивное, обтекаемой формы, похожее то ли на каплю, то ли на рыбу. Первый его сегмент был крупным и округлым, два других — помельче и более узкие. А потом вдали, метрах в пятидесяти, из воды приподнялся неистовый хвостовой плавник, подобный китовому, но всё же иной, намного крупнее, да ещё с какими-то наростами и шипами на самом кончике хвоста.

Это мгновенно дало мне осознать, что прибыл сюда не корабль, а какой-то живой обитатель этих морей. Или же заплывший откуда-то ещё в наши воды, или поднявшийся из глубины и завидевший свет моего маяка…

И исполинская туша начала выбираться на скалы.

В хладном монотонном свечении громадной лампы я лицезрел, как многочисленные лапы хватаются за гладкие обточенные скалы, заставляя весь мыс содрогаться. Они тянули вверх тело неистового создания. Иногда лапы соскальзыва-

ли, а иногда и срывались, и тогда становились видны присоски на их внутренней стороне.

Это всё волны! Это всё воды! Рассудок мутнел, а я проклинал этот шум, шептавший мне эпитафию… Вода устала бороться со скалами, она призвала со дна своего повелителя. Бог источников, бог ледяной непроглядной глубины, куда свет маяка не проникает, явился сюда, чтобы забрать своё… Что ждёт Сахалин? Что ждёт весь мир, если оно отсюда не уйдёт обратно, а куда-либо двинется! Страшно представить, а оттого тело трясёт, словно в судорогах… Слюна не даёт дышать, ноздри всё кровоточат от вибрации и ультразвука, прошедших по телу и будто повредивших внутренние органы…

Сверкающая часть рыбьей формы была не более чем гребнем на косматой голове поднимающегося чудища. Там имелись и усики, как у сома, и какие-то ротовые хелицеры, педипальпы или мандибулы… Всегда путал между собой ракообразных и паукообразных… Только лишь одним своим видом эти шевелящиеся отростки повергали меня в ступор. Ного-челюсти, «максиллипеды», кажется, так они как раз и называются…

Однако, судя по тому, что я видел сверху, колоссальное чудовище, медленно вылезающее

из воды, больше походило на ящера, нежели на краба. Всё обтянуто даже не чешуёй, а будто бы сине-зелёной склизкой кожей. Лапы тоже, как у рептилий или земноводных, с перепонками между пальцами, вот только лап этих виднелось такое множество, что родство с тритонами или ящерицами мгновенно испарялось.

И вот оно начало вздыматься мимо меня, по ту сторону стекла смотровой площадки. Голова мелькнула на миг. Действительно нечто среднее между лягушкой, сомом и каким-то ракообразным. Невиданное количество глаз уставились на меня буквально на секунду, сощурились от яркого света, а затем тварь потянулась дальше ввысь…

Нечто невероятное, колоссальное, как допотопные статуи, чьё величие осталось в хвалёных писаниях. Не какой-нибудь настоящий циклоп рядом со своим каменным аналогом-маяком, а тот самый морской дракон! Оксор-Ков'Хора! Ужас глубин! Жуткий гигант! Подводный титан, чужой нашей реальности бог, живой остров. Чужеродное порождение бездны, столь уродливое и противоестественное, что не должно при дневном свете показываться на поверхности или же вообще существовать в нашей рациональной

картине мира!

Что оно такое? Откуда на нашей планете? Одно ли или их таких целая стая в непроглядной толще вод? Может, оно пришло напомнить людям, что не зря о морях и океанах слагали столько легенд и мифов, в которых были огромные кракены, гигантские водяные змеи и иные чудовища.

Люди стали забывать, что они не цари этого мира и даже не личные питомцы богов, а всего лишь корм… Выводок, смысл жизни которого — быть пищей, но который иногда успевает за свой краткий жизненный цикл воздвигать свои цивилизации, исчезающие раз за разом с приходом подобных истинных властителей!

Ужас глубин возвышался надо мной, распуская свои многочисленные лапы и отростки. Как геккон, как сороконожка, как дерево, сначала на пять метров, на семь, на десять, и туша всё вздымалась и вздымалась, и не было конца и края этому разверстому чудищу, само существование которого уже противоречило всякой логике.

Больше кита, больше любого авианосца, больше любого из когда-либо живших на этой планете созданий! Возможно, самое необъятное, самое громадное и невероятное порождение во всей

вселенной! Наверняка, даже не из нашего мира, не с нашей планеты, а занесённое из далёких глубин космоса и оставшееся жить в комфортной среде с обилием полезных ресурсов. Дремлющее тысячелетиями, но просыпающееся от голода, и тогда исчезали целые народы: Атлантиды, Гипербореи, Египта, Месопотамии…

От таких ли исполинских чудовищ сгинули хетты, этруски, ольмеки, обитатели плато Наска и многие другие? Особенно те, от кого остались идолы и орнаменты на скалах Сахалина, те, кто жил здесь до далёких предков народа айну… Мы словно в замкнутом цикле. Цивилизации возрождаются вновь и вновь, но потом алчная прожорливая хтонь скалит свои зубы и утоляет свой голод бесчисленными народами бренной и обречённой планеты!

Я был морально буквально раздавлен одними только колоссальными размерами чудовища, которые заставили чувствовать себя ничем. Что все эти наши планы, мечты, мысли о будущем… Всё это лишь смешит подобных созданий… Всё пало прахом: надежды на лучшую жизнь, заметки о книгах, поиск отношений… Всё застыло, окаменело и выцвело, тленно растворяясь в призрачном ореоле искажённого ужаса.

Вот она вся тленность бытия! Вся тщетность человеческой идеи о поисках смысла, своей роли и какого-то места в этом мире. Как можно что-то искать и к чему-то стремиться, когда ты просто песчинка по сравнению с подобным колоссом! Мы — ничто, даже не муравьи, а невзрачная пыль на теле планеты, которую такое создание может сдунуть с континентов одним лишь дыханием.

Этот титан — это смерть. Гибель миров, всей цивилизации… Какими пулями, ракетами и бомбами можно остановить такое? Он не просто их не заметит, а проглотит, переварит и станет только сильней! Ядерное оружие, химическое, да ему будет всё равно! Оно сможет пить электричество, пожирать уран и перемещаться от одного реактора к другому, лишая наши города энергии. Это и есть тот первородный хаос, из которого всё вышло! Пра-пра-матерь всех рыб, ящериц и членистоногих. Начало начал. Дающий жизнь и забирающий её!

Перед тем, как создание сокрушило маяк — раздавило, как карточный домик, как полую и хрупкую шоколадную фигурку — оно опять сверкнуло гребнем и словно прожгло мой лоб. Поработило мой разум, прежде чем он будет

сломлен и стёрт, погрузившись в инфернальную пустоту первородного хаоса. Я вдруг осознал, что это не воды призвали его сюда, а я сам. Я был тем светом маяка, что манил и дразнил создание всё это время. Оно о чём-то тайно переговаривалось со мной на своём зверином, а быть может, на высоком божественном языке, воплощённом в переливы и мерцание света…

Оно даст все ответы, однако же взамен пожрёт всю душу, поглотит всё естество и не оставит ни имени, ни образа, ни даже воспоминаний. Ибо нет иного пути у всего сущего… Что рождено из хаоса однажды вновь в него и вернётся.

Нигур
Алекс Лоренц

— Здравствуйте, уважаемые зрители. «Городской портал» ведет репортаж из деревни Лысые Камыши. Напомню, в болотистом лесу неподалеку на прошлой неделе бесследно исчезли пятеро грибников. Команда нашего канала внимательно наблюдала за работой волонтеров, которые исходили местность буквально вдоль и поперек. Вчера нам удалось выяснить, что поисковые отряды по недосмотру пропустили населенный пункт Нигур в восьми километрах отсюда. Дорога туда лежит через эту деревеньку — Лысые Камыши.

Спросим у местной старожилки Устиньи Федоровны Сологуб, что ей известно о затерянной в лесах деревне Нигур. Устинья Федоровна?

— Ой… ой… ой-ой… батюшки мои… ета мяне ужо снимають?

— Да, расскажите нам немного о деревне Нигур.

— Давным-давно не слыхать про няе ничаво. Я када крохотка совсем была, слухи нехорошаи ходили. Нелюдёмы тама жили. Во Христа не ве-

рили. Йидолу поганому кланялись, тьфу!

— А потом что с ними стало?

— Потома йих увели.

— Куда увели?

— У лагеря. У Сибирь. У вагоны погрузили, как скот, да туды йих — у Сибирь. Ни один потома не вертался. Как угнали йих, тута ж колхозных организаторов завезли, дома еще теплаи стояли. Потома усе поразвалилось, люд увесь поспился да поразъехался. Хто поостался — тож нелюдёмы стали. А таперича и не видать никого. Бабка у нас тута жила — Праскоуя, — так она усе про места тамошние знала. Говорила, нечисто тама. А чаво нечисто — бох яе разбяреть. Сын у ней остался, старай ужо, за семисят годов. Вы лучша у няго поспрошайте.

— Где его можно найти?

— Он у город к родне уехал. К завтрему вертается.

Картинка на дисплее видеокамеры застыла: старушка в платке, с личиком, похожим на обветрившееся сморщенное яблоко; покосившееся крылечко дома, который, как и хозяйка, доживает свой век; позади, чуть поодаль, — болотце с сиротливо торчащими камышами. Над поселением — серый свинец позднеоктябрьского неба.

***

Деревушка Нигур приютилась у подножья высокого холма, у заводи пересыхающего лесного ручья, в стороне от петляющей по бескрайним лугам дороги. Спуск сначала был пологим, а потом, когда мы на своем внедорожнике проехали сквозь березовую рощицу, стал крутым — не всякой легковушке даже в сухую погоду хватит тяги взъехать на такую горку.

Боковая дорога наполовину заросла травой, ездили по ней редко. В Нигуре нас встретила растянувшаяся вдоль ручья цепь убогих заколоченных хибар. Ни лая дворняжек, ни крика петуха, ни хиленького дымочка из осыпающихся краснокирпичных труб — ничего, что намекало бы на слабо теплящийся огонек жизни посреди необратимого упадка.

Оно и понятно, почему деревня вымерла. Добраться сюда непросто, путь из Лысых Камышей лежит через болотистую низину, раскисающую даже в мелкий дождик. При советской власти жители Нигура кое-как справлялись — насыпали песок, укладывали настилы из бревен. В начале девяностых колхоз развалился, окультуренные поля быстро превратились в дикие луга. Леса и топи отвоевывали свое. Работать стало

негде — вот жители и разъехались, а те, кому ехать было некуда, умерли.

Так и стоит деревня Нигур, достаивает свое — темная, пустая, никому не нужная.

***

Эдик и Кирилл отправились на пригорок, прочесывать березовую рощу, а мы с Виталиком уселись на бревнышке у полуразвалившихся мостков на берегу ручья, чье русло скрылось за сухостоем борщевика. Я подливал себе в кружку чай из термоса и просматривал отснятый в Лысых Камышах материал, а Виталик изучал карту навигатора. Тучи набрякли венозной синевой. Накрапывал холодный дождик.

— А что там, по ту сторону ручья? — спросил я, заметив поодаль перегнившие бревна, служившие когда-то мостиком.

За ручьем виднелась лишь непроглядная стена мокрого голого леса.

— Ничего, — ответил Виталик, почесывая густую бороду. — На километры и километры пустота — и так до самой границы района. Вряд ли грибники забрели туда. А если так, то им точно конец. Там нехоженые болота. Навигатор ни одной захудалой тропинки не видит.

Между нами повисла пауза, которую заполнил рев ветра, что безумной конницей срывался с крутого холма.

— А все-таки, — подал голос Виталик, — тебе не кажется, что здесь кто-то есть?

— Ты это о чем? — насторожился я. — Мы ведь все дома обошли, осмотрели снаружи. Ни один не похож на жилой. Ставни заколочены, дворы сорняком поросли.

— Мне постоянно кажется, что за нами следят. Как будто вижу боковым зрением какую-то фигуру, но, как только поворачиваюсь посмотреть, она прячется.

— Мужчина или женщина? — спросил я.

— Больше похоже на женщину. Как будто светлые волосы.

— И где она сейчас?

— Вон там. — Не глядя в ту сторону, он вслепую указал пальцем на один из мертвых домов.

Я повернулся туда — и мне померещилось, будто кто-то скрылся за углом. Но я понимал: это лишь игра воображения; иногда видишь то, что ожидаешь увидеть, а здесь само место располагает к тому, чтобы чудилась всякая чертовщина.

— Когда кажется, креститься надо, — буркнул я и сменил тему. — Тебе тут кладбище на глаза

не попадалось?

— Кладбище? — переспросил Виталик в замешательстве.

— Ну да, кладбище. Погост деревенский.

— Когда ехали, точно не видел.

— Пойду погляжу с другой стороны ручья, — сказал я, завинчивая крышку термоса. — Если был мост, то не просто так ведь. Со мной пойдешь?

— Лучше здесь посижу.

***

Бревна оказались не такими гнилыми, какими выглядели издали. Надломленной серединой они касались воды, однако по ним можно было перейти на другой берег, не замочив ног. Дальше в лес тянулась грязная неровная дорога. Поперек лежали гнилые стволы.

Вскоре я наткнулся на возвышенность, где приютилось крошечное кладбище — всего могил шестьдесят, многие превратились в покрытые мхом бугорки без опознавательных знаков. Кое-где сохранились ржавые оградки, кое-где — черно-белые портреты и таблички с именами. Мох, плющ и болотная влага медленно, но неотступно отвоевывали территорию, захваченную

слабым, жалким временщиком — человеком.

Мой взгляд уловил легкое движение сбоку, на периферии зрения. Я повернул голову. Неуловимый незнакомец мелькнул среди деревьев — человеческая фигура в серых одеждах, что сливались с октябрьским пейзажем. Деталей я разглядеть не успел.

«Вдруг это кто-то из потерявшихся грибников?» — подумал я и ринулся следом, окликая:

— Эй, подождите!

Пару десятков метров я продирался сквозь бурелом, изредка останавливаясь, чтобы прислушаться. Ни шагов, ни треска — все тихо. Только набирающий силу дождь шумел фоном.

Показалось? Леший шутки шутит?

Я уже собрался было повернуть назад, как вдруг заметил впереди просвет. Добравшись до него, я оказался на поляне. Это был расчищенный круг идеальной формы, по краям симметрично возвышались замшелые камни — на каждом один и тот же выдолбленный рисунок — примитивное изображение козлиной головы. Посреди поляны стояло громадное дерево — тысячелетний дуб с чернеющим, словно разверстая пасть, дуплом на пятиметровой высоте.

Картина казалась неземной. Она меня настоль-

ко ошеломила, что я не сразу заметил поодаль стройную девушку лет двадцати с безупречно правильными чертами бледного лица. Грубая невзрачная одежда маскировала ее на фоне октябрьской серости. Волосы тоже были грязно-серыми, словно она поседела раньше времени. На лице читались беспокойство и страх.

— Вам помочь? — спросил я громко.

Она на пару мгновений задержала на мне полный отчаяния взгляд и скрылась среди деревьев, изгибаясь всем телом так ловко и плавно, словно угорь, что исчезает в водорослях.

Я остался стоять в растерянности. В голове возникла неприятная тяжесть.

***

Пока я возвращался, налетел злой ветер. Проливной дождь хлестал плетью. Местность превратилась в одного громадного, разъяренного сивого зверя.

Эдик, Кирилл и Виталик стояли у машины, натянув на головы капюшоны. Угрюмо ссутулившись, они курили «по-солдатски».

— Нашел что-нибудь? — спросил у меня Эдик, которого шеф назначил ответственным за выезд.

— Кладбище старое, — ответил я. — Больше

ничего.

Что-то удержало меня от упоминания о поляне с кругом камней и о загадочной девушке, в реальности которой я сам не был до конца уверен.

— Тогда снимаем кусок и валим отсюда, — сказал Кирилл — оператор и по совместительству водитель. На его «дастере» мы сюда и прибыли. — Дождь усиливается, — объяснил он. — Дорога скоро размокнет — не взберемся на эту горку даже пешком.

Мы записали короткий репортаж на фоне брошенной деревни, быстро темнеющего неба и сердито шумящего безлистого леса. Виталик брякнул в микрофон пару дежурных фраз — мол, добрались аж до деревни Нигур на самом краю земной плоскости, но следов незадачливых грибников так и не обнаружили.

Тем временем дождь усилился многократно. Лило как из ведра. Ручей пузырился, распухал, поднимаясь к кромке берегов. Мы впопыхах побросали в багажник оборудование. Эдик, Виталик и я остались внизу, чтобы «дастеру» было легче подняться на косогор. Кирилл завел мотор, с минуту подождал, пока он прогреется, и, для разгона отъехав задом к ручью, рванул наверх. В первые секунды внедорожник уверенно караб-

кался, но на середине подъема вдруг забуксовал, поборолся еще несколько мгновений, а затем, скользя колесами по жидкой грязи, полубоком сполз вниз.

Кирилл повторил попытку — с тем же результатом.

Позвонить шефу мы не смогли: даже на горке связь была неустойчивой, ее хватило лишь отправить СМС. Предупредив начальство, что забуксовали в глуши и явимся на работу не раньше завтрашнего полудня, мы забились в салон внедорожника — в тепло и сухость — и обсудили, как быть дальше. Решили поспать, а с рассветом отправиться пешком за помощью. В Лысых Камышах сотовая связь работала стабильно, так что оттуда мы смогли бы переговорить с шефом и убедить его подыскать спецтехнику.

Кирилл припарковал машину на небольшом пустыре под деревьями. От тепла мы быстро разомлели и уснули.

***

Я проснулся, когда мне приспичило в туалет.

Дождь перестал барабанить по крыше. Я взглянул на часы. Четыре. Мертвое время. До рассвета еще часа три с половиной. Над лесом, луговиной

и деревней светила луна, мерцали звезды. Утром всю округу наверняка затянет непроглядным туманом.

Ребята спали — забылись мертвым сном, даже не сопели. Я тихонько привстал, дотянулся до отпирающей кнопки. Мягкий щелчок. Я выскользнул наружу и поежился от сырого, стеклянно-безветренного холода. Изо рта клубами валил пар.

Я пристроился у ближайшего дерева, и услышал странный звук, похожий на шелест листвы или тихий шепот. Я огляделся: при безоблачном звездно-лунном небе видимость была сносной. Внутри закопошилась коготками тревога, остатки сна испарились. И тогда я понял: шум звучит в моей голове. Свинцовый грузик под черепом утяжелился. К чувству тяжести примешался этот странный шепот. Я встряхнул головой, но это не помогло.

Опорожнив мочевой пузырь, я уловил другие звуки — на этот раз снаружи. Мой взгляд сфокусировался на коротком участке дороги, что просматривался с пустыря, где мы припарковались.

На деревенской улице хлопали двери и ставни, скрипели ржавые петли, переговаривались

гортанные голоса, хлюпала грязь. Я застыл, не в состоянии что-либо предпринять — даже просто пригнуться. С расширившимися глазами стоял столбом и наблюдал.

На дороге в лунном свете показалась толпа фигур — горбатые, кособокие, с наростами на лицах, с выпирающими раздутыми зобами. Все одеты в драное тряпье. Рядом со взрослыми проворно передвигались вприпрыжку на четвереньках четырех-пятилетние дети.

У меня желудок свело от страха и ощущения нереальности происходящего.

Процессия миновала место нашей ночевки, не заметив припаркованного под деревьями внедорожника и моей торчащей над ним головы. Жуткие обитатели деревенских домов удалились за переправу, гомон затих вдали. Остался лишь беспрестанный неразборчивый шепот в моей отяжелевшей голове. Я был не в силах пошевелиться. Меня одолевал то жар, то озноб. Ладони вспотели.

Из ступора меня вывело легкое прикосновение к плечу. В попытке отклониться и одновременно развернуться я едва не упал. Повернувшись, я увидел перед собой девушку — ту самую, которую днем повстречал на поляне в лесу. На ее лице

по-прежнему было написано отчаяние, граничащее с паникой. Пытаясь что-то сказать, она лишь шевелила губами.

Я в ответ развел руками: мол, не понимаю. Тогда она осторожно взяла меня за пальцы. Девушка не выглядела опасной, поэтому, я пошел туда, куда она меня повела.

***

Мы прошли по бревенчатому мостику, миновали погост. Девушка остановилась у самой кромки поляны с древними камнями и дубом, повернулась ко мне и прижала палец к губам.

На поляне вырожденцы водили нестройный хоровод вокруг многовекового дуба и тянули заунывную песню, в которой я ни слова не понимал. Вакханалию освещал плывший по хрустально-звездному небу желтый волдырь луны.

У ствола из земли торчали массивные колья, на которые насадили живых людей в походной одежде — похоже, наших грибников. Пленники скулили и дергались.

В моей лихорадочно работающей голове мгновенно созрел нехитрый план: разбудить ребят и дать отсюда деру пешком, пока вырожденцы не заявились обратно в деревню, не заметили

наш «дастер» и не сотворили с нами то же самое, что с грибниками. Да как мы, черт возьми, вообще ухитрились остаться в живых, пробыв в деревне почти полдня, обыскав все окрестности и разговаривая в полный голос?!

Позабыв о девушке, я ринулся было назад, но тут же споткнулся и со сдавленным криком растянулся во весь рост. Меня схватила за плечо сильная рука, перевернула на спину.

Девушка уселась на меня сверху, запустила руки мне под одежду. Я должен был бы сбросить ее и рвануть прочь, но меня словно парализовало. Одновременно я почувствовал такое острое возбуждение, какого никогда ранее не испытывал. Инстинкт самосохранения отказал.

Сидя сверху, *Она* ритмично двигалась. Ее стоны вожделения постепенно перешли в крики, но мне было безразлично, услышат нас или нет. Лишь одно имело для меня значение — наполнить *Ее* своим семенем. Наполнить этот сосуд до краев. *Породить Тысячное Потомство!*

Крики возбуждения перешли в низкий рев. Дегенераты-язычники на поляне смолкли, и, казалось, застыли в благоговении. Девушка рывком содрала с себя робу. Ее тело покрывали жесткие волосы, из толщи которых проглядывали сотни

пульсирующих сосков. Руки стали жилистыми, мускулистыми. Глаза налились глянцевой чернотой, отражавшей болезненно-желтый лунный свет. Из-под серых волос показались два козлиных рога. Губы разошлись рваной трещиной, обнажив ряды бритвенно-острых зубов.

Ее рев был способен заглушить все ветра мира. *Она* увеличивалась в размерах — становилась в два, три, четыре раза больше меня…

***

Мое первое воспоминание после той ночи — о том, как я ранним туманным утром подходил к деревне Лысые Камыши. Весь немалый путь я проделал пешком один.

В деревне я расспросил дядю Славу — вернувшегося из города престарелого сына бабки Прасковьи. Он с неохотой поведал мне, что деревня Нигур названа так в честь языческого божества, которому там поклонялись с незапамятных времен — еще до Киевской Руси. Местных обитателей не раз пытались истребить, но они каким-то чудесным образом выживали, возвращались в свое логово, плодились, оставляя все новых и новых последователей древнего культа.

По легенде, Нигур — могущественное суще-

ство, внешне отдаленно напоминающее козу и владеющее даром перевоплощения. Оно — *Она* — обладает невероятной силой, а ростом в пять человеческих в своем истинном обличье. Все, что ей нужно, — это забеременеть. По каким признакам она выбирает «мужа» — доподлинно неизвестно, но она никогда не использует для зачатия потомков основателей культа.

Раньше в роду дяди Славы в каждом поколении рождалась женщина, которой было предначертано охранять мир от нашествия кошмарных тварей — порождений похотливой богини Нигур. Нельзя было допустить, чтобы *Она* забеременела. Неведомыми простому человеку хитрыми колдовскими способами, передаваемыми из поколения в поколение, деревенские ведьмы в год Пробуждения Нигур — раз в восемьдесят лет — напускали бесплодие на всех мужчин в Лысых Камышах и окрестностях.

В тридцатые годы двадцатого века нигурийцев угнали в лагеря. Обряд Пробуждения впервые не состоялся в нужное время, и Нигур осталась в своем логове в непролазной лесной гущине. Бабка Прасковья по простоте своей решила, что язычники не вернутся. Глупая женщина благодарила в молитвах Господа, советскую власть

и лично товарища Сталина. Родила троих мужиков и больше не стала рожать…

***

Я стою перед зеркалом в ванной и улыбаюсь: нет, старая дура Прасковья, *они* все-таки вернулись, сумели уйти из проклятых сталинских лагерей! Они прятались в лесах и болотах, а потом снова заняли свои дома. Таились, пока не пришло Время. В очередной Год Оплодотворения они обрядом разбудили спящую Нигур, чтобы та отыскала себе самца и забеременела.

Нигур нашла меня — отца *Ее Тысячи Потомков!* Да будет их ровно тысяча! И тогда весь мир окажется под властью Нигур!

А пока я должен вернуться. *Она* дремлет в своем временном убежище — дупле дуба. Семя вызревает. *Ей* нужно хорошо питаться. Чтобы выносить такой крупный выводок, недостаточно тех алкашей-грибников и моих спутников, которым я проткнул сонные артерии, пока они спали. Шепот в моей голове стал достаточно громким: он дал все нужные указания.

Я приведу с собой новых людей. Новых, новых, новых! Чтобы у моей Нигур было в избытке пищи для вынашивания Тысячи наших Потомков!

А в тот самый День, когда *Ее* лоно разверзнется, чтобы выпустить отпрысков в мир, я скормлю *Ей* себя! Нет чести выше, чем стать сытной пищей для Повелительницы.

Великая и страшная Нигур воцарится над миром, чтобы обрести новое вечное имя — Владычица Шуб-Ниггурат, Черная Коза с Тысячным Выводком!

Чалгаевск
Юлия Саймоназари

Пригородный автобус, пропахший бензином и табаком, подъехал к остановке. Дверь со скрежетом сложилась пополам. Трое пассажиров, толпившихся у выхода, торопливо сошли в селе Георгиевка и разбежались по сторонам.

Неуклюжая колымага тронулась к последнему пункту на маршруте. Скорость нарастала, и всё громче в обшарпанном засаленном салоне дребезжали стекла в рамах, лязгали ржавые поручни и скрипели расшатанные подранные кресла.

Единственный пассажир, Данил Рокотов, без интереса пялился на разлёгшийся подле ухабистой дороги убогий пейзаж: клочок чахлого поля, куцая лесополоса с жёлтыми листьями вместо свежей майской зелени, мутный водоём с маслянистой жирной плёнкой. Постепенно голубой небосвод со взбитыми облаками затянул приползший со стороны Чалгаевска густой коричнево-серый смог, и на том месте, где по полудню должно было стоять солнце, осталось еле заметное светлое пятно.

Автобус спускался в низину, окружённую высокими холмами. На самом дне прорисовывались пятиэтажки. Над их крышами возвышались шесть больших труб, они исторгали смолянистые густые столпы, расстилающиеся над Чалгаевском ватным одеялом; и укрытые им жители не видели ни неба, ни солнца. Дымовые великаны врастали в огромный градообразующий химзавод.

Рокотов скривился, глядя на мрачный городок, утонувший в летучей грязи. На ум пришёл образ ванны, наполненной токсичными отходами, в которую его насильно загоняют купаться. И хотя он брался за любую работу без лишних слов и препирательств, в этот раз он злился, что руководство воспользовалось его безотказностью и послало на ядовитую помойку.

Пригородная развалюха с протяжным скрипом затормозила у автовокзала. Двери с грохотом распахнулись. Рокотов вышел из автобуса, закинул на плечо спортивную сумку и пошёл искать гостиницу «Волна». От первых глотков дрянного воздуха в горле запершило. Он прокашлялся, но саднящее раздражение осталось.

Под тенью густого смога безликие пятиэтажки с маслянистыми коричнево-серыми стенами

казались ассиметричными. Скудная зелень цвета желчи, обделённая солнечными лучами и отравленная выбросами с завода, росла вялой. По разбитым дорогам изредка громыхали старые машины, а по шершавым тротуарам брели прохожие с апатичными лицами. Здесь всё было под стать хмурому удушливому городу.

Рокотов свернул с Вокзальной на Пионерскую, с Пионерской на Ленина, с Ленина на Садовую… и всё время его не покидало ощущение, что он идёт по одной и той же улице, только названия меняются.

Уже больше года Рокотов проводил в бесконечных командировках, и с первых поездок новые города ни восторгали, ни удивляли его, он вообще не проявлял к ним интереса. Соглашался ехать хоть к чёрту на кулички только ради денег. Рокотов собирал дочери на операцию. Надя до десяти лет была счастливой, улыбчивой девочкой, даже несмотря на потерю матери в раннем возрасте. Жена Рокотова, склонная к суициду, утопилась. Убить себя ей удалось с пятой попытки.

В одиннадцать лет у Нади диагностировали болезнь Вильсона. Дочь унаследовала два мутировавших гена, из-за которых организм накапливал излишки меди. Её мучили сильные боли в правом

боку, кожа приобрела желтовато-коричневый оттенок, она не могла говорить, координация нарушилась, а по краю синей радужки глаза проступила зеленовато-бурая полоса. Лекарства не помогали, врачи прогнозировали цирроз.

Рокотов хватался за любую работу, чтобы собрать дочери денег на пересадку печени. И пока он мотался по командировкам, Надя жила у сводной сестры покойной матери. Единственная родственница терпеть не могла, когда больная племянница оставалась у неё, но как набожная христианка не отказывала в помощи. Рокотов плохо ладил со свояченицей, да и Надя не любила сварливую тётю Валю, но деваться было некуда.

В конце улицы Первомайской Рокотов увидел трёхэтажное здание из силикатного кирпича. На крыше крыльца пять облупившихся букв — ВОЛНА. Перед разбитыми ступенями переминался с ноги на ногу человек в мешковатых джинсах и тёмно-сером балахоне, лицо скрывал капюшон. Рядом махала руками чем-то недовольная сутулая женщина. На ней было ситцевое платье в цветок, пуховая шаль на плечах, шерстяные носки и домашние тапки. Волосы собраны в пучок.

— …днем не выходить! Совсем не понимаешь?!

Глупее других, что ли?! — услышал Рокотов, подходя к гостинице.

Из длинного рукава балахона высунулась грязная белая лапа и указала на него. Сердце Рокотова вздрогнуло, но быстро успокоилось — рука человека в капюшоне была перевязана, толстый слой бинтов полностью скрывал ладонь и пальцы, будто на руку надели варежку.

— Нельзя же… — женщина обернулась. — Иди, потом поговорим, — она толкнула его к ступеням. — Рокотов? — Маленькие, глубоко посаженные глаза внимательно рассматривали Рокотова из-под нахмуренных бровей-ниточек, нарисованных карандашом.

— Я. — Его лицо безжизненного цвета с припухшими веками и синяками под ними не выражало ничего кроме въевшейся усталости.

— Идёмте, — она кивнула на парадный вход.

Вестибюль гостиницы был выкрашен в голубой, на полу кафельная плитка горчичного цвета. Вместо современной стойки регистрации старенький стол. На нём лампа под зелёным абажуром, телефон, журнал и календарь. На стене часы с застывшими стрелками и маленький шкафчик с ключами от комнат. Напротив поста вахтёрши — большое зеркало с трещиной,

по обеим сторонам от него напольные горшки с умирающими фикусами. Наверх вела широкая лестница, устланная красными ковровыми дорожками с протёртым ворсом. Через матовое стекло пыльных плафонов пробивался тусклый свет.

— Комната восемнадцать, — монотонно сообщила вахтерша, следуя к столу, — третий этаж. Туалет и душ общие, — она вытащила из ячейки ключ, положила на стол и ткнула пальцем в графу в журнале. — Распишитесь.

— Как к вам обращаться?

— Тамара Георгиевна.

— Тамара Георгиевна, где можно поесть? — спросил он, рисуя крохотную закорючку.

— На соседней улице столовая, — она махнула рукой, указывая путь через стену.

— Другие постояльцы есть?

— Нет. Вы один, — сказала она и села разгадывать кроссворд.

Рокотов взял ключ и пошёл искать комнату восемнадцать.

— Выключатель в коридоре на правой стороне, — крикнула вахтёрша вслед.

— Что? — он обернулся.

— Говорю, свет наверху выключен, кнопка

справа от лестницы!

Тусклое освещение из вестибюля не дотягивалось даже до лестничной площадки между первым и вторым этажом. Дальше путь до номера скрывала темнота. Тишина в пустых коридорах вздрагивала от шагов Рокотова. Под рёбра закралось лёгкое чувство тревоги. На третьем этаже Рокотов достал из кармана ветровки телефон, подсветил стену и нашёл выключатель. В плафонах, через один, забрезжил слабый свет. От лестницы коридор расходился в две стороны. В одном конце туалет и душ, в другом — комната восемнадцать.

Обои в номере отслаивались, побелка вздулась, в полу щели толщиной с палец. Скрипучая кровать, шкаф со сломанными полками, шатающийся стул, стол с заедающими ящиками, прожжённые сигаретами тёмно-зелёные шторы и заляпанное зеркало. Закоптелые окна угловой комнаты выходили на две улицы — Первомайскую и Советскую.

— Клоповник, — процедил сквозь зубы Рокотов, бросил сумку и ушёл в столовую.

***

Административное здание чалгаевского химза-

вода было самым высоким и приметным в городе — семь этажей, облицованных светло-серым мрамором, походили на громадное надгробие. По обе стороны от массивного строения тянулся бетонный забор, обнесённый колючей проволокой. Слева за хилым рядком деревьев размещался контрольно-пропускной пункт и ворота.

На заводской проходной Рокотова ждал широкомордый мужик с гладко выбритым лицом. Он метал из-под козырька фуражки взгляды на проходящих через турникет людей и почти каждому отпускал сухое: «Здрасьте».

— Рокотов? — спросил широкомордый.

— Здравствуйте! Вы должно быть…

— Шабанов Михаил, начальник производства третьего сектора, — он крепко пожал его руку и сразу перешёл на «ты». — Держи пропуск. Идём.

Потрясённый Рокотов замер на месте, когда вошёл на территорию, огороженную бетонным забором. Перед ним лежал громадный химзавод, похожий на чудовище с шестью шипами, извергающими клубы летучего яда с ненавистью ко всему живому. Многоуровневый гигант, окутанный толстой сетью труб, облепленный цистернами и колоннами перегонки казался

живым. Он шумно дышал мощными лёгкими, оглушительно ревел и беспрерывно дрожал, иногда вздрагивая так сильно, что Рокотов чувствовал вибрацию воздуха.

От крыльца проходной дорога разбегалась в три стороны, та, что вела прямо, уводила в арку под химзаводом.

— Запоминай дорогу, здесь легко заблудиться, — сказал Шабанов, шагая к арке. — В шестидесятых тут построили завод сельхоз удобрений. Предприятие быстро разрасталось, стали осваивать новые отрасли: бытовая химия, пластиковые товары, аммиак и метанол, резина и полиуретаны, силикатная промышленность.

К заводу пристраивали новые цеха, помещения, склады, секторы, так он и превратился в гигантский промышленный комплекс. Как любят говорить заводские: «Город в городе». Здесь всё очень запутано, так что, если потеряешься, звони на проходную по внутреннему телефону, сотовые тут не ловят.

Они вошли в арку, и чем дальше уходили от дневного света в извилистые коридоры завода, тем хуже становилось Рокотову. Он с трудом дышал в жарких переходах, переполненных тяжёлыми запахами, будто высокие стены, тиски,

и с каждым шагом, они сильнее сдавливали грудную клетку. Внезапно навалившаяся слабость размягчила тело до дрожи. Рокотов обливался потом, еле удерживаясь на полусогнутых ногах. Ему казалось, что он находится внутри чего-то живого, и вибрирующая громадина медленно переваривает его.

По потолку тянулись трубы, по стенам провода — расползались по коридорам, забирались в кирпичную кладку, обеспечивали жизнь промышленного зверя. Слабый свет лампочек, замурованный в железные решётки, лишь немного разъедал темноту, отчего всё вокруг казалось эфемерным и непрочным. Шабанов обернулся и посмотрел на бледного Рокотова, плетущегося следом.

— Тебе не хорошо? Ничего, такое часто бывает с новенькими. Привыкнешь, — подбодрил Шабанов и продолжил: — Так вот, если заблудишься, по всей территории висят телефоны, рядом справочники с внутренними номерами. Позвони на проходную, скажи, где ты. У каждого аппарата есть метки, — он указал рукой на стену. Справа от телефона еле виднелись буква и цифра: «К-7». — И за тобой кого-нибудь пришлют.

Они прошли мимо двух развилок, у третьей

свернули направо, проследовали до конца узкого коридора, который пересекали многочисленные переходы.

— Наше предприятие градообразующее. Больше семидесяти процентов чалгаевцев работает на химзаводе. Можно сказать наш химзавод сердце Чалгаевска.

— Ядовитое сердце, — заметил Рокотов, стараясь дышать глубже, внезапная паника постепенно отступала.

— Не бывает безвредного производства, — невозмутимо парировал Шабанов.

Они добрались до внутреннего дворика, пересекли его, зашли в одну из дверей и продолжили путь в другом переходе, где через сотню метров свернули в огромный проём рядом с лестницей, ведущей под землю на нижние этажи.

— Нам туда, — Шабанов указал на дальние двери.

В цеху, размером с половину футбольного поля, стояли цистерны, насосы, трубы, фасовочные дозаторы и конвейерные ленты, купленные чалгаевским заводом в компании Рокотова. Ему предстояло всё это собрать в одну линию по разливу синтетических смазочных материалов, настроить её и обучить рабочих управляться

с ней.

— Послезавтра помощников пригоню.

— Обещали сегодня, — возмутился Рокотов.

— А я что? Я бы и сегодня дал, так нет никого. Все заняты на производстве.

— И как я один?

— Ну, потерпи два дня, я тебе десятерых приведу.

— Пятерых хватит.

— Не вопрос, — заискивающе улыбался Шабанов. — Ещё что-нибудь нужно?

Рокотов покачал головой.

— Обед с двенадцати до часу. Зайду за тобой, провожу в столовую, — сказал он и ушёл.

Рокотов достал из сумки рабочую форму и папку-планшет с шариковой ручкой. Переоделся, обошёл помещение, осмотрел оборудование, сделал пометки в бумагах, проверил расходные материалы, и начал с работы, которую мог осилить в одиночку, стал собирать насос.

***

В час обеда Шабанов не появился. Рокотов пошёл к проходной, чтобы спросить дорогу к столовой. После ярких ламп в цеху глаза долго привыкали к скудному освещению в полутём-

ных коридорах, и многие детали ускользали, оставаясь незамеченными. Рокотов по памяти поворачивал то налево, то направо в хитросплетении переходов, ответвлений и развилок. И пока он бродил, ему не встретился ни один рабочий.

Когда зрение привыкло к полумраку, Рокотов понял, что окружающие его стены совсем не те, мимо которых он шёл утром с Шабановым. Он свернул в широкий коридор, испещрённый чёрными проёмами. Прямые линии, разграничивающие пол, стены и потолок далеко впереди соединялись в одну точку. Рокотов остановился и только теперь заметил — гудящие машины и грохочущие станки шумели где-то позади.

— Эй, (*эй-эй-эй…*) есть кто-нибудь (*кто-нибудь-кто-нибудь-кто-нибудь…*)?! — эхо размножило слова и унесло в тёмные коридоры. — Люди! (*люди-люди-люди…*).

«Внутренняя связь!» — он вспомнил наставление Шабанова и пошёл искать телефон.

Рокотов остановился у красного дискового аппарата, под ним на полке лежал привязанный справочник. Он нашёл номер проходной, снял трубку и закрутил первую цифру. Диск мягко затрещал, возвращаясь на место. Рокотову всегда

нравился этот звук, и сейчас он будто вернулся на двадцать пять лет назад, в квартиру покойных родителей, где в прихожей на холодильнике стоял телефон, по которому он каждый вечер созванивался с Вероникой — мамой Нади. Он набрал последнюю цифру.

Из трубки посыпались короткие гудки. Рокотов тяжело выдохнул, нажал на рычаг. И снова обрывки вместо непрерываемого сигнала. Он положил трубку и пошёл дальше.

Электрические лампы ослабевали, темнота отвоёвывала всё больше территорий. Но Рокотов не замечал растущих чёрных пятен, пожирающих свет. Ностальгия сделала его безразличным ко всему.

Из-за угла одного из бесчисленных проёмов, ведущих в узкие коридоры, кто-то выглянул. Рокотов остановился. В зыбких очертаниях незнакомца просматривалось что-то ложное, пробуждающее страх. Запахло то ли дёгтем, то ли камфорным маслом и больной плотью. Рокотов поморщился. Из-за таинственной фигуры вынырнуло ещё несколько силуэтов. И вот они уже толпились в каждом проёме — неправильные, чужеродные, пугающие.

— Кто там?! — задрожал голос Рокотова.

Он убеждал себя, бояться нечего, но толпа во тьме внушала обратное. В ответ доносилась тихая возня и хрипы.

— Данил! — донеслось из-за спины.

Он вздрогнул и обернулся.

— Что ты здесь делаешь?! Я тебя обыскался! — Шабанов бежал к нему.

Рокотов снова посмотрел на проёмы узких коридоров, уводивших направо и налево. В них никого не было.

— Там кто-то есть, — сообщил он Шабанову.

— Нет тут никого. Эти цеха работают в ночную смену.

— Я видел, там кто-то стоял.

— Перетрудился? — засмеялся Шабанов. — Пошли. Как ты вообще сюда забрёл?

— Столовую искал.

— Ну, здесь ты её точно не найдёшь. Раз заблудился, позвонил бы. Я же говорил! Вон телефоны везде висят, — он указал на тот самый, по которому звонил Рокотов.

— Этот не работает.

— Значит, другой надо было найти.

— Не успел. Кстати, как ты узнал, где я?

— Случайно. Думаю, дай загляну, вдруг ты здесь, и видишь, угадал.

— На вашем заводе даже дорогу спросить не у кого.

— Говорю же, этот сектор работает в ночную. Ладно, пошли скорей в столовку, пока всю еду не разобрали, — поторопил Шабанов.

***

Из-за толщи смога, висящего над городом и днём, и ночью, темнело здесь рано. Чахлый свет редких фонарей набрасывал на улицы Чалгаевска жёлто-коричневую вуаль, и всё вокруг казалось зернистым, как на ретро-фотографии с эффектом сепии. В искусственном свете лица прохожих выглядели радостными.

Рокотов вошёл в гостиницу. В вестибюле стоял неприятный запах, точно так же пахло в коридоре на заводе.

За столом вахтёрши сидел человек в балахоне.

— А где Тамара Георгиевна? — Рокотов подошёл к столу.

Незнакомец поднял голову.

— Господи! — Рокотов отшатнулся.

В глубине капюшона виднелись слои бинтов и жёлто-зелёные радужки на кроваво-белом глазном яблоке. Незнакомец вскочил, пряча забинтованные руки в растянутые рукава, и скрылся

в коридоре первого этажа.

Рокотову стало не по себе, и он поспешил в номер.

***

В дверь постучали. На пороге стояла вахтёрша.

— Чего искал?

— Утром вода в душе была холодная…

— Иногда бывает. Включи, подожди, и горячая пойдёт. Всё?

— Да. Нет. Постойте. Кто этот человек в бинтах? Кажется, я напугал его, хотел извиниться…

— Сын мой, Егорка. Болен он.

— Он тоже работает на заводе?

— С чего взял? — она подозрительно прищурилась.

— Просто… Нет, ничего. Извините. Спокойной ночи.

— Спокойной… — пробурчала она и пошла к лестнице.

Рокотов сидел у окна и смотрел на людей, бредущих в сторону завода. Они представились ему гномами, идущими в чёрные пещеры под большой горой. Он вспомнил, как вместе с Надей читал книгу про гномов и хоббита, и как она звонко смеялась над глупыми троллями. Это было

до болезни, тогда она ещё не разучилась заразительно хохотать, а он не разучился радоваться жизни. Сердце Рокотова сжалось, по щекам потекли слёзы.

***

Утром, проходя через вестибюль, Рокотов задержался у стола вахтёрши. Она нелепо улыбалась, стараясь быть дружелюбной.

— Утро доброе!

— Доброе утро, Тамара Георгиевна. Хотел ещё раз извиниться за то, что напугал вашего сына. Неловко вышло…

— Напугал? А ну да! Запамятовала совсем. Не переживай. Он уже привык. Все приезжие побаиваются его. Как себя чувствуешь?

— В смысле?

— Ну, в первые дни командировочным плохо бывает от воздуха.

— Ммм… — Он удивлённо смотрел в телефон. — А какой сегодня день?

— Шестое июня, понедельник.

— Как шестое?

— Тьфу ты, калоша слепая. Четверг, двадцать девятое мая.

— Вот, скотство, ещё и не ловит. — Он щёлкал

по старенькому кнопочному телефону.

— Сломался?

— Похоже. Ладно, пойду. Егору привет! — Он улыбнулся и пошёл к двери.

У Рокотова хорошо получалось выглядеть человеком, у которого всё в порядке. Посторонние видели в нём лишь неуёмного трудоголика с синяками под глазами, и никто не догадывался о том, что уже больше двух лет болезнь дочери занимает все его мысли, превращая жизнь в нескончаемый кошмар.

***

По дороге к заводу Рокотов всё время оглядывался и принюхивался, он был уверен, что где-то рядом прячется сын вахтёрши, и удушающая вонь, схожая с дёгтем, камфорой и больной плотью, исходит от бинтов Егора. Его глаза прыгали с прохожего на прохожего, шерстили по улицам, скользили вдоль пятиэтажек, но, сколько он не смотрел по сторонам, Егора нигде не видел.

Рокотов чуть не упал, споткнувшись о булыжник на тротуаре, когда в одном из окон пятиэтажки промелькнули бинты. Чутьё подсказывало, что прошмыгнуло в окне что-то неправильное, будто забинтованная фигура была противоесте-

ственно вывернута и двигалась не по законам человеческой анатомии. Забыв о Егоре, Рокотов стал высматривать в окнах домов других мумий, только никто больше не показался.

***

В переплетениях промышленного гиганта Рокотов встретил Шабанова.

— Здарова. — Михаил пожал его руку. — Как настроение? Самочувствие? Готов к работе?

— Всё хорошо, только подташнивает.

— Это нормально! У всех приезжих так, у кого живот, у кого голова. Значит, ещё не привык к воздуху чалгаевскому. Ничего, привыкнешь, — приободрил Шабанов, и они разошлись.

После обеда Рокотов потерял счёт времени, из цеха он вышел, когда на завод прибыла ночная смена. Они кучно переходили из коридора в коридор и удалялись в глубины гудящей громадины. Данил столкнулся с ними в одном из длинных переходов, и не сразу среди рабочих заприметил стариков и детей. Раньше он бы даже не придал этому значения, но вопросов скопилось слишком много, и он не мог игнорировать чалгаевские странности. Никем не замеченный, он примкнул к толпе и пошёл за остальными туда, где висел

сломанный телефон, и стояло зловоние.

Постепенно галдящее шествие редело, люди отделялись от общего потока и уходили в узкие коридоры, примыкающие к главному. Впереди Рокотов заметил Шабанова с женщиной. Они свернули в один из проходов по левой стороне и скрылись за четвёртой дверью. Рокотов, соблюдая дистанцию, последовал за ними.

В большом помещении, разделённом громоздкой металлической конструкцией на два этажа, не было ни станков, ни конвейеров, ни сырья. Внизу столы с компьютерами, стулья, диваны, кресла, стеллажи с книгами, аудио и видеотехника. Наверху — кровати, комоды и шкафы. От невыносимого смрада першило в горле. Рокотов закрыл нос рукавом.

Облик тех, кто здесь жил, заставил Рокотова содрогнуться. Здесь повсюду были уму непостижимые создания.

Недалеко от него стояло худосочное тело с вывернутыми коленями и локтями. На спине громоздились мясистые опухоли, одна из них была огромной головой с ассиметричными прорезями, в которых виднелись жёлто-зелёные радужки глаз на кровавых белках. Чуть ниже хлюпала бесформенная шишка, похожая на расплавленный

нос, ещё ниже тянулась раскрытая расщелина, через неё с хрипом заходил и выходил воздух. Перекособоченное существо с шершавой кожей двинулось навстречу какой-то парочке и обхватило их кривыми конечностями.

Рокотов осторожно подкрался к Шабанову, тот сидел на корточках перед инвалидной коляской. В ней громоздилось нечто с маленькой недоразвитой головой, кожа исполосована глубокими трещинами, сочащимися кроваво-водянистой жижей. Вместо носа — две дырки. Из раскрытого рта текли слюни на недоразвитую грудную клетку. Глазные яблоки с кровавыми сгустками и жёлто-зелёными радужками выпучены. Руки со сросшимися пальцами походили на ласты.

Существо замычало, в испуге ещё сильнее выкатывая глаза. Шабанов обернулся.

Рокотов бросился прочь из логова чудовищ.

— Стой! — закричал Шабанов. — Тебе не убежать!

В коридоре Рокотов наткнулся на вахтёршу с сыном. Рядом с ними стояло нечто на трёх слоновьих конечностях, обросших изломанной корой, образованной сухими твёрдыми бородавками и папилломами. Уродливая тяжёлая броня покрывала почти всё тело, из-за чего оно

сильно деформировалось, и малейшее движение давалось неповоротливому существу с большим трудом. Толстый слой наростов с рогообразными выступами объединял голову и туловище в одно целое. Глубоко внутри одеревенелой массы бегал жёлто-зелёный зрачок, вокруг века небольшой участок смуглой кожи.

И только мужская рука сильно выбивалась из облика твари, будто её отрезали от нормального человека и пришили к трёхногому.

Рокотов мчался без оглядки, оставляя цеха с жуткими обитателями позади. Он вылетел с проходной и направился к автовокзалу. Последний пригородный автобус уехал больше двух часов назад. В Чалгаевск вела одна дорога, здесь же она и заканчивалась. Город был тупиком на карте, рядом с ним не проходили трассы и не курсировали попутки. Рокотов быстро поднимался из низины, окружённой высокими холмами.

Отвратительное зловоние дегтя, камфоры и больной плоти напирало со всех сторон. Запах пропитал футболку, штаны и ветровку, въелся в волосы и кожу, оставалось только терпеть, пока не появится возможность смыть с себя смрад и поменять одежду.

Он поднялся на вершину холма и в последний раз посмотрел на покоившийся под смоляной дымкой Чалгаевск с редкими размытыми огнями. За ним никто не гнался, будто чалгаевцам было всё равно, что он уйдёт и расскажет миру о монстрах, живущих на химзаводе. Рокотов плюнул на город, сошёл с дороги и пошёл прочь.

Ветер на равнине дул в сторону Чалгаевска, приносил чистый воздух. С непривычки у Рокотова закружилась голова, а после перехватило дыхание, будто на голову натянули пакет, и с каждым вдохом в груди становилось больнее. Легкие горели. Идти стало тяжело, словно он преодолевал невидимое сопротивление.

Направление ветра резко переменилось. Рокотова накрыл порыв, насыщенный летучими химикатами. Боль в груди быстро отступила, дыхание восстановилось. Но как только грязь улетела обратно к городу, он снова стал задыхаться, точно рыба на суше. Ужас, как гигантский паук, оплетал сердце тугой паутиной.

Рокотов бросил сумку, вещи в ней будто кирпичи, притягивали к земле. Огонь в груди разрастался, каждый шаг давался с неимоверными усилиями. Из лёгких поднимались кровавые сгустки, он закашлялся, и тёмно-красные капли

брызнули изо рта, окропив одежду и траву под ногами. Преодолев ещё несколько метров на полусогнутых ногах, Рокотов упал.

На горизонте виднелись луна и звёзды.

— Надя, — прошептал он и пополз.

Булькающие хрипы Рокотова разбавляли ночную тишину, смешиваясь со стрёкотом сверчков. Он схватился за стебли полыни, подтянулся к кусту и замер.

***

Рокотов открыл глаза. Над ним простирался белый потолок с жужжащими лампами-трубками.

— Проснулся! — закричал рядом женский голос и, удаляясь, застучали каблуки.

В распахнутую дверь вошёл высокий мужчина и хрупкая женщина, оба в белых халатах.

— Как себя чувствуете? — спросил незнакомец.

— Где я?

— В больнице. Я ваш лечащий врач Гордеев Андрей Васильевич. Вы помните, что произошло?

Рокотов задумался и испуганными глазами просмотрел на врача.

— Вас нашли без сознания.

— Помню, задыхался. Поганый Чалгаевск отравил меня.

— Да, и благодаря ему вы до сих пор живы.

— Что?!

— Разве вы не поняли? Вы в чалгаевской городской больнице.

— Нет! — Рокотов дёрнулся, но не смог подняться с кровати. Под одеялом его держали ремни. — Какого чёрта?!

— Успокойтесь! Это всего лишь меры предосторожности, ради вашей же безопасности.

В палату вошёл сгорбленный старик, похожий на чёрствый сухарь. На нём был коричневый костюм цвета смога над Чалгаевском. Его макушку покрывали жиденькие седые волосёнки, точно пушок на голове новорождённого. Он пристально смотрел на Рокотова поверх очков.

— Здравствуйте! Будем знакомы, Кирилл Филиппович Алексеев, директор чалгаевского химзавода, — представился он трескучим голосом. — Должен признаться, это по моей вине. Все тут остаются по моей вине…

— Отвяжите меня! — щёки Рокотова залил багровый румянец, гнев вытеснил вспыхнувший в начале страх.

Он метал яростные взгляды на собравшихся у его кровати.

— Не ругайтесь! Выслушайте!

— Отвяжите! Сволочи! Нелюди!

Кирилл Филиппович кивнул врачу. Гордеев достал из кармана шприц.

— Только попробуй, сволочь!

— Это успокоит вас, но спать вы не будете, — Андрей Васильевич снял с иглы колпачок и вколол лекарство Рокотову в плечо.

— Думаете, никто не узнает, что вы на заводе прячете?! Ещё как узнают! — не успокаивался он. — Уж я обещаю!

Постепенно искривлённое гневом лицо Рокотова разгладилось, и он притих.

— Так лучше. — Алексеев сел на край кровати. — Столько раз рассказывал новеньким одно и то же, и всё равно не знаю с чего начать, — посетовал директор. — Данил, послушайте, чалгаевцы не могут жить без промышленных отходов с завода. Ядовитые выбросы нам жизненно необходимы, как вода и еда. Чистый воздух смертелен для нас, как вы уже поняли. Мы все отравлены. Только у одних изменения невидимы, а другие теряют человеческий облик. Вам ещё о многом предстоит узнать.

— Я отравился за три дня? — блекло прозвучал голос Рокотова.

— Вы здесь дольше трёх дней.

— Сколько?

— Около двух недель.

Рокотов тяжело вздохнул, на большее он был не способен, все эмоции подавляло успокоительное.

— Да и за месяц вы бы не отравились, — продолжил Алексеев, — нужно прожить здесь несколько лет, чтобы стать зависимым от Чалгаевска. Поэтому мы ускорили процесс. После вашего первого рабочего дня, мы продлили ваш сон на несколько суток, и всё это время вы находились под воздействием веществ, способных необратимо менять клетки организма.

— Зачем?

— Нашему заводу нужны рабочие, а городу — жители. У вас нет выбора, вы никогда не сможете уехать из Чалгаевска. И ещё, подумайте о дочери. Да, я знаю, — ответил он на вопросительный взгляд Рокотова. — Уверяю вас, если она сюда переедет, ей не нужна будет операция. Клетки её организма перестроятся, начнут работать по-новому, болезнь отступит. Это прогнозы наших специалистов.

Если вы согласитесь, уже завтра наши друзья в «большом мире» привезут её сюда. Вы же не думаете, что Валентина оставит девочку у себя? Как

только ваша свояченица узнает, что вы не вернётесь, она отправит Надю в интернат, а там с её диагнозом она долго не протянет.

— А здесь будет жить на заводе с монстрами?

— Если повезёт, то изменения будут незаметны, как у меня или Андрея Васильевича, а если нет, поселится на заводе, там у неё будет много друзей. Но самое главное: она не умрёт.

— Что за жизнь в цехах? Это скорее пожизненное заключение.

— Наши близкие так не думают, у них есть выбор, и они выбирают жизнь. Да, их дом — завод, потому что мы хотим защитить родных. Нельзя, чтобы приезжие видели их, а в те цеха посторонние никогда не попадут.

— Я попал.

— Только потому, что мы решили вас здесь оставить.

— А вы не боитесь, что я выдам вашу тайну? И там, как вы говорите, в «большом мире», узнают, кто живёт на химзаводе.

— Не боюсь. У вас нет выбора. Я знаю, как сильно вы любите свою дочь. Пока вы спали, я переписывался с ней от вашего имени, и ещё раз убедился: вы не позволите ей умереть. Мы снова сделали правильный выбор, — Алексеев встал

с кровати, махнул рукой Гордееву и оба вышли из палаты.

Рокотов задумался, уставившись в потолок.

***

Рокотов больше не выходил на улицу днём, только когда стемнеет. Носил мешковатую одежду, под которой прятал слои бинтов. Избегал солнца, главного врага всех, кто здесь жил, особенно таких подверженных, как он. Ультрафиолетовые лучи ускоряли необратимые изменения — ещё одна причина, по которой трубы чалгаевского завода старательно пыхтели и днём, и ночью, спасая жителей от дневного света.

Кожа Рокотова источала сильный неприятный запах — главный признак быстро протекающих изменений. Первое время его рвало от зловония, следующего за ним повсюду. Постепенно он привык и перестал обращать внимание на вонь, пропитавшую одежду и квартиру.

С улицы донёсся шум и крики. Рокотов выглянул в окно на кухне. Во дворе стоял грузовик, рядом с ним вертелись суетливые, юркие парни в синих комбинезонах — выгружали мебель, стараясь быстрее выполнить работу. За ними с тоской в глазах наблюдал грузный мужчина,

его миниатюрная жена нехотя шла к подъезду, вокруг неё крутились двое малолетних детей.

«Они снова сделали правильный выбор», — вспомнил Рокотов Алексеева, глядя на обречённые лица новых соседей.

— Надя, идём скорей! Опоздаешь! — Рокотов позвал дочь, отходя от окна.

— Сейчас. — В коридоре послышались торопливые шаги. На пороге кухни появилась симпатичная девчушка с большими синими глазами и улыбкой, которая наполняла сердце Рокотова счастьем. — Оладушки!

— Садись, — сказал он, наливая какао. — Сколько сегодня уроков?

— Пять.

— Потом музыкалка?

— Угу, — она запихала в рот оладушек, вымазанный абрикосовым вареньем.

Рокотов погладил дочь по голове перебинтованной рукой и поцеловал в макушку.

Надя полюбила Чалгаевск в отличие от отца. Уже в первую неделю пребывания здесь её сильные боли притупились и постепенно ослабевали, а через год полностью исчезли. Болезнь отступила. Надя росла и хорошела.

Рокотов каждый день молился, чтобы уродства

никогда не проявились во внешности дочери. Сам он готов был переехать на химзавод, когда больше не сможет скрывать безобразного облика, но не перенесёт, если Наденьке придётся жить в цехах с другими монстрами. Чалгаевск, который нельзя покинуть, он и так считал тюрьмой. А для Нади город был самым прекрасным местом на Земле, и после долгих страданий в «большом мире», она ни за что не уехала бы из Чалгаевска, даже если бы воздух не держал её.

На ритуале «Йа, Шуб-Ниггурат!» выкрикивали (Об авторах)

Алекс Лоренц

Родился в Брянске в 1987 году.

С 2019 по 2023 — постоянный автор-публицист вебзина «Darker», с 2020 по 2023 — также редактор музыкального раздела. С 2021 по 2023 — участник редколлегии иллюстрированного печатного хоррор-альманаха «Fantomas».

Автор романов ужасов «1994», «Соня», «Техотдел», «Старик». Рассказы публиковались в периодических изданиях («Fantomas», книжный ежегодник «Происхождение мрака»), в авторском сборнике «Собаня». В 2023 году в инди-издательстве «Fantomas» вышла отдельной книгой с иллюстрациями повесть «Щань».

Алекс Лоренц путешествует по глухим и обезлюдевшим уголкам Брянского края, ведет об этом публичную группу «ВК» и YouTube-канал под общим названием «Брянское захолустье».

Ссылки:

1) Группа автора в «ВКонтакте»:

https://vk.com/alexlorenzofficial

Александр Лещенко

Родился в 20-ом веке, тогда же и начал писать. Однако серьёзно писательством увлёкся только в веке 21-ом. С 2016-го года участвует в различных сетевых конкурсах: «Чёртова Дюжина», «ФантЛабораторная Работа», «Астра-Блиц»; их — легион.

Любимые авторы: Стивен Кинг, Эдгар По, Говард Лавкрафт, Ричард Лаймон; всех не перечислишь. Предпочитает писать хоррор, но не чурается и других жанров, например, таких, как фантастика и юмор.

Публиковался в антологиях: «Звёзды не для нас», «Генератор Страхов», «Адское шоссе», «Готика»; и это далеко не всё. Редактор-составитель серии антологий «Фантастический Калейдоскоп».

Основное кредо автора: «Развлекаться во время творческого процесса и развлекать других результатами творчества».

Ссылки:

1) Группа автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/dm_dark_mansion

2) Страница автора на сайте «Автор. Тудей»:

https://author.today/u/dmblackgold

3) Страница автора на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/autor73972

Андрей Каминский

Пишет давно, но, в основном, это сетевые публикации. Сферы интересов: темное фэнтези, хоррор, эротика, альтернативная и реальная история.

Любимые авторы: Роберт Говард, Кларк Эштон Смит, Говард Филлипс Лавкрафт, Уилбур Смит, Андрей Дашков.

Есть фанатский сборник рассказов по вселенной Хайборийской эры. Написан по итогам участия в конкурсах, посвященных Хайборийской эре на сайте «Хайборийский мир». Там же принимал участие в нескольких хоррор-конкурсах.

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Author. Today»:
https://author.today/u/ostgot061

2) Страница сборника рассказов по вселенной Хайборийской эры на сайте «Лаборатория Фантастики»:

https://fantlab.ru/work975021

Вадим Вербицкий

Автор малой прозы. В своем творчестве отдает предпочтение макабрическому жанру, хоррору, мистике и мрачному сюрреализму, черпая вдохновение в произведениях любимых авторов и просто спонтанных мрачных настроениях. В число избранных вдохновителей входят: Г. Уэллс, Р. И. Говард, Г. Ф. Лавкрафт, К. Э. Смит и др.

Родился и проживает в г. Одесса, в Украине. В 2004 г. окончил Одесский национальный университет. Любимые занятия — проводить время с семьей, читать художественную литературу и писать собственные сочинения.

Первые пробы пера начались в 2016 г., затем последовал ряд публикаций в нескольких периодиках и антологиях.

Вадим Громов

Российский писатель-фантаст, работающий преимущественно в жанре хоррора, автор книг для детей. Родился в пгт. Коммунар, Ленинградской области, Гатчинского района. Среди любимых писателей: Александр Бушков, А. П. Чехов, Роберт Маккаммон, Стивен Кинг и многие другие. Попытки писать предпринимались авто-

ром ещё в середине 1990-х годов.

Дебютный роман «Искалеченный мир» вышел в 2013 году в серии «Форпост» издательства «АСТ». В 2015 году в серии «Прикольный детектив» вышла сказка для детей «Дело о пропавшей короне».

С 2014 года автор участвует в отборе «Самая страшная книга». Один из рассказов, «Маргарита», вошёл в сборник «Самая страшная книга 2015».

Ссылки:

1) Страница автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/id94387431

2) Страница автора на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/autor35644

Валерий Цуркан

Публиковался в сборниках «Звезды Внеземелья», «Пиастры», «Аэлита», в журналах «Искатель», «Знание — сила. Фантастика», «Очевидное и невероятное», «Химия и Жизнь».

Победитель конкурсов «Время новых пороков», «Буйная фантазия», юмористической фантастики имени Ильи Варшавского «Молекулярное ка-

фе — 2011».

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Автор. Тудей»: https://author.today/u/valeracurkan

Влад Волков

Писатель, поэт, философ.

Пишет прозу и стихотворения в жанрах ужасов, мистики, фэнтези, фантастики. Предпочтение отдаёт «лавкрафтовской» тематике. В сфере интересов также мифология, криптозоология, конспирология. В хорроре предпочитает изучать первобытный страх человека перед неведомым и непознанным, дикой природой, её тайнами и загадками, но также в своих произведениях обращается и к устоявшимся архетипичным образам.

Публиковался в сериях «Из России с ужасами» (Хоррорскоп), «К западу от октября», «Классики и современники» (МСРП) и других.

Георгий Акбаа

Писатель и блогер, работающий в разнообразных жанрах. Автор множества статей по темам от оккультизма до анализа литературных героев и рецензий. Исследователь «Мифов Ктулху».

Администратор сообщества «Мифы Ктулху. Говард Филлипс Лавкрафт». Соавтор бестселлера, артбука-энциклопедии в трех томах «Миры Говарда Филлипса Лавкрафта».

Ссылки:

1) Сообщество «Мифы Ктулху. Говард Филлипс Лавкрафт» в «ВКонтакте»:
https://vk.com/lovecraft_mif

2) Блог автора:
https://gagbaa.wordpress.com/

Даниил Лукьянченко
Начал писать 3,5 года назад. Первое время опирался на творчество Говарда Лавкрафта, позже стал вдохновляться Эдгаром По и Стивеном Кингом.
Два рассказа были напечатаны в сборниках издательства «Перископ-Волга».

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Author.Today»:
https://author.today/u/danikluk591

Дарья Равина
Писатель, поэт, культуролог.
Словоблудием баловалась с ранних лет: сочи-

няла стихи, фанфики, придумала собственную Вселенную и пыталась написать роман в трёх частях, но не хватило терпения. Серьёзно занялась творчеством в 2020 году, когда бушевала пандемия коронавируса и по всей стране вводились ограничения передвижения.

Всегда любила космическую фантастику, морские приключения и загадочные, иррациональные истории. Увлечение творчеством Говарда Филлипса Лавкрафта началось с рассказа «Дагон». Впоследствии были найдены вдохновители и последователи писателя, многие из которых теперь также горячо любимы.

Евгения Юрова

В раннем детстве постоянно устно перекраивала ненравящиеся сюжеты; первые сказки наподобие анималистического фэнтези про лис написывала в начальной школе. В совершеннолетнем состоянии года четыре работала книжным рецензентом (читай, инквизитором) в журнале «Мир фантастики». Окончательно обнаглев, начала понемногу присылать графоманию на конкурсы, причем каким-то чудом победила при первой попытке.

Публикации:

1) Сборник «Малеевка-Интерпресскон» за 2019-

ый год («Сказка торговки сладостями»); 2) Журнал «Химия и жизнь», проект «Полвека тому вперед» («Хьюманисты и универсалисты»); 3) Сборники «Механическое чудо» («Нашел!») и «Все оттенки черного» («Гуманист»).

Молится на Лавкрафта, Пу Сун-Лина, мифологов Мишеля Пастуро и Александру Баркову, весьма уважает Туве Янссон, Харуки Мураками и Макса Фрая.

Елена Калугина

Родилась 3.02.1961 г. в г. Новосибирске в семье музыкантов. В 1985 г. окончила Новосибирский электротехнический институт связи, получила дополнительное образование по специальности «Журналистика». Работала с 17 лет на должностях от лаборанта до финансового директора.

В 2011 г. уехала на Алтай, в глухую деревеньку. Начала писать прозу, в основном, реалистическую.

Вдова, есть взрослая дочь и внуки.

С 2011 г. — автор электронного журнала «Самиздат» и портала «Проза.ру».

Победитель, призёр и член жюри сетевых литературных конкурсов.

С 2012 г. рассказы и очерки публикуются в газетах и журналах — «Воин России», «Странник»,

«Машины и механизмы», «Южный берег».

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Самиздат»:
http://samlib.ru/l/lena_kalugina/

2) Страница автора на сайте «Проза.ру»:
http://www.proza.ru/avtor/elenagur

Максим Кабир
Писатель, поэт.
Автор книг «Мухи», «Скелеты», «Клювы», «Век кошмаров», и других романов и авторских сборников.

Ссылки:

1) Страница автора на сайте интернет-магазина «ЛитРес»:
https://www.litres.ru/maksim-kabir/

Маргарет Руан
Автор темного фэнтези и хоррора — начала писать рассказы в 2018 году. Участвовала в конкурсах «Бумажный слон», конкурс хорроров от Литрес и «Потец». Рассказ «Волки» дважды выходил в шорт-лист и был озвучен. Рассказ «Бабочка должна быть за стеклом» занял третье призовое место. Недавно закончила вторую

книгу.

Ссылки:

1) Группа автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/margaretruan

2) Страница автора на сайте «Литмаркет»:
https://litmarket.ru/margaret-ruan-p56731

Марина Румянцева

Меланхоличный автор рассказов, стихов и рисунков. В её произведениях живут подлецы и фатализм. Иногда маньяки и розовые пони.

Циник, педант и остров упорядоченности. В 2017 году впервые участвует в конкурсе «ФантЛабораторная работа». Призёр, финалист и участник множества литературных конкурсов.

Также Марина Румянцева — иллюстратор серии «Фантастический Калейдоскоп».

Рассказы автора можно найти в изданиях от «Хоррорскопа», в крафтовом журнале «Рассказы», в серии «Фантастический Калейдоскоп», сборниках «Перископ-Волга», «К западу от октября» и прочая, прочая.

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Автор. Тудей»:

https://author.today/u/rozamimozza

2) Страница автора на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/autor80486

Павел Рязанцев
Пишет с 2010 г.
С 2020 года ведёт авторское сообщество в «ВК» «Кладбище мыслей и чувств». Есть публикации на площадках самиздата.
Жанры: мистика, ужасы, городское фэнтези, фантастика.
Любимые авторы: Г. Ф. Лавкрафт, К. Баркер.
Книги:
Проза — «Разговоры с живым мертвецом» (2022), «Осколки мориона» (2023); поэзия — «Культ Токсичных Отношений» (2023), «49» (2023); в соавторстве — «В тени восходящего солнца» (2022); в антологиях — «Хайку из бездны» (изд. Horrorscope), «Я иду искать» (изд. Перископ-Волга, 2023).
Конкурсы:
«Чёртова дюжина-2022», «В одном чёрном-чёрном городе» (Литрес, лонг-лист), «Новая Фантастика-2023, «Трансильвания 2023» (лонг-лист) и др.

Член «Клуба любителей ужасов и мистики» (под эгидой серии «Самая страшная книга»).

Ссылки:

1) Группа автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/club194407054

Светлана Ремельгас
Пишет на стыке мистики, тёмного фэнтези и магического реализма. Иногда экспериментирует в других жанрах.

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Самиздат»:
http://samlib.ru/editors/r/remelxgas_s/

Наши книги

Генератор Страхов
(антология рассказов тёмных жанров)

Это путешествие в непредсказуемый и опасный мир, где за каждым поворотом могут таиться чудовища.

Проклятая книга, которая убивает всех, кто заглянет в её конец, не прочитав перед этим всё остальное. Странный город, населённый страшными существами, где кошмары становятся явью. Мать, желающая принести в жертву дочь. Живой астероид, который жаждет поглотить неосторожных исследователей.

А также: злобные хомячки, правительственные эксперименты, жуткие чудовища, психи в космосе и многое другое. Всё это живет и ждет, убивает и умирает на страницах «Генератора Страхов».

Шёпот грёз безумных
(антология микрорассказов тёмных жанров)

О чём могут шептать безумные грёзы?

О разном. Они могут рассказать о женщине, спасающей своего ребёнка от страшной твари.

Или о фотографиях, которые можно использовать для убийства. О растении-паразите, уничтожившем целую семью.

Не отворачивайтесь, не затыкайте уши. Шёпот уже у вас в голове. Девушка, в груди которой сдох сверчок. Воющая стая ночных собак. Дерево-людоед. Тварь из-подо льда. Призрачный кот.

Ктулху фхтагн!

(антология рассказов «лавкрафтовского» хоррора)

Говард Лавкрафт — классик литературы ужасов.

У него множество почитателей и последователей по всему миру, в том числе и русскоязычных. Их истории и представлены в двух томах антологии.

Здесь можно встретить как стилизации «под Лавкрафта», так и рассказы, вдохновлённые его творчеством. Есть и самостоятельные произведения, герои которых сталкиваются с неведомым. Богохульные книги, отвратительные монстры, мерзкие ритуалы, сумасшедшие культисты и много щупалец.

Ктулху фхтагн!

Механическая осень

(антология рассказов фантастических жанров)

Антология фантастических рассказов, объединённых двумя главными темами: «Роботы» и «Осень». Поэтому не стоит удивляться, встретив на его страницах призраков в парке или роботов, живущих на руинах человечества.

Однако третья тема антологии — «Сводная».

Так что здесь найдётся место и «лавкрафтовскому» боевику, и «виртуальному» детективу, и фэнтези, и мистике, и даже биопанку. И не только этому.

Ссылки

1) Группа серии «Фантастический Калейдоскоп» в «ВКонтакте»:
https://vk.com/dm_fk

2) Страница серии на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/work1518982